

PG 3476.A327C5

Chortovfi most

cen

3 0081 001 041 130

JOINT UNIVERSITY
LIBRARIES

NASHVILLE, TENNESSEE

PG
3476
.A327
C5

728905

Date Due

RETURNED
F 9 AUG 1962

AUG 23 1988

DEC 9 3 1508

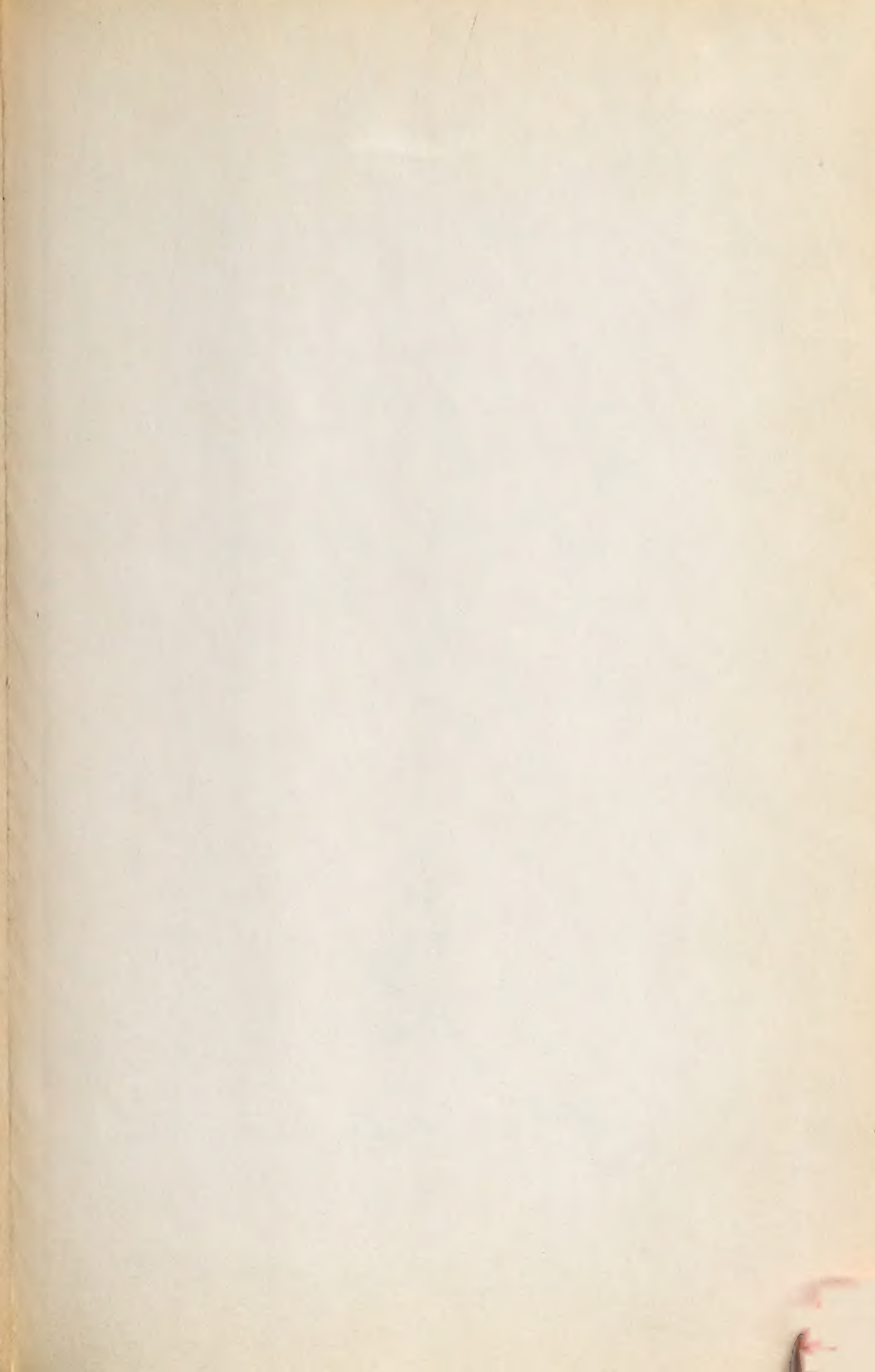
DEF 6.11.19

DEC 23 1988

RECEIVED

~~OCT 20 1995~~

1995

1904

1905

1906

Mark Aleksandrovich Aldanov

М. А. АЛДАНОВЪ

31-55

ЧОРТОВЪ МОСТЪ

1 9 2 5

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СЛОВО“

Alle Rechte vorbehalten.
Copyright 1925 by M. A. Aldanow, Berlin.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Историческая серія «Мыслитель», по первоначальному моему замыслу, должна была состоять изъ трехъ романовъ. Первый изъ нихъ «Девятое Термидора» и заключительный «Святая Елена, маленькій островъ» появились въ 1920—1923 г. г. Центральная же часть серіи, охватывающая послѣдній періодъ Французской революціи и царствованіе Павла I, разбита мною на двѣ книги (вторая скоро послѣдуетъ за «Чортовымъ Мостомъ»). Онѣ особенно тѣсно связаны между собой, — мнѣ очень досадно, что я не могу одновременно предложить вниманію читателей всю серію.

Въ чисто-историческомъ отношеніи «Чортовъ Мостъ» потребовалъ большихъ трудовъ, чѣмъ «Девятое Термидора» или «Святая Елена». Научная литература событій, затронутыхъ въ настоящей книгѣ, количественно такъ же обширна, но качественно неизмѣримо ниже. Въ особенности не посчастливилось въ этомъ отношеніи Неаполитанской революціи: какъ нарочно, ея спеціально занимались главнымъ образомъ бездарные или недобросовѣстные историки (есть, впрочемъ, нѣсколько исключеній). Свидѣтельства очевидцевъ той эпохи приходилось также принимать съ большою осторожностью. Много неясностей заключаетъ въ себѣ и исторія Суворовскаго похода.*) Специалисты замѣтятъ, что въ

*) Весьма цѣнныя указанія и совѣты любезно давалъ мнѣ ген. Н. Н. Головинъ, сочетающій всѣмъ извѣстныя боевыя заслуги съ исключительными познаніями въ военной исторіи.

исторической части романа не очень принять во вниманіе рассказъ Грязева. Источникъ этотъ, по моему, мало достовѣренъ, несмотря на нѣкоторую видимость правдоподобія, которую даютъ ему записка Венанкура и дневникъ полковника Вейротера (лишь сравнительно недавно опубликованный Гюфферомъ и остававшійся неизвѣстнымъ громадному большинству историковъ). Подлинныя донесенія ген. Лекурба Массенѣ, хранящіяся въ архивѣ французскаго Военнаго Министерства, не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что Грязевъ очень многого не видѣлъ.

Позволю себѣ еще одно замѣчаніе. Критики (особенно иностранные), даже весьма благосклонно принявшіе мои романы, ставили мнѣ въ упрекъ то, что я преувеличиваю сходство событій конца 18-го вѣка съ нынѣшними (какъ курьезъ отмѣчу, что два критика указали, съ кого именно изъ современныхъ политическихъ дѣятелей я писалъ Питта, Таллейрана, Робеспьера и т. д.). По совѣсти я не могу согласиться съ этимъ упрекомъ. Я не историкъ, — однако извращеніемъ историческихъ фигуръ и событій нельзя заниматься и романисту. Питта я писалъ съ Питта, Таллейрана — съ Таллейрана и никакихъ аналогій не выдумывалъ. Эпоха, взятая въ серіи «Мыслитель», потому вѣроятно и интересна, что оттуда пошло почти все, занимающее людей нашего времени. Нѣкоторые страницы историческаго романа могутъ казаться отзвукомъ недавнихъ событій. Но писатель не несетъ отвѣтственности за повторенія и длинноты исторіи.

Авторъ.

St. Gothard Hospiz.

Августъ 1925 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Поручикъ Юлій Штааль вошелъ въ кордегардію и расположился на дежурство. Отстегнулъ шпагу, хоть это не полагалось, и положилъ ее на табуретъ, потянулся, зѣвнулъ. Подошелъ къ окну, — за окномъ не было ничего интереснаго, — поискалъ глазами зеркало, — зеркала въ кордегардіи не имѣлось. Усѣлся поудобнѣе въ жесткое кресло съ изодранной ситцевой обшивкой, изъ подъ которой лѣзло что-то сѣрое, грязное, и разстегнулъ мундиръ, подбитый не саржею, а полусукномъ: поручикъ былъ одѣтъ по модѣ; подъ мундиромъ носилъ жилетъ, шитый по канифасу разноцвѣтными шелками; а рубашка на немъ была англійская шемиза въ узенькую полоску, съ тремя пуговицами.

Вынулъ изъ кармана тетрадки газетъ и началъ читать съ объявленій. «По Сергіевской подъ номеромъ 1617 продается сѣрой попугай, который говорить по-русски и по-французски и хохочетъ, а также газетовая съ собольей опушкой епанечка за 170 рублей»... — Дорого... «Въ Бецковомъ домѣ отдаются покои для дворянства, съ драгоцѣнными мебельями, безъ клоповъ и протчихъ насѣкомыхъ»... —

Не требуется... То есть, пожалуй, и требуется, да не по карману... «Нѣкоторой слѣпой желаетъ опредѣлиться въ господскій домъ для разсказыванія давнихъ былей и разныхъ исторій, съ повѣстями и удивительными приключеніями, спросить на Бугоркѣ въ домѣ купца Опарина»... — Богъ съ нимъ, съ нѣкоторымъ слѣпымъ... «Продажная за излишествомъ славная дѣвка, 18 лѣтъ, знающая чесать волосы, равно и пятки, всему нужному обучена, шьетъ въ тамбуръ и золотомъ, и собою очень хороша, во увѣреніе же отдается покупателю на три дни разсмотрѣть, о которой на Петербургской сторонѣ близъ Сытнаго Рынку, противъ Пискунова питейнаго дому, на углу спросить дворника Сендюкова»... Штааль задумался. Онъ собственно не собирался покупать дѣвку, но довольно долго воображалъ, какова славная дѣвка собою, и не взять ли ее въ самомъ дѣлѣ на три дни разсмотрѣть, а тамъ видно будетъ? На случай записалъ длинный адресъ. Затѣмъ прочелъ объ изобрѣтателѣ, который за пять рублей дѣлалъ изъ кошки танцмейстера и училъ ее писать на четырехъ языкахъ... — «Фу, какой вздоръ!..»

Поручикъ бросилъ газету и развернулъ другую — нѣмецкую, серьезную: *Berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen*. Какъ человѣкъ образованный, онъ слѣдилъ за политикой по иностраннымъ вѣдомостямъ. Полюбовался виньеткой, — на ней были изображены два подпоясанныхъ вѣнками бородатыхъ человѣка съ дубинами. — что за люди? — пробѣжалъ отдѣлъ *Publicandum*, — очень ужъ мелкая печать, читать скучно. — просмотрѣлъ политическія новости... Триполійскій паша объявилъ войну императору, неаполитанскому королю и еще другимъ монархамъ... Генераль Буонапарте одержалъ надъ Вюрмсеромъ новую викторію... Газета писала осторожно, но по всему видно было, что викторія настоящая, — однихъ плѣнныхъ 1.100 чело-

вѣкъ и взято пять пушекъ. Генераль сурьезный. Штааль почувствовалъ досаду, читая о побѣдѣ карманьольщиковъ; особенно было досадно, что генераль съ трудной фамиліей очень молодъ, всего на четыре года старше его, Штаала. Поручикъ было нахмурился, но ему не хотѣлось настраиваться дурно. Онъ опять подошелъ къ окну: по улицѣ проходилъ отрядъ солдатъ въ походной амуниціи. Солдаты шли не въ ногу и нестройно; сзади на дрожкахъ, называемыхъ гитарой, ѣхалъ офицеръ,—дисциплина и форма въ Екатерининскія времена соблюдалась очень не строго. Штааль подумалъ, что отрядъ вѣрно идетъ на сѣверъ; поговаривали о новой войнѣ съ Швеціей. Ему захотѣлось, чтобы началась война, — ужъ очень надобно тянуть лямку, — но не со Швеціей: кому это интересно?—а настоящая война, съ французами, подъ начальствомъ фельдмаршала Суворова. Только такъ и можно сдѣлать карьеру.

Поручикъ зѣвнулъ, открылъ окно, хотя ноябрь былъ довольно холодный; морщась и зажавъ ротъ, далеко высунулся на-бокъ, чтобы увидѣть, не ѣдетъ ли карета Баратаева. Кареты не было видно. По противоположной сторонѣ улицы шла — не то дама, не то же н щ и н а,—онъ не могъ издалека разобрать. Оказалась дама, но некрасивая, и Штааль почувствовалъ то наивное разочарованіе, которое въ такихъ случаяхъ испытываютъ мужчины. Онъ закрылъ окно, вздохнулъ, вернулся къ своему креслу, затѣмъ лѣниво потянулся къ полкѣ надъ кресломъ, на которой отъ прежнихъ дежуретвъ остались пустыя бутылки, да еще лежало въ беспорядкѣ нѣсколько книгъ—библіотека кордегардіи, предназначавшаяся для развлечения дежурныхъ офицеровъ. Онъ сталъ просматривать книги одну за другой. «Несчастные любовники, или истинныя приключенія графа Коминжа, наполненныя событій весьма жалостныхъ и нѣжныхъ сердца чрезвычайно трогая-

щихъ»... «Новоявленный вѣдунъ, повѣдающій гаданія духовъ; невинное упражненіе во время скуки для людей, не хотящихъ лучшимъ заниматься»... «Путешествій Гулливеровыхъ 4 части, содержащія въ себѣ путешествіе въ Броднягу, въ Лапуту, въ Бальнибары, въ Глубдубриду, въ Лутнагу, въ Японію и въ Гуингмскую страну»... Нѣтъ, рѣшительно ему не хотѣлось читать. А вѣдь когда-то читалъ запоемъ.

Штаалю ненадолго, на минуту, стало жаль прошлаго времени: и жизнь въ шкловскомъ училищѣ, и первый пріѣздъ въ Петербургъ, и даже приключенія въ революціонномъ Парижѣ теперь въ воспоминаніи казались ему радостными и забавными. Военная служба, на которую онъ поступилъ по возвращеніи въ Россію, скоро надоѣла молодому человѣку. Красивый конногвардейскій мундиръ радовалъ его сердце только два дня; на третій день онъ привыкъ, а дисциплина, хоть и легкая, его тяготила. «День занимаетъ служба, — гдѣ ужъ тутъ читать книги? Да и денегъ лишниихъ нѣтъ для покупки книгъ»... Денегъ у него было дѣйствительно немного. Между тѣмъ Штаалю не хотѣлось богатства, ему было нужно богатство. Другимъ оно не было нужно или, во всякомъ случаѣ, значительно меньше. «Зачѣмъ старому дураку Александру Сергѣевичу Строганову его дворецъ и земли? Зачѣмъ груди золота графу Безбородко?»

Штааль задумался о томъ, какъ бы самъ онъ жилъ, еслибъ былъ богачемъ. Имѣлъ бы домъ въ Петербургѣ,—да вотъ, хорошо купить Строгановскій дворецъ на Невскомъ, — имѣлъ бы дачу по Петергофской дорогѣ, имѣлъ бы, разумѣется, подмосковную (ему нравилось это слово). Были бы у него десятки красивыхъ дѣвушекъ, — управляющій подбиралъ бы изъ крѣпостныхъ... или нѣтъ, подбиралъ бы лучше онъ самъ. И, разумѣется, немедленно вы-

купить бы Настеньку у Баратаева. Завелъ бы свой театръ, — Настенька была-бъ у него первой актеркой... «Да... только на мои средства Строгановскаго дома не купишь... Смерть надоѣла бѣдность... И надеждъ на богатство не видно. Въ мирное время карьеръ у насъ можно сдѣлать только однимъ способомъ»... Штааль вдругъ улыбнулся, вспомнивъ, какъ великій князь Константинъ Павловичъ, не очень давно, нечаянно въ Таврическомъ дворцѣ засталъ врасплохъ государыню съ молоденькимъ графомъ Валерьяномъ Зубовымъ. Это приключеніе очень забавляло пятнадцатилѣтняго великаго князя и онъ рассказывалъ о немъ съ разными подробностями всякому, кто желалъ слушать (а слушать желали многіе): «Бабушка-то, бабушка!» — повторялъ съ хохотомъ великій князь, — «что-то скажетъ о братцѣ Платонъ Александровичъ, а? Никто, какъ свой»... Штааль улыбался, вспоминая рассказъ взыблшнаго великаго князя, завидовалъ Валерьяну Зубову (бѣдный, каково ему теперь безъ ноги!) и вмѣстѣ удивлялся, представляя себѣ 67-лѣтнюю государыню: «Какъ онъ можетъ? Я не могъ бы! Опять же, какъ благороднымъ путемъ выйти въ люди? Честно служить, честно жениться, быть вѣрнымъ женѣ, дослужиться въ 50 лѣтъ до генеральскаго чина, — слуга покорный, такъ въ скукѣ прожить хорошо для нѣмца... Да... А чудакъ однако этотъ Баратаевъ... Не поймешь его... Розенкрейцеръ, что-ли, или фармазонъ? Революцію ненавидить, но государыню тоже, кажется, не жалуется... Алхимистъ... И какъ онъ смѣшно говорить, когда по русски: при Елизаветѣ Петровнѣ такъ говорили или при Петрѣ... А Настенька ужасъ, какъ мила... Живетъ онъ съ ней или не живетъ? Не иначе, какъ живетъ. А можетъ быть, нѣтъ?»

Онъ почувствовалъ, что по уши влюбленъ въ Настеньку и что его мучить ревность. Настенька

была артистка домашняго театра Николая Николаевича Баратаева. На театрѣ этого богатаго барина долженъ былъ играть вмѣстѣ съ другими молодыми людьми и самъ Штааль, который какъ разъ подыскивалъ для себя піесу съ подходящей ролью. Ему особенно нравилась роль донъ-Альфонсо, вельможи гишпанскаго, въ слезной драммѣ Хераскова «Гонимые». Онъ еще разъ хотѣлъ въ этотъ день просить Баратаева поставить у себя на театрѣ слезную драмму «Гонимые», съ тѣмъ, разумѣется, чтобы Зеилу играла Настенька. Штааль зналъ драму почти наизусть и нѣкоторыхъ трогательныхъ сценъ у пещеры на необитаемомъ островѣ не могъ вспомнить безъ слезъ: особенно ту изъ нихъ, гдѣ донъ-Альфонсо, вельможа гишпанскій, кричалъ Зеилѣ: «И ты моего злодѣя дочерью учинилась!»... Молодой человѣкъ представлялъ себѣ, какъ Настенька съ распущенными волосами приходитъ въ безпамятство и какъ онъ обнимаетъ ея колѣни съ крикомъ: «Убійца, смотри на плоды твоей свирѣпости!»...

Обожженный мыслью о колѣняхъ Зеилы, Штааль снова поднялся съ кресла и прошелся по комнатѣ. «Да, для этого можно прослушать весь вздоръ алхимиста. Потащить въ лабораторію, пойду въ лабораторію. Философическій камень, такъ философическій камень»... Штааль почувствовалъ, что его заливаєтъ неудержимая радость. Онъ швырнулъ книгу на полъ и неожиданно сдѣлалъ нѣсколько па изъ минавета а-ла-ренъ, напѣвая несовсѣмъ вѣрно:

Ты скажи, моя прекрасна,
Что я долженъ ожидать?

II

«Пади, пади!»... — раздался съ улицы крикъ на отчаянно-высокой нотѣ (мальчиковъ-форейтеровъ съ высокими голосами, наводившими испугъ — не случилось ли несчастья? — очень цѣнили владѣльцы богатыхъ экипажей). Доски, которыми была выстлана улица, затрепали. Штааль поспѣшно подошелъ къ окну. Къ кордегардіи подъѣзжала огромная, о семи зеркальных стеклахъ, обложенная по карнизу стразами карета. Кучеръ сдерживалъ четверку бѣлыхъ лошадей. Два лакея въ коричневыхъ ливреяхъ съ басонами по борту, какъ у прислуги особъ, слѣдующихъ за двумя первыми классами, соскочили съ запятокъ, откинули съ шумомъ подножку и почтительно высадили барина, приподнявъ лѣвыми руками треуголки. Проходившій мимо мужикъ съ испугомъ остановился и снялъ шапку. Штааль не безъ смущенія почувствовалъ, что и ему, какъ мужику, внушаетъ уваженіе чужое великолѣпіе. Лакеи, округливъ спину и руки, подвели барина къ кордегардіи и распахнули широко дверь.

— Здоровы ли, сударь? — освѣдомился учтиво Штааль.

— Здоровъ. И вамъ желаю добраго здравія наипаче, — отрывисто отвѣтилъ, снимая шубу, Баратаевъ. Это былъ высокій, очень некрасивый, но осанистый человѣкъ, лѣтъ пятидесяти. Въ его странной наружности тотчасъ останавливали вниманіе голый черепъ, съ двумя симметричными плоскими площадками на темени, огромныя неправильно поставленные уши, ярко-красныя губы, рѣзко выдѣлявшіяся на лицѣ сѣраго цвѣта, и всего больше — тяжелые, не часто мигающіе глаза.

— Здоровъ, — повторилъ онъ садясь.

Штааль выразилъ по этому случаю живѣйшее удовольствіе. Одного вопроса о здоровьи показа-

лось ему, однако, мало, и онъ еще спросилъ, почти безсознательно поддѣлываясь подъ старинную рѣчь своего гостя:

— Менажируете ли, сударь, себя въ работѣ? Нѣтъ важнѣе, какъ разумныя экзерциціи на воздухѣ. По себѣ скажу...

Но онъ такъ и не сказалъ по себѣ ничего толкомъ: тяжелые глаза Баратаева неподвижно остановились, не мигая, на лицѣ Штааля. Молодой человѣкъ вдругъ почувствовалъ крайнее смущеніе. Помявшись въ запутанной фразѣ, онъ оставилъ тему о здоровьи и нескладно заговорилъ объ успѣхахъ французовъ, о новой викторіи генерала Буонапарте. Баратаевъ все глядѣлъ на него молча, не приходя ему на помощь, затѣмъ вдругъ точно опомнился, мигнулъ (что успокоило Штааля) и принялъ разговоръ, какъ будто вспоминая чужія, неинтересныя слова, которыя нужно было говорить, чтобы отдѣлаться:

— Сказываютъ люди, сей Буонапарте есть мужчина исполинскаго росту и, хоть однорукій, но силы непомѣрной, такъ что по двѣ подковы заразъ безъ малаго труда ломаетъ, какъ блаженныя памяти царь Петръ иль какъ Алексѣй Григорьевъ Орловъ-Чесменскій, — сказалъ онъ равнодушно (Штааль почмокалъ губами въ знакъ удивленія). — Въ прочемъ, можетъ люди и врутъ...

Опять оборвался разговоръ.

— Сколь однако тлетворенъ духъ времени! — сказалъ наудачу Штааль, не совсѣмъ хорошо зная, кого и что онъ имѣлъ въ виду. — Смѣются народы гнѣву Божию, — и, получивъ отвѣта, добавилъ онъ уже съ нѣкоторымъ отчаяніемъ.

— Прилѣпились, сударь, къ умствованіямъ паچه мѣры легкимъ, — отвѣтилъ Баратаевъ. — Игра пустая, скажу, невеликаго разума. Не вижу любопытнаго надъ загадками міра неудобьрѣшимыми.

Вотъ о томъ и рѣчь къ вамъ вести намѣренъ, какъ къ юношѣ молодому. Извѣстно мнѣ стало, что, не взирая на небольшіе годы, уже видѣли вы немало... Что причиною было вашего вояжа въ Парижъ, не вѣдаю. То ли антузіазмъ къ ученіямъ болѣе мерзкимъ, чѣмъ дерзкимъ, къ духу свободолюбія ложнаго и равенства мнимаго? Но мыслю, на васъ глядя, злыхъ намѣреній имѣть были неудобны. Можетъ, просто вертопрашили и шалили?

— Вѣдь я какъ попалъ въ Парижъ, — поспѣшно замѣтилъ Штааль, слегка покраснѣвъ. — Это цѣлая гишторія (уже больше никто не говорилъ «гишторія», но Штааль чувствовалъ, что такъ будетъ лучше).

Онъ въ тысячный разъ разсказалъ о своей поѣздкѣ въ Парижъ. Разсказывалъ онъ ее несомнѣнно правдиво, — не то, чтобы лгалъ, но кое-о-чемъ забывалъ, кое-что приукрашивалъ. Штаалю такъ часто приходилось разсказывать о французской революціи, что онъ уже почти не мѣнялъ выраженій разсказа, который выходилъ у него очень связнымъ, занимательнымъ и эффектнымъ. Баратаевъ слушалъ молча. Когда Штааль окончилъ, гость заговорилъ снова. Штаалю было скучно, но самъ онъ показавъ себя въ лучшемъ свѣтѣ и теперь предпочиталъ молчать: разсказъ о путешествіи по Европѣ былъ его самымъ выигрышнымъ номеромъ. Баратаевъ говорилъ такъ же старомодно, но еще болѣе туманно и загадочно, чѣмъ всегда. Штааль многого не понималъ и даже не могъ сообразить, о чемъ собственно идетъ рѣчь: объ алхиміи или о спасеніи души? Но это его не огорчало. Его занималъ вопросъ — чего хочетъ отъ него этотъ странный человѣкъ? Занимали также вниманіе Штаалья симметричныя площадки на темени гостя. Онъ думалъ, что на эти площадки можно положить по пятаку, и пятакъ какъ разъ приляжетъ плотно, и не слетитъ съ непо-

движной головы Баратаева... Но Штааль чувствовалъ, что больше ничего смѣшнаго нѣтъ въ гостѣ и что, даже про себя, очень трудно (а хотѣлось бы) установить къ нему проницательное отношеніе.

Баратаевъ, недавно съ нимъ познакомившійся, самъ назначилъ ему свиданіе въ этотъ день. Штааль, стыдясь своей бѣдной квартиры, пригласилъ его въ кордегардію, какъ часто дѣлали офицеры Екатерининскаго времени. Былъ немало тѣмъ польщенъ, что знатный, богатый пожилой человѣкъ отдастъ ему, мальчишкѣ, визитъ; очень желалъ также получить отъ Баратаева постоянное приглашеніе на домъ. Къ этому, повидимому, и шло дѣло. Баратаевъ какъ разъ заговорилъ объ отсутствіи у него сотрудниковъ.

«Меня, что-ли, онъ зоветъ въ сотрудники?» — мелькнула догадка у Штааля. — «Въ какіе же сотрудники? За мной впрочемъ дѣло не станетъ. Только какъ же театр и Настенька?»

— Да, сударь, въ нашъ вѣкъ мало кто жаждетъ сердцемъ истины, — сказалъ онъ, хоть и совсѣмъ твердо, но все таки болѣе увѣренно, чѣмъ прежде. — Обуялъ души людей Луциферъ мірской суеты.

Луцифера мірской суеты Штааль никогда не рѣшился бы пустить иначе, какъ въ разговоръ съ розенкрейцеромъ. Баратаеву, повидимому, не понравилась его фраза. Онъ прошелъ взглядомъ по лицу молодого человѣка и молча взялъ съ табурета (руки у него были огромныя и потому страшныя) книгу «Новоявленный вѣдунъ». Штааль смутился и покраснѣлъ. Посѣтитель перелисталъ томикъ и отложилъ его въ сторону.

— Прелегкомысленное сочиненіе, — пробормоталъ Штааль.

— Вы еще молоды, — сказалъ Баратаевъ. — Доживши до старости моихъ дней, не будете читать подобнаго, но къ другому потянетесь безсомнѣнно.

Молодость немалыхъ суетъ причина. Съ годами, сударь, когда обманетесь суетою пустого щастія, сколь многое пройдетъ, видя смерть неминуему: и легкомысліе, и бездѣльная корысть, и горделивость роскошелюбія...

«Самъ-то въ каретѣ ѣздишь — пять тысячъ дешево», — подумалъ Штааль. — «Надоѣли мнѣ твои проповѣди... Подарилъ бы мнѣ своихъ лошадокъ, ужъ я на себя возьму грѣхъ роскошелюбія, такъ и быть».

— Но, сударь, естли вправду чюствительна душѣ вашей ея милость, — сказалъ хмуро Баратаевъ, — то въ мірознаніи могли бы найти путеvodителей... О наукѣ древнѣйшей и таинственной говорить мудрый Соломонъ: «внемлите, я царственнсе глаголю»...

Онъ помолчалъ, затѣмъ началъ снова:

— Намѣренъ я, сударь, въ немедленномъ времени убраться въ земли чуждыя. Въ сей вояжъ и васъ взялъ бы съ охотою. А естли вамъ того имѣніе не дозволяетъ, то могу одолжить деньгами ради частныхъ услугъ. Пока же милости прошу часто бывать для добраго знакомства, домъ мой вамъ открытъ.

— Благодарю, сударь, за великую вашу бонтѣ,— сказалъ Штааль, вспыхнувъ отъ удовольствія. — Почту за сособливую честь... А какъ, осмѣлюсь спросить, порѣшили насчетъ піесы, которую будемъ играть на вашемъ театрѣ?

Баратаевъ съ недоумѣніемъ уставился на молодого человека.

— Ахъ, да. — сказалъ онъ равнодушно. — Игратьте, что хотите. Какую нибудь смѣшливую фарсу, — ну. «Горе-богатыря Косометовича» или «Фигарову женидбу»... Гандошкина можно выписать, онъ славно пѣсни играетъ. Или іудейской оркестръ, что остался отъ князя Потемкина... Да стоитъ ли, сударь, о пустякахъ думать?

— Можетъ быть, разрѣшите сыграть «Гонимыхъ»? — спросилъ вкрадчиво Штааль и пояснилъ въ отвѣтъ на вопросительный взоръ Баратаева: — «Гонимые», слезная драма господина Хераскова, поэта нашего первѣйшаго. Прекраснѣйшее сочиненіе.

— И прекрасно, Херасково сочиненіе и сыграйте, — подтвердилъ Баратаевъ, поднимаясь, къ великой радости Штааля. — А вы ко мнѣ неупустительно прѣзжайте завтра ввечеру, а то и поутру. Не безъ умысла васъ приглашаю... Прощайте, сударь. мнѣ недосужно. Третій часъ уже въ половинѣ.

Штааль проводилъ гостя на улицу, гдѣ лакеи снова подхватили барина. Одинъ изъ нихъ сказалъ съ испуганнымъ видомъ, что проѣзжавшій только что извозчикъ говорилъ, будто во дворцѣ случилась бѣда съ матушкой-государыней, а какая бѣда, не знаетъ.

— Rien de grave? du moins, je l'espère? — сказалъ Штааль по-французски, такъ какъ говорилъ въ присутствіи прислуги.

— Monsieur, rien de grave ne se passe dans les palais, — отрывисто отвѣтилъ, сядя въ карету, Баратаевъ.

III

Во дворцѣ въ этотъ ноябрьскій день дѣйствительно случилась бѣда.

Малый Ермита жъ наканунѣ вечеромъ затянулся немного долѣе обычнаго. По общему отзыву гостей, давно уже не было такъ весело въ тѣсномъ кругу государыни. Изъ за-границы какъ разъ пришла эстафета съ извѣстіями. Одно извѣстіе было чрез-

вычайно пріятное. Имперскія войска одержали викторію надъ революціонными генералами и принудили ихъ произвести спѣшную ретираду за Рейнъ. Австрійцы уже давно не имѣли серьезныхъ успѣховъ. Неудачи союзниковъ въ Петербургѣ въ началѣ встрѣчались не безъ пріятнаго чувства; онѣ все увеличивали то значеніе, которое Европа придавала участію русскихъ войскъ въ войнѣ противъ общаго врага. Но въ послѣднее время у союзниковъ накопилось ужъ слишкомъ много неудачъ, особенно въ Италіи, гдѣ генераль Буонапарте шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ. Поэтому извѣстіе о викторіи эрцгерцога Карла было встрѣчено съ искренней радостью. Императрица точась сѣла за столъ и написала экспромтомъ радостно-шутливую записку имперскому послу графу Кобенцлю: „Je m'empresse d'annoncer à l'excellente Excellence que les excellentes troupes de l'excellente Cour ont complètement battu les Français!“*) Екатерина любила графа Кобенцля и допускала его въ свой самый тѣсный кругъ. Онъ былъ очень некрасивъ и безобразіе его особенно отбѣняло красоту князя**) Платона Александрови-

*) „Спѣшу сообщить превосходному Превосходительству, что превосходныя войска превосходнаго Двора совершенно разбили французовъ“.

**) „Въ біографіяхъ Зубова“ — справедливо замѣчаетъ авторъ большой работы о немъ, напечатанной въ 1876 году въ „Русской Старинѣ“, — постоянно находимъ противорѣчія во времени пожалованья ему княжескаго титула“ (Русск. Стар., т. XVII, стр. 446). По соображеніямъ, которыя здѣсь излагать не стоитъ, пишущій эти строки (оторванный отъ архивныхъ матеріаловъ Россіи), вопреки указаніямъ Д. Бантышъ-Каменскаго (Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Москва, 1836, т. II, стр. 412), кн. П. Долгорукова (Россійская родословная книга, СПб., 1856 г., т. III, стр. 136) и А. Васильчикова (Liste alphabétique de portraits russes, St. Pétersbourg, 1875, т. II, р. 497) склонился къ мнѣнію, что П. А. Зубовъ уже былъ княземъ въ 1793 году (авторъ указанной статьи въ „Русской Старинѣ“ предполагаетъ, что въ 1793 году еще только велись переговоры съ вѣнскимъ дворомъ о возведеніи графа Зубова въ княжеское

ча: государыня любила сажать ихъ рядомъ. Записка была прочтена вслухъ приближеннымъ и остроуміе матушки вызвало общій восторгъ. На маломъ приѣмѣ только рѣчи было, что объ этой запискѣ, о блестящей викторіи австрійцевъ, о паническомъ бѣгствѣ французовъ за Рейнъ. Тонъ установился такой радостный, что веселье какъ-то распространилось и на второе извѣстіе, сообщенное эстафетой, хотя оно само по себѣ было печальное. Скончался сардинскій король Викторъ-Амедей III, и по этому случаю ожидался нѣкоторый, хоть и непродолжительный, придворный трауръ. Траура и смерти въ Эрмитажѣ очень не любили. Но сардинскій король былъ старъ и рѣшительно никого не интересовалъ. Государыня приняла извѣстіе объ его кончинѣ совершенно равнодушно и даже шутила съ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, пугая его тѣмъ, что ужъ теперь, послѣ сардинскаго короля, и онъ вѣрно скоро умретъ. Нарышкинъ, который для потѣхи явился на малый приѣмъ переодѣтый уличнымъ разносчикомъ, хоть маскарада не было, старался дѣлать комически-испуганное лицо. Но шутка матушки была ему не очень пріятна: онъ въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно боялся смерти. Левъ Александровичъ старался перевести разговоръ; вынималъ изъ кармановъ леденцы, грецкіе орѣхи, яблоки, выкрикивалъ товаръ хриплымъ голосомъ и продавалъ его гостямъ, какъ старый коробейникъ.

достоинство Римской Имперіи). Однако, недавно, пересматривая Voss'sche Zeitung за 1796 годъ, я нашелъ въ № 52 (30 апрѣля 1796 г.), въ корреспонденціи изъ Петербурга отъ 8 апрѣля, сообщеніе о томъ, что императрица разрѣшила 4 апрѣля графу П. Зубову (Platon von Sauboff) принять пожалованный ему Римскимъ Императоромъ титулъ имперскаго князя. Такимъ образомъ первоначальное предположеніе мое (благодаря которому въ романѣ „Девятое Термидора“ Зубовъ названъ не графомъ, а княземъ) оказывается ошибочнымъ. Пользуюсь случаемъ сдѣлать здѣсь соотвѣтствующую поправку. Авторъ.

забавляя все общество. Императрица смѣялась такъ, что въ самомъ концѣ Малаго Ермитажа выразила опасеніе, — не сдѣлался бы у нея отъ смѣха вновь припадокъ коликъ, какъ три дня тому назадъ. Въ одиннадцатомъ часу она удалилась, вмѣстѣ съ княземъ Зубовымъ, во внутренніе покои и такъ хорошо провела ночь, что Марья Саввишна Перекусихина, войдя въ семь часовъ утра въ опочивальню, долго не могла ея добудиться.

Императрица проснулась въ прекрасномъ расположеніи духа. Весело пошутивъ съ Перекусихиной, она встала съ постели и скинула съ себя рубашку. При этомъ, какъ всякое утро въ послѣдніе годы, Марья Саввишна подивилась необычайной полнотѣ государыни: въ ней теперь, несмотря на ея малый ростъ, было, на взглядъ Перекусихиной, болѣе пяти пудовъ вѣса. Марья Саввишна, не снимая съ матушки изящнаго рѣшетчатаго медальона, встала въ него другой золотой стерженекъ, вымазанный свѣжимъ медомъ, — Екатерина, какъ и другія дамы 18-го вѣка, носила на шеѣ ловушку для блохъ, — помогла матушкѣ надѣть пенъюаръ, нѣжно поцѣловала ее въ плечико и пошла за княземъ.

Государыня умылась, напилась крѣпкаго кофе, потомъ весело поболтала съ Платономъ Александровичемъ, который былъ тоже очень хорошо настроенъ, отпустила его, позвала въ спальную секретаря и принялась за работу. Вскорѣ послѣ начала работы она вдругъ поднялась, попросила секретаря подождать немного въ сосѣдней комнатѣ и удалилась въ уборную, помѣщавшуюся рядомъ со спальною.

Секретарь со сконфуженнымъ видомъ вышелъ и принялся въ сосѣдней большой комнатѣ разсматривать картины по стѣнамъ. Онъ ждалъ съ четверть часа, удивился и довольно громко кашлянулъ нѣсколько разъ. Заглянулъ осторожно въ спальную,

— тамъ никого не было. Подождать еще, затѣмъ обезпокоился и подѣлился своимъ безпокойствомъ съ дежурнымъ лакеемъ Тульникомъ. Тульникъ тотчасъ доложилъ старшему камердинеру, любимцу Екатерины, Захару Зотову. Зотовъ сказалъ, что, должно быть, матушка давно вышла изъ уборной и, забывъ о секретарѣ, черезъ другую дверь спальни пошла погулять въ Эрмитажъ. Гуляла обыкновенно государыня въ шубѣ и въ мягкихъ ботикахъ. Зотовъ заглянулъ въ шкафъ и увидѣлъ, что шуба и мягкіе ботики на мѣстѣ. Это очень встревожило камердинера. Какъ ему ни было неловко, онъ подошелъ къ уборной, сначала кашлянулъ, затѣмъ слегка постучалъ въ дверь, потомъ громче.

Никто не отвѣчалъ.

— Ваше Величество... Матушка!.. — окликнулъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Отвѣта не было.

Зотовъ попробовалъ ручку двери. Дверь, открывавшаяся внутрь уборной, была заперта. Захаръ Константиновичъ вдругъ чрезвычайно поблѣднѣлъ. Схвативъ съ кофейнаго прибора ножъ, онъ смахнулъ съ него пальцемъ масло, просунулъ лезвее въ щель двери и поднялъ съ петли крючокъ, которымъ дверь запиралась. Крючокъ повернулся и упалъ по другую сторону. Зотовъ нажалъ дверь и съ ужасомъ почувствовалъ, что она открывается туго, особенно снизу, точно къ ней внизу прижато какое-то тяжелое тѣло. Изъ уборной послышался странный, негромкій, хрипящій звукъ. Вскрикнувъ отъ ужаса, Зотовъ надавилъ на дверь руками и колѣномъ и протиснулся въ уборную. Не то стонъ, не то крикъ, не то вой камердинера оповѣстилъ секретаря и Тульника о случившемся несчастии.

Въ маленькой уборной на полу, прислонившись спиной къ двери и безжизненно опустивъ на грудь

голову, подогнувъ подъ себя лѣвую ногу, выставивъ впередъ правую, съ которой свалилась туфля, сидѣла императрица Екатерина II. Лицо ея было багрово-краснаго цвѣта, глаза тяжело опущены. Изъ открытаго рта вырывалось хрипѣніе.

Отъ толчка въ дверь туловище государыни слегка обвалилось, голова повисла на лѣвомъ плечѣ. Захаръ Зотовъ, выкрикивая безсмысленныя слова, схватилъ Екатерину подмышки, выпустилъ, держуль поднявшійся пеньюаръ, спустивъ его на обнаженную волосатую ногу, высунуль въ дверь бѣлое отъ ужаса лицо и пролепеталъ еле слышно:

— За княземъ! Скорѣй за княземъ!

Секретарь опрометью бросился на половину Платона Александровича. Зотовъ снова схватилъ государыню подмышки, и, напругая всѣ силы, поднялъ и оттащилъ немного отъ двери ея тяжелое тѣло. Екатерина, не открывая глазъ, продолжала хрипѣть. Дверь удалось открыть. Тульникъ сорвалъ съ постели сафьянный тюфякъ и бросилъ его на полъ, затѣмъ обхватилъ ноги императрицы ниже колѣнъ и поднялъ ее съ помощью задыхавшагося Зотова. Тѣло было необычайно тяжело. Они втащили государыню въ спальную и опустили ее на тюфякъ. При этомъ правая рука ея свалилась и мягко ударилась о коверъ, — Зотовъ и Тульникъ ахнули.

Императрица лежала, хрипя, тяжело запрокинувъ голову, подъ которую не догадались положить подушку. Ея тѣло въ бѣломъ, оскѣвшемъ на животѣ и на босыхъ ногахъ пеньюарѣ, казалось частью огромнаго шара.

За дверью спальни послышался шумъ бѣгущихъ шаговъ. Въ комнату ворвался князь Платонъ Зубовъ, замеръ на порогѣ — и съ крикомъ ужаса упалъ на колѣни возлѣ хрипящаго тѣла государыни.

IV

Несчастный случай съ императрицей было вначалѣ велѣно скрывать, такъ что самъ графъ Безбородко узналъ о немъ лишь въ обѣденное время. Извѣстіе это, сообщенное на ухо Александру Андреевичу довѣреннымъ секретаремъ Иванчукомъ, совершенно его ошеломило. Въ мозгу графа оно мгновенно отразилось образомъ невысокаго безпокойнаго чело-вѣка въ странномъ мундирѣ, со вздернутымъ носи-комъ и со злыми бѣгающими глазками. Александръ Андреевичъ, съ утра вдобавокъ чувствовавшій себя нехорошо, апоплексически побагровѣлъ; онъ схва-тился обѣими затрясшимися руками за галстукъ и на мгновенье лишился дыханія. Ему вдругъ захо-тѣлось лечь. Ноги задрожали мелкой дрожью. Не говоря ни слова, ни о чемъ не спрашивая Иванчука, который впрочемъ никакихъ подробностей и не зналъ, Безбородко невѣрной походкой пошелъ по на-правленію къ дивану, по дорогѣ остановился и ту-пыми глазами уставился на секретаря. Постоявъ такъ съ минуту, онъ вздрогнулъ, вытеръ все лицо платкомъ, тяжело поспѣшными шагами спустился внизъ по лѣстницѣ, машинально расправляя рукой смявшійся шелкъ галстука. Какъ ни былъ пора-женъ графъ, онъ не забывалъ, что тяжелая болѣзнь императрицы можетъ составлять государственную тайну. Онъ никому не говорилъ о случившемся и не объяснялъ, куда и зачѣмъ уѣзжаетъ. Лакеи смо-трѣли на него изумленно: не было случая, чтобы Безбородко выѣхалъ изъ дому въ обѣденное время. Экипажъ графа не былъ заказанъ, но у подъѣзда стояли парные сани управляющаго. Александръ Андреевичъ вышелъ изъ парадной двери, оступился на мосткахъ, вступилъ ногой въ мокрый спѣгъ, за-

мочивъ чулокъ по шиколку, и, опираясь на плечо Иванчука, полѣзъ въ чужія сани. Перепуганный кучеръ хотѣлъ было объяснить, что тутъ ошибка, что это не карета Его Сіятельства, но Иванчукъ сдѣлалъ страшное лицо — и кучеръ сразу стихъ. Секретарь ловко подсадилъ Александра Андреевича и спросилъ его шепотомъ:

— Прикажете ѣхать съ вами?

Безбородко отрицательно мотнулъ головой и съ выраженіемъ ужаса на лицѣ приложить къ правому углу рта конецъ указательнаго пальца, тогчасъ же смочившійся при этомъ слюною. Иванчукъ почти-тельно закрылъ глаза и медленно наклонилъ голову. Радость отъ того, что онъ первый, раньше всѣхъ, узналъ и сообщилъ графу столь важную новость, совершенно переполняла его душу, и хотъ Безбородко не взялъ его съ собой, Иванчукъ не чувствовалъ досады: рассчитывалъ скоро проникнуть во дворецъ и безъ графа.

— Баринъ, куда ихъ везти? — спросилъ растерянно кучеръ.

— Пошелъ въ Зимній дворецъ! — тихо, но внушительно сказалъ секретарь, съ особымъ удовольствіемъ произнося послѣднія слова.

Кучеръ задергалъ возжами и негромко — изъ уваженія къ сѣдоку — щелкнулъ кнутомъ. Улицы Петербурга по дорогѣ отъ дома Безбородко ко дворцу были въ ту пору уже вымощены, и на камняхъ мостовой, еле покрытыхъ грязнымъ ноябрьскимъ снѣгомъ, сани сильно трясли и стучали. Александръ Андреевичъ, обычно выѣзжавшій въ покойной каретѣ шестерикомъ въ цугѣ, съ гусарами, съ фореиторами, съ гайдуками, сидѣлъ бокомъ, ухватившись за лѣвую ручку саней и не запахнувъ шубы. Непривычный плохой экипажъ какъ бы отмѣтилъ въ его сознаніи, что произошло что-то новое, страшное и непоправимое. Сани были небогатыя, но съ пре-

тензіями: съ ярко-красной бархатной полостью и съ загнутыми полозьями, которыя наверху, аршина на два отъ земли, сводились въ золоченую фигурку, — голову сатира со сквозными ушами для пропуска концовъ возжей. Александръ Андреевичъ, медленно вздрагивая всѣмъ тѣломъ, бессмысленно уставился сбоку на голову сатира — и вдругъ съ фигурки на него взглянулъ безпокойный курносый человѣкъ со странной отвѣсной верхней губой и съ нехорошимъ взглядомъ исподлобья. Безбородко почувствовалъ себя больнымъ. Послѣднимъ усиліемъ воли онъ запретилъ себѣ думать, до пріѣзда во дворецъ, о томъ, что произошло. Можетъ быть, еще ничего и не произошло... Мало ли что говорить люди...

Но какъ только онъ вылѣзъ, задыхаясь, изъ тряскаго экипажа, какъ только вошелъ въ хорошо знакомый правый малый подъѣздъ дворца, онъ почувствовалъ, что люди говорили правду и что случилось несчастье. Непривычный человѣкъ, вѣроятно, не замѣтилъ бы въ вестибюлѣ ничего особеннаго. Но Александру Андреевичу сразу бросилась въ глаза несовсѣмъ обыкновенная картина. Прислуги внизу было меньше, чѣмъ всегда; зато были какіе-то чужіе люди, явно не имѣвшіе привычки ко дворцу, — это было замѣтно по ихъ неувѣренному поведенію у лѣстницъ. Небольшія группы шептались.

Александра Андреевича прислуга замѣтила не сразу. Одинъ старый лакей бросился, наконецъ, къ нему и, снимая шубу, шепнулъ графу на ухо, что кончины ожидаютъ съ минуты на минуту. Александръ Андреевичъ ахнулъ, — ужъ, стало быть, всѣмъ извѣстно.

— Что ты говоришь!.. — прошепталъ онъ чуть слышно.

Лакей закивалъ головой съ сокрушеннымъ видомъ. Однако, въ бѣгающихъ глазахъ у него играли радостные огоньки. Дворцовая прислуга лю-

била Екатерину. Но близящаяся большая перемѣна радовала русскихъ людей.

— Господи помилуй! — сказалъ тихо Александръ Андреевичъ.

Онъ съ трудомъ повелъ утомившейся вдругъ спиною и плечами, отдалъ шубу и по привычкѣ хотѣлъ было, какъ всегда при этомъ жестѣ, предписать лакею заботливое отношеніе къ шубѣ, но спохватился: неприлично, — «да и къ чему теперь соболья шуба? развѣ-что въ Сибири пригодится», — онъ криво улыбнулся блѣдными холодными губами. Машинальнымъ жестомъ потянулся рукой къ чулку, чтобы его подтянуть, но опять спохватился, — пожалуй, и о чулкахъ заботиться теперь несовсѣмъ удобно. Онъ оглянулся по сторонамъ: слава Богу, никто не замѣтилъ. Александръ Андреевичъ вдругъ опомнился, одѣлалъ надъ собой усиліе и медленно пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, стараясь держаться ближе къ периламъ: ему почему-то казалось, будто и съ нимъ, какъ съ матушкой, вдругъ можетъ случиться что-то очень неожиданное и нехорошее. На первой площадкѣ онъ остановился передохнуть и увидѣлъ въ огромномъ уже темнѣющемъ зеркалѣ наклонное отраженіе разстроенной фигуры. По второй лѣстницѣ спускался поспѣшнымъ шагомъ оберъ-церемоніймейстеръ Валуевъ, — добрый знакомый и благожелатель. Александръ Андреевичъ окликнулъ его упавшимъ голосомъ. Валуевъ радостно къ нему подошелъ и остановился съ нимъ въ углу площадки минутъ на пять, хотя по его спѣшному шагу можно было заключить, что онъ торопился по важному дѣлу. Тутъ только Безбородко, ахая и вскрикивая, узналъ во всѣхъ подробностяхъ, что именно произошло. Валуевъ морщился, описывая несчастный случай съ государыней. Онъ подтвердилъ, что лейб-медикъ Роджерсонъ призналъ состояніе матушки безнадежнымъ: уже послано за Его Высочествомъ въ

Гатчину. Послано и за митрополитомъ Гавріиломъ. Александръ Андреевичъ — неожиданно даже для самого себя — вдругъ тяжело беззвучно зарыдалъ. Оберъ-церемоніймейстеръ посмотрѣлъ на него изумленно, и Безбородко вспомнилъ, что Валуевъ, въ отличіе отъ него, не имѣетъ особыхъ основаній опасаться воцаренія курносаго человѣка со злыми глазами. Разстроенный видъ Валуева объяснялся главнымъ образомъ тѣмъ, что несчастье съ государыней случилось въ столь неподобающемъ и непредусмотрѣнномъ мѣстѣ; и всѣ мысли оберъ-церемоніймейстера сосредоточивались теперь на вопросахъ церемоніала, связанныхъ съ предстоящими похоронами государыни и со вступленіемъ на престолъ Павла Петровича.

Изъ сочувствія горю Александра Андреевича, Валуевъ крѣпко пожалъ ему руку, торопливо взглянулъ на часы, ахнулъ и побѣжалъ дальше. Безбородко вытеръ слезы, уронилъ платокъ, поднялъ, встряхнулъ и подулъ на него, затѣмъ, держась за перила, пошелъ вверхъ по лѣстницѣ. Валуевъ сказалъ ему, что всѣ собрались около спальной Ея Величества, въ бриллиантовой и зеркальной комнатахъ. Когда Безбородко поднялся въ средній этажъ, у него началось сильное сердцебіеніе. Онъ добрался до стула у стѣны узкой проходной залы и сѣлъ, схватившись рукой за грудь. Сердце понемногу отошло. Зато голова работала все хуже. А между тѣмъ онъ чувствовалъ, что надо сдѣлать что-то важное: что именно, — онъ не могъ сообразить. Александръ Андреевичъ напрягалъ память: сколько разъ въ послѣдніе годы онъ представлялъ себѣ возможность кончины государыни. Почему-то ему всегда казалось, что это произойдетъ не сразу; можно будетъ позаботиться о своихъ дѣлахъ во время болѣзни матушки. Теперь несчастье обрушилось такъ внезапно... Онъ не

могъ собрать мыслей, не могъ вспомнить того, что предполагалъ сдѣлать въ этомъ положеніи. Александръ Андреевичъ, не мѣняя позы, смотрѣлъ снизу вверхъ на людей проходившихъ передъ нимъ съ озаченными и нахмуренными лицами. Никто его не замѣчалъ; было уже довольно темно. Ему казалось, что его не замѣчаютъ умышленно, и это наводило на него особенный ужасъ. По залу проходило много народа; были тутъ и привычныя, и совершенно неизвѣстные лица. Почти никто не здоровался со знакомыми. Шедшіе туда, встрѣчаясь съ шедшими оттуда (вторыхъ было гораздо меньше), задавали вполголоса, или просто выраженіемъ лица, одинъ и тотъ же вопросъ и получали одинъ и тотъ же отвѣтъ, послѣ чего, кивая медленно головой, говорили «Господи!», или «Ахъ ты, Боже мой!», или «Какое несчастье!...» Разговаривали вообще немного и однообразно. Но почти неизмѣнно, вслѣдъ за «Господи!» и «Какое несчастье!», знакомые спрашивали другъ друга, уже погромче, о князѣ Зубовѣ, точно ли онъ заболѣлъ вмѣстѣ съ императрицей. Отвѣты были также однообразные: одни говорили «смотрѣть жалко», другіе говорили «смотрѣть гадко». При этомъ лица мѣнялись и на нихъ выступало съ трудомъ сдерживаемое, а то и вовсе не сдерживаемое, выраженіе радости: Платона Зубова ненавидѣли всѣ, даже облагодѣтельствованные имъ люди.

Безбородко только тутъ, услышавъ разговоры, вспомнилъ о Зубовѣ: высокомерный фаворитъ Екатерины, всячески третировавшій наслѣдника престола, могъ, конечно, считаться погибшимъ человекомъ. Александръ Андреевичъ теперь забылъ о своей злобѣ противъ князя. Но его все же немного утѣшила мысль о томъ, что есть сановникъ, положеніе котораго еще гораздо хуже, чѣмъ его собственное. Надѣясь найти и другихъ товарищей по несчастью, Безбородко съ тоской всматривался въ ли-

ца людей, которые проходили, какъ тѣни, во все темнѣющей узкой залѣ. Но на всѣхъ почти лицахъ онъ читалъ то-же выраженіе, которое мелькало въ глазахъ стараго лакея. Почти всѣхъ радостно волновало ожиданіе близкой важной перемены. Едва ли кто радовался самой кончинѣ Екатерины. Но едва ли кто и очень огорчался, кромѣ нѣсколькихъ ея любимцевъ. Изъ постороннихъ людей лишь очень немногіе выражали скорбь иначе, какъ короткимъ восклицаніемъ при первомъ извѣстии. Зато эти немногіе выражали свое горе въ столь неестественной формѣ, что за нихъ становилось неловко. Быстро возбѣжавшій по лѣстницѣ нарядно одѣтый представительный господинъ, — Александръ Андреевичъ, зная его въ лицо, это былъ извѣстный актеръ придворнаго театра, — услышавъ о безнадежномъ состояніи Екатерины, вдругъ вскрикнулъ страшнымъ голосомъ, вцѣпился въ волосы руками въ перстняхъ, и, подбѣжавъ къ выставленной мягкимъ штофомъ стѣнѣ, сталъ биться о нее головою.

— Фелица! Матушка! Великая Екатерина! — вскрикивалъ рыдающимъ голосомъ актеръ. — За что? Господи, за что?.. Что же теперь будетъ съ несчастной Россіей!.. Фелица! Гремислава!..

Одни кивали сочувственно головою, другіе смотрѣли въ недоумѣніи. Вдругъ, неожиданно, у стѣны, почти рядомъ съ рыдающимъ актеромъ, послышалась музыка. Это заиграли «Malbrough s'en va-t-en guerre» часы работы Рентгена. Екатерина, совершенно лишенная музыкальнаго слуха, очень любила играющіе часы, и во дворцѣ ихъ было немало. Актеръ еще вскрикнулъ, уже потише, и поспѣшно отошелъ отъ часовъ. Какой-то молодой человѣкъ въ формѣ сержанта Измайловскаго полка весело засмѣялся. Александръ Андреевичъ посмотрѣлъ съ тоскою, — кто теперь можетъ смѣяться? Симпатичное лицо молодого человѣка было ему знакомо.

Онъ механически напрягъ память и вспомнилъ: Митя Бологовской. Безсознательное удовлетвореніе отъ этого удавшагося, хотъ совершенно ненужнаго ему, усилія памяти вдругъ заполнило провалъ, образовавшійся въ умѣ графа Безбородко. Въ памяти его выскочилъ перевязанный черной ленточкой пакетъ, въ которомъ хранилось завѣщаніе государыни. Точно вспыхнулъ огонекъ, — мысль Александра Андреевича пришла въ движеніе. Онъ видѣлъ, что использовать этотъ пакетъ противъ Павла Петровича уже невозможно: нѣтъ времени. Но передать завѣщаніе Павлу, смягчить такимъ образомъ его немилость, — да, тутъ еще были козыри для игры. И первымъ дѣломъ нужно, разумѣется, послать отъ себя гонца къ наслѣднику — сообщить какъ и что. Это само по себѣ должно ему понравиться. «Какъ только я раньше не догадался?»... — подумалъ, быстро поднимаясь и вздрагивая, Безбородко. — «Куда-жъ послать?.. Въ Павловское?.. Нѣтъ, въ Гатчину... Нѣтъ, скачетъ уже вѣрно сюда. Вотъ по дорогѣ ему и передадутъ... Кого послать? Да вотъ этого хлопца...».

Онъ поспѣшно поплылъ къ Бологовскому и взялъ его рукой за плечо.

— Вотъ что, Митенька, голуба, — сказалъ онъ негромко, не отвѣчая на почтительное привѣтствіе молодого человѣка. — Не въ службу, а въ дружбу прошу и услуги твоей не забуду... Да... Поѣзжай-ка ты сейчасъ по гатчинской дорогѣ... да... по гатчинской дорогѣ... навстрѣчу Его Высочеству. А какъ встрѣтишь Его Высочество, скажи ты ему... скажи, что послалъ тебя Александръ Андреевичъ Безбородко и велѣлъ передать, что надежды на выздоровленіе Ея Величества нѣтъ никакой (онъ тяжело вздохнул)... И еще велѣлъ передать, что онъ, Александръ Андреевичъ, Его Высочеству всегда былъ, есть и будетъ вѣрный слуга (Безбородко произнесъ эти

слова особенно внушительно, точно убѣдить въ нихъ надо было Митю Бологовскаго)...

Проходившій мимо нихъ съ озабоченнымъ видомъ Валуевъ слышалъ слова графа и вдругъ остановился.

— Вы что, тоже къ наслѣднику посылаете? — сказалъ онъ съ недоумѣніемъ. — *Mais on dirait que c'est contagieux!* Нынче всѣ послали гонцовъ къ наслѣднику. И великіе князья послали, и Ростовчинъ, разумѣется, поскакалъ, и Зубовъ, — да-съ, Зубовъ! — послать братца Николая, и еще двадцать человѣкъ послало, *c'est comme j'ai l'honneur de vous dire!* Придворные повара и тѣ, *ma parole*, отрядили къ Павлу Петровичу своего человѣка для оповѣщенія, что надежды никакой нѣтъ. Полноте, Александръ Андреевичъ, оставьте въ покоѣ этого юношу. И безъ васъ ввечеру прискачетъ Павелъ Петровичъ...

Онъ взялъ графа за талию и отвелъ его отъ Бологовскаго. Безбородко, сокрушенный новымъ ударомъ, безсильно за нимъ слѣдовалъ.

— Вотъ что, Ваше Сіятельство, — сказалъ шутливымъ тономъ Валуевъ, невольно прислушиваясь къ игрѣ часовъ и слегка отбивая тактъ ногою. — Не волнуйтесь вы понапрасну. На васъ лица нѣтъ. Еще, не приведи Богъ, свалитесь..

— И лучше бы!.. Одинъ конецъ!... — простоналъ Александръ Андреевичъ.

— Да полноте! грѣхъ какой! — вскрикнуть Валуевъ. — Зубовъ — другое дѣло, а вамъ чего такъ боиться, право? — добавилъ онъ поспѣшно вполголоса. — Кто передъ Павломъ Петровичемъ не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ? Всѣ, правду говоря, виноваты.

— Я-то, Петръ Степановичъ, я-то чѣмъ виновать? — лепеталъ Александръ Андреевичъ. — Вотъ ужъ, Богъ видитъ, ни мыслью, ни душою... Готовъ

служить вѣрой и правдой... какъ матушкѣ служилъ!...

— Ну да, ну да! — разсѣянно сказалъ Валуевъ, съ сожалѣніемъ взглянувъ на умолкшіе часы. — И съ Ростопчинымъ въ особенности вы хороши, вѣдь онъ теперь всѣмъ на шею сядетъ... Незачѣмъ вамъ себя озабочивать, вѣрьте мнѣ! Пойдемъ лучше со мной туда... Экая темь! Отчего свѣчей не зажигаютъ? Безпорядокъ какой!.. Всякой народъ сегодня пускаютъ во дворецъ! *Cette foule!*.. О кончинѣ... о восшествіи на престолъ объявить въ бриллиантовой графѣ Самойловъ, — неожиданно добавилъ Валуевъ.

V

Въ большой комнатѣ, которая примыкала къ спальнѣ Екатерины, всѣ говорили шопотомъ или вполголоса; однако глухой, сливающийся шумъ голосовъ былъ слышенъ еще въ корридорѣ. Нѣсколько человекъ приблизились вплотную къ Валуеву и Безбородко и, разглядѣвъ ихъ лица, равнодушно отвернулись: очевидно, ждали не ихъ. Когда глаза Александра Андреевича привыкли къ полутъмѣ, онъ узналъ среди присутствовавшихъ въ этой комнатѣ первыхъ сановниковъ Имперіи, съ которыми протекала его жизнь. Но рядомъ съ ними находились и совершенно другого сорта люди. Около вице-канцлера графа Остермана стоялъ мелкій чиновникъ дворцовой службы, который прежде не посмѣлъ бы сюда и показаться. Было въ комнатѣ нѣсколько генералъ-аншефовъ, и былъ тутъ же молоденькій, бойко державшійся, никому неизвѣстный поручикъ. Очевидно, порядокъ исчезъ совершенно за отсутствіемъ хозяина: хозяиномъ былъ прежде князь Платонъ Зубовъ. Его Безбородко искалъ глазами, но

не нашеть. Въ большой комнатѣ, кромѣ ея обычной красной мебели, стояло еще нѣсколько стульевъ другого цвѣта, разставленныхъ какъ попало, очевидно снесенныхъ сюда предприимчивыми людьми изъ разныхъ покоевъ дворца. Креселъ, стульевъ и дивановъ все же не хватало, и часть собравшихся стояла; освободившіяся мѣста захватывались немедленно: люди повидимому устраивались надолго. Больше всего мебели и людей было у оконъ, гдѣ шла оживленная бесѣда и гдѣ собрались наиболѣе видные сановники. Но довольно плотная кучка стояла и у противоположнаго окнамъ угла комнаты, отрѣзывая отъ глазъ Александра Андреевича то, что было въ углу. Невысокая дверь въ спальную императрицы, находившаяся посерединѣ короткой стѣны, была плотно прикрыта, и изъ подъ нея на коверъ ползла небольшая полоска блѣднаго свѣта. Безбородко, выпустивъ руку Валуева, уставился на эту дверь, поискалъ кого-то глазами, затѣмъ отошелъ къ одному изъ оконъ и тяжело сѣлъ на подоконникъ, едва доставая до полу концами туфель. Такъ Александръ Андреевичъ просидѣлъ съ четверть часа, растерянно слушая разговоры лицъ, сидѣвшихъ передъ нимъ въ креслахъ, и плохо ихъ понимая. Преждевременная старость и немощи сильно на немъ сказались въ этотъ день. Онъ желалъ теперь только одного: чтобы новый императоръ просто, безъ позора и каръ, уволилъ его въ отставку и далъ ему дожить вѣкъ, — онъ чувствовалъ, уже недолгій, — въ Москвѣ или въ деревнѣ на покой. Честолюбивыя мысли, мучившія его всю жизнь, вдругъ исчезли совершенно. Кромѣ радостей ѣды, сна и того, что еще могли дать ему женщины, онъ больше ничего не желалъ на свѣтѣ. Ему захотѣлось снять промоченный чулокъ, накрыться съ головой одѣяломъ и уснуть. Онъ болѣзненно зѣвнулъ, тщательно скрывая зѣвокъ, отъ чего слезы выступили у него на глазахъ,

и прислонилъ голову на бокъ, къ боковой стѣнкѣ окна, съ трудомъ удерживая спину, чтобы, согнувшись, не разбить стекла. Эта школьническая поза на подоконникѣ, столь неподобающая его годамъ и сану, снова напомнила ему ужась его положенія.

Изъ сановниковъ кое-кто дремалъ, другіе устало разговаривали. Всѣ ждали. Большинство не обнаруживало признаковъ особаго горя, — оттого ли, что и не чувствовало его, оттого ли, что скорбь умѣрялась оживляющимъ дѣйствіемъ близкой большой перемѣны, или же просто по привычкѣ свѣтскихъ, придворныхъ людей скрывать проявленія какихъ-бы то ни было сильныхъ чувствъ. Но были и исключенія. Глубокая, искренняя скорбь запечатлѣлась на лицѣ тяжело сидѣвшаго въ креслѣ Александра Сергѣевича Строганова. Этотъ старикъ, лишенный честолюбія, одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи, которому государыня ничего не могла дать, искренно и безкорыстно любилъ Екатерину. Онъ любилъ ея общество, любилъ ея остроуміе, преклонялся передъ ея ученостью и умѣніемъ обращаться съ людьми, и по христіански прощалъ ей всю жизнь ея слабости, ему, по его темпераменту, особенно чуждыя. Онъ думалъ теперь о величій царствованія Екатерины, объ ея побѣдахъ, объ ея заслугахъ передъ Россіей; думалъ о томъ, что никогда больше не будетъ играть съ матушкой ни въ вистъ, ни въ макао, ни въ мушкету, никогда больше не услышитъ ея голоса съ такъ смѣшившимъ его нѣмецкимъ акцентомъ... Слезы застилали ему глаза.

Въ комнату вошла косая полоса блѣднаго свѣта, Дверь изъ спальной императрицы открылась, и на порогъ появился лейбъ-медикъ Роджерсонъ. Мгновенно наступила мертвая тишина. Только нѣсколько человѣкъ успѣло подняться съ креселъ, и Александръ Андреевичъ Безбородко, сорвавшись съ по-

доконника, мелкими пажками пробѣжалъ впередъ. Роджерсонъ недовольнымъ взоромъ обвелъ комнату и сказалъ медленно, вполголоса, на затрудненномъ французскомъ языкѣ:

— Господа, прошу разговаривать тише...

Легкая, еле слышная волна точно разочарованнаго гула пронеслась по комнатѣ. Люди, поднявшіеся съ кресель, опять усѣлись плотнѣе. Но Александръ Андреевичъ приросъ къ полу противъ открытой двери, съ ужасомъ глядя мимо Роджерсона на бѣлое пятно посрединѣ выстланной краснымъ ковромъ спальни. Его особенно поразило то, что императрица лежала на полу (врачи не рѣшились перенести ее на кровать). Спальная была полутемна по стѣнамъ. Но посрединѣ противъ двери горѣло нѣсколько свѣчей въ розовыхъ колпачкахъ. Передъ тюфякомъ на колѣняхъ стоялъ, съ отведенной свѣчей въ лѣвой рукѣ, одинъ изъ врачей и платочками, которые, удерживая рыданія, подавала ему Марья Саввишна Перекусихина, вытиралъ черную пѣну, струившуюся съ губъ государыни. Лицо Екатерины было страшно. Оно безпрерывно мѣняло цвѣтъ: изъ желто-блѣднаго вдругъ, наливаясь кровью, становилось багрово-краснымъ, затѣмъ снова быстро желтѣло. Въ двухъ шагахъ отъ тюфяка въ неестественной позѣ, устремивъ неподвижный, застывшій взоръ на государыню, заломивъ передъ грудью руки, стояла на колѣняхъ толстая безобразная *épongeuse*, — Анна Степановна Протасова...

Марья Саввишна вдругъ тяжело поднялась съ колѣнъ, передала врачу платочекъ, подошла къ двери со свѣчей и, сердито потащивъ за рукавъ Роджерсона, рѣзкимъ, хоть безшумнымъ, движеніемъ закрыла дверь. Снова поднялась волна гула, почти столь-же громкая, какъ прежде. Александръ Андреевичъ остался въ своей неподвижной позѣ, съ полуоткрытымъ ртомъ и широко раздвинутыми ногами,

чуть согнутыми у колѣнъ. Позади него сановники изъ вновь пришедшихъ вполголоса обмѣнивались впечатлѣніями: одинъ изъ нихъ въ боковой стѣнѣ спальни успѣлъ разглядѣть дверь уборной, въ которой случилось несчастье. Бойкій старичекъ какъ будто сокрушенно, но не безъ удовольствія, рассказывалъ сосѣдямъ, въ какомъ видѣ была найдена Зотовымъ императрица. Всѣ морщились, слушая подробности его разказа. Кто-то вдругъ шопотомъ, съ расширенными глазами, напомнилъ пророчество А н д р е я В р а л я: Андрей Враль, умирая, предсказывалъ, что Екатерина II погибнетъ позорной смертію. Въ умѣ Александра Андреевича тоскливо зашевелился вопросъ—какой-такой Андрей Враль? И тотчасъ онъ вспомнилъ, что подъ этой шутливой кличкой былъ когда-то заточенъ государыней въ ревельскій казематъ (и умеръ тамъ) знаменитый митрополитъ Арсеній Мацѣвичъ, борецъ за вольности православной церкви. Александру Андреевичу вдругъ стало ужъ совсѣмъ нехорошо, хотъ онъ былъ ни при чемъ въ дѣлѣ митрополита Арсенія. Шатаясь, онъ отошелъ къ своему окну. Но его мѣсто на подоконникѣ было занято бойкимъ поручикомъ.

Изъ корридора появился дрожащій свѣтъ: лакей съ длинной свѣчой пошелъ вдоль стѣнъ, зажигая канделябры. Комната постепенно освѣщалась; слышался радостный гулъ. Когда лакей дошелъ до противоположнаго окнамъ угла, стоявшая тамъ кучка людей разступилась, чтобы дать ему дорогу, и Безбородко увидѣлъ, что на небольшомъ угольномъ диванѣ сидѣлъ Платонъ Александровичъ Зубовъ. Но онъ съ трудомъ узналъ князя. Лицо Зубова было совершенно искажено. На диванѣ рядомъ съ нимъ могло помѣститься еще два человѣка; однако, хотъ въ комнатѣ были заняты рѣшительно всѣ стулья, оба мѣста рядомъ съ Зубовымъ оставались свободными. Вблизи отъ князя, безцеремонно на него

уставясь, какъ на медвѣдя въ звѣринцѣ, стояло нѣсколько человѣкъ. Никто съ нимъ не говорилъ. Вначалѣ онъ самъ пробовалъ разговаривать съ окружающими; одни съ испугомъ отъ него отшатывались, другіе просто не отвѣчали или пожимали въ отвѣтъ плечами. Когда лакей, испуганно на него взглянувъ, зажегъ надъ нимъ свѣчи канделябра, Зубовъ болѣзненно сморщился и сказалъ шепотомъ, обращаясь неувѣренно, съ мольбой въ голосѣ, не то къ лакею, не то ко всей стоявшей передъ нимъ кучкѣ:

— Дайте мнѣ стаканъ воды...

Лакей не слышалъ словъ князя и поспѣшно прошелъ дальше. Послышался смѣхъ. Зубовъ съ ужасомъ взглянулъ на людей и вдругъ закрылъ лицо руками. Смѣхъ усилился. — «*Beau joueur!*», — произнесъ иронически кто-то вполголоса. Кто-то другой тоже вполголоса сказалъ фразу, въ которой всѣ слышали «кнутъ» и «Сибирь». Слова эти облетѣли комнату. Два сановника у окна заспорили объ участіи, ожидающей Платона Александровича. Одинъ полудовпросительно напомнилъ, что Павелъ Петровичъ въ свое время грозилъ по вступленіи на престолъ высѣчь фаворитовъ своей матери и сослать ихъ въ Сибирь. Безбородко испуганно посмотрѣлъ на говорившаго и тотчасъ отвернулся. Но другой сановникъ сталъ возражать:

— Мало чего въ запальчивости не скажешь! Шутка-ли, высѣчь и въ Сибирь! Этотъ сударь, какъ ни какъ, Андреевскій кавалеръ, генераль-фельдцейхмейстеръ, русскій столбовой дворянинъ и князь Римской Имперіи...

— А Волинскій? А Биронъ? А Минихъ? — сказало сразу нѣсколько голосовъ.

— Да-съ, графъ Минихъ былъ воинъ почище этого...

— Однако, чувствительность Павла Петровича известна. Можетъ, Его Величество и помиловать...

— Его Высочество, — поправилъ сердито Валуевъ, показывая глазами на дверь спальни.

Безбородко растерянно оглядѣлся по сторонамъ. Въ комнатѣ онъ увидѣлъ человѣкъ десять, о которыхъ упорно говорили, будто они пользовались въ разное время милостями государыни...

Дверь спальни настаякъ съ шумомъ распахнулась; изъ нея съ сіяющимъ радостью лицомъ выскочила Марья Саввишна и съ крикомъ бросилась къ дивану князя Зубова.

— Открыла глаза! Ожила! Пожалуйте! Теперь выздоровѣть! — лепетала она безсвязно.

Въ комнатѣ произошло смятеніе. Зубовъ поднялъ голову, уставился на Перекусихину, затѣмъ вдругъ понялъ смыслъ ея словъ. Сорвавшись съ дивана, онъ бросился въ спальную въ сопровожденіи Марьи Саввишны. Толпа мгновенно передъ нимъ разступилась. Кто-то второпяхъ побѣжалъ къ графину за стаканомъ воды для князя, но не успѣлъ. Дверь спальни уже закрылась.

— Вотъ бы далъ Господь!.. — Радость какая!.. — Я говорилъ, что еще есть надежда!.. — Что-жъ такое, что ударъ!.. — Всего шестьдесятъ семь лѣтъ!.. — У моей тетушки было три удара и жива!.. — слышалось съ разныхъ сторонъ. Безбородко не выдержалъ, маленькими шажками проплылъ къ спальній, пріоткрылъ дверь и отчаяннымъ, умоляющимъ жестомъ вызвалъ лейбъ-медика. Снова настала тишина.

— Ну, что вамъ? — недовольно спросилъ Роджерсонъ.

Александръ Андреевичъ хотѣлъ объяснить — и не могъ: языкъ не повиновался его усилію. Нѣсколько человѣкъ задало вопросы лейбъ-медику.

Выраженіе досады на лицѣ Роджерсона усилилось и перешло въ гримасу.

— Вѣдь я же ясно сказалъ, что никакой надежды нѣтъ, — сухо проговорилъ онъ, пожавъ плечами. — Зачѣмъ меня спрашивать, если вы больше вѣрите этой доброй женщинѣ? Часы Ея Величества сочтены... Открыла глаза!.. Что съ того?.. Это агонія...

Онъ круто повернулся и столкнулся съ Zubovымъ, который выходилъ изъ комнаты съ прежнимъ выраженіемъ отчаянія на лицѣ. Услышавъ рыданіе Александра Андреевича, князь протянулъ руки, желая его обнять. Безбородко въ испугѣ попятился назадъ. Роджерсонъ исчезъ въ спальню.

Въ корридорѣ за дверью слышались шаги, — не такіе, какими ходили теперь всѣ, а спокойные, неторопливые, очень тяжелые. Въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, головой выше высокаго человѣческаго роста, и наружности, какую никогда никто не могъ бы забыть, разъ ее увидавъ. Страшное лицо его отъ уха до рта было пересѣчено глубокимъ шрамомъ.

«Орловъ... графъ Алексѣй Григорьевичъ... Чесменскій...» — пронесся по комнатѣ шепотъ.

Имя убійцы Петра III теперь звучало еще гораздо болѣе зловѣще, чѣмъ имя князя Zubова. Но надъ Алексѣемъ Орловымъ никто не смѣялся, и никто не злорадствовалъ. Всѣ смотрѣли съ ужасомъ на его могучую фигуру. На немъ былъ мундиръ серебряной парчи, залитый драгоценными камнями величавы невиданной даже при дворѣ Екатерины II, Андреевская лента и на груди портретъ государыни въ алмазной рамѣ (послѣ смерти своего брата и Потемкина онъ одинъ въ Россіи имѣлъ право носить на груди портретъ императрицы). Орловъ равнодушно оглядѣлъ людей, находившихся въ комнатѣ, и, слег-

ка усмѣхнувшись (усмѣшка у него при его шрамѣ была особенно страшная), медленно прошелъ къ двери спальни. Въ комнатѣ стояла совершенная тишина. Алексѣй Орловъ неторопливымъ движеніемъ открылъ дверь и, слегка вздрогнувъ, остановился. Наклонивъ голову, держась обѣими огромными руками за косякъ двери, недостаточно высокой для его роста, онъ стоялъ такъ неподвижно нѣсколько минутъ, не отводя глазъ отъ хрипящаго тѣла императрицы Екатерины. Роджерсонъ поднялся со стула и отчаянно замахалъ руками. Протасова мгновенно закрѣпилась въ своей позѣ глубокаго отчаянія. Марья Саввишна, смертельно, какъ и государыня, какъ и всѣ, боявшаяся Алексѣя Орлова, въ ужасѣ подняла на него глаза.

— Съ утра еще былъ здѣсь. — прошепталъ кто-то около Александра Андреевича.

— Больной пришелъ...

— Видно, Ерофеичъ вылечилъ...

Алексѣй Орловъ отъ всѣхъ болѣзней лечился звѣробойной настойкой, которую рекомендовалъ ему знахаръ Ерофеичъ. Лицо его было въ самомъ дѣлѣ очень блѣдно.

...Онъ стоялъ неподвижно — и жизнь Екатерины, такъ странно, такъ страшно сплетенная съ его собственной жизнью, безсвязно передъ нимъ проходила... Она была его любовницей, она имѣла отъ него сына, онъ возвелъ ее на престолъ, онъ задумилъ ея мужа. Передъ нимъ всталъ образъ любимого брата, который былъ главнымъ ея любовникомъ, который долженъ былъ стать ея мужемъ. И вдругъ промелькнуло въ его памяти видѣніе, быть можетъ, самое страшное, вмѣстѣ съ призракомъ убійства въ Ропшинскомъ замкѣ, изъ всѣхъ страшныхъ видѣній, которыя по ночамъ могли тревожить память

Орлова-Чесменскаго, — образъ брата Григорія въ послѣдніе дни жизни: этотъ человѣкъ несравненной красоты, этотъ любимецъ судьбы, этотъ идолъ женщинъ, въ припадкѣ неизлечимаго безумія пожиралъ свои изверженія...

Казалось, всё присутствовавшіе въ комнатѣ угадывали чувства Алексѣя Орлова. Въ общей тишинѣ слышенъ былъ только ужасный хрипъ, неумолчно несшійся съ тюфяка на полу спальни. Что-то вдругъ измѣнило на мгновеніе не мысли, а души людей. Радостное оживленіе исчезло, человѣческія чувства пробудились. Люди почувствовали не близящуюся переменѣ престола, не появленіе новыхъ любимцевъ, не новыя награды и опалы, не конецъ шумнаго царствованія, а смерть — смерть женщины, съ которой каждаго изъ нихъ связывала большая часть жизни. Блѣдное лицо Орлова дрогнуло. Онъ медленно закрылъ дверь и пошелъ назадъ. По дорогѣ ему попался на глаза Платонъ Зубовъ, котораго на диванѣ поили водой со сбивчивыми словами утѣшенія. Графъ Чесменскій опять усмѣхнулся и неторопливо вышелъ изъ комнаты.

Своей тяжелой походкой онъ спустился по лѣстницѣ. Внизу происходила суматоха. Парадные двери были открыты настежь. Съ улицы виднѣлись огни факеловъ и слышался звонъ колокольчиковъ. Отъ подъѣзда отъѣзжала вереница экипажей. По вестибюлю шла толпа людей. Впереди бѣжалъ невысокій, худощавый человѣкъ въ большихъ пудренныхъ букляхъ, съ огромной шпагой, болтавшейся позади, на спинѣ, между фалдъ длиннаго кафтана стараго прусскаго образца. Алексѣй Орловъ почтительно склонился передъ наслѣдникомъ престола. Павелъ Петровичъ на мгновеніе приросъ къ землѣ, странно заслонивъ лицо краснымъ обшлагомъ своего гренадерскаго мундира, затѣмъ что-то пробормо-

талъ и побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. За нимъ шелъ, покачиваясь, сопровождавшій его изъ Гатчины графъ Николай Zubovъ*).

VI

Въ день смерти государыни Штаалъ постигла большая непріятность: онъ схватилъ сильнѣйшій насморкъ и принужденъ былъ сидѣть нѣсколько дней дома. Весь Петербургъ въ эти дни толпился во дворцѣ, и показаться знакомымъ дамамъ съ краснымъ распухшимъ носомъ и слезящимися глазами Штаалъ, разумѣется, считалъ невозможнымъ. Каждое утро онъ старательно выписывалъ на листѣ бумаги: «Заболѣвъ сего числа, службы Его Императорскаго Величества нести не могу» (въ первое утро онъ ошибся и по привычкѣ — ему довольно часто случалось сказываться больнымъ—вмѣсто «Его Величества» написалъ «Ея Величества»). Небритый и злой, сидѣлъ онъ въ своей жарко натопленной квартирѣ, непрерывно кашляя и мучительно чихая. То лѣниво рисовалъ въ тетрадкѣ разныя скицы, то со злостью читалъ случайно ему попавшійся седьмой томъ «Французской революціи» врача Христофа Гиртаннера (удивляясь при этомъ, какъ все въ ней было несогласно съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ Парижѣ). Квартира его, на Хамовой улицѣ, была изъ двухъ комнатъ, небогатая и неудобная, съ мебелью рыжеватаго цвѣта, — этотъ рыжеватый цвѣтъ почему-то создавалъ впечатлѣніе бѣдности и провинціи, несмотря на усиленную погоню Штаалъ за модой и за тѣми дорогими вещами, которыя онъ могъ себѣ позволить. Одну изъ стѣнъ кабинета (наи-

*) Будущій убійца императора Павла.

Авторъ.

болѣе ободранную) прикрывалъ настоящий гобелень, за безцѣнокъ купленный у французскаго эмигранта. На другой стѣнѣ висѣли двѣ скрещенныя рапиры, а подѣ ними кинжалъ дамасской работы и огромный пистолеть. Была въ кабинетѣ еще полка съ небольшою коллекціей табакерокъ изъ яшмы и слоновой кости и съ двумя лорнетами (ихъ больше почти не носили съ тѣхъ поръ, какъ носить ихъ было приказано будочникамъ). На письменномъ столѣ лежали — большая рѣдкость — недавно изобрѣтенныя въ Бирмингемѣ Гаррисоновскія стальные перья (Штааль впрочемъ писалъ гусиными, но тщательно ихъ пряталъ въ ящикъ, а знакомыхъ увѣрялъ, что стальные, хоть гораздо дороже, но зато удобнѣе). Въ спальной гостямъ совсѣмъ нечего было показывать, — развѣ только бутылъ съ душистой водою, которую изготовлялъ въ Кельнѣ сардинецъ Фарина и которая даже во Франціи была въ ту пору извѣстна лишь щеголямъ.

Скучалъ Штааль невообразимо. Отъ скуки и одиночества быстро прошло то небольшое удовольствіе, которое доставляетъ людямъ, особенно молодымъ, легкое, не причиняющее болѣе, нездоровье и связанное съ нимъ законное состояніе бездѣлья. Всѣ товарищи его, повидимому, забыли совершенно; никто не счелъ нужнымъ зайти навѣстить больного. Озлобленіе противъ людей росло въ молодомъ человѣкѣ съ каждымъ часомъ. «Такъ и пропадешь съ ними, какъ собака», — говорилъ онъ себѣ вслухъ. Онъ догадывался, что въ столицѣ происходятъ событія большой важности, и полное отсутствіе новостей угнетало его чрезвычайно.

Неожиданно въ пятницу часовъ въ семь вечера къ нему вдругъ заглянулъ Иванчукъ. Штааль, хоть не слишкомъ его любилъ, обрадовался ему такъ, что потомъ было совѣстно вспоминать. Озлобленіе противъ людей и отвращеніе отъ жизни прошли у больного

мгновенно. Онъ вдобавокъ видѣлъ (и мудрено было не видѣть), что секретарь графа Безбородко начиненъ новостями больше всякой мѣры. Ужасъ охватилъ Штаалъ, какъ бы Иванчукъ тотчасъ не ушелъ. Онъ сталъ умолять гостя остаться на весь вечеръ, — и, торопливо соображая содержаніе кошелька, обѣщалъ послать за ужиномъ къ Демуту или къ Юге и поставить море шампанскаго. Иванчукъ согласился не сразу и неохотно, съ такимъ видомъ, будто у него былъ на этотъ вечеръ десятокъ другихъ, гораздо лучшихъ приглашеній. Но все-же согласился остаться, потребовавъ, чтобы ужинъ былъ именно отъ Демута, а ни въ какомъ случаѣ не отъ Юге, который кормить дохлятиной. Штаалъ не обидѣлся на тонъ гостя: видѣлъ, что онъ ломается и самъ горитъ охотой рассказать новости. Иванчукъ сбросилъ шубу будто небрежно, однако-же такъ, что она ни однимъ краемъ не коснулась пыльнаго пола. При этомъ Штаалъ не могъ не замѣтить, какъ нарядно былъ одѣтъ его гость. Подъ шубой-винчурой туруханскаго волка у него оказался зеленый, шитый золотомъ и шелками камзолъ, гроденаплевые панталоны, застегнутыя ниже колѣнъ серебряными пряжками, и полосатые—не вдоль, а поперекъ, колечками—шелковые чулки. Въ рукахъ онъ держалъ бѣлую муфту — «маньку». Все это было очень модно и тщательно обдуманно. Штаалъ утѣшился тѣмъ, что у Иванчука была все-же не соболя муфта, а манька изъ украинской овцы, и камня на пряжкахъ у него едва ли настоящія — развѣ одинъ или два, что поменьше? — и часовъ какъ будто была при немъ лишь одна пара вмѣсто полагавшихся модникамъ двухъ, — вторая цѣпочка служила для отвода глазъ. Иванчукъ былъ настроенъ возбужденно и весело. Въ первые часы послѣ несчастья съ государыней онъ нѣсколько встревожился въ связи съ участью, ожидавшей графа Александра Андреевича, — и даже немного ще-

голялъ передъ другими своей тревогой, говорившей, что онъ, какъ тотъ или другой вельможа, могъ впасть въ немилость при новомъ императорѣ. Разумѣется, ему по настоящему ничего не приходилось опасаться: въ случаѣ опалы Безбородко, у Иванчука нашлись-бы другіе покровители. Но это означало бы важную переменѣу въ его жизни. Кромѣ того, Иванчукъ, какъ все приближенные Александра Андреевича, искренно любилъ графа. Тревога его продолжалась недолго: послѣ тридцатичасоваго отсутствія Безбородко вернулся изъ дворца домой. Хотя видъ у графа былъ разбитый и потрясенный, но по особому сіянію его измученнаго лица, по торжествующимъ огонькамъ въ заплавленныхъ глазахъ, распухшихъ отъ слезъ и бессонницы, по той жалости, съ какой онъ упомянулъ о Зубовѣ, Иванчукъ сразу почувствовалъ, что все обстоитъ благополучно. А часа черезъ два, немного отдохнувъ, Безбородко самъ вызвалъ къ себѣ секретаря и поговорилъ съ нимъ о дѣлахъ, не очень откровенно, но и не слишкомъ скрываясь. Оказалось, что новый императоръ обласкалъ Александра Андреевича и передъ нимъ открывались совершенно неожиданно самыя блестящія надежды. Какъ это произошло, графъ не говорилъ и даже старался (хоть при этомъ неуверенно смотрѣлъ на Иванчука) взять такой тонъ, будто милость къ нему Павла Петровича совершенно естественна, — иначе и быть не могло, — а разстроенъ онъ наканунѣ былъ главнымъ образомъ несчастьемъ съ государыней. Впрочемъ о любви своей къ покойной матушкѣ Безбородко теперь не очень распространялся, даже въ разговорѣ съ секретаремъ, которому онъ въ общемъ вѣрилъ (Александръ Андреевичъ въ общемъ вѣрилъ довольно многимъ людямъ, но до конца не откровенничалъ ни съ кѣмъ. Поступалъ онъ такъ инстинктивно; въ переводѣ же на языкъ связныхъ сужденій инстинктъ го-

ворилъ ему приблизительно слѣдующее: такому-то человѣку вѣрить можно,—онъ хорошій человѣкъ и вообще не продастъ, однако, если не вообще и если предложить большія деньги, то пожалуй и продастъ, — почему не продать?). Изъ короткаго разговора съ графомъ Иванчукъ узналъ, что дѣль, должностей и наградъ теперь будетъ больше прежняго (наградъ въ послѣднее время при государынѣ было — изъ-за Зубова — маловато).

— Вѣдь я кто былъ? — прямо сказали Безбородко. — Золотарь... Ей-Богу, золотарь. Что князь Зубовъ гадилъ, то я убиралъ.

По этому прошедшему времени «былъ» и «гадилъ» Иванчукъ понялъ, что торжество Александра Андреевича гораздо больше даже, чѣмъ онъ даетъ понять. Совершенно успокоенный, Иванчукъ самъ заговорилъ объ Екатеринѣ.

— Погасло солнце Россійское: Великая тѣломъ во гробѣ, душою въ небесахъ, — прочувственно произнесъ онъ фразу, которую слышалъ отъ Шишкова.

— Кто минуетъ непремѣнность смерти? — уклончиво отвѣтилъ Безбородко и тотчасъ сѣлъ писать какую-то промеморію.

Въ тотъ же день Иванчукъ услышалъ въ трехъ мѣстахъ, съ разными вариантами, рассказы о растопленномъ каминѣ и о пакетѣ, перевязанномъ черной ленточкой, содержавшемъ завѣщаніе государыни, которое Павелъ Петровичъ будто бы сжегъ по совету Безбородко. Уваженіе Иванчука къ уму Александра Андреевича (и безъ того очень большое) возросло чрезвычайно. Онъ побывалъ уже въ десяти мѣстахъ, рассказывая сенсаціонныя новости. Но такъ какъ сенсаціонныя новости въ эти дни рассказывали всѣ, то ему особенно пріятно было зайти къ больному, ничего не знавшему Штаалю.

Выйдя въ переднюю, Штааль позвалъ денщика, вручилъ ему три пятирублевки и отдалъ распоряже-

нія шопотомъ (смутно предполагая, что Иванчукъ въ кабинетѣ прислушивается). Два обѣда у Демута (въ семь часовъ еще должны были оставаться обѣды) стоить недорого: главный расходъ составляло обѣщанное сторяча море шампанскаго: меньше двухъ бутылокъ было очевидно никакъ нельзя поставить. Штааль тревожно соображалъ, что если у Демута бутылка шампанскаго стоитъ не дороже, чѣмъ въ Лондонской (гдѣ онъ недавно кутилъ), пятнадцати рублей хватить: если-же нѣтъ, то выйдетъ очень неловко, — тогда надо будетъ все свалить на непонятливаго денщика (Штааль чувствовала однако, что кого-другого, а Иванчука на непонятливости денщика не проведешь). Онъ подумалъ еще немного — и шопотомъ приказалъ денщику сбѣгать къ Юге. Затѣмъ, вернувшись въ кабинетъ, Штааль объявилъ, что къ Демуту послано, сѣсть въ кресло, чихнулъ, хотѣлъ сказать «ну, рассказывай, что и какъ», но опять чихнулъ, и только жестами выразилъ, что смѣшонъ, самъ чувствуетъ это, просить извинить и умоляеть не томить.

Иванчукъ понесъ. Началь, разумѣется, съ завѣщанія Екатерины, устранявшаго Павла Петровича отъ престола. Со всѣми подробностями сообщилъ вполголоса (чтобъ было страшнѣе, — услышать не могъ никто) объ участіи графа Безбородко въ уничтоженіи этого завѣщанія, — при этомъ далъ понять, что сообщаетъ далеко не все, а только то, что можно. Разсказалъ о безудержной нескрываемой радости новаго императора. Государь, по его словамъ, собирался щедро наградить Мамонова, который семь лѣтъ тому назадъ, въ бытность свою фаворитомъ Екатерины, съ большимъ скандаломъ и къ тяжкому ея горю, измѣнилъ ей и женился на княжнѣ Щербатовой. (Мамонову и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ былъ пожалованъ графскій титулъ Россійской Имперіи). Съ юморомъ говорилъ Иванчукъ объ отчаяніи князя

Зубова, вдобавокъ ко всему оставшагося безъ квартиры; о Михаилѣ Илларионовичѣ Кутузовѣ, — онъ при жизни государыни собственными руками готовилъ для Зубова кофей и самъ относилъ его князю въ постельку, а теперь могъ быть въ большомъ безпокойствѣ; о Нелидовой, долготѣтней любовницѣ Павла Петровича, какъ на зло поссорившейся съ нимъ незадолго до его восшествія на престолъ (всѣ впрочемъ надѣялись, что Катерина Петровна помирится съ императоромъ: Нелидову любили за ея незлобивость и безкорыстіе); о Ростопчинѣ, который послѣ воцаренія своего друга сталъ будто выше ростомъ, не сразу узнавалъ знакомыхъ и, только пощурившись немного, любезно кивалъ имъ головою — впрочемъ не всѣмъ и не всегда. То, что рассказывалъ Иванчукъ, было очень интересно Штаалу, какъ всѣмъ, ибо относилось ко двору и къ первымъ сановникамъ имперіи.

Денщикъ принесъ обѣдъ: гласированную семгу, утку въ обуви съ солеными сливами, соусъ «поутру-проснувшись», дѣвичій кремъ и двѣ бутылки шампанскаго. Иванчукъ удовлетворился тѣмъ, что все было отъ Демута, и не очень ругался, хоть соусъ «по утру-проснувшись» былъ холодный, а шампанское — теплое. Онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, не умолкая ни на одну минуту.

— А у васъ теперь все пойдетъ по новому, — воскликнулъ Иванчукъ уже на второй бутылкѣ шампанскаго (военныя новости его интересовали мало и потому о нихъ онъ вспомнилъ послѣдними, — вообще къ военнымъ относился свысока). — Было время, а нынѣ иное. Знаешь, кто у васъ теперь будетъ первое лицо? Аракчеевъ.... Ну да, Алеша Аракчеевъ, тотъ самый, что солдату ухо откусилъ... Онъ завтра, кажется, получаетъ генераль-майора... И будетъ жить во дворцѣ, говорить, въ квартирѣ Платона... Видаль? Да, ужъ послалъ вамъ Богъ

сахару! Алешка васъ подтянетъ. Кадетскій корпусъ, говорятъ, такъ подтянулъ, что лучше не надо... Теперь держись. Какъ поднесетъ, такъ одинъ не выпьешь!

— Ну, это мы еще посмотримъ, какъ онъ насъ подтянетъ, — сказалъ Штааль заодно. — Гвардіа, слава Богу, не кадетскій корпусъ.

— Очень просто какъ. Павелъ Петровичъ (Иванчукъ больше не говорилъ Павликъ) его во всемъ слушаетъ. Шутить, братъ, не будутъ.

— Ну, и мы не будемъ! — воскликнулъ разгоряченный новостями и шампанскимъ Штааль. — 1762-ой годъ помнишь?

Онъ самъ немного испугался своихъ словъ и попытался замаять ихъ легкимъ смѣхомъ. Иванчукъ посмотрѣлъ на него.

— Кстати, — сказалъ онъ, — ужъ если ты вспоминаешь 1762-ой годъ... Можешь себѣ представить, Пассекъ, узнавъ о кончинѣ государыни, скрылся неизвестно куда, — пропалъ безъ вѣсти, просто смѣхъ... А Федьку Барятинскаго, ужъ какъ онъ ни метался ужемъ и жабою, государь уволить въ чистую, — не убивай царей... Такъ этому грубьяну и надо. На его мѣсто гофмаршаломъ назначенъ Шереметевъ. А Алексѣю Орлову ничего сошло, — и въ усь себѣ не дуешь. Говорили, будто его повѣсятъ, да провралось, братъ, совершенно.

— Вотъ тебѣ разъ, — сказалъ озадаченно Штааль. — Вѣдь изъ всѣхъ убійцъ Петра главный — графъ Алексѣй Григорьевичъ?..

— Ну да, кто-жъ этого не знаетъ? Другіе только помогали ему душить. — я самъ отъ Барятинскаго это слышалъ... Дѣло, видишь-ли, въ томъ, — Иванчукъ опять понизилъ голосъ, — Павелъ Петровичъ боится Орлова... У него большія связи въ войскахъ и среди генералитета... Ахъ да, генераль-адъютантамъ запрещено носить тросточки

на приемахъ... Голубчикъ, да вѣдь я забылъ, вѣдь ты еще ничего не знаешь! У васъ по части мундировъ перемѣны страшныя. Теперь всѣхъ васъ нарядаютъ на гатчинскій ладъ... Помнишь старый прусскій Бироновскій кафтанъ, ну, какъ въ оперѣ-буффѣ Ненчини носилъ? Такъ теперь всѣ будете ходить...

— Не можетъ быть! — воскликнулъ Штааль.

— Какъ же, какъ же... Приказъ вышелъ, всѣ ваши офицеры плачутъ. И то сказать: красоты никакой... Прощайся, братъ, съ синимъ мундиромъ, Кафтанъ дадутъ тебѣ кирпичнаго цвѣта, и волосы велѣно зачесывать назадъ, въ косичку или гарбетелемъ. Саломъ будете мазать... И въ экипажахъ ѣздить тоже строжайше вамъ запрещено: либо въ дрожкахъ, либо верхомъ... Хороша погодка, чтобы верхомъ кататься? — спросилъ насмѣшливо Иванчукъ, показывая рукой на окно (погода была дѣйствительно ужасная)... Ужъ вамъ при матушкѣ точно во всѣхъ отношеніяхъ жилось привольнѣе... Вообще прожекторовъ и затѣвъ великое множество. Да, — радостно вспомнилъ онъ еще. — Пѣхоты больше нѣтъ, велѣно называть инфантеріей. И не взводъ, а плутонгъ... И не отрядъ, а деташементъ. А вмѣсто «ступай!» будете командовать «маршъ!»... Я ужъ сегодня слыхалъ на Царицыномъ углу. Ничего, хорошо, только солдаты еще не понимаютъ...

— Но какъ же, обмундировочныя-то хоть дадутъ, вѣдь я только что сшилъ новый мундиръ, — растерянно спросилъ, чихая, Штааль, у котораго отъ этихъ новостей голова пошла кругомъ.

— А ужъ этого, голубчикъ, я не знаю. Едва-ли впрочемъ, — отвѣтилъ Иванчукъ, наливая послѣдній бокалъ шампанскаго. — Хуже, братецъ мой, то, что и на насъ, вольныхъ людей, готовится напасть. Губернаторомъ Петербурга, — добавилъ онъ, — назначается Архаровъ. Чай, слыхалъ? Звѣрь, братецъ

мой, совершенный. Онъ, да Черединъ, да Чичеринъ, хуже звѣрей свѣтъ не видалъ, съ тѣхъ поръ, какъ Пешковский околѣлъ. Ты въ Москву поѣзжай, тамъ тебѣ о нихъ расскажутъ. Знаешь ли ты, что такое значить «вывѣдать подноготную»? Небось слышалъ? Это Архаровъ съ Черединымъ въ Москвѣ на Лубянкѣ на допросахъ гвозди подъ ногти вбиваютъ, — вотъ тебѣ и есть подноготная.

Штааль дѣйствительно слышалъ это выраженіе, но смысла его не зналъ. Онъ представилъ себѣ, какъ подъ ногти вбиваютъ гвозди, и лицо его искривилось. Брезгливо онъ отставилъ на столъ бокалъ съ шампанскимъ и задумался.

— Впрочемъ, мнѣ жаловаться грѣхъ, — сказалъ Иванчукъ. — Нашъ Сашенька въ большомъ фаворѣ и я, сказать тебѣ правду, и для себя надѣюсь хорошаго успѣха...

Съ улицы вдругъ послышались отчаянные крики, и звукъ какого-то страннаго инструмента, — будто желѣзомъ били по желѣзу. Иванчукъ сильно поблѣднѣлъ. Штааль вздрогнулъ и поспѣшилъ къ окну. По Хамовой улицѣ со стороны Невского шли огромные люди въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ съ треугольнымъ верхомъ. Они отчаянно били молотками о желѣзо и орали нечеловѣческими голосами:

— Гас-сите огни!.. Гас-сите свѣтъ!..

Изъ всѣхъ домовъ высывались растерянные лица.

— Нахтвахтеры, — прошепталъ за спиной Штаала Иванчукъ. — Значить, это говорили правду: съ нынѣшняго дня всѣмъ велѣно ложиться спать въ девять часовъ...

Штааль изумленно переводилъ взоръ съ Иванчука на нахтвахтеровъ. Онъ могъ повѣрить чему угодно, только не этому.

Въ домѣ противъ нихъ, въ одномъ изъ оконъ, свѣтъ вдругъ погасъ, — тамъ задули свѣчу. Мгно-

венно за этимъ окномъ послѣдовали другія. Черезъ минуту улица стала темна. Издали, понемногу слабѣя, слышался тотъ же ревъ:

— Гас-сите огни!... Гас-сите свѣтъ!...

VII

...Домъ, неувѣренно раскрашенный въ разные цвѣта и выцвѣтшій отъ времени, былъ старый, Елизаветинскихъ или, быть можетъ, даже Бироновскихъ временъ. На фасадѣ его, въ вырубленныхъ на камнѣ странныхъ звѣрькахъ и штучкахъ, въ пѣтушьяхъ гребешкахъ, въ побитыхъ грифонахъ, сказалась та мрачная веселость, которая отличаетъ постройки кровавыхъ эпохъ — точно строитель хотѣлъ и не могъ отдохнуть въ искусствѣ душою: захудалый гезель отъ архитектуріи, онъ видно чтилъ и голландцевъ, и нѣмцевъ, и итальянцевъ, но хранилъ въ сердцѣ память Дмитріевского собора во Владимірѣ.

Домъ былъ безъ сѣней, безъ монументальной лѣстницы, безъ двусвѣтной залы съ колоннами, безъ зимняго сада, безъ всего того, что полагалось имѣть у себя богатому русскому вельможѣ. И комнатъ было не очень много, не болѣе двадцати во всѣхъ трехъ этажахъ вмѣстѣ. Соединяли ихъ узкія темныя лѣстницы и неровные, невысокіе, длинные коридоры. Самъ владѣлецъ дома проводилъ жизнь въ двухъ комнатахъ второго этажа. Одна служила кабинетомъ,*) другая спальней. Обѣ были не очень большія, темныя и странныя.

Первая комната была будто нарочно сдѣлана по образцу старыхъ нѣмецкихъ гравюръ, изображающихъ кабинеты алхимиковъ. Имѣлись въ ней

*) Это мѣсто смерти Вардбурга въ моемъ романѣ изъ современной жизни „Ключъ“

Авторъ.

огромный, косо поставленный глобусъ съ металлическими кругами, собранный, свинченный человѣчскій скелетъ, тяжелыя каменные и металлическія реторты и много другихъ предметовъ, совершенно ненужныхъ человѣку, занимающемуся химіей или какакой бы то ни было другой наукой. По стѣнамъ, въ книжныхъ шкапахъ чернаго дерева, стояли тяжелыя, неудобныя, отпугивающія книги. Потолокъ былъ дубовый, съ тяжелой, скучной рѣзьбой непонятнаго содержанія.

Стѣны и полъ сосѣдней комнаты были выстланы чернымъ сукномъ съ нашитыми золотыми слезами. Въ комнатѣ этой съ однимъ небольшимъ окномъ днемъ было темно. Мебели имѣлось въ ней мало: невысокая кровать, покрытая чернымъ одѣяломъ, да еще посрединѣ круглый столъ. Когда зажигались свѣчи въ тройномъ серебряномъ канделябрѣ, на черной скатерти стола красивыми пятнами выдѣлялись рукописи, писанныя частью красными, частью черными чернилами; всѣ онѣ были богато переплетены и всѣ по разному: въ красную, зеленую, черную кожу, въ голубой, синій, бѣлый атласъ. На переплетахъ были вытиснены звѣзды, кресты, пентаграммы, щиты съ двуглавымъ орломъ, циркули, лопатки, и прошиты были рукописи золотымъ шнуромъ, припечатаннымъ семью печатами, на которыхъ изображалась свернувшаяся въ кольцо змѣя.

Жилъ въ этомъ умышленно-мрачномъ домѣ Николай Николаевичъ Баратаевъ, странный человѣкъ съ душой неизмѣнно серьезной, какая встрѣчается рѣдко, — иногда у монаховъ-отшельниковъ, иногда у конспираторовъ-террористовъ, часто у жильцовъ сумасшедшаго дома. Въ Россіи такихъ людей во всѣ времена было больше, чѣмъ въ другихъ странахъ; больше было въ ней и отшельниковъ, и террористовъ, и сумасшедшихъ...

VIII

Тѣло императрицы Екатерины около недѣли лежало въ опочивальнѣ, а затѣмъ было перенесено въ тронный залъ. Врачи его набальзамировали какъ умѣли. Но умѣли они плохо, и придворные, которые по два раза въ день, вслѣдъ за императоромъ и царской семьей, являлись цѣловать руку скончавшейся государыни, блѣднѣли, исполняя этотъ обрядъ, и поспѣшно отходили отъ гроба. Объ Екатеринѣ почти всѣ совершенно забыли на третій день послѣ ея кончины. Если кто изъ стариковъ начиналъ вспоминать вслухъ какія - либо умиленные черты характера матушки или событія ея царствованія, на него смотрѣли со скукой. Успѣли надобѣсть также анекдоты и сплетни, неизбѣжно связанныя съ переходомъ престола; за нѣсколько дней все было пережевано. Никто не понималъ, почему государыню такъ долго не хоронятъ. Общее недоумѣніе еще усилилось, когда въ большой галерей, служившей для танцевъ въ дни баловъ, стали воздвигать необыкновенную постройку: на возвышеніи, огражденномъ колоннами, устроили ротонду и съ потолка, на подобіе круглаго шатра, спустили бархатную занавѣсъ съ серебряной бахромой и кистями. Этому сооруженію было дано имя: *castrum doloris*. По дворцу прошелъ слухъ, будто государь предполагаетъ короновать тѣло своего отца, императора Петра III, много лѣтъ назадъ задушеннаго, до коронаціи, Алексѣемъ Орловымъ, и будто тѣло Петра вмѣстѣ съ прахомъ государыни перенесутъ сюда, въ большую галерею. Слухъ произвелъ впечатлѣніе сильное и нехорошее. Въ этомъ увидѣли желаніе оскорбить память государыни, о роли которой въ убійствѣ Петра теперь вдругъ всѣ стали вспоминать втихомолку (а то и громко); тридцать четыре года

не помнилъ никто. Хотя объ Екатеринѣ нисколько не жалѣли, оскорбленіе умершей сочувствія не встрѣчало.

Подробности же того, какъ все это будетъ сдѣлано, вызывали смѣшанное чувство недоумѣнія, страха и любопытства. Съ самаго дня смерти Петра III никто о немъ не думалъ, кромѣ Павла Петровича, который помнилъ своего отца. Стали вспоминать, гдѣ похороненъ убитый императоръ. Обстановка его погребенія, послѣ убійства въ Ропшинскомъ замкѣ, была довольно загадочная. Однако съ помощью стариковъ-очевидцевъ удалось разыскать то мѣсто, куда въ 1762 году закопали императора. Гробовщики и полиція разрыли могилу и съ ужасомъ вытащили полуистлѣвшій, источенный, облѣпленный землею, но все же сохранившійся ящикъ. Въ одной изъ досокъ зіяла сбоку черная дыра. Никто не рѣшился въ нее заглянуть. Запаха, котораго боялись люди, разрывавшіе могилу, не было слышно...

Ящикъ, тотчасъ положенный въ великолѣпный гробъ, обитый золотымъ глазетомъ съ гербами, былъ открытъ въ присутствіи всей царской семьи и лицъ ея свиты.

Императоръ съ лицомъ землисто-блѣднымъ сталъ возлѣ плотника, не спуская съ крышки ящика остановившихся глазъ. Марія Федоровна для чего-то поддерживала царя подъ локоть и это видимо раздражало Павла. На румянномъ лицѣ императрицы была ясно написана совершенная преданность мужу и полное пониманіе того, какъ ему тяжело.

Кто-то изъ лицъ свиты держалъ на подушкѣ золотую корону (хоть коронованіе тѣла еще не должно было произойти въ этотъ день). Другіе придворные съ ужасомъ глядѣли то на золотой глазеть гроба, то на землистое лицо и остановившіеся глаза императора.

Плотникъ, перепуганный до послѣдней степени тишиной, устремленнымъ на него общимъ вниманіемъ, близостью царя и всего больше тѣмъ, что ему въ столь непривычной обстановкѣ нужно было дѣлать привычными инструментами привычныя движенія, нарушавшія тишину, съ долотомъ въ рукахъ наклонился надъ гробомъ. Ящикъ съ осыпавшейся землей былъ гораздо ниже новаго гроба и лишь немногимъ уже его, такъ что трудно было вдвинуть подъ крышку долото. Плотникъ ввелъ его наискось и надавилъ на рукоятку, не рѣшаясь сразу сильно нажать и боясь задѣть армякомъ золотой глазеть гроба. Крышка не поддавалась. Механическая привычка къ работѣ взяла свое: плотникъ быстро попробовалъ доски, передвинулъ долото и налегъ. Послышался трескъ. Крышка поднялась. Императоръ странно согнулся и застылъ. Великій князь Константинъ не вытерпѣлъ и, сдѣлавъ поспѣшно три шага впередъ, испуганно заглянулъ въ гробъ. Императрица выпустила руку мужа, и зашептала: „Schrecklich!..“

Императоръ склонился надъ ящикомъ, ухватившись обѣими руками за края. Плечи его тряслись и шпага, которую онъ носилъ сзади, странно болталась свободнымъ концемъ... Вдругъ Павелъ Петровичъ оторвался отъ гроба, перекрестился, взявъ съ подушки тяжелую корону, прикоснулся золотомъ къ одной изъ костей, съ ужасомъ отдернулъ руки, и, отступивъ на одинъ шагъ, не спуская глазъ съ ящика, знакомъ приказалъ крестившемуся плотнику опустить крышку.

По группѣ лицъ свиты медленно шель неясный испуганный шопотъ: въ ящикъ ничего не было кромѣ косы, нѣсколькихъ костей и полуистлѣвшаго сапога. Не было ни савана, ни вѣчника, ни иконы...

IX

Послѣ панихиды и коронованія тѣла, наглухо закрытый гробъ Петра III былъ перенесенъ въ Зимній дворецъ и поставленъ на возвышеніе въ *castrum doloris*. Возлѣ него горѣли высокія восковыя свѣчи, отсвѣчиваясь на золотой коронѣ, положенной поверхъ гроба, и на серебряныхъ каскахъ блѣдныхъ великановъ гвардейцевъ, которые днемъ и ночью неподвижно стояли по угламъ у подножья. Рядомъ на возвышеніи лежалъ все еще открытый гробъ императрицы Екатерины. Его тяжелая крышка стояла прислоненная къ колоннѣ и рѣзала глазъ, придавая мрачно-красивой картинѣ *castrum doloris* несимметрическій и недоконченный видъ. Въ огромной залѣ цѣлый день толпились люди. Утромъ и днемъ приходилъ простой народъ, робѣя поднимался по ступенькамъ, цѣловалъ руку государыни, выпростанную изъ подъ кисей, которой по шею было прикрыто тѣло, и проходилъ, очень довольный выполненнымъ долгомъ, дивясь роскоши и блеску дворца. Общество же пріѣзжало подвѣчеръ. Дворецъ былъ освѣщенъ слабо; только *castrum doloris* горѣлъ огнями безчисленныхъ свѣчей. Въ полутьмѣ колоссальный залъ былъ величественъ и прекрасенъ. Одни и тѣ же люди пріѣзжали каждый вечеръ, повидать другъ друга, поговорить. Среди лицъ, отдававшихъ послѣдній долгъ Петру III, украдкой показывали его убійцъ. По ночамъ устраивались дежурства придворныхъ кавалеровъ и дамъ, офицеровъ гвардіи и собственно всѣхъ желавшихъ. Немногіе долго оставались въ залѣ, такъ какъ въ ней было холодно (окна не закрывались). Въ сосѣднихъ же комнатахъ время проводилось пріятно. Пошла мода назначать свиданія на дворцовыхъ дежурствахъ, и пожилые богобоязненные люди неодобри-

тельно качали головами. Были даже жалобы, но на нихъ, въ общемъ переходномъ неустройствѣ дѣлъ, не обращалъ вниманія никто изъ новыхъ людей, вѣдавшихъ новымъ этикетомъ.

Штааль съ восьми часовъ устроился въ большой проходной затянутой крепомъ комнатѣ, открывавшейся въ залъ прямо противъ *castrum doloris*. Въ ней свѣчи вовсе не зажигались. Лишь въ каминѣ горѣлъ огонь, освѣщая вѣеромъ часть комнаты. Штааль сидѣлъ въ покойномъ креслѣ, то наблюдая людей, попадавшихъ въ свѣтлую полосу камина, то поворачиваясь къ залу и вглядываясь въ огни возвышенія. Во дворцѣ были знакомые офицеры, были и Иванчукъ (онъ пріѣзжалъ ежедневно на весь вечеръ), но Штааль не искалъ ихъ общества, такъ какъ поджидалъ Настеньку. Ждать надо было долго и, чтобъ убить время, онъ усиленно старался думать и дѣлать тонкія наблюденія.

Спектакль на театрѣ Баратаева не могъ состояться изъ за траура. Штааль два раза побывалъ въ домѣ старика (такъ онъ упорно называлъ его въ мысляхъ, хотя Баратаеву было не болѣе пятидесяти лѣтъ). Старикъ собиравался въ Италію, и отчасти въ связи съ этой поѣздкой, отчасти независимо отъ нея, ему нуженъ былъ секретарь; онъ впрочемъ ни разу не употребилъ этого слова, и обязанности нужнаго ему лица опредѣлялъ не вполне ясно: повидимому надо было помогать ему — не то въ научныхъ изысканіяхъ (съ которыми связывалось путешествіе за границу), не то въ практическихъ дѣлахъ. Кромѣ знанія иностранныхъ языковъ ничего не требовалось. А жалованье Баратаевъ предлагалъ такое щедрое, какого Штааль и не ожидалъ. Обращеніе старика было самое учтивое: онъ даже продолжалъ говорить Штаалю не только по французски, но и по русски въ, что въ ту пору по отношенію къ молодымъ лю-

дямъ было довольно необычно. Во время визита онъ угощалъ Штаалъ виномъ, которое называлъ мальвазіей, и, подливая, по старинному говорилъ «совершенная дрянь-съ», хотя вино было превосходное.

«Отчего же временно не принять?» — думалъ Штаалъ. — «Не понравится, уйду, вернусь въ полкъ... Отпускъ на три мѣсяца мнѣ конечно дадутъ, — я до сихъ поръ ни разу не бралъ отпуска... Интересно вѣдь поглядѣть на Италію... Но главное конечно — ѣдетъ ли Настенька»...

Это дѣйствительно было самое главное. Однако, старика объ этомъ никакъ нельзя было спросить. Отвѣта на вопросъ Штаалъ ждалъ отъ самой Настеньки. Свиданіе было назначено ей длиннымъ страстнымъ письмомъ, надъ которымъ онъ работалъ два дня, взявъ въ офицерской бібліотекѣ Карамзина и «Новую Элоизу». Отвѣтное письмо Настеньки, не очень грамотное, но чрезвычайно милое, Штаалъ носилъ на груди и былъ недоволенъ тѣмъ, что карманъ приходился не на самомъ сердцѣ. Настенька принимала свиданіе въ залѣ дворца. Но освободиться она могла лишь къ десяти часамъ вечера. Штаалъ рассчитывалъ повести ее въ ресторанъ. О дальнѣйшемъ онъ не смѣлъ думать, — такъ онъ говорилъ себѣ словами романовъ, когда замирая думалъ объ этомъ дальнѣйшемъ: ни о чемъ другомъ онъ не думалъ въ два дня, послѣдовавшіе за полученіемъ письма Настеньки.

Штаалъ посмотрѣлъ на часы,—было девять. Онъ вздохнулъ и занялся наблюденіями. Для наблюдений мѣсто его было очень удобно. Почти всѣ посетители проходили по черной комнатѣ; многіе оставались у камина. Были здѣсь и сановники прошлаго царствованія, отличавшіеся видомъ нѣсколько ироническимъ и растеряннымъ. Ихъ Штаалъ всѣхъ зналъ въ лицо (это доставляло

ему удовольствие). Рѣже попадались новые люди. У нихъ, напротивъ, выраженіе было довольно пренебрежительное, точно они хотѣли показать, что вовсе имъ незначѣмъ здѣсь быть, что есть у нихъ пропасть другихъ, важныхъ дѣлъ, но что они, несмотря на все, исполняютъ что доброй волѣ, изъ приличія, эту не очень нужную формальность. И дѣйствительно новые сановники не задерживались во дворцѣ: поспѣшно всходили въ *castrum doloris*, съ озабоченнымъ видомъ цѣловали государынѣ руку (никто, кромѣ простого народа, въ дѣйствительности ея не цѣловалъ: всѣ только нагибались и дѣлали движеніе ртомъ, оставляя разстояніе между рукой и губами) и быстро уходили: одни внизъ по парадной лѣстницѣ, другіе, самые важные, въ покои новаго императора.

Иванчукъ, разыскавшій скоро Штааля, присѣлъ на ручку его кресла и положилъ Штаалю руку на плечо, — это свидѣтельствовало о томъ, что онъ былъ во дворцѣ свой человѣкъ и могъ даже оказывать покровительство. Иванчукъ охотно бывалъ въ обществѣ Штааля. Почти у всякаго молодого человѣка имѣетъ въ жизни значеніе другой молодой человѣкъ, сверстникъ и соперникъ, на котораго онъ поминутно оглядывается, щеголяя передъ нимъ своими успѣхами, дразня его удачами, ревниво слѣдя за его карьерой. Такимъ соперникомъ, несмотря на различіе ихъ поприщъ, былъ для Иванчука Штааль, и сравненіе съ нимъ Иванчукъ почти всегда и во всемъ считалъ для себя выгоднымъ. Покровительственно похлопывая Штаалю по плечу, Иванчукъ называлъ вполголоса по именамъ проходившихъ новыхъ людей (онъ уже зналъ въ лицо ихъ всѣхъ, а съ нѣкоторыми даже оказался знакомъ): Куракиныхъ, Кутайсова, Плещеева, Данаурова (Аракчеева, о которомъ много говорили, въ этотъ вечеръ не было во дворцѣ). Когда по черной комнатѣ съ легкой ус-

мѣшкой прошелъ, нервно теребя пуговицу, Ростопчинъ, Иванчукъ поспѣшно всталъ съ ручки кресла и почтительно поклонился. Штааль почти механически сдѣлалъ то же самое (да еще звякнулъ шпорами) и потомъ долго краснѣлъ, вспоминая припущенные недоумѣвающие глаза и небрежный, еле замѣтный поклонъ Ростопчина.

— Знаешь, кто это? — вдругъ зашепталъ надъ его ухомъ Иванчукъ, показывая взглядомъ на нескладнаго дурно носившаго мундиръ бригадира, который неловко вошелъ въ комнату и остановился у камина. — Бобринскій, сынъ Екатерины.

— Сынъ государыни? Ахъ, да, отъ Потемкина?..

— Какой ты вздоръ несешь! Отъ Григорія Орлова. Или ты не помнишь? Онъ родился еще при жизни Петра, и Шкуринъ поджегъ свой домъ, чтобы спасти матушку отъ бѣды...

— Какъ поджегъ домъ?

Иванчукъ видно наслаждался эффектомъ своего сообщенія и подавалъ его не торопясь.

— Ты не знаешь этой исторіи?.. Видишь ли, покойный Петя (Штааль не сразу догадался, что Петя — императоръ Петръ III) очень любилъ пожары и, гдѣ чуть что, всегда ѣздилъ смотрѣть... Анъ, когда насталъ часъ матушкѣ родить, — что тутъ дѣлать? Какъ отъ Пети скрыть? — Шкуринъ возьми да подожги свой домъ на краю города... Государь тотчасъ поскакалъ туда на всю ночь, а матушка тѣмъ временемъ разрѣшилась отъ своего бремени... На слѣдующій день встала на ноги какъ ни въ чемъ не бывало, — здоровье вѣдь у покойницы было неизобразимое... Неужто ты не слыхалъ?

— Враки, — отвѣтилъ недовѣрчиво Штааль.

— Ничего не враки. Послѣ Ропшинскаго дѣльца Екатерина было пожаловала сынку титулъ князя Сицкаго, да какъ-то вышло неловко: вѣдь Сицкіе, древняя фамилія, родовитѣе Романовыхъ: опи

идутъ отъ князей Ярославскихъ. Конфузъ, и намъ, дворянству, обидно: какъ никакъ, батардъ. Такъ вотъ его переименовали въ Бобринскіе, по пожалованному имѣнію Бобрики.... Матушка сына держала въ черномъ тѣлѣ, ну, такъ государь, разумѣется, осыпаетъ милостями: пожаловалъ ему графскій титулъ, Штегельмановскій домъ, а на дняхъ даже громко назвалъ его братцемъ... Объ этомъ весь Петербургъ говоритъ, одинъ ты, конопляникъ, ничего не знаешь.

— А это кто съ нимъ разговариваетъ? — спросилъ Штааль.

У камина съ Бобринскимъ остановился высокій немолодой кавалерійскій генералъ съ умнымъ и страннымъ, противорѣчивымъ лицомъ: съ губъ его не сходила привѣтливая благодушная улыбка; но глаза у генерала были холодные, стеклянные.

— Не знаю, право, не могу вспомнить, хоть гдѣ-то мы, кажется, съ нимъ имѣли знакомство, — смущенно сказалъ Иванчукъ. — Погоди...

Онъ отошелъ, съ кѣмъ-то поговорилъ и вернулся къ Штаалю съ успокоеннымъ видомъ.

— Не мудрено, что я его не знаю: онъ, оказывается, пріѣхалъ изъ Риги представляться... Да и ничего, братъ, особеннаго: нѣмецкій фонтъ-баронъ, генералъ фонтъ-деръ-Палень...

Штааль, не дослушавъ Иванчука, быстро сорвался съ кресла. Вдали, во входившей группѣ молодыхъ женщинъ, онъ увидѣлъ Настеньку.

Х

Настенька приняла приглашеніе Штааля, потому что онъ очень ей нравился. Понравиться Настенькѣ было нетрудно. Почти ко всѣмъ мужчинамъ,

ласково на нее смотрѣвшимъ, она чувствовала сердечную признательность, которая легко и быстро могла превратиться въ любовь. Физической любви Настенька не придавала большого значенія, и ей трудно было отказать въ ней предприимчивому человѣку, если въ немъ не было ничего противнаго и если онъ очень этого хотѣлъ. Хотѣли этого многіе, однако любовниковъ у Настеньки было крайне мало для артистки, которую даже строгіе судьи признавали очень миловидной, а снисходительные — называли красавицей. Чаще всего между ней и людьми, которые ей нравились, становились случайныя внѣшнія препятствія. Въ любовной жизни Настеньки, какъ у громаднаго большинства людей, особенно женщинъ, эти препятствія, — отъѣздъ, надзоръ, недостатокъ времени, отсутствіе мѣста для встрѣчи, всего больше недостатокъ денегъ, — имѣли огромное значеніе. Иногда, думая о своей жизни (Настенькѣ рѣдко случалось о ней думать), она сама дивилась тому, какъ все это странно вышло, какъ мало значенія имѣла ея воля, ея желанія во всемъ томъ что съ ней происходило. Поэтому она была набожна и особенно очень суевѣрна. Она знала всѣ примѣты: не клала пряжи на столъ, — сорокъ грѣховъ наживешь; не оставляла ножка на столѣ, — лукавый зарѣжетъ, — и ждала гостей, когда дрова разваливались въ печи; знала также лучшіе ходы противъ каждой примѣты, тщательно обдумывала сны и, хотъ строго исполняла всѣ религіозные обряды кромѣ очень обременительныхъ, но примѣтамъ, и обходамъ примѣтъ придавала про себя гораздо больше значенія. Она нѣсколько мѣсяцевъ была близка съ актеромъ-вольтерьянцемъ, который научно разъяснилъ ей неосновательность суевѣрія, называлъ всѣ примѣты бабимъ вздоромъ и строго запрещалъ ей стучать по дереву въ тѣхъ случаяхъ, когда это предписывала мудрость столѣтій. Настенька покорно

слушала актера, восхищалась его умомъ и ученостью, но стучала по дереву отъ него тайкомъ. Актеръ, человѣкъ раздражительный, скоро ее бросилъ. Она не слишкомъ этимъ огорчилась и почти не сердилась на актера. Настенька была чрезвычайно добра; во всемъ мѣрѣ она ненавидѣла только двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна была артистка и чрезмѣрно важничала, а другая оклеветала Настеньку передъ красивымъ офицеромъ-преображенцемъ. По своему Настенька была и очень неглупа, и чрезвычайно наблюдательна. И если Николай Николаевичъ Баратаевъ считалъ ее совершенной душой, то главнымъ образомъ потому, что не понималъ женскаго ума: онъ считалъ дурами всѣхъ женщинъ, начиная съ самой Екатерины.

Баратаеву Настенька вмѣстѣ со всей труппой досталась по наслѣдству отъ дяди. Прежній ихъ владѣлецъ былъ страстный театралъ, нанималъ для артистовъ учителей и приглашалъ къ нимъ Дмитревскаго. Баратаевъ же только разъ пришелъ на спектакль, который ставила труппа, и не досидѣлъ до конца представленія. Но тотчасъ согласился на всѣ просьбы труппы и назначилъ актерамъ жалованье. Настеньку онъ замѣтилъ во время спектакля, поговорилъ съ ней недолго, видимо тяготясь разговоромъ, и затѣмъ равнодушно предложилъ ей прійти къ нему вечеромъ. Она была крайне польщена и тронута — тѣмъ, что онъ предложилъ, а не велѣлъ ей прійти. Всѣ поздравляли Настеньку, — какъ было не поздравлять? Но ей было боязно: артисты, расширяя глаза, говорили, будто новый хозяинъ — фармазонъ; онъ показался ей страшенъ, онъ и весь домъ его, и особенно черная спальня. Впрочемъ Настенька не была лишена насмѣшливости и потомъ улыбалась, вспоминая, что спалъ ея новый владѣлецъ, хоть и въ черной комнатѣ и подъ одѣломъ чернаго цвѣта, но не на доскахъ, а на мягкой перинѣ. Въ

первый же день черезъ управляющаго ей были въ конвертѣ доставлены отпускная и деньги. Отпускная ничего не измѣнила въ жизни Настеньки и такъ и пролежала у нея годъ, въ томъ ящикѣ шкала съ бѣльемъ, гдѣ хранились ея самыя цѣнныя вещи: письма трехъ человѣкъ, которыхъ она любила больше другихъ, золотое колечко съ рубиномъ и большой граненый флаконъ настоящихъ французскихъ духовъ (она этими духами пользовалась только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, а обычно душилась «Вздохами Амура» рижскаго производства). Старый актеръ, которому она разъ показала свою отпускную, сказалъ, что документъ составленъ не по формѣ и не имѣетъ никакой силы. Это извѣстіе тоже не очень огорчило Настеньку, такъ какъ она чувствовала, что безъ хозяина ей все равно не обойтись, — не этотъ, такъ другой; а этотъ былъ лучше, чѣмъ другіе.

Она однако не полюбила Баратаева, хотя, казалось, не имѣла причинъ не любить его: онъ былъ щедръ и учтивъ съ нею. Она чрезвычайно его боялась, особенно потому, что онъ смотрѣлъ на нее почти какъ на собаку; заговорить съ ней какъ съ человѣкомъ ему просто не приходило въ голову.

Штаала же Настенька полюбила съ первой встрѣчи (по крайней мѣрѣ такъ она потомъ себѣ говорила). Онъ былъ бѣденъ и тщательно это скрывалъ. Скрывалъ онъ свою бѣдность довольно искусно; однако Настеньку можно было — и даже очень легко было — обмануть чѣмъ угодно другимъ, но никакъ не этимъ. И ее особенно трогало, что молодой красивый офицеръ въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ продѣлываетъ всѣ тѣ же фокусы прячущейся бѣдности, которые она такъ хорошо знала. Ей-то собственно прятаться не приходилось: всѣ понимали, что у нея ничего нѣтъ; но самая профессія артист-

ки требовала, на сценѣ и въ кулиссахъ, постоянной поддѣлки подъ роскошь.

Штааль, разыгрывавшій передъ нею роль богатаго офицера-кутилы, не зналъ и не думалъ, что Настенька, раздобывъ его адресъ, тайно приходила въ домъ, въ которомъ онъ жилъ, и выспрашивала о немъ дворника. Ей стало такимъ образомъ извѣстно, что онъ живетъ въ двухъ комнатахъ, не имѣетъ прислуги, кромѣ денщика, и не держитъ лошадей; что онъ иногда сидитъ безъ гроша; что изъ ресторана по нѣсколько разъ приходятъ со счетами; что лавочникъ говорилъ даже нехорошія слова и грозилъ жаловаться начальству офицеришки. Для чего Настенька тайкомъ приходила наводить справки о Штаалѣ, едва ли было ясно ей самой: никакихъ денегъ она отъ него не видала, а, можетъ быть, и не приняла бы. Но свѣдѣнья эти (особенно о лавочникѣ) доставили ей тайную отраду. Еслибъ оказалось, что Штааль живетъ въ собственномъ дворцѣ, имѣетъ десятки слугъ и лошадей, это тоже было бы пріятно Настенькѣ, но по иному и не такъ пріятно. Она, разумѣется, желала Штаалу всякаго добра, но при мысли о томъ, что у него никого и ничего нѣтъ, что ему часто приходится туго, у ней по ночамъ, какъ еслибъ она его ненавидѣла, сладко сжималось сердце. Мысленно она его называла «маленькій», хоть онъ былъ средняго роста и только пятью годами моложе ея. Изъ любви къ нему, она при встречахъ своими замѣчаньями и вопросами давала понять, что считаетъ его тѣмъ богачемъ-кутилой, подъ роль котораго онъ почти безсознательно поддѣлывался.

Штааль собственно не хотѣлъ обманывать Настеньку, и, какъ правдивый человекъ, только рѣдко лгалъ безъ необходимости. Но роль гвардейца-мота, въ которую онъ, по его мнѣнію, сразу попалъ въ глазахъ Настеньки, была все же пріятная

роль; выходить изъ нея не хотѣлось, а послѣ первыхъ дней знакомства было ужъ и не такъ удобно. Для успокоенія совѣсти Штааль говорилъ себѣ, что женщинѣ надо брать обаяніемъ силы и богатства: онъ не зналъ, что одни этого достигаютъ силой и богатствомъ, другіе — слабостью и бѣдностью. Въ его положеніи было возможно лишь второе, да онъ и самъ тревожно задумывался — что же будетъ потомъ? Очевидно, Настенькѣ пришлось бы назначить содержаніе. Но гдѣ его взять? Какъ сказать ей правду? Какъ она правду приметъ? Штааль гналъ отъ себя эти мысли. Въ этотъ вечеръ у него были деньги; онъ предполагалъ повезти Настеньку за городъ и счастье, котораго онъ ждалъ отъ ночи, вытѣсняло всѣ тяжелыя мысли и заботы. «Не все ли равно? Хоть день да мой!» — говорилъ онъ себѣ все рѣшительнѣе.

Настенька тоже многого ждала отъ свиданья. Двѣ ночи подрядъ она провела съ утиральникомъ Венеры на лицѣ: отъ веснушекъ мазала носъ раздавленными сорочьими яйцами, натираля для гладкости щеки дыннымъ сѣменемъ, тертымъ съ бобовой мукой, а, отправляясь въ Зимній Дворецъ, надушилась французскими духами изъ граненаго флакона, чуть поддурманилась кошенилью и выбрала самую модную мушку, изображавшую карету четверкой. Въ такомъ видѣ никто не могъ ей дать болѣе двадцати двухъ лѣтъ. На самомъ дѣлѣ ей было двадцать восемь и немало огорченія доставляло ей то, что женщины гораздо старше, которыхъ она знала, тоже любили мальчиговъ, и что надъ ними изъ за этого втихомолку смѣялись.

Настенька пришла на полчаса раньше условленнаго времени. Нѣсколько артистокъ собрались вмѣстѣ для посѣщенія дворца. Настенька мало ихъ знала, хоть съ ними брала уроки у Дмитревскаго.

У нихъ были общіе интересы по пьесамъ, которыя онѣ играли, по знакомымъ, которые за ними ухаживали. Но все-же положеніе ихъ было совершенно различное, въ зависимости отъ того, каковъ былъ ихъ хозяинъ. Среди нихъ три были крѣпостныя и двѣ вольныя, но и вольныя зависѣли отъ хозяевъ. Всѣ онѣ кое-чему учились и, за исключеніемъ познаній во французскомъ языкѣ, мало отличались по образованію отъ дамъ и даже отъ многихъ мужчинъ лучшаго общества. Близости между актрисами особенной не было, — онѣ условились пойти во дворецъ вмѣстѣ только потому, что въ одиночку было бы боязно. Должна была идти съ ними еще шестая, но она какъ разъ въ этотъ день, за плохо выученную роль Армиды, была на двое сутокъ посажена на стуло. Разговоръ всю дорогу и шелъ о строгости владѣльца этой артистки. Говорили о немъ съ ужасомъ и съ затаеннымъ интересомъ.

Настенька намекнула своимъ спутницамъ, что должна встрѣтиться во Дворцѣ съ однимъ конно-гвардейскимъ офицеромъ. Когда Штааль, весь вспыхнувъ, подошелъ къ нимъ, артистки съ любопытствомъ оглядѣли его съ ногъ до головы и тотчасъ простились съ Настенькой, подчеркивая свою скромность и знаніе приличій. Штааль даже не посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, хотъ рѣдко не оглядывался на молодыхъ женщинъ.

— Еще нѣтъ десяти, — радостно сказалъ онъ, отъ смущенія зачѣмъ-то вынимая часы, какъ если-бы ему было непріятно, что она пришла получасомъ раньше, и еще больше покраснѣлъ, сообразивъ нелюбезность своего замѣчанія. Настенька тоже сконфузилась, хотѣла сказать что-то въ свое оправданіе, но встрѣтила его влюбленный взглядъ и улыбнулась. Штааль оглянулся, — его кресло уже было занято, — онъ сердито посмотрѣлъ на того, кто его занялъ, и подвелъ къ камину Настеньку, которая тотчасъ

стала усиленно грѣть руки у огня, скрывая^{*} свое смущеніе. Штааль, до того все обдумывавшій, какъ бы деликатнѣе разузнать, ѣдетъ ли Настенька за границу, въ первую же минуту прямо ее спросилъ объ этомъ и замеръ отъ радости, услышавъ ея отвѣтъ: ей какъ разъ наканунѣ Баратаевъ кратко сказалъ, что собирается съ ней въ Италію. Но толкомъ она еще ничего не знала: не рѣшилась задавать вопросы, какъ ни удивило, ни обрадовало и ни испугало ее это извѣстіе.

— Такъ и я же поѣду съ вами! — горячо воскликнулъ Штааль.

Настенька задумалась, спрашивая взглядомъ, говорить ли онъ правду, — и хорошо ли это, если онъ въ самомъ дѣлѣ съ ними поѣдетъ.

— Вамъ служить надо, — нерѣшительно сказала она.

— Я возьму отпускъ...

Она радостно кивнула головой, точно теперь рѣшила, что это хорошо, и протянула ему руку. Онъ быстро поцѣловалъ ее, вспыхнулъ и оглянулся; никто не обратилъ вниманія. Настенька тоже покраснѣла: артисткамъ не цѣловали рукъ.

— Настенька, поѣдемъ кататься за городъ, — сказалъ Штааль умоляющимъ голосомъ.

Она опять немного подумала, какъ постѣ каждому его замѣчанія, — все боялась отвѣтить не такъ какъ требовалось.

— Только вы о катаньяхъ думаете, все вамъ, проказѣ, проказничать, — строго сказала она и тотчасъ добавила:

— Да вѣдь у васъ дежурство?

Штааль махнулъ рукой.

— Какое дежурство! Никто и не думаетъ дежурить... Померла старушка, поплакали и будетъ...

Настенька широко раскрыла глаза.

— Это государыня-то? Не стыдно вамъ!.. Такая красавица была! Другой такой не сыщешь...

— Можно сыскать другую и даже далеко ходить незачѣмъ, — галантно сказалъ Штааль.

Она быстро педовѣрчиво на него взглянула, хоть какъ будто ждала этого отвѣта.

— Ужъ я не знаю, гдѣ это вы другую такую сыщете, — сказала она вспыхивая. — А я пришла проститься съ государыней...

Настенька повернулась и пошла въ большую галерею. Штааль, очень собой довольный, постѣдоваль за ней. Она поспѣшно оглянулась, тряхнула головой, ускорила шаги и со строгимъ выраженіемъ на лицѣ стала въ очередь, которая образовывалась передъ узкой лѣстницей, поднимавшейся въ проходъ *castrum doloris*. Штааль остановился на порогѣ залы, уступая мѣсто дамамъ; въ хвостѣ между нимъ и Настенькой успѣло стать нѣсколько человѣкъ. Онъ увидѣлъ ее на верхней ступени лѣсенки и задержался глазами на ея шелковыхъ чулкахъ. Настенька опять оглянулась, поймала его взглядъ и быстро поправивъ юбку, скрылась въ ретондѣ.

Очередь передвигалась быстро. Сильно запахло ладаномъ и еще чѣмъ-то непривычнымъ. Штааль очутился на возвышеніи. Передъ нимъ снова мелькнула въ желтомъ свѣтѣ свѣчей блѣдная крестившаяся Настенька, и тотчасъ ее опять заслонили... Щурясь отъ свѣта, онъ старался не смотрѣть по сторонамъ и небольшими неровными шагами подвигался впередъ, слѣдуя за движеніями другихъ и дѣлая то, что дѣлалъ штатскій господинъ впереди его. Вдругъ сбоку показалось что-то желто-бѣлое, страшное... Въ памяти Штааля мелькнула государыня въ Среднемъ Ермитажѣ, потрепавшая его по щекѣ, когда онъ тамъ цѣловалъ ей руку... Онъ чуть не вскрикнулъ, сжалъ зубы, толкнулъ замѣшковавшагося господина, который испуганно смотрѣлъ на во-

лотую корону, и, быстро пройдя мимо него, спустился по выходной лѣстницѣ ротонды.

Настенька, сидя на небольшомъ диванѣ (около *castrum doloris* диваны были не заняты), вытирала платкомъ глаза. Передъ ней стоялъ Иванчукъ.

— Настенька, тужурь белль, — говорилъ онъ. — Ну, какъ живемъ?

Онъ увидѣлъ Штааля и почему-то немного смутился: Иванчукъ зналъ объ ихъ романѣ, какъ вообще зналъ все обо всѣхъ. Онъ многозначительно улыбнулся и подмигнулъ Штаалю.

— Здѣсь теперь всѣ встрѣчаются, — сказала Иванчукъ, показывая тономъ, что ему-то вполнѣ естественно тутъ быть, а вотъ удивительно, какъ она сюда попала. — Особливо влюбленные парочки. И то сказать, мѣсто: он и вѣдь тоже были влюбленной парочкой, — сказала онъ, показывая рукой въ сторону ротонды, и засмѣялся своимъ неполнымъ, неувереннымъ смѣхомъ. Штааль не отвѣтилъ даже улыбкой, а Настенька немного измѣнилась въ лицѣ.

— Сидѣть здѣсь нѣтъ ни резону, ни радости, — продолжалъ Иванчукъ. — Пойдемъ... Вѣдь ты хотѣлъ повеселиться за городомъ? И добрая мысль, — ночь хорошая, не холодно, только снѣгу, жаль, мало. Я васъ провожу... Да не сюда, такъ гораздо ближе...

Онъ повелъ ихъ въ вестибюль кратчайшей дорогой, которая была хорошо ему извѣстна.

XI

— Куда бы намъ поѣхать? — спросилъ Штааль, выходя изъ дворца и съ недовольнымъ видомъ оглядываясь на Иванчука, который вышелъ вмѣстѣ съ ними. — Настенька, хотите на Мельгуновскій островъ?

— Ну, нѣтъ, зачѣмъ на Елагинъ островъ? — отвѣтили увѣренно Иванчукъ. — Въ Петербургѣ теперь отъ полиціи нигдѣ нѣтъ проходу, — того и гляди нарвешься на скандалъ. Махнемъ-ка въ «Красный кабачекъ»? Туда нахтвахтеры пока не суютъ носа... А?

«Онъ, что же, съ нами собирается ѣхать? Экой прилипчивый!» — подумалъ морщась Штааль.

Иванчукъ повидимому угадалъ его мысль и, взявъ Штаалья за рукавъ, сказалъ ему тихо, такъ чтобы Настенька не слышала.

— Вотъ что, монкеръ, ты не бойся, я тебѣ мѣшать не буду. Доѣдемъ до Краснаго Кабачка вмѣстѣ, а тамъ ни вю, ни коню: у тебя твое, у меня мое...

«Развѣ что такъ», — подумалъ Штааль. удовлетворенный тѣмъ, что общество устами Иванчука уже признавало его преимущественныя права на Настеньку. Кликнувъ извозчика, Штааль приказалъ громкимъ голосомъ:

— Въ Красный Кабачекъ! И живо: два рубля на водку....

«Почему два? Экой я дуракъ!... Надо было сказать: три рубля»...

Иванчукъ посмотрѣлъ на него съ неудовольствиемъ и твердо рѣшилъ, что ужъ изъ этихъ двухъ рублей онъ никакъ не возьметъ на себя половину. «Никто его не просилъ сулить на чай за мой счетъ. И совсѣмъ это нечужно: что за мальчишество!» — подумалъ онъ: втайнѣ онъ надѣялся, что совсѣмъ не будетъ платить.

Вѣнская карета. перемесенная съ колесъ на полозья, была небольшая, съ узкимъ сидѣніемъ спереди. Иванчукъ скромно хотѣлъ было сѣсть спиной къ лошадамъ. Штааль изъ вѣжливости запротестовалъ въ качествѣ хозяина Настеньки. Начался вѣчный споръ людей, сядящихъ въ экипажъ.

— Да сядемъ рядомъ, втроемъ помѣстимся и теплѣе будетъ, — сказала Настенька, опуская муфту, которой она прикрывала ротъ: ночь была не очень холодная, но всѣ извѣстныя артистки и пѣвицы прикрывали вечеромъ ротъ муфтой.

— И то правда, — подхватилъ настроенный сговорчиво Иванчукъ.

Штааль поднялъ брови. Втроемъ сѣсть рядомъ было трудно и, еслибъ Настеньку посадить посрединѣ, то она оказалась бы на колѣняхъ у него и у Иванчука, который повидимому ничего противъ этого не имѣлъ. Штааль первый вскочилъ въ карету, помогъ взойти Настенькѣ и безъ разговоровъ, съ рѣшительнымъ видомъ, усадилъ ее къ себѣ на колѣни. Она было пискнула, но не сопротивлялась. Штааль, задохнувшись отъ счастья, взялъ изъ ея рукъ муфту и положилъ рядомъ съ собой на сидѣнье кареты. Для Иванчука оставалось достаточно мѣста по другую сторону муфты.

— Ну, садись же, — сказалъ Штааль, глядя на него съ видомъ ироническимъ и торжествующимъ. Иванчукъ негромко хихикнулъ, но послушно сѣлъ на указанное ему мѣсто. Карета тронулась. Первое время разговоръ не клеился. На вымощенныхъ улицахъ сани трясло — снѣга было мало — и раза два ихъ шатнуло такъ сильно, что лица Настеньки и Штаалья какъ-то встрѣтились на боковой стѣнкѣ кареты. Толчки повторялись (даже послѣ того какъ экипажъ сѣхалъ на немощеную улицу) и Штааль немного имъ помогалъ, все больше пьянѣя отъ счастья. Настенькѣ было тоже очень пріятно, хоть и не такъ, какъ ему: сидѣть было твердо, нельзя было опереться, и немного ее тревожило, — все ли у нея въ порядкѣ сзади: какъ волосы, не запахнута ли воротникъ?... Она сильнѣе прежняго чувствовала, что въ любую минуту можетъ безъ памяти влюбиться въ маленькаго, если еще не влюбилась,

— но, кажется, уже влюбилась безъ памяти, — ну да, конечно, съ перваго дня... Иванчукъ философски пожималъ плечами, хихикалъ, а при одномъ особенно сильномъ толчокѣ сказалъ даже отечески: «Веселитесь, веселитесь, дѣтки»... Въ дѣйствительности, ихъ игры были ему непріятны.

На заставѣ, которой, изъ за новыхъ порядковъ, побаивался Иванчукъ, все обошлось вполнѣ благополучно. Сторожъ спросилъ было спросонья подорожную, но самъ ухмыльнулся, подбѣжавъ къ каретѣ, и благодушно махнулъ рукою. Они выѣхали на Петергофскую дорогу и поехали стрѣлою. Въ окнахъ загородныхъ дачъ по сторонамъ таинственно мелькали рѣдкіе огни. Было немного страшно. Штааль былъ счастливъ, какъ никогда въ жизни.

Иванчукъ, прижавшись къ своему стеклу кареты, называлъ имена владѣльцевъ дачъ: чѣмъ знатнѣе и богаче былъ владѣлецъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ онъ его называлъ, точно это все были его родные. Трудно было понять, какъ онъ различалъ дачи въ темнотѣ (онъ и въ Петербургѣ зналъ чуть ли не всѣ дома — какой кому принадлежитъ). Когда они промчались мимо дачи Баба, Иванчукъ особенно оживился и напомнилъ, какъ они съ Штаалемъ здѣсь кутили въ первый мѣсяцъ ихъ знакомства. Воспоминанье это было пріятно Штаалю (ему было очень хорошо въ тотъ мѣсяцъ) и вдобавокъ поднимало его престижъ въ глазахъ Настеньки. Но, къ большой его досадѣ, Иванчукъ заявилъ, что, по его свѣдѣніямъ, Штааль именно здѣсь, на дачѣ Баба, впервые постигъ тайны любви. Настенька расхохоталась чрезвычайно весело (ее растрогало это сообщенье). Штааль сконфуженно отрицалъ свѣдѣнья Иванчука. Но тотъ увѣренно настаивалъ на своемъ, предлагая доказать. Въ концѣ концовъ засмѣялся и Штааль, подумавъ, что Настенька вѣдь не знаетъ, когда именно это было, и слѣдова-

тельно не может сдѣлать выводовъ, обидныхъ для его самолюбія. Разгоряченный Иванчукъ сталъ напоминать разныя подробности. Настенька хохотала все веселѣй, хоть ей было стыдно.

— Да, да, — говорилъ улыбаясь Штааль. — А вѣдь давно мы съ тобой, братъ, ведемъ знакомство...

Онъ желалъ перемѣнить разговоръ. Ему вообще не нравился тонъ Иванчука, его грубоватая манера разговора въ присутствіи дамы: онъ не разъ видѣлъ, какъ Иванчукъ, багровѣя, хваталъ мало знакомыхъ женщинъ и говорилъ имъ самыя непристойныя вещи, въ полной побѣдоносной увѣренности, что это и есть самая лучшая, самая модная манера ухаживанья: прежде все это могло быть иначе, а теперь признано необходимымъ поступать именно такъ. Штааль зналъ также, что увѣренность свою Иванчукъ иногда передавалъ женщинамъ, и вообще имѣлъ у нихъ недурной успѣхъ, значеніе и размѣръ котораго онъ впрочемъ сильно преувеличивалъ. Манера Иванчука теперь, въ присутствіи Настеньки, особенно не нравилась Штаалу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что его интимность съ Настенькой растетъ отъ вольнаго тона. Иванчукъ какъ всегда шутилъ долго и упорно. Разъ установивъ тонъ разговора съ человѣкомъ, онъ вообще не легко и неохотно изъ этого тона выходилъ: ему уже было бы трудно говорить съ Настенькой и Штаалемъ иначе, какъ грубовато-шутливо, съ отеческимъ отгѣнкомъ, точно они были гораздо моложе его.

Фопари стали учащаться, откуда-то сбоку показался яркій красноватый свѣтъ. Вдали послышалась музыка. Сани подъѣзжали къ Красному Кабачку. Штаалу было жаль, что они такъ скоро пріѣхали: въ каретѣ было прекрасно. Онъ чувствовалъ легкое безпокойство, которое свойственно людямъ, впервые пріѣзжающимъ въ шумное общезвѣстное мѣсто.

Нѣсколько мальчиковъ въ красныхъ костюмахъ бросилось имъ навстрѣчу съ красными бумажными фонарями. Одинъ мальчикъ еще находу откинулъ подножку замедлившей движеніе кареты и заскакалъ на одной ногѣ, держа другую ногу на подножкѣ и ухватившись рукой за ручку двери. Свѣтъ все усиливался и звуки музыки становились громче.

XII

Иванчукъ поспѣшно соскочилъ, помогъ Настенькѣ выйти изъ кареты и галантно подъ руку проводилъ ее на крыльцо, предоставивъ Штаалю расплату съ извозчикомъ. Настенька остановилась на крыльцѣ и, не оглядываясь, читала какую-то афишу: она знала, что не нужно смотрѣть на мужчинъ, когда они расплачиваются, — всегда можетъ выйти неловкость или даже непріятность. Иванчукъ неторопливо вернулся къ каретѣ, послѣ того какъ извозчикъ низко снялъ шапку (вмѣсто обѣщанныхъ двухъ рублей на водку Штааль сгоряча далъ ему пять).

— Combien? — спросилъ Иванчукъ, опуская руку въ карманъ.

— Оставь, — пренебрежительно отвѣтилъ Штааль.

— Никогда въ своей жизни не позволю, — рѣшительно возразилъ Иванчукъ, вынимая руку изъ кармана. — Собственно, сегодня мой чередъ платить. Ну, да такъ и быть, давай пополамъ...

— Оставь, — повторилъ Штааль еще пренебрежительнѣе: онъ зналъ по долгому опыту, что Иванчукъ всегда легко уступаетъ въ такихъ случаяхъ, и не отказалъ себѣ въ удовольствіи: саркастически

усмѣхнулся. Иванчукъ однако совершенно не замѣтилъ этой усмѣшки и бросилъ небрежно:

— Ну, мы съ тобой сочтемся.

Толстый старый швейцаръ настежь открылъ дверь и, почтительно наклонивъ въ сторону булаву, кланялся гостямъ. Настенька, еще болѣе умиленная щедростью Штаала (она и не оглядывалась на нихъ, а все видѣла), вошла въ переднюю Краснаго Кабачка и остановилась передъ зеркаломъ. Огонь свѣчей рванулся въ сторону отъ вѣтра и сталъ выпрямляться. Музыка замолкла, издали послышалось нѣсколько хлопковъ, затѣмъ смѣхъ. Швейцаръ, поспѣшно снимая шубы, сразу совершенно вѣрно распѣнилъ гостей: понялъ, что платить будетъ не штатскій (онъ его зналъ въ лицо и не рассчитывалъ съ него поживиться), а офицерикъ, и что заплатить офицерикъ хорошо, хоть денегъ едва ли у него много. Настенька поправляла волосы, мужчины украдкой черезъ ея плечо поглядывали въ зеркало.

— Много нынче народа? — спросилъ тономъ заведенная Иванчукъ.

— Еще будутъ-сь, — отвѣтилъ швейцаръ, открывая дверь. Въ первой комнатѣ за стойкой сидѣла старая нѣмка, вся увѣшанная медалями. Больше никого не было. Штааль вѣжливо ей поклонился (нѣмка тотчасъ потеряла къ нему уваженіе, которое она отпускала въ кредитъ новымъ гостямъ) и пріостановился, поправляя галетукъ и пропуская впередъ Иванчука: онъ на бѣду никогда не былъ въ Красномъ Кабачкѣ и не желалъ это обнаружить. Иванчукъ увѣренно открылъ передъ Настенькой слѣдующую дверь. Онъ вопель пріосанившись: Штааль—горбась: такъ по разному у нихъ выражалось смущеніе.

Въ большой комнатѣ гостей было немного и сразу чувствовалось (въ особенности по хмурымъ лицамъ официантовъ), что настроеніе вялое. Замѣш-

кавшійся скрипачъ съ виноватымъ видомъ укладывалъ инструментъ въ ящикъ. У окна челоуѣкъ шесть играло въ карты, тоже вяло, судя по тому, что игроки оглянулись на вошедшихъ, а одинъ изъ нихъ продолжительнымъ взглядомъ осматрѣлъ Настеньку съ ногъ до головы. Настоящая игра, совѣтъ царя Фараона, шла въ дальней комнатѣ, а здѣсь, за недостаткомъ въ той мѣста, устроились не настоящіе игроки. Столики, крытые бѣлыми скатертями, были большей частью незаняты. Только въ углу, за тремя сведенными вмѣстѣ столами, усиленно кутила какая-то компанія. Штааль никого въ ней не зналъ, но видѣлъ, что это господа не первый сортъ: офицеры армейскихъ полковъ и второклассныхъ гвардейскихъ (офицерамъ лучшихъ полковъ гвардіи ихъ обычай въ ту пору строго запрещалъ кутить съ армейцами), двое штатскихъ и нѣсколько дамъ, сидѣвшихъ вперемежку съ мужчинами, что считалось неприличнымъ: въ обществѣ всегда сажали дамъ по одну сторону стола, а мужчинъ по другую. На столѣ стояли всего двѣ бутылки шампанскаго и тарелка съ вафлями, которыми славился Красный Кабачекъ. Иванчукъ кому-то поклонился съ пріятной старательной улыбкой и тотчасъ покосился на Штаала, какъ бы приглашая его оцѣнить это знакомство. Но штатскій, которому онъ поклонился (позже оказалось, что это богатѣйшій кіевскій помѣщикъ), отвѣтилъ не сразу, безъ всякой улыбки и нѣсколько удивленно, точно не зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло.

Лакеи, оживившись при входѣ новыхъ гостей, съ низкими поклонами отодвинули передъ Настенькой столъ въ другомъ углу. Настенька сѣла конфузясь и отъ застѣнчивости обмахивалась вѣеромъ, хоть ей еще никакъ не могло быть жарко. Иванчукъ, прищуривъ глаза, поспѣшно отстранилъ карту винъ, которую почтительно раскрылъ метрдотель

на страницѣ шампанскихъ, и заказалъ устрицы и бутылку портера. Хотя это сочетаніе было очень моднымъ, метрдотель отошелъ съ нѣскольکو обиженнымъ, холоднымъ выраженіемъ. Штааль тоже былъ недоволенъ тѣмъ, что Иванчукъ распорядился не спросивъ ни Настеньку, ни его (онъ не успѣлъ вмѣшаться). Смущена была и Настенька: она не совсѣмъ твердо знала, какъ ѣдятъ устрицы.

Иванчукъ, отпустивъ метрдотеля, вскочилъ и съ той же пріятной улыбкой направился къ большому столу, за руку поздоровался съ кіевскимъ помѣщикомъ, достойно раскланялся съ компаніей и немного поговорилъ: каждый счелъ его знакомымъ другихъ. Черезъ нѣкоторое время онъ уже вошелъ въ это общество. Собственно, цѣли онъ при этомъ никакой не преслѣдовалъ, такъ какъ важныхъ особъ здѣсь не было, а богатствомъ кіевского помѣщика онъ очевидно не могъ воспользоваться. Но Иванчукъ такъ поступалъ по бессознательнымъ побужденіямъ общительности и любви къ знакомствамъ съ приличными людьми. Перезнакомившись, онъ вернулся къ своему столу въ очень хорошемъ настроеніи и тотчасъ вполголоса назвалъ, какъ будто обращаясь къ Настенькѣ, но въ дѣйствительности сообщая это Штаалу, имя помѣщика и число принадлежащихъ ему душъ и десятинъ, которое сильно увеличилъ. Потомъ принялся за устрицы, пилъ портеръ и говорилъ безъ умолку, все выхвалявая Красный Кабачекъ, объясняя случайностью и трауромъ недостатокъ оживленія въ эту ночь и отсутствіе видныхъ людей. Онъ говорилъ такъ, точно былъ здѣсь хозяиномъ.

— Ты знаешь, Екатерина останавливалась въ Красномъ Кабачкѣ на ночь въ 1762 году при походѣ на Петю. Можетъ, здѣсь изволила забавляться съ Алексѣемъ Григорьевичемъ (Орлова Иванчукъ не называлъ Алешей)...

Настенька кивала головой, притворяясь, будто знаетъ, кто такой Алексѣй Григорьевичъ и какой былъ походъ въ 1762 году. Ея мысли были сосредоточены на томъ, чтобы не совершить никакого неприличія: она украдкой посматривала на Штаалъ и дѣлала съ устрицами все то же, что дѣлалъ онъ. Настенька слышала, что устрицы живыя, и ѣла ихъ съ ужасомъ, думая о томъ, какъ имъ, должно быть, больно, когда ихъ отрываютъ вилкой. Штаалъ пилъ портеръ и отъ непривычки къ этому напитку становился все нервнѣе.

Иванчукъ подмѣтилъ его недобрый взглядъ и внезапно позвалъ его въ другую комнату, къ стойкѣ съ крѣпкими напитками.

— Настенька, mille pardons, — сказалъ онъ, поясняя Штаалю значительнымъ взглядомъ, что имѣетъ секретное дѣло.

«Если денегъ попросить, не дамъ», — сердито подумалъ Штаалъ. «За нимъ второй годъ монахъ двадцать пять»...

— Вотъ что, — сказалъ за дверью Иванчукъ вполголоса отеческимъ тономъ. — Ты чего глазопада платишь?

Штаалъ удивленно смотрѣлъ на него.

— Ты зачѣмъ сюда съ Настенькой пріѣхалъ? Дождался случая, такъ пользуйся (въ голосѣ Иванчука проскользнула вдругъ зависть и улыбавшееся отечески лицо его на мгновеніе стало жесткимъ).

— Здѣсь кабинеты есть? — спросилъ глухо Штаалъ.

— Зачѣмъ кабинеты, есть лучше. Объ избушкахъ слышалъ? Избушки Петергофской дороги... Снаружи elles ne rayent pas de la mine, — съ усиленіемъ выговорилъ Иванчукъ, очевидно гордившійся этимъ выраженіемъ. — Но внутри — ничего лучшаго желать нельзя. Я много разъ бывалъ... Хочешь,

я тебѣ это арранжирую черезъ здѣшнихъ мальчиковъ?

— А ты? — поспѣшно спросилъ Штааль, у котораго голова закружилась при мысли объ уединенной избушкѣ.

— А я, Богъ дастъ, безъ васъ обойдусь, — насмѣшливо сказалъ Иванчукъ. — Можетъ, своего счастья поищу. Чай, свѣтъ на твоей Настенькѣ не клиномъ сошелся... Или съ тѣми посижу, очень они меня звали... Напоследокъ, къ разсвѣту rendez-vous здѣсь: столикъ за нами оставить, меня знаютъ. Впрочемъ, ежели хочешь, заплати мѣтру сейчасъ. И считай за мной половину...

Онъ отошелъ, подозвалъ пальцемъ одного изъ мальчиковъ и пошептался съ нимъ, показывая глазами на Штаалья. Мальчикъ кивалъ головой съ видомъ полного одобренія.

— Все будетъ сдѣлано, — успокоительно замѣтилъ Иванчукъ, возвращаясь къ Штаалю. — Черезъ полчаса онъ за тобой зайдетъ и покажетъ дорогу въ избушку... Дай-ка ему что-нибудь впередъ для поощренія. Ну, зачѣмъ такъ много?..

XIII

Въ большой комнатѣ начинался новый музыкальный номеръ. Такъ какъ публики было мало, управляющій кабачка рѣшилъ, что выпускать весь цыганскій хоръ не стоитъ. Цыгане, открытые еще не очень давно Алексѣемъ Орловымъ, все больше входили въ моду и изъ разныхъ странъ стекались въ Москву и Петербургъ: въ Европѣ ихъ пѣніе, по странному душевному сродству волнующее русскихъ людей, неизмѣнно вызывало смѣхъ. Въ ту минуту, когда Иванчукъ и Штааль входили въ большую комнату, безобразная цыганка, одна изъ наиболѣе извѣстныхъ

въ столицѣ, уже сидѣла на стулѣ, скаля зубы и перебирая на колѣняхъ красный платокъ, очевидно взятый ею чтобы занять руки (какъ опытные ораторы на трибунѣ припасаютъ для этого карандашъ или свернутую тетрадку). Рядомъ съ цыганкой на низенькомъ табуретѣ помѣстился молодой гитаристъ, который собственно не былъ цыганомъ и видимо очень объ этомъ сожалѣлъ: по крайней мѣрѣ игралъ онъ съ необыкновенной цыганской удалью, производя и пальцами, и плечами, и ногами, и глазами гораздо больше движеній, чѣмъ было нужно. За стуломъ цыганки стоялъ высокий, пожилой цыганъ, немного поддѣлывавшійся подъ Алексѣя Орлова, который былъ кумиромъ всѣхъ цыганъ, осанкой и одеждой (только камни, заливавшіе его нелѣпый костюмъ, даже издали не походили на настоящіе брилліанты). Игроки съ вѣрами картъ въ рукахъ повернулись на стульяхъ вполоборота. Штааль и Иванчукъ поспѣшно на цыпочкахъ прошли мимо пѣвицы, получивъ отъ нея на ходу отдѣльную извиняющую ихъ улыбку, и усѣлись за столъ, неслышно отодвинувъ стулья. Настенька сдѣлала обиженное лицо (она дѣйствительно была немного обижена, больше на Иванчука, за то, что ее оставили одну). Штааль умоляюще-нѣжно посмотрѣлъ на нее: она тотчасъ его простила.

Въ ту самую минуту, когда пѣвица стерла улыбку и перестала скалить зубы, дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату не торопясь вошелъ грузинъ, старый, неряшливо одѣтый человѣкъ. На него зашикали съ легкимъ смѣхомъ. Пѣвица сердито посмотрѣла на вошедшаго и сдѣлала знакъ гитаристу, который съ удовольствіемъ началъ наново вступленіе. Старый человѣкъ принялъ виноватый видъ, сѣлъ за первый свободный столикъ, рядомъ съ игроками, и пробормоталъ довольно громко:

— Не буду, не буду, красавица... Тсс!..

Игроки съ неудовольствіемъ переглянулись, тотчасъ собрали вѣера картъ и демонстративно положили ихъ на столъ. Одинъ изъ нихъ накрылъ даже свою игру пепельницей. Грузный господинъ укоризненно покачалъ головой и еще разъ внушительно протянулъ:

— Тсс...

Иванчукъ успѣлъ шопотомъ объяснить Настенькѣ и Штаалю, что это старый шулеръ, когда-то гремѣвшій по всей Россіи, но давно поконченный и отпѣтый. Съ нимъ рѣшается играть одинъ Женья... (онъ назвалъ титулованную фамилію), но и то лишь въ комнатѣ безъ зеркалъ, своими картами и съ условіемъ, чтобы партнеръ былъ безъ манжетъ и не имѣлъ въ рукахъ ни часовъ, ни табакерки, ни другихъ предметовъ съ блестящей отражающей поверхностью. Настенька съ ужасомъ уставилась на шулера.

Вступленіе дошло до нужнаго мѣста и запѣлъ высокий цыганъ. По лицу его никакъ нельзя было бы понять, что именно онъ поетъ — грустное или веселое. Глаза его и высоко поднятые внутренніе концы бровей изображали крайнюю тоску, но скулы и ротъ улыбались, — это придавало ему глупый видъ. Никакого голоса у него не оставалось, — онъ собственно только подготовлялъ слушателей къ пѣнію цыганки. Послѣ того, какъ она начала пѣть, цыганъ лишь дѣлалъ видъ, что поетъ. Ее же съ напряженнымъ вниманіемъ слушали всѣ въ комнатѣ, кромѣ двухъ или трехъ совершенно невосприимчивыхъ къ музыкѣ людей. Улыбка на лицѣ безобразной цыганки стерлась. Туловище ея и руки, сложенные на колѣняхъ, были совершенно неподвижны и только голова постепенно тяжело раскачивалась все больше, — стекла, висѣвшія на цѣпочкахъ въ ея ушахъ, такъ и ходили. Шулеръ облокотился на столъ и закрылъ лицо руками, точно скрывая рыданья. Онъ дѣйствительно плакалъ, но не столько отъ ея пѣнія, сколько

потому, что ночью, отъ вина и обидъ за день, его всегда клонило къ слезамъ. Штааль слушалъ напряженно, глядя то на пѣвицу, то на Настеньку. Онъ не зналъ, какъ расцѣнивается знатоками эта странная музыка, и потому не имѣлъ о ней мнѣнія (подобно людямъ гораздо болѣе взрослымъ, умнымъ, самостоятельнымъ, чѣмъ онъ, Штааль въ своихъ оцѣнкахъ невольно считался съ общепринятыми, даже тогда, когда сильно отъ нихъ отступалъ). Но онъ по природѣ не былъ лживъ и невольно, хоть нерѣшительно, чувствовалъ, что никакіе знаменитые кастраты, ни одна итальянская опера не волновали его такъ, какъ это дикое пѣніе. Цыганка была чрезвычайно ему противна. Онъ думалъ, что она, должно быть, очень грязна, и старался на нее не смотрѣть. Но отъ ея пѣнія страсть его къ Настенькѣ росла. Настеньку тоже волновала музыка, особенно потому, что она чувствовала, какъ онъ былъ взволнованъ. Ея волненіе было бы еще сильнѣе, еслибъ она не смотрѣла на пѣвицу (ей некуда было дѣвать взглядъ, — на Штаалья она смотрѣть не могла, а на другихъ мужчинъ — боялась). Въ цыганкѣ же ее развлекали разныя вещи: и то, что руки у нея много темнѣе лица, и то, настоящіе ли брилліанты въ ея ушахъ или нѣтъ, и, если настоящіе, то сколько они могутъ стоить, и отъ кого она ихъ получила. — «Нравится она ему?» — тревожно думала Настенька, сравнивая себя съ цыганкой. — «Я, правда, возьму лицомъ, но если она такъ поетъ?... Ну, и Богъ съ нимъ, мнѣ ничего не надо», — взволнованно-ревниво подумала она, оскорбленная его предпочтеніемъ цыганки, и вдругъ, поспѣшнымъ косымъ взглядомъ оглянувшись на Штаалья, покраснѣла до ушей: не чувствовала до того его взгляда (изъ за множества людей въ комнатѣ). То, что краска бросилась ей въ лицо, доставило Штаалю наслажденіе.

Пѣніе окончилось, аккомпаниаторъ молодцовато взмахнулъ гитарой, привлекая и на себя часть вниманія публики, пѣвица кокетливо оскалила зубы. Иванчукъ покровительственно похлопалъ со всей публикой и, обратившись къ Настенькѣ, замѣтилъ, что музыка дѣлаетъ въ Россіи, слава Богу, большіе успѣхи. Покойный графъ Скавронскій, Петя, былъ, напримѣръ, такъ музыкаленъ, что разговаривалъ съ прислугой не иначе, какъ по нотамъ, речитативами, и отлично выучилъ прислугу: кучера должны были на вопросы отвѣчать ему октавой басами, выездные лакеи — тенорами, а фореиторы — дишкантами.

Сказавъ это, Иванчукъ замѣтилъ въ дверяхъ мальчика, подававшего знаки, толкнулъ Штаалъ въ бокъ и произнесъ съ хитрымъ видомъ (очевидно впередъ придумалъ), тономъ, не допускающимъ спора:

— Ну, теперь, дѣти, пойдемъ погулять, — душно. А тамъ поиграемъ въ кегли...

Штааль всталъ. Настенька покорно поднялась съ мѣста, даже не удивившись, — гдѣ и зачѣмъ ночью играть въ кегли.

Когда швейцаръ подавалъ имъ шубы, Иванчукъ, еще пошептавшійся съ мальчикомъ, сказалъ Штаалю на ухо:

— За кегельбаномъ избушка, по правой сторонѣ. Мальчикъ будетъ васъ тамъ ждать... Такъ прямо и идите.

XIV

Кегельбанъ и тиръ, обязательные во всѣхъ увеселительныхъ заведеніяхъ, были расположены по близости, въ длинномъ деревянномъ баракѣ. Поздно ночью туда рѣдко ходили гости, и не

запирающийся баракъ освѣщенъ былъ слабо. Прислуги уже не было. Иванчукъ, сопровождавшій ихъ до дверей барака, сказалъ ласково: «Поиграйте, дѣтки, въ кегли, или во что хотите» — и исчезъ. Они вошли въ полуосвѣщенное аданіе, пахнуло пріятнымъ запахомъ сожженныхъ пистоновъ. У Настеньки немного кружилась голова отъ портера, отъ музыки, отъ усталости, отъ вечера въ обществѣ красивыхъ, хорошо одѣтыхъ мужчинъ, всего больше отъ его близости. Штааль, прижимая локтемъ руку Настеньки, подвелъ ее къ тире (онъ очень волновался) и подаль ей пистолетъ. Настенька съ испуганной улыбкой отвела его руку, — она боялась оружія. Штааль быстро прицѣлился и выстрѣлилъ въ мишень. Къ большому его удовольствію, изъ мишени выскочила съ шинѣнемъ какая-то фигура. Запахло пріятно. Настенька ахнула отъ силы звука и отъ изумленія передъ искусствомъ стрѣлка.

— Вотъ, должно быть, страшно, ежели съ вами у кого поединокъ, — сказала она, чтобы доставить ему удовольствіе (онъ дѣйствительно такъ и просіялъ). — Вы, чай, стрѣлялись?

— Собственно... нѣтъ, — процѣдилъ Штааль нѣсколько загадочнымъ тономъ, давая понять, что вѣдь не всю правду и скажешь о такихъ предметахъ. Настенька недовѣрчиво на него посмотрѣла и покачала головой.

— Выстрѣлите еще — тому арапу въ брюхо, — сказала она и смутилась: не знала, прилично ли было сказать: въ брюхо.

— Нѣтъ, Настенька, темно, плохо вижу, — отвѣтилъ Штааль, не желая рисковать репутаціей. — А вотъ въ кегли давайте поиграемъ...

Онъ взялъ изъ огромнаго ящика шершавый шаръ и съ поклономъ (чувствовалъ себя бреттеромъ и маркизомъ) подаль Настенькѣ. Она поправила шубу, неумѣло, сама улыбаясь своей неумѣлости, вы-

соко подняла шаръ надъ головой и сверху внизъ бросила его на узкую деревянную дорожку. Шаръ докатился почти до конца и слетѣлъ съ дорожки на песокъ почти у самой площадки, надъ которой горѣли два фонаря. Штааль побѣжалъ за шаромъ (были въ ящикѣ и другіе шары, но онъ хотѣлъ бросить Настенькинъ), принесъ его и сказалъ тихо:

— Настенька, пари? Сейчасъ собью короля...

— Алъ не собьете.

— Пари... Если собью, я васъ расцѣлую...

— Ну, вотъ еще!.. Вѣрно выпили много?.. А если не собьете?

— Что хотите... — прошепталъ онъ, замирая отъ счастья, и быстро сталъ на ея мѣсто передъ дорожкой, чтобы закрѣпить условіе. Прицѣпился, какъ могъ, старательнѣе чѣмъ когда-то въ училищѣ, и раскатавъ бросилъ шаръ, который покатился по средней доскѣ дорожки и вошелъ въ темную полосу посрединѣ кегельбана. Штааль еще успѣлъ оглянуться на смущенную Настеньку. Шаръ появился въ полосѣ, освѣщенной крайними фонарями, ровно по средней доскѣ вошелъ на площадку и сбилъ переднюю кеглю, за которой пошатнулся и упалъ король. Настенька вскрикнула, засмѣялась и выбѣжала изъ барака. Штааль бросился за ней и нагналъ ее: она шла, поспѣшно оглядываясь, не къ Кабачку, а въ противоположную сторону. Тамъ, по его соображеніямъ, должна была находиться избушка...

— Не смѣете, не смѣете, — говорила, быстро оглядываясь, Настенька, ясно чувствуя, что онъ смѣетъ и сдѣлаетъ. Дорога уходила въ темноту. Свѣтъ Краснаго Кабачка слабѣлъ. Дулъ довольно сильный вѣтеръ, не зимній, а осенній, шумный и не холодный. На безвѣздномъ, безлунномъ небѣ творилось что-то непонятное, быстро куда-то неслись черныя скользящія громады... Вдали, на высотѣ, въ старейшей Лефоровой усадьбѣ, расположенной по другую

сторону дороги, рѣдкими красными четырехугольниками горѣли окна. Да еще откуда-то странный одинокій фонарь свѣтился звѣздой, — казалось, легко было сосчитать ея иглы. Въ той сторонѣ, по преданію былъ Петровскій редутъ. Таинственное поэтическое чувство, которое всегда темной ночью вызываетъ свѣтящійся издали огонь, охватило Штаалъ и Настеньку. Они остановились. Настенька оставила муфту у швейцара и не знала куда дѣвать руки. Штааль схватилъ ихъ, сжалъ, и почти прислонилъ свое лицо къ лицу Настеньки. Она ждала поцѣлуя, но онъ не поцѣловалъ ее, точно хотѣлъ продлить удовольствіе.

— Настенька, что я сказалъ?

— Глупости... На девятомъ взводѣ сказали...

— Что я сказала, Настенька? — повторилъ онъ, еще крѣпче сжимая ея руки.

— Поцѣлую, сказали... Глупости... — прошептала она, подчиняясь съ наслажденіемъ его властному тону.

— Неправда, не «поцѣлую»: я сказалъ «расцѣлую»...

Штааль быстро привлекъ къ себѣ Настеньку и поцѣловалъ ее — нѣжно, легко, осторожно, совсѣмъ не такъ, какъ собирался.

— Теперь умереть, — прошепталъ онъ.

Настенька благодарно на него взглянула, хоть ей, какъ и ему, нисколько не хотѣлось умереть въ эту минуту. Онъ неохотно ее выпустилъ (ей тоже стало жалко) и они быстро пошли впередъ... Вѣтеръ рванулъ съ воемъ. Небо становилось все страшнѣе. Имъ вдругъ стало неуютно. Точно что-то внезапно измѣнилось и начало быстро слабѣть... Не говоря ни слова, они шли дальше. Тревога ихъ все нарастала. Вдругъ откуда-то сверкнулъ красный огонекъ и ломающійся голосъ окликнулъ:

— Здѣсь, баринъ...

Штааль вздрогнул. Мальчикъ съ краснымъ фонаремъ въ рукѣ выступилъ изъ-за избушки, стоявшей въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дороги. Настенька съ ужасомъ на него глядѣла. Мальчикъ поставилъ фонарь на землю и принялся огромнымъ ключемъ отпирать тугой замокъ. Штааль суетился и говорилъ Настенькѣ что-то несвязное, чувствуя, что вышло нехорошо. Верхъ замка поднялся. Мальчикъ снялъ замокъ, освободилъ скобку, потащилъ къ себѣ дверь, туго поддававшуюся снизу, и внесъ дрожавшій фонарь въ избу.

— Настенька, войдемъ... Холодно... На минуту... Отдохнуть, Настенька... — говорилъ Штааль, почти насильно втаскивая ее въ избу.

Мальчикъ зажегъ свѣчей фонаря восковую свѣчу, прикрывая ее отъ вѣтра красными грязными руками. Свѣча тотчасъ погасла. Онъ снова зажегъ и поспѣшно надѣлъ колпакъ. Въ избѣ все было какъ въ кабинетѣ ресторана: коверъ, бархатный диванъ съ помоятыми подушками, кресла. На столѣ, около тарелки съ фруктами, лежали апельсинныя корки и былъ разбросанъ пепель, понесшійся по избѣ отъ вѣтра. На полу стояли лужи отъ занесеннаго сапогами снѣга.

— Но какъ же не убрали? — вскрикнулъ Штааль съ порога.

Онъ чувствовалъ все яснѣе, что вышло очень нехорошо, что совсѣмъ, совсѣмъ не вышло. — «Этотъ пепель!...» — Мальчикъ, глупо улыбаясь, смотрѣлъ на господъ и видимо ждалъ денегъ. Штааль поспѣшно далъ ему начай.

— Пошелъ вонъ! — сказалъ онъ сердито.

— Ключъ, баринъ, потомъ, когда запрете, не забудьте захватить, — напомнилъ исчезая мальчикъ.

— Настенька, присядьте, умоляю васъ, — прошепталъ Штааль дрожащимъ голосомъ.

Быть может, этимъ онъ окончательно испортилъ свое дѣло. Его мольба и отчаянный видъ испугали Настеньку. Она покачала отрицательно головой, не спуская съ него глазъ, и попятилась къ выходу... Вѣтеръ рванулся въ избу и потасилъ свѣчи. Настенька вскрикнула. Тотчасъ, съ болью и облегченіемъ, Штааль почувствовалъ, что ничего не будетъ...

Онъ больше ее не удерживалъ, хотъ продолжалъ, весь блѣдный, говорить безсвязныя слова...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Къ послу султана Эссеиду-Али былъ приставленъ Директоріей чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, свободно говорившій по турецки: посольство никогда не было во Франціи и французскимъ языкомъ владѣлъ плохо. Въ сопровожденіи чиновника, Эссеидъ-Али въ день своего прибытія въ Парижъ осматривалъ съ утра городъ, разѣзжая въ роскошной коляскѣ, на запяткахъ которой стояли два раба — одинъ въ синемъ, другой въ красномъ костюмѣ. Рабы были огромнаго роста, лица у нихъ были звѣрскія, и чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, сидя рядомъ съ посломъ въ коляскѣ, все время ежился, неприятно ощущая за своей спиной присутствіе этихъ дикихъ людей. Прохожіе останавливались на улицѣ и смотрѣли, выпучивъ глаза, на странную коляску, затѣмъ, догадавшись въ чемъ дѣло (о пріѣздѣ посла уже сообщили газеты), радостно повторяли: „Le grand Turc!“, „Voilà l'envoyé du grand Turc!..“ И только одинъ хмурый человѣкъ въ яacobинскомъ костюмѣ съ синимъ воротникомъ, глядя въ упоръ на Эссеида-Али, закричалъ со злобой: „Vive la République!“

Посоль, красивый горбоносый турокъ съ черными глупыми глазами, все время нервно разглаживалъ холеной большою рукою въ перстняхъ длинную черную бороду. Эссейдъ-Али чувствовалъ себя въ Парижѣ неловко. Въ этотъ день былъ назначенъ его торжественный приѣмъ у Директоріи. Онъ не зналъ, кромѣ министра иностранныхъ дѣлъ, никого изъ людей, составлявшихъ французское правительство, и даже въ ихъ именахъ разбирался плохо. Онъ вообще зналъ очень мало. Но ему было извѣстно, что люди эти, незнатной породы, отрубили голову своему султану, и въ сужденіи Эссеида-Али они мало отличались отъ тѣхъ мужиковъ инородцевъ, называвшихъ себя армянами, сербами, молдовалахами, македонцами, которые иногда ни съ того, ни съ сего устраивали кровавыя возстанія и убивали своихъ законныхъ господъ. Этихъ мужиковъ потомъ усмиряли султанскія войска: сжигали деревни, вырѣзывали часть населенія, а главныхъ зачинщиковъ сажали на колъ. Въ подобныхъ усмиреніяхъ не разъ участвовалъ и самъ Эссейдъ-Али, владѣвшій огромными помѣстьями на берегахъ Дуная. Именно такъ, по общему складу мыслей посла, слѣдовало поступить съ французскими мужиками, къ которымъ онъ былъ присланъ. Но по соображеніямъ, извѣстнымъ султану Селиму, такъ поступить съ ними было теперь невозможно: послу, напротивъ, предписывалось соблюдать въ сношеніяхъ съ Директоріей особую любезность. Онъ строго соблюдалъ то, что ему предписывалось. Кромѣ того, Парижъ, въ отличіе отъ болгарскихъ, македонскихъ и молдовалашскихъ деревень, при усмирении которыхъ случалось присутствовать Эссейду-Али, сразу чрезвычайно ему понравился. Гладя бороду рукою, поглядывая на залитыя солнцемъ улицы, на нарядныхъ женщинъ съ незакрытыми лицами, посоль думалъ, что французскій городъ будетъ жалко ежечь, если

сюда султанъ Селимъ для усмиренія пошлетъ свои войска. Эти мысли удивляли Эссеида и немного утомляли: онъ не привыкъ работать головою. Еще болѣе озадачивало его то, что министръ иностранныхъ дѣлъ, по имени Таллейранъ, котораго онъ успѣлъ повидать, производилъ при первомъ знакомствѣ хорошее впечатлѣнiе. Эссеиду-Али даже показалось, что такой министръ, по уму, обращенiю и манерамъ, вполне могъ бы занимать мѣсто во дворцѣ падишаха. Этого человѣка тоже несомнѣнно жаль было бы посадить на колъ.

Когда коляска поста выѣхала на площадь Революціи, чиновникъ приказалъ кучеру остановиться и пригласилъ поста полюбоваться самой прекрасной площадью въ мірѣ. Очевидная ложь вызвала презрительную усмѣшку на лицѣ Эссеида: площадь Баязета въ Стамбулѣ была безспорно много красивѣе. Но и эта тоже была хороша въ своемъ родѣ. Эссеидъ кивнулъ чиновнику головой и неторопливо вышелъ изъ коляски, опираясь на рабовъ, которые мигомъ соскочили съ запятокъ. Онъ благосклонно окинулъ взоромъ площадь, пышныя деревья Тюльерійскаго сада, стройныя колоннады *Garde meuble*'я, вынулъ изъ кармана платокъ, вытеръ лобъ и выжидательно уставился на чиновника, какъ бы приглашая его рассказать о площади еще какую-нибудь выдумку, которую изъ вѣжливости нельзя, да и не стоитъ, опровергать. Спутникъ Эссеида, очень утомленный двухчасовой поѣздкой — говорилъ почти исключительно онъ одинъ, — вздохнулъ и сообщилъ послу, что на мѣстѣ, на которомъ они стояли, четыре года тому назадъ была отрублена голова короля Людовика XVI. Эссеидъ вдругъ остолбенѣлъ. Чиновникъ подробно рассказаль, гдѣ стояла машина, отрубившая голову королю, и показаль статую Свободы, къ подножью которой эта голова упала. Статуя Свободы, выкрашенная въ розовый цвѣтъ, нахо-

дилась въ очень дурномъ состояніи. Обвѣтренная, размытая дождями, она осыпалась повсюду, — отъ ея груди и отъ шеи оставалось очень немного. Со скуки, не зная, какъ заполнить положенное на прогулку время, чиновникъ началъ было переводить послу надпись на статуѣ Свободы: „Elle est assise sur les ruines de la tyrannie. La postérité...“ Но оказалось, что весь конецъ надписи былъ совершенно размытъ дождемъ, и чиновникъ такъ и не могъ вспомнить, что именно должна была сдѣлать la postérité. Это его впрочемъ не смутило и онъ дополнилъ надпись отъ себя, приблизительно сообщая, въ какомъ духѣ она могла быть составлена. Но, взглянувъ во время разсказа на лицо Эссеида-Али, чиновникъ сразу замолчалъ, сконфуженно подумавъ, что послу султана Селима лучше было бы показывать что-либо другое. Они сѣли въ коляску, и разговоръ не завязывался нѣкоторое время. Выѣзжая съ площади мимо отеля Инфантадо, въ которомъ все еще производилась продажа съ аукціона имущества казенныхъ аристократовъ, Эссеидъ-Али высунулся изъ коляски, оглянулся на площадь и плюнулъ, не обращая вниманія на своего спутника. Чиновникъ долго не зналъ, какъ это понять и принять. Къ большому его облегченію, имъ какъ разъ въ это время повстрѣчался извѣстный всему Парижу экипажъ артистки Анны Ланжъ, отправлявшейся на катанье въ Пасси. Чиновникъ почтительно съ ней раскланялся и взоромъ знатока оглядѣлъ ея Дюплановскій свѣтлый парикъ и модное платье à la vestale, стараясь запомнить всѣ подробности для того, чтобы разсказать сослуживцамъ и самому министру. Мадемуазель Ланжъ, вмѣстѣ съ госпожей Тальенъ, была первой модницей Парижа. Говорили, что въ ея гардеробѣ насчитывалось около тысячи платьевъ, тридцать париковъ, пятьсотъ паръ туфель и дюжина рубашекъ. Посоль тоже видимо

заинтересовался красавицей. Морщины на его лицѣ немного разошлись, и глухие глаза стали менѣе су-
ровы. Онъ вопросительно посмотрѣлъ на своего
спутника. Съ удовольствіемъ переводя разговоръ
на другой предметъ и желая поразить воображеніе
Эссеида-Али, чиновникъ сообщилъ ему, что маде-
муазель Ланжъ самая дорогая изъ всѣхъ женщинъ
въ мірѣ и что она беретъ не менѣе тысячи ливровъ
въ часъ. Посолъ задумался, затѣмъ вынулъ изъ
кармана мѣшечекъ съ деньгами, отсчиталъ двѣна-
дцать тысячъ ливровъ и, передавая эту сумму расте-
рявшемуся чиновнику, попросилъ вечеромъ приве-
сти мадемуазель Ланжъ къ нему на квартиру.

II

Принимать турецкаго посла первоначально пред-
полагалось въ одной изъ залъ Большого Люксем-
бургскаго дворца. Но потомъ по разнымъ причи-
намъ рѣшено было устроить церемонію во дворѣ.
Ожидалось огромное стеченіе публики. Директоры
хотѣли обставить приѣмъ торжественно: народъ от-
выкъ отъ церемоній и особенно отъ участія въ нихъ
представителей чужихъ государствъ. Сношенія съ
большими державами все не налаживались; ино-
странные дипломаты въ Парижѣ были преимуще-
ственно второго сорта. Пышный приѣмъ такъ кстати
прибывшаго н а с т о я щ а г о, да еще столь живопис-
наго, посла долженъ былъ доставить развлеченіе па-
рижанамъ и заодно поднять внутри страны пре-
стижъ революціоннаго правительства. А поднять
престижъ было очень нужно. Члены директоріи
чувствовали страшную ненависть, которая ихъ ок-
ружала и могла прорваться наружу каждую мину-
ту. Ихъ безграничная власть имъ самимъ порою
казалась сказкой, затянувшимся сномъ. Они знали,

могли вспомнить и рассказать, какъ и когда эта власть имъ досталась. Они дѣлали видъ, будто всегда къ ней готовились и не находятъ въ своей судьбѣ ничего удивительнаго и неестественнаго. Но долгія десятилѣтія предыдущей ихъ жизни, бѣдной, незамѣтной и безшумной, тѣмъ не менѣе преобладали въ ихъ сознаніи надъ тѣмъ, что было теперь, и члены директоріи такъ же не могли привыкнуть къ привалившему счастью, какъ не могли подумать безъ ужаса о возможномъ его концѣ. Они то вѣрили, то теряли вѣру въ свою прочность и, когда теряли, начинали метаться и выискивать заговоры. Въ обществѣ происходило то же чередованіе настроеній. Одни и тѣ же люди иногда съ изумленіемъ себѣ спрашивали, какимъ чудомъ это еще существуетъ; иногда съ усталой безнадежностью говорили, что это будетъ существовать вѣчно. Иностранцы, очень желавшіе знать мнѣніе французскаго народа, рѣшительно ничего не могли понять.

Церемоніаль пріема султанскаго посла былъ старательно выработанъ членомъ Директоріи Бартеlemi, при помощи бывшихъ дипломатовъ королевской службы, по лучшимъ образцамъ вѣнскаго и лондонскаго этикета, чуть измѣненнымъ для надобностей этикета революціи. Представить посла Директоріи долженъ былъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Таллейранъ де Перигоръ, бывший епископъ Отенскій.

Никто не могъ понять, какимъ образомъ прошелъ въ правительство этотъ, уже въ ту пору почти легендарный, человѣкъ, одинаково ненавистный всѣмъ партіямъ, — якобинцамъ, умѣреннымъ, роялистамъ. Посвященные люди говорили, будто должность министра доставила бывшему епископу его новая любовница, госпожа Сталь, и тонко улыбались, упоминая о цѣнѣ, какою извѣстная писательница выпросила эту должность у Барраса, самаго влія-

тельного изъ членовъ Директоріи. Но люди не менѣе посвященные отрицали сплетню и утверждали, что любовникомъ госпожи Сталь состоитъ ея достовѣрный пріятель Бенжаменъ Констанъ и что она, ради оригинальности, никогда не имѣетъ одновременно нѣсколько любовниковъ. О взглядахъ и намѣреніяхъ Таллейрана говорили разное. Одни говорили, будто онъ сторонникъ партіи Барраса; другіе думали, что бывшій епископъ связался съ Карно; третьи высказывали догадку, ужъ не подготавливаетъ ли Таллейранъ возвращеніе династіи Бурбоновъ.

Въ день пріема Эссеида-Али въ Маломъ Люксембургскомъ дворцѣ, въ которомъ жили члены Директоріи, съ утра было волненіе. Дворецъ былъ раздѣленъ на пять квартиръ, а садъ при немъ разбитъ заборами на пять участковъ. Между семьями разныхъ жильцовъ дворца давно велась ожесточенная война. Жены директоровъ ненавидѣли другъ друга еще больше, чѣмъ ихъ мужья, и взаимная ненависть женъ была не только слѣдствіемъ (какъ всѣ думали), но отчасти и причиной раздоровъ, происходившихъ въ Директоріи.

По городу упорно ходили слухи, будто три директора, Баррасъ, Рейбель и Ларевельеръ-Лено, готовятъ государственный переворотъ и собираются отправить въ Кайенну, или даже подстрѣлить въ суматохѣ, своихъ двухъ товарищей по Директоріи — Карно и Бартеlemi. Съ другой стороны говорили, что Карно вступилъ въ переговоры съ темными людьми, которые брались за приличное вознагражденіе зарѣзать Барраса и Ларевельера. Эти слухи становились немедленно извѣстными всѣмъ жильцамъ Малаго Люксембургскаго дворца и почти ни у кого не встрѣчали особеннаго недовѣрія.

День церемоніи выдался очень жаркій. Съ равняго утра госпожа Рейбель, не первой молодости

женщина съ чрезвычайно энергичнымъ выраженіемъ лица, читала газеты, сидя въ креслѣ въ своемъ участкѣ сада. За заборомъ три женщины въ бѣлыхъ платьяхъ — госпожа Карно и ея сестры — склонились надъ повозочкой, въ которой отчаянно кричалъ ребенокъ, маленькій сынъ Карно, назганный отцомъ Сади въ честь восточнаго мудреца. И ребенокъ этотъ, почти неумолчно кричавшій цѣлый день, и его мать, женщина слабаго здоровья, нуждавшаяся въ постоянномъ уходѣ, составляли предметъ жгучей ненависти госпожи Рейбель. Демонстративно держа передъ собой газету, она упорно дѣлала видъ, что не замѣчаетъ и не желаетъ замѣчать существованія людей въ сосѣднемъ участкѣ сада.

Съ улицы донесся грохотъ замедлявшей ходъ тяжелой кареты. Послышался звонокъ. Госпожа Рейбель, взглянувъ поверхъ невысокаго забора, увидѣла во дворцѣ Малаго Люксембургскаго дворца Таллейрана въ парадномъ костюмѣ, радостно поднялась съ мѣста, уронивъ газету, и окликнула министра. Онъ оглянулся, подавилъ движеніе досады и съ восхищенной улыбкой на лицѣ вошелъ со двора въ садъ.

Какъ всѣ женщины, госпожа Рейбель чувствовала къ бывшему епископу Отенскому большое расположение, смѣшанное еще съ чѣмъ-то другимъ. Хотя по своему служебному положенію, какъ министръ, подчиненный директорамъ, онъ былъ значительно ниже ея мужа, госпожа Рейбель никого въ революціонномъ правительствѣ не цѣнила такъ высоко, какъ Таллейрана, — и потому что онъ принадлежалъ къ старой аристократіи, и потому что она еще задолго до революціи слышала имя епископа Отенскаго, рассказы объ его умѣ, дарованіяхъ и успѣхахъ у женщинъ. Таллейранъ съ нѣжной улыбкой поцѣловалъ обѣ руки госпожи Рейбель, потомъ

повернулъ ея правую руку ладонью вверхъ и не выпуская поцѣловать снова у рукава. Потянулся онъ къ рукѣ госпожи Рейбель такъ, какъ поцѣловать бы руку у самого Рейбеля, еслибъ это допускалось приличіемъ. Но лишь только онъ коснулся губами пульса ея руки, ему вдругъ показалось, что госпожа Рейбель въ сущности не такъ нехороша собой и даже въ ея лицѣ есть что-то такое: для Таллейрана уже не существовало некрасивыхъ женщинъ. Госпожа Рейбель застыдилась, тѣмъ болѣе, что ногти правой руки были у нея не совсѣмъ чисты. Таллейранъ молча восторженно улыбался и повидимому не спѣшилъ завязать разговоръ. Госпожа Рейбель, оглянувшись въ сторону садика Карно, стала спрашивать о новостяхъ. Таллейранъ тотчасъ остылъ. Онъ нехотя разсказать новости (очень не любилъ разговаривать съ женщинами о политикѣ), затѣмъ сталъ объяснять церемоніаль пріема турецкаго посла.

Изъ-за забора донесся крикъ ребенка. Три женщины въ бѣлыхъ платьяхъ засуетились надъ повозочкой.

— Sadi, toujours Sadi, — сказала, насмѣшливо подмигивая, госпожа Рейбель. — Il crie jour et nuit... Pas une minute de repos!..

Таллейранъ сочувственно покачалъ головой.

— Et puis on s'appelle Paul, Jean, Pierre, ou bien Brutus, Gracchus, Lycurgue, mais on ne s'appelle pas Sadi! C'est ridicule, n'est ce pas, citoyen ministre? Ces gens ne savent pas vivre...

Они еще поговорили. Госпожа Рейбель, опустивъ глаза и слегка покраснѣвъ, спросила министра, правда ли, будто Баррасъ продалъ или продаетъ свою любовницу, госпожу Тальенъ, разбогатѣвшему банкиру Увару. Таллейранъ подтвердилъ слухъ: сдѣлка уже почти налажена, и это тѣмъ большая удача для Барраса, что Уваръ вовсе не собирался

покупать госпожу Тальенъ, — она ему не настолько нравится, чтобы платить за нее бѣшенныя деньги. Госпожа Рейбель, окончательно покраснѣвъ, всплеснула руками — и тутъ только Таллейранъ вспомнилъ, что ему нужно было выразить возмущеніе цинизмомъ Барраса. Онъ и сдѣлалъ это съ полной готовностью.

— А гдѣ вашъ мужъ? — спросилъ онъ, подыскивая способъ ускользнуть поскорѣе.

— Работаетъ, конечно, какъ всегда; все выносить на своихъ плечахъ, — отвѣтила госпожа Рейбель, на лицѣ которой при этихъ словахъ изобразилась беззавѣтная готовность помочь мужу въ его тяжеломъ трудѣ. Госпожа Рейбель часто говорила о себѣ и еще разъ при случаѣ повторила Таллейрану, что, въ отличіе отъ нѣкоторыхъ другихъ женъ, она настоящая подруга жизни своего мужа, разделяетъ его убѣжденія, симпатіи, интересы, согрѣваетъ его женской любовью и создаетъ ему семейный уютъ для того, чтобы онъ могъ спокойно дѣлать свое дѣло. Подруги жизни составляли родъ женщинъ, котораго совершенно не выносили Таллейранъ. Онъ взглянулъ на госпожу Рейбель и почувствовалъ, что ошибся: она была точно нехороша собою, и ничего такого въ ея лицѣ не было. Дослушавъ ея слова, онъ посмотрѣлъ на часы, сдѣлалъ испуганное движеніе, простился и вошелъ въ вестибюль дворца.

Еще поднимаясь по лѣстницѣ, Таллейранъ услышалъ рѣзко повышенные голоса, доносившіеся изъ малой гостиной. Дверь была открыта. Войдя въ эту комнату, онъ увидѣлъ, что тамъ происходила ссора. Директоры, всѣ въ парадной формѣ, въ синихъ расшитыхъ золотомъ костюмахъ, въ бѣлыхъ жилетахъ и при шпагахъ, были чрезвычайно взволнованы. Баррасъ и Карно стояли другъ противъ друга съ лицами искаженными злобой, со сжатыми

кулаками, — точно готовясь вступить въ драку. Грузный Бартеlemi, задыхаясь въ тяжеломъ костюмѣ, откинулся въ глубокомъ креслѣ и, оттягивая лѣвой рукой концы синяго шарфа, обмахивалъ себя огромной шляпой, на которой висѣла трехцвѣтная лента и шаталось плохо всаженное страусовое перо. Горбатый Ларевельеръ-Лепо кротко, съ умоляющимъ видомъ, повторялъ:

— *Tranquillisez-vous, citoyens... Voyons, mes chers collègues...*

Но его никто не слушалъ. Таллейранъ видѣлъ, что Баррасъ нарочно въ себѣ усиливаетъ бѣшенство. «Чего онъ хочетъ?» — спросилъ себя бывшій епископъ. Онъ зналъ вспыльчивый характеръ Барраса, но по долгому опыту жизни вообще плохо вѣрилъ во вспыльчивость: много разъ замѣчалъ, что это чувство проявляется только тогда, когда его можно проявлять, и видѣлъ, что самые горячіе люди прекрасно себя сдерживаютъ, если положеніе и особенности тѣхъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, не допускаютъ вспышекъ гнѣва... «Чего онъ хочетъ?» — спросилъ себя Таллейранъ, слушая раскаты могучаго баритона Барраса. — «Разрыва? Но почему же именно сегодня?»

— Ты!.. Ты!.. — кричалъ Баррасъ. — Ты назначилъ главнокомандующимъ Бонапарта? Такъ ты ему пишешь, да? Лжецъ! Гдѣ ты былъ девятаго термидора? Ты тогда прятался, тихоня! Ты самъ съ твоимъ другомъ Робеспьеромъ рѣзалъ людей!

— Неправда! Ты лжешь!..

— Подлецъ! Ты думаешь, я не видѣлъ вашихъ комитетскихъ бумагъ? На всѣхъ приказахъ о преданіи суду твоя гнусная подпись! Ты подписывался съ краешка бумаги мелко-мелко! Ты не читалъ того, что ты подписывалъ, да? Или ты, можетъ быть, не зналъ, что такое означало при Робеспьерѣ преда-

ніе суду революціоннаго трибунала? Наивное дитя! Рассказывай это дуракамъ!..

— Ты лжешь, Баррасъ!.. Я не занимался внутренними дѣлами, я создавалъ армію... Я организовалъ побѣду... Ты смѣешь меня попрекать кровью? Сколько тысячъ людей ты самъ перерѣзалъ на югѣ?.. Ты — провокаторъ! Ты нарочно теперь готовишь вспышку народной ярости, чтобы перерѣзать своихъ противниковъ!..

— Подлецъ! Это ты хочешь выдать насъ всѣхъ своимъ новымъ друзьямъ роялистамъ! Но погоди!..

Баррасъ съ ненавистью смотрѣлъ на Карно, какъ будто соображая, ударить ли его или нѣтъ. Умное тонкое лицо организатора побѣды совершенно побѣлѣло отъ гнѣва. Его рука привычнымъ движеніемъ тянулась къ эфесу шпаги. Но на боку на этотъ разъ у него висѣла не обычная офицерская, а бутафорская шпага директора, — ее и вынуть не такъ было легко изъ узкихъ блестящихъ ноженъ. Не спуская горящихъ сѣро-зеленыхъ глазъ съ Барраса, Карно инстинктивно готовился отбить ударъ противника, если тотъ вправду полѣзетъ въ драку.

— Господа, турецкій посолъ будетъ здѣсь черезъ четверть часа, — безстрастно, ровнымъ негромкимъ голосомъ сказалъ Таллейранъ. — Вы правительство, господа, — неожиданно добавилъ онъ — и противъ воли министра въ его интонаціи вдругъ проскользнуло совершенное презрѣніе (онъ тотчасъ объ этомъ пожалѣлъ).

— *Voyons, citoyens*, — снова заговорилъ кроткій Ларевельеръ-Лепо.

Директоры опомнились. Баррасъ презрительно фыркнулъ, сорвалъ съ кресла синюю мантию и, эффектно перебросивъ ее черезъ плечо, вышелъ изъ гостиной, хлопнувъ дверью, не очень крѣпко, но такъ, чтобы всѣмъ было ясно, что онъ не залеръ

дверь, а именно хлопнулъ ею. Карно саркастически засмѣялся, хотя ему было вовсе не смѣшно.

— *Il faut en finir!* — угрожающе-неопредѣленно сказалъ онъ, сердито глядя на Таллейрана, котораго онъ очень не любилъ и чье замѣчаніе поразило его своей дерзостью.

Бартеlemi облегченно заговорилъ съ Ларевельеромъ въ примирительномъ духѣ: въ сущности вышло простое недоразумѣніе. Они хотѣли возстановить, изъ за чего началась ссора, но не могли: ея причиной была ненависть директоровъ другъ къ другу, а прямого повода не было никакого. Рейбель, плотный краснолицый веселый адвокатъ, отвелъ Таллейрана въ сторону и шопотомъ спросилъ его, не знаетъ ли онъ, сколько именно денегъ получилъ Баррасъ за продажу Уврару госпожи Тальенъ. Таллейранъ, не задумываясь, назвалъ очень крупную сумму. На лицѣ Рейбеля выразилось возмущеніе, смѣшанное съ восторгомъ: такой суммы онъ никакъ не ожидалъ.

— *Nom de Dieu!*—воскликнулъ онъ, и въ вырвавшемся у него восклицаніи вдругъ сказанъ эльзасскій акцентъ, отъ котораго онъ сумѣлъ себя отучить.

Директоры надѣли мантии и спустились по лѣстницѣ. Внизу въ вестибюлѣ стоялъ, охорашиваясь передъ зеркаломъ, Баррасъ. Онъ какъ ни въ чемъ не бывало подошелъ къ Рейбелю и весело съ нимъ заговорилъ. Швейцаръ открылъ двери настежь. Карно, очередной предсѣдатель Директоріи, прошелъ первый. Баррасъ, нарочно задерживая Рейбеля, пропустилъ впередъ и Ларевельера, и Бартеlemi, подчеркивая этимъ, что первое мѣсто здѣсь не имѣетъ никакого значенія.

На дворѣ передъ двухъэтажнымъ сѣрымъ фасадомъ Малаго Люксембургскаго дворца выстроилась гвардія Директоріи. При выходѣ Карно послышались слова команды. Гвардія взяла на караулъ. Забили барабаны. Карно торопливо пошелъ по на-

правленію къ Большому дворцу, все ускоряя шаги и видимо стараясь возможно скорѣе пройти мимо игрушечнаго фронта. Таллейранъ сдерживалъ усмѣшку: ему вдругъ стало какъ-то особенно ясно, что все это — глупая затянувшаяся шутка. Но у другихъ членовъ правительства при грозномъ звукѣ барабановъ краска радости и счастья бросилась въ лицо: да, это для нихъ выстроилась гвардія, это для нихъ бьютъ барабаны, это они хозяева государства, они принимаютъ султанскаго посла въ старомъ дворцѣ Медичи, по церемоніалу, выработанному герцогами и князьями, которые до нихъ правили Франціей. Рейбель молодцовато выпрямился, свелъ по военному свои тонкія ноги, окинулъ взоромъ гвардію и съ достоинствомъ отвѣсилъ два поклона — направо и налево. Видъ его свидѣтельствовалъ о томъ, что онъ, хотя человѣкъ штатскій, но революціонный сановникъ, любить армію и знаетъ ея обычаи. Ларевельеръ ласково улыбался, стараясь привлечь сердце народа кротостью и республиканской простотой обращенія. Баррасъ догналъ Карно и пошелъ все-таки рядомъ съ нимъ, стараясь на него не смотреть. За ними, задыхаясь отъ жары и путаясь въ длинной синей мантии, мелкими шажками бѣжалъ Бартелеми. У солдатъ и офицеровъ гвардіи видъ былъ утрюмый. Со стороны Большого Люксембургскаго дворца музыка заиграла Марсельезу.

III

Эссеидъ-Али въ двучвѣтномъ, бѣло-зеленомъ турбанѣ, въ богатомъ горностаевомъ костюмѣ, покрытомъ мантией фіолетоваго шелка, верхомъ на великолѣпной арабской лошади, которую вели подъ уздцы рабы, въ сопровожденіи отряда конной гвардіи подъ-

ѣхалъ къ Большому Люксембургскому дворцу. Неторопливо сойдя съ коня, не глядя на огромную толпу народа, заливавшую улицы, балконы, окна, крыльи домовъ, не осматриваясь по сторонамъ и усиленно скрывая охватившее его любопытство и смущеніе, онъ медленно вошелъ въ Большой дворецъ. Тамъ его уже ждалъ министръ иностранныхъ дѣлъ. Посоль молча обмѣнялся съ нимъ глубокими поклонами. Секретарь-турокъ изъ свиты Эссеида благоговѣнно подаль ему кусокъ краснаго пергамента, завернутый въ бѣлую кисею. Эссеидъ-Али набожно поцѣловалъ султанскій фирманъ и положилъ его себѣ на голову. На другомъ концѣ залы кто-то фыркнулъ. Но посоль этого не слышалъ, — онъ изъ всѣхъ людей, находившихся въ залѣ, видѣлъ только министра иностранныхъ дѣлъ. Лицо бывшаго епископа Отенскаго сіяло умиленіемъ и ясно говорило, что онъ былъ въ счастливѣйшій моментъ жизни, когда онъ прикоснулся губами къ подписи султана Селима, — но не имѣетъ на это права. Эссеидъ снова оцѣнилъ поведеніе умнаго христіанина. Еще разъ поклонившись другъ другу (посоль при этомъ поклонѣ поднималъ съ головы вытянутыми руками султанскій фирманъ), они спустились въ большой дворъ, тоже залитый народомъ. Посреди двора были устроены эстрады для правительства и почетныхъ гостей. При появленіи турка въ богатомъ нарядѣ, съ руками, поднятыми къ головамъ, по двору, смѣшиваясь со звуками марсельезы, пронесся гулъ изумленія. Ждали страннаго чловека, но онъ оказался еще болѣе страннымъ, чѣмъ думали. Турокъ однако сразу очень понравился парижской публикѣ, — каждый тотчасъ почувствовалъ, что онъ понравился всѣмъ другимъ, и это еще увеличило общую симпатію къ послу султана Селима. Оркестръ замолкъ. Настала совершенная тишина. Приблизившись медленно къ срединной эстрадѣ, Эссеидъ снялъ съ головы фирманъ, снова

его поцѣловаль и отдалъ Карно. Предсѣдатель привсталъ, взявъ въ руки пергаментъ, что-то пробормоталъ и всунулъ фирманъ Бартеlemi, который поддерживалъ его въ рукахъ до конца церемоніи. Эссейдъ медленно низко поклонился три раза людямъ, сидѣвшимъ на эстрадѣ. Директоры отвѣтили ему поклономъ. И тотчасъ чувство неудержимой радости съ новой силой ихъ охватило. Рейбель и Ларевельеръ-Лепо иронически себя настраивали въ отношеніи турецкаго дикаря и всей этой китаѣйщины. Но улыбка самодовольства противъ ихъ воли все шире расплывалась на ихъ лицахъ. Бартеlemi гордо оглядывался по сторонамъ, точно приглашая публику оцѣнить по достоинству выработанный имъ церемоніаль. Баррасъ съ завистью смотрѣлъ на драгоценные камни, которыми съ головы до ногъ были зашиты послы, и мысленно опредѣлялъ ихъ цѣну. Только Карно чувствовать себя не въ духѣ и съ раздраженіемъ глядѣлъ на разукрашеннаго дикаря въ мѣховомъ костюмѣ. Ему хотѣлось возможно скорѣе кончить эту глупую церемонію и вернуться въ свой кабинетъ къ любимой работѣ надъ военной корреспонденціей, картами и планами кампаній. Видъ многотысячной толпы волновалъ президента Директоріи — и раздражало его то, что, послѣ семи лѣтъ политической дѣятельности, онъ былъ не въ состояніи побороть въ себѣ нервное возбужденіе передъ краткой пустой привѣтственной рѣчью, которую долженъ былъ произнести.

Отдавъ три поклона и принявъ поклонъ Директоріи, Эссейдъ развернулъ листъ бумаги и сталъ читать съ восточнымъ напѣвомъ, нѣсколько громче, чѣмъ было нужно. Легкая волна гула пронеслась по двору и замолкла во всеобщемъ напряженномъ вниманіи. Рѣчь посла была слѣдующая:

— „Le Sultan, qui règne aujourd'hui si glorieusement dans les états ottomans, souverain de deux

continents et de deux mers, le très-majestueux, très-redoutable, très-magnanime et très-puissant empereur, dont la pompe égale celle de Darius et la domination celle d'Alexandre, mon très-bienfaisant seigneur et maître, m'a chargé de présenter à ses sincères amis, la très-honorable et très-magnifique République française, cette gracieuse lettre impériale, remplie des sentiments de l'amitié la plus parfaite et de l'affection la plus pure, et il m'a envoyé en ambassade près d'elle, pour augmenter avec l'aide du Très-Haut, l'amitié et la bonne harmonie qui subsistent si solidement et depuis si longtemps entre la Sublime Porte et la France. S'il plaît à Dieu, pendant ma résidence, je n'aurai rien de plus à cœur que de chercher les moyens de resserrer les liens de cette amitié pure et sincère qui unit ces deux grandes puissances."

Напѣвъ восточнаго привѣтствія оборвался. Съ невыразимымъ наслажденіемъ слушали рѣчь Эссеида члены революціоннаго правительства. Это было именно то, что имъ казалось нужнымъ: восточный стиль турка поднималъ престижъ Директоріи. Снова гуль пронесся по толпѣ. На второй эстрадѣ кто-то нерѣшительно хлопнулъ въ ладоши. Бартелеми строго посмотрѣлъ въ сторону, откуда раздались тотчасъ оборвавшіяся рукоплесканія: по церемоніалу аплодировать не полагалось. Карно сердито всталъ и, неслышно откашлявшись, нервно дернувъ щекой, сталъ читать отвѣтную рѣчь:

— „Monsieur l'ambassadeur de la Sublime Porte, notre amie... Le sultan Selim“...

Голосъ его звучалъ рѣзко и непріятно. Бартелеми умоляюще смотрѣлъ на президента, какъ-бы приглашая его не портить своимъ тономъ настроеніе столь удававшегося приѣма. На заднихъ эстрадахъ и въ толпѣ, наполнявшей дворъ, напряженіе тишины сорвалось. Главное было позади. Люди стали обмѣниваться впечатлѣніями, сначала шопотомъ, по-

томъ все громче. Конецъ рѣчи Карно уже тонулъ въ гулъ голосовъ.

Къ министру иностранныхъ дѣлъ, занявшему мѣсто поодаль, сбоку у второй эстрады, медленно приблизился сзади сгорбленный сѣдой старикъ лѣтъ семидесяти.

— Епископъ, — сказалъ онъ негромко, съ усмѣшкой.

Таллейранъ поспѣшно оглянулся, чуть вздрогнулъ и долго молча смотрѣлъ на старика.

— Вы?.. — произнесъ онъ наконецъ тихимъ голосомъ.

— Какъ видите.

— Мы давно не встрѣчались...

— Очень давно. Въ послѣдній разъ... Кажется, въ послѣдній разъ я у васъ завтракалъ передъ революціей?.. Въ большомъ обществѣ... изъ котораго не казнены только мы двое?

— Нѣтъ, еще Мирабо.

— Онъ умеръ, прахъ его выброшенъ изъ гроба: Мирабо почти казненъ... Вы угостили насъ прекраснымъ завтракомъ. Правда, постнымъ, — но вы тогда ждали кардинальской шапки. Отчего вы ея не получили? Она была бы вамъ очень къ лицу...

— Помѣшала Марія-Антуанетта.

— Не сердитесь на нее: ей не повезло въ жизни.

— Людямъ, которые со мной ссорятся, обычно не везетъ въ жизни.

— Да, вы очень умный человѣкъ. Я хотѣлъ бы съ вами побесѣдовать...

— И я тоже хотѣлъ бы. Но не сейчасъ... Какъ васъ теперь зовутъ?

— Пьеръ Ламоръ.

— Когда бы?.. Приходите (онъ помолчалъ соображая — и назвалъ число) въ десять часовъ на праздникъ въ *Elysée - Bourbon*. Вы спросите мой кабинетъ. Можете?

— Я приду.

Къ министру иностранныхъ дѣлъ подходилъ генуэзскій посланникъ Бонарди. Таллейранъ нагнулъ голову, прощаясь съ Ламоромъ, и привѣтливо протянулъ посланнику руку.

IV

— ...Нѣтъ, это бесполезно отрицать, Таллейранъ. Терроръ великая, еще недооцѣненная сила. На немъ нельзя построить столѣтій власти. Но кто же теперь гоняется за столѣтіями? А вообще власть часто дается подлецамъ, которые рѣжутъ враговъ, немѣряя кровь на литры. Рѣзать, такъ рѣзать безпощадно... Робеспьеръ зналъ, что дѣлалъ. Онъ только не понималъ, что работаетъ для другихъ. Вотъ случай сказать: *Sic vos non vobis*... Впрочемъ, это ему было, вѣроятно, все равно. Ему, можетъ быть, даже было пріятно готовить Францію для нынѣшнихъ владыкъ и для тѣхъ, кто ихъ смѣнитъ. Вѣдь онъ все время собой любовался въ зеркалѣ исторіи... Терроръ! Говорятъ, покойный Бабефъ пустилъ въ обращеніе это слово... Хорошее слово! О, гильотина великая вещь, если палачъ уменъ и знаетъ, чего хочетъ. Мы съ молокомъ матери, почитательницы Руссо и Монтескье,—вѣдь наши маменьки всѣ, не тѣмъ будь помянуты, почитали (не говорили, читали) Руссо или Монтескье, — мы съ молокомъ матери всосали глупенькія газетныя слова о томъ, что право выше силы! Я спрашиваю васъ, епископъ: гдѣ, когда въ исторіи право было выше силы?

— Допустимъ, что и не выше. Но это не глупенькія слова: рано или поздно право всегда становится силой. Не знаю, какъ Руссо, а Монтескье дальше этого, вѣроятно, и не шелъ. Онъ былъ человѣкъ трезвый.

— Рано или поздно? Чаше поздно. И вовсе не всегда. „La violence et la vérité ne peuvent rien l'une sur l'autre“, — вы помните зловѣщее слово Паскаля?.. Положеніе палача въ спорѣ его съ истиной немало облегчается тѣмъ, что истинъ всегда нѣсколько и онѣ другъ друга ненавидятъ гораздо больше, чѣмъ ненавидятъ палача. Наконецъ, палачъ тоже непремѣнно сколачиваетъ для собственной надобности какую-нибудь захудалую истину... О, да не мнѣ учить васъ этому, Таллейранъ, вы знаете все это лучше меня. Вы видите, что такое нынѣшняя Франція... Сила сопротивленія французскаго народа сломлена революціей надолго. Навсегда ли? Не знаю, не ручаюсь. Но надолго. Жатва готова, пусть только появится жнецъ!.. Могу васъ увѣрить: онъ скоро появится.

Пьеръ Ламоръ вдругъ всталъ, раздвинулъ шпатель и раскрылъ окно, выходившее въ садъ. Пахнуло прохладой, густымъ ароматомъ очень поздно расцвѣтшей липы, отъ котораго при глубокомъ вдохѣ давить въ головѣ, какъ отъ сразу проглоченной полной ложки мороженного. Гдѣ-то вдали, со стороны Елисейскихъ Полей, музыка играла «Ифигенію въ Тавридѣ». Было уже около одиннадцати часовъ вечера. Праздникъ давно кончился и въ саду бывшего дворца *Élysée-Bourbon**), освѣщенномъ лишь по небольшимъ участкамъ цвѣтными фонарями, оставалась только избранная, особо приглашенная публика. Изъ гротовъ и бесѣдокъ, разбросанныхъ въ разныхъ углахъ сада, слышались голоса. Противъ окна комнаты, гдѣ стоялъ Пьеръ Ламоръ, происходило по-

*) Нынѣшній дворецъ президента Республики.

видимому что-то веселое. Тамъ было устроено главное развлеченіе Елисейскаго сада, панорама изъ разставленныхъ искусно огромныхъ зеркалъ, принадлежавшихъ въ свое время маркизъ Помпадуръ. Дорогія рамы ихъ были освѣщены бумажными фонарями, и въ этомъ участкѣ сада было совершенно свѣтло. Но Пьеръ Ламоръ не успѣлъ точно разглядѣть, что именно тамъ происходило: какъ только въ первомъ этажѣ дворца изъ раздвинутой портьеры сверкнуло ярко освѣщенное, вдругъ открывшееся окно, у панорамы раздались испуганные женскіе голоса, постыпался пьяный смѣхъ, кто-то кратко неприлично выругался, и за зеркальную панораму, въ темноту, скользнули обнаженные тѣла. Сбоку отъ зеркалъ находилась бесѣдка, закрытая тяжелой раздвижной портьерой. Прислонившись лбомъ къ щели портьеры, раздвигая ее надъ головой поднятыми руками, стоялъ спиной къ Ламору какой-то грузный, пожилой человѣкъ. Надъ нимъ на проволокъ горѣлъ красный фонарь, освѣщавшій лысину, огромные брилліанты на пальцахъ, вицѣпившихся въ бархатъ, и трясшіяся отъ смѣха толстыя плечи. Человѣкъ, смотрѣвшій въ щель бесѣдки, не оглянувшись, когда у панорамы произошла суматоха.

Пьеръ Ламоръ закрылъ окно (хотя въ комнатѣ было очень жарко), задвинулъ портьеру, нервно держа ее, пока края не сошлись плотно, затѣмъ подошелъ къ единственной двери большой, богато убранной, но грязноватой, запущенной комнаты, открылъ ее, выглянулъ въ корридоръ, снова заперъ дверь и вернулся къ столу, на которомъ стояли остатки ужина. Таллейранъ, не подходя къ окну и не вставая, внимательно слушалъ, повернувшись назадъ въ креслѣ, точно старался угадать по доносившимся звукамъ, что въ саду происходило. Усталое лицо его было блѣдно; полуоткрытые глаза холодно блестя изъ подъ опухшихъ вѣкъ. Когда Ламоръ закрылъ

окно, Таллейранъ принялъ въ креслѣ прежнее положеніе, налилъ въ бокаль на двѣ трети рейнвейна (это вино вошло въ моду послѣ занятія рейнскихъ провинцій революціонными войсками) и сталъ пить, какъ пьютъ знатоки: взглянулъ черезъ бокаль на свѣчу, затѣмъ, привычнымъ движеніемъ двухъ пальцевъ придавъ ножкѣ бокала вращательное движеніе и, когда золотая поверхность сравнялась съ краями тонкаго стекла, вдохнулъ, раздувая ноздри, ароматъ испарявшихся летучихъ частей вина, затѣмъ съ „cul-de-poule“ отпилъ глотокъ и нѣсколько секундъ переливалъ холодную влагу во рту, пробуя разными участками языка и неба, по разному ощущающими вкусъ вина. Столѣтній іоганнисбергеръ изъ разграбленныхъ погребовъ майнцаго электора былъ превосходенъ. Бывшій епископъ, только недавно вернувшійся, послѣ долгихъ лишений эмиграціи, къ прежней, привычной ему съ дѣтства, роскошной жизни, оцѣнилъ вино по достоинству. Онъ поставилъ пустой бокаль на столъ, благодарно и почтительно поправилъ въ ведеркѣ бутылку, затѣмъ полуоткрытыми глазами уставился на Ламора, не говоря ни слова.

Ламоръ разсѣянно обводилъ взглядомъ расписанный подъ Буше потолокъ комнаты, въ которой они ужинали.

— Я бывалъ когда-то въ этомъ дворцѣ у маркизы Помпадуръ, — сказалъ онъ наконецъ. — Вы не бывали у нея, Таллейранъ?.. Нѣтъ, по вашему возрасту вы, конечно, и не могли бывать... Милая была женщина и чудесные устраивала пріемы... Теперь у насъ принято умиляться,—вотъ еще сегодня въ клубѣ Клиши какой-то роялистъ оралъ: «Во дворцѣ святой мученицы, принцессы Ламбаль, устроенъ публичный домъ!» Подумаешь! Я кстати терпѣть не могъ принцессу Ламбаль... Въ ея наружности было что-то странное и отталкивающее, еще

до того, какъ ся мужъ — славный былъ мальчикъ, помните! — заразиль ее сифилисомъ... Или вотъ этотъ дворецъ!.. «Помилуйте, въ *Elysée-Bourbon* притонъ!» Да гдѣ же собственно и быть публично-му дому, если не въ бывшемъ дворцѣ маркизы Помпадуръ? Тамъ ли еще бывають притоны! Вы замѣтили, Таллейранъ, веселые дома всегда устраиваются въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ существованіе — прямой вызовъ исторической морали? Въ Миланѣ лучший соборъ Италіи со всѣхъ сторонъ окруженъ притонами публичныхъ женщинъ. А Сіонъ!.. — Вы не были въ Іерусалимѣ, епископъ? — Сіонскій холмъ — восточная гора *Fromenteau*. Вокругъ гробницъ Давида и Соломона ютятся арабскіе дома терпимости, нѣтъ, даже не дома, а лачуги терпимости. Соломонъ-то, быть можетъ, ничего и не имѣлъ бы противъ этого, если-бъ его предупредили три тысячи лѣтъ назадъ... Я не знаю болѣе порнографической книги, чѣмъ «Пѣснь Пѣсней». Подумать только, глубокомысленные комментаторы усмотрѣли въ ней какую-то религіозную аллегорію, кажется, любовь церкви къ Господу Богу или что-то въ этомъ родѣ!.. Вотъ ужъ, можно сказать, были знатоки поэзіи!

Таллейранъ зѣвнулъ, взялъ съ тарелки вилку и сталъ чертить ею по жиру манской пулярды.

— Вы не измѣнились... Философія притоновъ! Скептицизмъ невысокаго полета! — сказалъ онъ. — Говорять, вы были лучшимъ украшеніемъ обѣдовъ барона Гольбаха. Но вѣдь Гольбахъ давно умеръ. Мы разсуждаемъ не о «Пѣснѣ Пѣсней». Я почему-то думалъ, что вы будете говорить о серьезныхъ дѣлахъ?

— Погодите, погодите, поговорю и о серьезныхъ дѣлахъ... А покойный Гольбахъ, кстати, тоже бывалъ въ этомъ дворцѣ. Я встрѣчалъ его здѣсь у генеральнаго контролера финансовъ, аббата Террѣ. Помните аббата Террѣ, епископъ? Его упрекали въ

томъ, что онъ достаетъ деньги изъ чужихъ кармановъ: — „Il prend l'argent dans les poches!“ — „Où voulez vous que je le prenne?“ — резонно отвѣтилъ министръ. Революціонное правительство дѣлаетъ то же самое, но ужъ очень гнусно это у него выходитъ. И такъ во всемъ: тотъ-же старый режимъ, только гораздо грубѣе, обнаженнѣе, безобразнѣе... Я видалъ прежнихъ правителей вблизи и знаю имъ цѣну. Мы жили худо, но все же не такъ гнусно, какъ живемъ теперь. Потомству нашему будетъ казаться, что революція расцвѣтила, украсила жизнь. На самомъ дѣлѣ жизнь была въ общемъ гораздо ярче до революціи. Нѣтъ ничего блѣднѣе и бѣднѣе, чѣмъ революція. Ничто такъ не суживаетъ душу, ничто такъ не извращаетъ разумъ... Вы думаете, я идейно ненавижу якобинцевъ или директорію? Нѣтъ, не только идейно. Конституція 1793 года ничѣмъ не хуже другихъ конституцій, даже, быть можетъ, лучше и справедливѣе. Геро де-Сешель былъ образованный человѣкъ. Говорятъ, правда, онъ писалъ свою конституцію въ пьяномъ видѣ, — да чего только люди не говорятъ о тѣхъ, кто нарушаетъ ихъ интересы? Якобинскія идеи не хуже другихъ политическихъ идей, — онѣ тоже могутъ увлечь лавочника... Нѣтъ я ненавижу всѣхъ этихъ господъ не мозгомъ, — скорѣе нервами кожи... Я презираю ихъ, презираю ихъ языкъ, ихъ обращеніе, жизнь, которую они создали, ихъ хваленую новую жизнь... Презираю и ненавижу, ненавижу люто, Таллейранъ. Когда кто-либо изъ нихъ умираетъ естественной смертію, мое первое ощущеніе: какъ жаль, его нельзя будетъ повѣсить!

— Умѣрьте кровожадность. Повѣсить можно будетъ только очень немногихъ.

— Я и сказать первое о щ у щ е н і е. Ощущеніе, а не мысль. Умомъ я понимаю, вы правы: повѣсить можно будетъ, къ сожалѣнію, далеко не всѣхъ.

Слишкомъ большое число мелкихъ участниковъ имѣетъ это общество по эксплуатаціи и по распродажѣ Франціи... Опять будетъ лотерея... А все таки тѣхъ немногихъ я никому не подарю. О, будетъ у насъ и другой терроръ, епископъ!..

— Чѣмъ же тотъ другой терроръ будетъ лучше этого?

— Тѣмъ, во первыхъ, что возстановитъ равновѣсіе. Квиту — прекрасная вещь и «не мы начали» — также хорошая вещь. Люди это любятъ: замѣтили ли вы, ни въ одной арміи въ мірѣ не существуетъ развѣдки, — всюду непремѣнно контрразвѣдка... Но еще и во многихъ другихъ отношеніяхъ тотъ терроръ будетъ лучше...

Таллейранъ съ любопытствомъ поднялъ глаза на старика, но никакого вопроса не задалъ. Не получивъ поясненій, онъ снова равнодушно сталъ чертить вилкой по жиру.

— О чемъ мы говорили, епископъ? — спросилъ. помолчавъ минуты двѣ, Ламоръ (ему, повидимому, доставляло удовольствіе называть своего собесѣдника епископомъ). — Да, о террорѣ, объ истинѣ, о насиліи. Вы сомнѣвались въ томъ, что сопротивление французскаго народа сломлено восемью годами революціи? (Таллейранъ неопредѣленно пожалъ плечами). Вотъ что я вамъ скажу, Таллейранъ. Вы помните исторію тринадцатаго столѣтія? Не помните? Это было замѣчательное столѣтіе. Оно немного напоминаетъ дни нашей молодости. Въ то время лучшіе люди уже начинали вѣрить во всемогущество разума, въ прогрессъ безконечный и неуклонный. Было вновь найдено римское право, эллинскій геній возрождался, арабы, евреи воссоздавали древнюю науку, расцвѣтало искусство: только что былъ отстроень соборъ Notre Dame de Paris. Лучшіе люди были очень довольны. И вдругъ громъ грянулъ съ неба: Гузманъ основалъ инквизицію.

Лучшіе люди долго не могли опомниться и повѣрять. Этакій непріятный сюрпризъ: инквизиція! «Не можетъ быть, это непрочно, это не будетъ продолжаться! Богъ не допуститъ! Не сегодня, такъ завтра гнѣвъ Божій смететъ съ лица земли людей, позорящихъ христіанское ученіе!...» Они надѣялись на гнѣвъ Божій, какъ мы на волну народнаго гнѣва. Объ этомъ говорилъ Бернардъ le Délicieux, — былъ тогда такой правдолюбивый монахъ. — объ этомъ, много позже, говорила на кострѣ Жанна, объ этомъ говорилъ передъ костромъ Гуссъ. — помните письма Гусса, я не знаю трогательнѣе книги. И ничего, оказалось, инквизиція можетъ существовать довольно долго: пережила и Бернарда, и Жанну, и Гусса. Что было въ конечномъ счетѣ, епископъ? Въ конечномъ счетѣ Гузманъ былъ объявленъ святымъ; это святой Доминикъ. Онъ впрочемъ въ самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ праведной жизни и основалъ инквизицію ради счастья людей. Таллейранъ, когда же церковь канонизируетъ Гусса и Бернарда? А вѣдь она всегда слѣдила зорко за душами, за умами людей. Если святымъ объявленъ Гузманъ, а не Гуссъ, значитъ люди могли это принять. Инквизиціонный терроръ сломилъ душу и разумъ человѣчества... Одно поколѣніе уничтожается террористами, слѣдующее — они уже воспитываютъ. И дѣло строится иногда довольно прочно.... Не всегда, но иногда. Вѣдь я, счастливый современникъ якобинцевъ, вѣдь я былъ и современникомъ Инквизиціи. Я лично зналъ Андре Дюлора, послѣдняго инквизитора Франціи; онъ былъ, кстати, недурной и просвѣщенный человѣкъ, гораздо симпатичнѣе Марата. Его должность упразднили лѣтъ двадцать пять назадъ, — больше потому, что онъ повздорилъ съ госпожей Дюбарри, которая пожаловалась королю. Въ другихъ странахъ инквизиціонный аппаратъ благополучно дѣйствуетъ и понынѣ. Въ Ис-

паніи еще недавно кого-то сожгли, къ большому негодованію якобинцевъ. Эти поэты гильотины очень возмущаются костромъ... Они вообще чрезвычайно возмущаются, когда за границей дѣлаютъ какую-либо гадость. И часто возмущаются вполне искренне. Замѣьте, Тартюфъ глупъ: онъ почти не замѣчаетъ своего лицемѣрія... Повѣрьте, Таллейранъ, если Директорія просуществуетъ пятьдесятъ лѣтъ, Баррасъ станетъ великимъ человѣкомъ. Найдутся дураки, которые канонизируютъ Барраса! Долголѣтняя власть создаетъ престижъ любому болвану, — и это единственное основаніе престижа многихъ историческихъ дѣятелей... Но, къ счастью, Директорія пятьдесятъ лѣтъ не просуществуетъ. О, нѣтъ, объ этомъ кто-то позаботится, епископъ!.. Говорю «къ счастью», а то ужъ слишкомъ это было бы глупо!

Онъ весело засмѣялся, всталъ, прошелся по комнатѣ, затѣмъ остановился передъ Таллейраномъ, глядя на него въ упоръ.

— Давайте, построимъ политическій силлогизмъ по всѣмъ правиламъ логики. Признаете ли вы, что наше настоящее правительство состоитъ изъ отъявленныхъ мерзавцевъ?

— Какъ вамъ сказать? Легкое преувеличеніе, конечно, есть: Ларевельеръ-Лепо, напримѣръ, человѣкъ искренняго убѣжденія.

— Правда? А я сомнѣваюсь. У Ларевельера честный открытый взглядъ. Я плохо вѣрю, чтобы у человѣка, поднявшагося на вершину власти, могъ быть честный открытый взглядъ. Слишкомъ много дужъ расположено на пути къ королевскимъ и республиканскимъ тронамъ. — очень трудно пройти не оступившись. Кроме того, Ларевельеръ много говоритъ о своей честности; это въ пору революціи для меня безошибочный признакъ: значитъ, мы имѣемъ дѣло съ мерзавцемъ. Но пусть будетъ по вашему. Случайное исключе-

нѣ можно оставить въ сторонѣ... Я иду дальше... Признаете ли вы, что, кромѣ Карно, мерзавцы, стоящіе у власти, вдобавокъ совершенныя ничтожества?

— Это главное...

— Разумѣется. Тогда простите, мнѣ не совсѣмъ понятно: зачѣмъ же вы связали себя съ гибнущей Директоріей? Вы, одинъ изъ умнѣйшихъ людей нашего времени, состоите подчиненнымъ Бартеlemi, Барраса, Ларевельера! Вы исполняете ихъ мудрыя предначертанія! Какое паденіе, Таллейранъ!

— Директорія еще не гибнетъ. Она продержитъ — до перваго крѣпкаго толчка...

— Нескромное замѣчаніе, епископъ: вы не боитесь, что при первомъ крѣпкомъ толчкѣ васъ могутъ повѣсить?

— Не думаю.

— Я знаю, вы въ день крѣпкаго толчка самоотверженно броситесь на помощь побѣдителю. Но побѣдители бываютъ злы и злопамятны...

— Обо мнѣ, пожалуйста, не беспокойтесь.

— Не буду настаивать... Пойдемъ дальше: кто же, по вашему, нанесетъ крѣпкій толчекъ? Роялисты? Едва-ли. Ужъ очень они глупы. И ужъ очень ихъ боятся тѣ, кто унастѣдовать ихъ земли... Нѣтъ, у роялистовъ нѣтъ свѣтлаго будущаго — и слава Богу: надоѣли! Бурбоны и теперь, послѣ казни Людовика XVI, на хлѣбахъ у сумасшедшаго русскаго императора и полоумнаго англійскаго короля, продолжаютъ твердо вѣрить въ свое божественное право, въ божественное право всѣхъ монарховъ, здоровыхъ, полоумныхъ и сумасшедшихъ.... Нѣтъ, пусть посидятъ за границей.

— Мы ихъ позовемъ, когда у нихъ убавится вѣры въ божественное право...

— Или вовсе не позовемъ. Пойдемъ еще дальше... Клубъ Пантеона? Партія Бабефа? «Манифестъ равныхъ»? Я не отрицаю будущаго коммунистическихъ

идей. Я хочу сказать: всегда будутъ люди, которые будутъ думать, что у этихъ идей есть будущее. Но настоящаго у нихъ никогда не будетъ... Впрочемъ, что же о нихъ говорить: клубъ Пантеона закрыть и Бабефъ казненъ, — вѣчная память!

— Ну, а чистые демократы? Или Кондорсе былъ послѣдній?

— Демократія, Таллейранъ? О, это игрушка съ большимъ будущимъ. Демократія спасетъ міръ, она же его потомъ и погубитъ. Вы любите „Discours de la méthode“? У насъ на каждомъ заборѣ будетъ висѣть по десятку „Discours de la méthode“... Но это дѣло не завтрашняго дня... Въ революціонное время шансы демократіи ничтожны: она далекая наслѣдница революцій: не любимая дочь, а невѣдомая правнучка. Какъ ей побѣдить въ наши дни? Если на мгновеніе демократія приходитъ къ власти, она тотчасъ даритъ противникамъ подарки: свободу слова, неприкосновенность личности и много другихъ хорошихъ вещей... Я не знаю случая въ исторіи, чтобы кто нибудь погубилъ демократію: она всегда сама себя губила. Замѣьте, я въ принципѣ большой ея сторонникъ. Подумайте, Таллейранъ, какъ это хорошо: мыслить свободно, высказывать свое мнѣніе открыто, спорить мирно, убѣждать вѣжливо, потомъ рѣшать согласно волѣ большинства... Du choc des opinions jaillit la vérité... Мнѣ правда не приходилось видѣть, какъ истина возникаетъ изъ столкновенія мнѣній. Но умные люди говорятъ, что это бываетъ. Это очень хитрая вещь. Я слышалъ, какъ Вольтеръ опорился съ Даламберомъ, — не было истины. А вотъ стукнется лбами тридцать милліоновъ тупыхъ невѣжественныхъ крестьянъ, и, очень возможно, истина брызнетъ потокомъ. Странно, но это такъ... Я говорю вполнѣ серьезно. Счастье демократіи въ томъ, что ея противники еще пошлаѣе чѣмъ она сама... Однако

въ періоды революціи демократіи нечего дѣлать и незачѣмъ лѣзть въ исторію. Представьте себѣ дуэль: у одного противника отточенная шпага, у другого рапира съ тупой пуговкой на концѣ. Второй, быть можетъ, фехтуетъ гораздо граціознѣе, но у него на лезвѣ тупая пуговка, тогда какъ шпага первая несеть смерть... Демократъ требуетъ свободы слова для своихъ противниковъ, а они его сажаютъ въ Консьержери. Онъ грозитъ имъ судомъ исторіи, а они ему рубятъ голову, какъ отрубили головы жирондистамъ. Неравная борьба... Нѣтъ, епископъ, побѣда демократіи въ революціонное время это чудо. Чудеса бываютъ, но очень рѣдко... А я готовъ бы поставить на эту карту. Скажу больше, я все таки, быть можетъ, на нее поставилъ бы, еслибъ... еслибъ не другое чудо, — о немъ мы еще поговоримъ... Не поставишь, не выиграешь... Лучше ставить на чудо, чѣмъ вовсе ни на что не ставить. А на что же другое? Не на директорію же?

Ламоръ опять заходилъ по комнатѣ. Повидимому, мысли, которыя онъ высказывалъ, и волновали его, и радовали.

— Давно ли вы читали Маккиавелли, Таллейранъ? — спросилъ онъ, остановившись, и, не ожидая отвѣта, продолжалъ: — Перечтите. Вотъ книга, которая нескоро устарѣетъ. Перечтите въ «Государѣ» главу: „*di quelli che per sceleratezza sono parvenuti al Principato*“^{*)}. Точно написано о нашихъ ны...

V

Стекло окна вдругъ рѣзко зазвенѣло, точно въ него кто-то бросилъ камнемъ. Ламоръ вздрогнулъ, быстро подошелъ къ шортьерѣ, раздвинулъ ее и рас-

^{*)} „О тѣхъ, кто пришелъ къ власти путемъ злодѣйства.“

крыть окно. Густой запах липы снова ворвался въ комнату. Таллейранъ хотѣлъ было встать, но раздумалъ. Ламоръ съ трудомъ перегнулся въ садъ, тяжело опираясь на подоконникъ безкровными сморщенными руками. Невдалекѣ залился пьяный мужской смѣхъ. Сдавленный женскій голосъ, шедшій снизу, очевидно съ травы, ласково протоналъ:

— T'as pas honte!

Пьяный смѣхъ еще усилился, сливаясь съ другимъ мужскимъ голосомъ. Фонари на зеркалахъ панорамы больше не горѣли, и только изъ подъ портьеры бесѣдки выступала недалеко на траву яркая полоса свѣта. Дальше въ саду ничего нельзя было увидѣть. Со стороны Елисейскихъ Полей все такъ же лились звуки «Ифигеніи».

— Кто тамъ? — окликнулъ Ламоръ хриплымъ старческимъ голосомъ.

Въ отвѣтъ съ травы раздалась незлобная заллетающаяся неприличная ругань. Портьера бесѣдки вдругъ приподнялась отъ земли, блеснуль яркій свѣтъ, послышалась возня, смѣхъ, съ ковра на траву выползла чья-то голова и уставилась на окно, подерживая портьеру шеей. Невидимый мужчина на травѣ радостно загоготалъ:

— Ça va?

Голова съ озабоченнымъ видомъ кивнула утвердительно и скрылась, сбросивъ на траву конецъ портьеры. Пьеръ Ламоръ закрылъ окно и вернулся къ столу.

— Это кто-то мило пошутилъ, — сказалъ онъ въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ Таллейрана. — Въ саду идетъ пьяная оргія... Шпіоновъ тутъ нѣтъ... Я, кажется, цитировалъ «Государя», правда?... Забылъ, что именно я хотѣлъ сказать... Умѣстило бы здѣсь изъ Маккиавелли процитировать „Discorsi“. Хорошо этотъ наивный циникъ доказывалъ, почему не можетъ привиться свобода въ развращенномъ го-

сударствѣ... Вотъ она вамъ. *la città corrotta*, — сказалъ Ламоръ, показывая въ сторону окна. — При Людовикѣ XV, при регентѣ не было такого разврата какъ теперь... Тотъ будетъ править Франціей, кто дастъ возможность пить и посѣщать притоны наибольшему числу людей. Таковъ мой вариантъ ученія Бентама. Имъ нуженъ прочный участокъ для охраны веселыхъ заведеній. Директорія его имъ дать не можетъ. Слишкомъ многимъ людямъ у насъ теперь не до развлеченій. Да и тѣ, что забавляются, не увѣрены: вдругъ завтра отправятъ ихъ изъ *Elysée-Bourbon* въ Кайенну или на эшафотъ. Ужъ очень связаны съ гильотиной всѣ эти принцы крови, эти Карно, эти Баррасы! Одинъ Робеспьеръ казнень, а вдругъ завтра явятся другіе? Баррасъ тотчасъ сбѣжитъ или присосется и снова станетъ террористомъ. — это всѣ понимаютъ... Онъ самъ это понимаетъ... Никто не вѣритъ Директоріи, никто не вѣритъ въ демократію. Какая ужъ демократія, когда исчезла у людей послѣдняя тѣнь уваженія другъ къ другу! Наверху у правителей круговая порука пролитой крови, безчисленныхъ преступленій. Внизу въ обществѣ круговая порука трусости, угодничества, лицемерія. Каждый знаетъ все о другихъ. Всѣ узнали цѣну другъ другу. Возьмите нашу молодежь, она уважаетъ только силу. У насъ теперь ни одинъ дурачекъ не согласится умереть за республиканскую идею. Можетъ быть, и ни за какую идею вообще... Моральный багажъ растерянъ. Подождите пятьдесятъ или лучше сто лѣтъ, пусть вымретъ настоящее поколѣніе, воспитайте заново слѣдующее, да еще разрушите двадцать троновъ по сосѣдству съ Франціей, тогда увидимъ. А теперь нѣтъ, полноте, — сказалъ Ламоръ рѣшительно и сердито (хотя Таллейранъ слушалъ не возражая), — полноте, какая теперь демократія, какая тамъ республика!... Поймите, теперь есть только одна задача, сколько-нибудь

стоящая усилій: надо спасти остатки французской культуры.... Костерь, слава Богу, гаснетъ. Пора прикрикнуть на хама! Онъ самъ этого жаждетъ. Я вѣрю въ человѣка, Таллейранъ: онъ трусливъ, онъ спрячетъ, залижетъ, залижетъ свое хамство, когда на него сумѣютъ прикрикнуть... „E però dico, che quelle Repubbliche, le quali negli urgenti pericoli non hanno rifuggio o al Dittatore o a simili autoridadi, sempre ne gravi accidenti rovineranno“*).

Таллейранъ медленно поднялъ голову.

— Ну, наконецъ договорились, — сказала онъ, растягивая слова. — Вы очень любите говорить, Ламоръ, — большой вашъ недостатокъ, тѣмъ болѣе, что говорите вы однообразно... Вотъ, значить, заключеніе силлогизма: диктатура?

— Такъ точно.

— Армія противъ полиціи?

— Шпага противъ гильотины.

— Не могу сказать, чтобы это было очень оригинально. Я ожидалъ лучшаго... Вотъ въ чемъ бѣда: нѣтъ такого глупаго генерала, который не считалъ бы себя прирожденнымъ диктаторомъ.

— Вѣрно. И добавьте: нѣтъ хуже бѣдствія, чѣмъ глупый диктаторъ.

— Какъ же быть?

— Искать умнаго диктатора.

Таллейранъ помолчалъ, зѣвнулъ и спросилъ равнодушно:

— Говорите прямо, Ламоръ: отъ какого генерала вы ко мнѣ присланы?

— Я не присланъ ни отъ кого. Даю вамъ слово, я дѣйствую по своей инициативѣ...

— Ради чего? Я васъ никогда не понималъ, таинственный человѣкъ, — сказалъ Таллейранъ съ на-

*) „И потому я утверждаю, что тѣ государства подвергаются тяжелымъ бѣдамъ, которыя въ минуты опасности не прибѣгаютъ къ диктаторской власти или къ другой въ этомъ родѣ“.

смѣшкой.—Зачѣмъ вы суетитесь, зачѣмъ работаете? Не все ли вамъ равно?

— Въ мои семьдесятъ лѣтъ? Вы это хотите сказать? А вотъ, видите, не все равно. Я вѣдь денегъ у васъ не прошу, не правда-ли? Предположите, что я тружусь изъ любопытства... или изъ отвращенія. Но дѣло не въ моей психологiи.

— Конечно... Такъ кого же изъ генераловъ вы имѣете въ виду? Моро?

— О нѣтъ! Моро прекрасный полководецъ. Говорятъ, его отступленіе отъ Дуная къ Рейну стоитъ десятка побѣдъ. Но народу этого не растолкуешь, онъ не любитъ отступленій... Моро бывший адвокатъ или юристъ, это тоже неудобно. Народъ не безъ основанія не любитъ юристовъ, и ему будетъ непріятно, что хорошій генераль вышелъ изъ плохого адвоката. Кромѣ того Моро легко поддается влияніямъ, особенно дамскимъ. Онъ изъ роковой породы людей, которые не знаютъ, чего хотятъ.

— Можетъ быть, вы стоите за генерала Ожеро?

— Полноте, Таллейранъ, вѣдь это набитый дуракъ.

— Кто же еще есть изъ генераловъ? — спросилъ, точно припоминая, Таллейранъ. — Гошъ связанъ съ Директоріей и, говорятъ, боленъ, Пишегрю не имѣетъ арміи... Развѣ Жуберъ?

— Нѣтъ, Жуберъ не годится... Вы будете смѣяться, Таллейранъ, я самъ этому ни за что бы не повѣрилъ: Жуберъ — честный человѣкъ! Жуберъ, революціонный генераль, сдѣлавшій головокружительную карьеру, — честный и убѣжденный человѣкъ! Онъ вѣритъ въ свободу, равенство и братство, вѣритъ въ декларацію правъ человѣка и гражданина, вѣритъ въ идеалы Революціи!.. Невѣроятно, безпримѣрно, сверхъестественно, но это такъ!

— Что-жъ, тогда вашъ кандидатъ, вѣроятно, генераль Бонапартъ? — спросилъ, ужъ совсѣмъ широко зѣвая, Таллейранъ.

Ламоръ посмотрѣлъ на него и усмѣхнулся.

— Именно, епископъ, именно: генераль Бонапартъ. Вы угадали. Правда, вы назвали это имя послѣ ряда другихъ... Ваша необычная недогадливость тѣмъ болѣе удивительна, что оно теперь на устахъ у всѣхъ. Да, вотъ, послушайте:

Онъ вынулъ изъ кармана газету „Le Miroir“ и прочелъ отрывокъ изъ статьи:

— . . . „De Buonaparte n'ayez peur. Tout le monde nous fait peur de Buonaparte: Buonaparte va venir; pauvres Parisiens, cachez-vous dans vos caves: Buonaparte est là. Il n'y a pas jusqu'aux nourrices de nos petits enfants, qui, par parenthèse, sont passablement royalistes, qui n'emploient comme un moyen de terreur le nom célèbre de Buonaparte“ . . . Хорошая статья! А вотъ другая, въ „Le Thé“. Журналистъ Howmuch предлагаетъ пари, что Бонапартъ никогда не вернется во Францію. Проницательный журналистъ! Ему бы вмѣсто васъ быть министромъ иностранныхъ дѣлъ. *Esce plus quam Salomo hic!*

— Именно потому, что теперь Бонапартомъ няньки пугаютъ дѣтей, я отъ васъ ждалъ другого, — сказалъ Таллейранъ. — Къ сожалѣнію, я никогда въ жизни не видалъ командующаго нашей итальянской арміей и ничего почти о немъ не знаю. Что за человекъ этотъ генераль Бонапартъ?

Пьеръ Ламоръ помолчалъ. Таллейранъ, чуть прищурившись, внимательно смотрѣлъ на него своими холодными глазами.

— Генераль Бонапартъ. — сказалъ Ламоръ и вдругъ остановился. — Мы давно съ вами знакомы, Таллейранъ, — заговорилъ онъ опять съ новой интонаціей въ голосъ, — вы знаете, что мнѣ не свойственно увлекаться людьми, правда? Смѣю думать,

я знаю въ нихъ толкъ... Ошибался я въ людяхъ рѣдко — и, ужъ повѣрьте, на этотъ разъ не ошибаюсь... Вы спрашиваете, что за человѣкъ генераль Бонапартъ. Я отвѣчаю: генераль Бонапартъ не человѣкъ. Генераль Бонапартъ — чудо...

Талебранъ молча смотрѣлъ на собесѣдника, ожидая продолженія.

— Быть можетъ, чудо рекламы? — переспросилъ онъ наконецъ, слегка улыбаясь.

Ламоръ, не отвѣчая, налилъ въ бокаль вина и выпилъ залпомъ.

— Не говорю о немъ какъ о полководцѣ, я этого дѣла не смыслю, — сказалъ онъ. — Знатоки говорятъ, что итальянская кампанія — новая страница въ исторіи военнаго искусства. Не знаю... Но... Представьте себѣ качества самыя необыкновенныя и самыя различныя. Умъ, — я просто не могу вамъ сказать, какъ уменъ генераль Бонапартъ. У него все въ видѣ ума... Нѣтъ, это не вѣрно. У него не умъ, а машина, могучая гигантская машина для рѣшенія политическихъ и военныхъ задачъ. Обширныя всеобъемлющія познанія. — этотъ молодой человѣкъ ученѣе насъ съ вами. Феноменальная память, работоспособность, равной которой я никогда не видѣлъ. Дьявольская, именно дьявольская энергія. Столь же дьявольское честолюбіе, — онъ его тщательно скрываетъ, это прекрасный актеръ. — Пьеръ Ламоръ весело засмѣялся. — Вы знаете, я обѣдалъ у него въ ставкѣ съ однимъ добрымъ республиканцемъ, не буду его называть: хорошій такой республиканецъ, съ честными доверчивыми глазами, но съ настоящими, не то что у Ларевельера-Лепо. Такъ вотъ, Бонапартъ со слезами въ голосъ рассказывалъ ему, что онъ жаждетъ заключенія мира; онъ, видите-ли, хочетъ навсегда поселиться въ деревнѣ и стать — кѣмъ бы вы думали? — мировымъ судьей. Правда хорошо? И глаза у него при этомъ были еще чест-

нѣе и довѣрчивѣе, чѣмъ у республиканца, который, конечно, тоже прослезился отъ умиленія... Меня потомъ наединѣ Бонапартъ не увѣрялъ въ томъ, что онъ хочетъ стать сельскимъ мировымъ судьей... Онъ знаетъ людей, какъ знаете ихъ вы, какъ знаю людей я. Но мы съ людьми ничего не можемъ сдѣлать, а онъ играетъ ими какъ хочетъ... Такъ вотъ представьте себѣ ясно генерала Бонапарта, представьте себѣ нынѣшнее положеніе Европы — и подумайте куда можетъ подняться этотъ человѣкъ, командующій восьмидесятитысячной арміей, которая его боготворитъ, которая подъ его руководствомъ одержала безпримѣрные побѣды... О, Таллейранъ, намъ, повѣрьте, предстоитъ еще удивляться. Будутъ невиданныя и неслыханныя дѣла, будетъ человѣчеству кровопусканье почище того, революціоннаго... Я скажу какъ Брутъ у Вольтера: „On demande du sang, Rome sera contente“... Пусть только поживетъ немного генераль Бонапартъ, а мы еще посмѣемся... Вотъ поживетъ ли онъ, это, конечно, вопросъ. Его могутъ убить въ первомъ сраженіи. Онъ рискуетъ головой ежедневно—не отъ молодого пыла, этого у него нѣтъ и слѣдовъ, не отъ избытка физической энергіи, нѣтъ, — изъ холоднаго политическаго разсчета: для престожа, для того, чтобы покорить души солдатъ, для того, чтобы создать свою легенду... Да и только ли непріятельская пуля! Здоровье Бонапарта очень плохо, видъ у него все хуже... Пороку, послѣ его рабочаго дня,—вѣрнѣе, послѣ рабочей ночи, — на него страшно смотрѣть. Въ Италіи говорятъ, будто онъ отравленъ медленно дѣйствующимъ ядомъ, — вы понимаете, сколько у него враговъ!.. Можетъ быть, это и правда. А можетъ быть, это и не такъ худо... По совѣсти я не знаю, должны ли жить на свѣтѣ люди подобные генералу Бонапарту!..

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь. Таллейранъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Не знаете? — переспросилъ онъ. — И все же зовете меня къ нему?

— Зову. Порою мной овладѣваетъ колебаніе... Нѣтъ, пусть разорвется надъ міромъ этотъ страшный снарядъ! Не мнѣ жалѣть... Чего мнѣ жалѣть?

Пьеръ Ламоръ махнулъ рукой, откинулся на спинку кресла и долго сидѣлъ неподвижно, закрывъ глаза. Лицо его поразило Таллейрана внезапно выступившимъ выраженіемъ безконечной усталости: въ эту минуту ему на видъ можно было дать сто лѣтъ. Морщины на его восточномъ лицѣ сложились такъ плотно, что раздвинуть ихъ, казалось, было бы трудно, не порвавъ этотъ желтый пергаментъ.

— Вы недавно пріѣхали изъ Италии? — спросилъ наконецъ Таллейранъ.

— Недавно. И скоро опять туда уѣду. Здѣсь пока нечего дѣлать, — все рѣшить армія.... Однако, уже очень поздно, епископъ. Мы пріятно поговорили... Не смѣю тѣшить себя надеждой, что переубѣдилъ васъ... Наступила дочь Хаоса, Ночь, *putrix tenebrarum*, если вѣрить Овидію. Вы подумаете у себя въ постели...

Онъ опять закрылъ глаза. Таллейранъ позвалъ лакея и потребовалъ счетъ. Когда онъ отсчитывалъ деньги, Ламоръ пошевелился въ креслѣ и спросилъ, сколько составляетъ его доля. Таллейранъ покосился въ сторону старика и поспѣшно спряталъ бумажникъ. Въ бумажникѣ этомъ, вмѣстѣ съ ассигнаціями, лежало письмо генерала Бонапарта, съ которымъ тайно отъ всѣхъ уже рѣшилъ связать свою политическую судьбу бывшій епископъ Отенскій.

VI

Баратаевъ, съ Настенькой и Штаалемъ, выѣхалъ въ началѣ весны изъ Петербурга и, останавливаясь въ большихъ городахъ по дорогѣ, медленно передви-

гался къ Италіи. Они не знали точно куда именно ѣдутъ. Баратаевъ колебался между Венеціей, Миланомъ и Неаполемъ: во всѣхъ этихъ городахъ были прекрасныя бібліотеки, необходимыя для его работы. Но въ Неаполѣ съ наступленіемъ лѣта могло стать слишкомъ жарко; а противъ Милана и Венеціи говорила война, шедшая въ сѣверной Италіи. Настенькѣ и Штаалу было собственно безразлично куда ни ѣхать: все было имъ одинаково интересно. Поѣздка по Европѣ была для нихъ радостнымъ приготовленіемъ къ какому-то необыкновенному празднику, который еще не начался, но съ каждымъ днемъ приближался.

Баратаевъ не совѣтовался съ ними о путешествіи и былъ вообще мало разговорчивъ. Разъ онъ въ полувопросительной формѣ, какъ показалось Штаалу, высказалъ свои колебанія по выбору города въ Италіи. Но когда Штааль въ отвѣтъ объявилъ, что предпочелъ бы Венецію, Баратаевъ остановилъ на немъ съ такимъ удивленіемъ свой тяжелый взглядъ, что Штааль еще вечеромъ, въ постели, вспоминалъ объ этомъ краснѣя.

Отношенія съ Баратаевымъ нѣсколько портили ему радость ожидавшагося праздника. Во время совмѣстнаго путешествія люди обычно сближаются тѣснѣе, чѣмъ въ другихъ условіяхъ жизни. Но къ Баратаеву за два мѣсяца Штааль не приблизился совершенно и въ его обществѣ испытывалъ еще большее смущеніе, чѣмъ въ первые дни ихъ знакомства. Неловкость увеличилась отъ того, что онъ теперь получалъ жалованье. Это Штааль совершенно ясно почувствовалъ въ первый же день своей службы, когда Баратаевъ, равнодушно на него глядя, передалъ ему двухмѣсячный окладъ. Сколько Штааль себѣ ни говорилъ, что нѣтъ ничего унижительнаго въ полученіи платы за трудъ, тяжелое чувство его не покидало. Онъ пришелъ къ мысли, что

всякая служба, кромѣ службы государству, неизбѣжно связана съ униженіемъ, и все себя провѣрялъ: напряженно и недоброжелательно присматривался къ Баратаеву; но ничего не находилъ въ его обращеніи ни обиднаго, ни дурного. Баратаевъ былъ учтивъ и равнодушенъ.

Самое непріятное было въ томъ, что обязанности Штаалъ оставались совершенно невыясненными. Предполагалось, что служба его опредѣлится, когда они осядутъ на мѣстѣ для работы. Но о работѣ Баратаевъ не заговаривалъ и Штаалъ какъ прежде ничего о ней не зналъ. Онъ видѣлъ только, что каждый вечеръ, гдѣ бы они ни находились, Баратаевъ удалялся въ свою комнату, куда лакей вносилъ чайникъ и бутылку рома, и тамъ то писалъ въ черной атласной книгѣ, то медленными тяжелыми шагами ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Въ Краковѣ, въ гостинницѣ, богатый шляхтичъ, снявшій помѣщеніе подъ комнатою Баратаева, на утро жаловался хозяину, что ему не давали спать всю ночь шаги верхняго жильца. Дѣйствительно, Баратаевъ работалъ часто до разсвѣта, — въ чайникѣ утромъ почти ничего не оставалось, и рома въ бутылкѣ убавлялось очень сильно. Крѣпкіе напитки, какъ замѣчалъ Штаалъ, совершенно не дѣйствовали на Баратаева.

Желая быть полезнымъ и оправдать свое жалованье, Штаалъ взялъ на себя всякія хлопоты по поѣздкѣ, разговоры съ хозяевами гостинницъ, съ почтальонами, съ полиціей. Баратаевъ и объ этомъ его не просилъ, но, когда это сдѣлалось само собой, больше ни во что не вмѣшивался. Штаалъ чувствовалъ однако, что такую работу могъ бы исполнять и камердинеръ. Разъ онъ со стыдомъ и досадою поймалъ себя на томъ, что въ присутствіи Баратаева нарочно принималъ видъ заваленнаго дѣломъ чловека. Неловко выходило и съ расходоуаньемъ денегъ. Первоначально Штаалъ аккунратно записы-

валъ издержки и на первой остановкѣ подалъ длинный счетъ, который Баратаевъ принялъ удивленно и не читая сунулъ въ какую-то шкатулку. Денегъ у него было очень много и онъ ихъ не жалѣлъ ни на гостиницы, ни на рестораны, ни на лошадей. Но не покупалъ почти ничего и только разъ въ Вѣнѣ, вспомнивъ, предложилъ Настенькѣ купить что нужно изъ платья. Настенька робко на него взглянула и истратила очень немного. Штааль все свое жалованье тратилъ на разныя покупки и скоро такъ обросъ вещами, что ихъ некуда было класть при перѣздахъ. Чѣмъ больше онъ покупалъ, тѣмъ сильнѣе хотѣлось ему покупать еще. Въ Вѣнѣ онъ приобрѣлъ новые дорогіе пистолеты (у него, какъ у многихъ молодыхъ людей, была слабость къ оружію) и чуть не поддався соблазну поставить ихъ въ счетъ Баратаеву, какъ вещь необходимую въ дорогѣ. Но опять устыдившись («такъ Богъ знаетъ, до чего можно опуститься!»), заплатилъ изъ своихъ денегъ и, точно желая себя наказать, не записъ въ счетъ небольшого расхода, несомнѣнно относившагося къ поѣздкѣ.

Но всѣ эти мелкія огорченія отъ службы, тонули въ счастье, происходившемъ отъ любви его къ Настенькѣ.

Между ними почти ничего больше не произошло съ той ночи въ Красномъ Кабачкѣ. Они, не уговариваясь, о ней и не вспоминали. Путешествовали они въ разныхъ экипажахъ и въ гостиницахъ рѣдко оставались вдвоемъ. Тѣмъ не менѣе поѣздка съ ея безчисленными мелкими дѣлами очень ихъ сближала. Штааль ждалъ — и первоначально самъ не зная, чего именно. При настойчивости, въ дорогѣ можно было найти время и мѣсто для уединенной встрѣчи. Но теперь онъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что Настенька будетъ ему принадлежать, — и не спѣшилъ.

Ея отношенія къ Баратаеву мучили его меньше, чѣмъ въ Россіи. Къ удивленію Штаала, ревность его не усилилась, а ослабѣла во время путешествія, точно ее подточила привычка. Разъ поздно вечеромъ въ корридорѣ гостиницы онъ встрѣтилъ Настеньку въ ночномъ туалетѣ, — она шла къ Баратаеву (въ дорогѣ это случалось рѣдко). Штаалу было тяжело, но менѣе тяжело, чѣмъ онъ могъ бы предположить. Ворочаясь въ ту ночь въ постели, онъ хотѣлъ испытывать бѣшенство и ненависть, а испытывалъ только тоску, да и то не очень долго; утомленный переѣздомъ, черезъ часъ онъ крѣпко заснулъ. На утро онъ встрѣтился съ Настенькой и ему было почти пріятно, что она сильно покраснѣла и отвернулась. Онъ самъ не могъ понять своихъ чувствъ. «Какъ же люди изъ за этого убиваютъ себя и другихъ. Или у меня не кровь, а вода въ венахъ?» — сердито говорилъ онъ себѣ. И, не думая о томъ, что было ночью, замиралъ, вспоминая, какъ у нея зардѣлись и щеки, и уши, а въ глазахъ показались слезы. Ему казалось, что онъ любитъ ее все больше. Вначалѣ онъ часто себя спрашивалъ, и правда ли это, любовь или страсть, — и теперь склонялся къ тому, что это страсть (Штааль любилъ копаться въ своихъ переживаніяхъ, — чужія были ему совершенно неинтересны). Онъ ждалъ Италіи и разсчитывалъ, что въ Венеціи все рѣшится.

VII

Венеція въ ту пору имѣла репутацію самаго веселаго, оживленнаго и легкомысленнаго города въ Европѣ. Послѣ того, какъ французская революція измѣнила характеръ парижскаго веселья, иностранцы, особенно англичане, хлынули въ Италію. Съ

нѣкоторыми изъ нихъ русскіе путешественники встрѣчались еще по дорогѣ изъ Вѣны. Настоящаго знакомства они не завязали: Баратаевъ ни съ кѣмъ вообще не разговаривалъ, Штааль былъ занятъ одной Настенькой, Настенька-же боялась всѣхъ, а иностранцевъ въ особенности. Но, встрѣтившись нѣсколько разъ на ночевкахъ, совершая одновременно переѣзды, они знали въ лицо и раскладывались съ молодымъ нѣмецкимъ туристомъ и съ тремя англійскими семьями, которые тоже направлялись въ Венецію. Англичане были веселы и оживлены, когда между собой говорили по англійски, но немедленно вышѣтали, переходя на французскій языкъ. Иностранцы объясняли это британскою чопорностью; на самомъ дѣлѣ это происходило отъ застѣнчивости и отъ той же боязни иностранцевъ, что у Настеньки. Нѣмецкій туристъ былъ молодой человѣкъ, въ широкополой высокой цилиндрической шляпѣ, съ загадочной задумчивой улыбкой и съ волосами, подчеркнутая длина которыхъ, повидимому, что-то означала: за обѣдомъ въ гостиницахъ онъ демонстративно читалъ романъ моднаго автора «Вильгельмъ Мейстеръ», — англичане и Баратаевъ относились къ этому вполне равнодушно, Штааль — почему-то съ нѣкоторой злобой, а Настенька — съ благоговѣніемъ передъ ученостью человѣка, который даже за обѣдомъ читаетъ книжку. Нѣмецъ ѣлъ очень много и пилъ французскія вина, хотя, по мнѣнію Штааля, хотѣлось ему пива. Если въ общей залѣ гостиницы имѣлся клавесинъ, молодой туристъ непремѣнно садился играть: во время игры онъ очень высоко поднимать руки, задерживалъ ихъ на высотѣ въ воздухѣ, точно размышляя, куда съ силой опустить пальцы, при чемъ злобно смотрѣлъ на клавиши, двигалъ скулами и округлялъ глаза. Но игралъ довольно пріятно, — такъ что даже англичане иногда охотно его слушали.

На одной изъ послѣднихъ остановокъ въ нѣмецкихъ земляхъ нѣмецъ съ возбужденно-радостнымъ видомъ появился въ столовой гостиницы и сообщилъ громко, что въ Венеціи произошли важныя событія: власть дожей, продержавшаяся 1100 лѣтъ, пала, правленіе перешло къ народному совѣту. Хозяйка гостиницы, грустно улыбаясь, подтвердила эти свѣдѣнья и очень совѣтовала *den gnädigen Herren* — не въ своихъ, а въ ихъ собственныхъ интересахъ — повременить съ отъѣздомъ: въ Венеціи была стрѣльба и, по слухамъ, есть убитые. Свѣдѣнья эти взволнованно обсуждались путешественниками; даже англичане приняли участіе въ общемъ разговорѣ. Они были очень недовольны, — исчезновеніе того, что держалось тысячу лѣтъ, никогда не нравилось англичанамъ, хотя бы въ немъ не было ничего хорошаго. Кромѣ того, они твердо знали, что въ Венеціи дождь вѣнчается съ Адриатикой, и столь же твердо рассчитывали увидѣть эту церемонію. Теперь, очевидно, вѣнчаться съ Адриатикой было некому. Тѣмъ не менѣе никто не думалъ отказываться отъ поѣздки: англичане были совершенно увѣрены въ томъ, что ихъ, какъ британскихъ подданныхъ, не тронутъ; нѣмецъ не открывалъ, что рвется *in das stürmische Meer der Ereignisse*; Штааль съ презрительной улыбкой увѣрялъ Настеньку, что видѣлъ когда-то въ Парижѣ не такую революцію.

Въ Венеціи дѣйствительно произошли историческія событія. Власть дожей неожиданно пала, и никто пальцемъ не пошевелилъ для того, чтобы ее спасти: оказалось, что она всѣмъ смертельно надоела. Самъ послѣдній дождь, Людовикъ Манинъ, и его сотрудники, передавая власть революціонному совѣту, старательно, но непохоже, дѣлали видъ, будто всегда этого желали и только по неблагопріятно-

му стеченію обстоятельствъ не могли до той поры осуществить свое завѣтное желаніе. Лишь полиція и наемные далматскіе солдаты, зная вѣковую ненависть къ себѣ народа, оказали вялое сопротивленіе. Было убито двадцать человѣкъ и разгромлено въ суматохѣ нѣсколько магазиновъ на Ріальто. Венеція приняла революцію восторженно. Произошло то, что во всѣ времена происходило въ началѣ всѣхъ революцій. Населеніе ликуя поднимало новые флаги, за которые прежде надолго сажали въ Ріомбі; ликуя хоронили погибшихъ за свободу, не подозрѣвая, что среди перенесенныхъ изъ мертвецкой въ парадную могилу преобладати далматскіе солдаты; ликуя слушало и особенно говорило вольныя рѣчи. Черезъ три дня вездѣ висѣла «Декларация правъ», на казенныхъ зданіяхъ была повѣшена надпись «свобода, равенство, братство», имѣлись повсемѣстно развивавшіе крайне шумную дѣятельность комиссары, комиссариаты, комитеты, клубы и революціонные трибуналы. И въ каждомъ городкѣ Венеціанской республики очень быстро отыскались неподкупные Робеспьеры, титаническіе Дантоны, безстрастные Сень-Жюсты и неумолимые Фукье-Тенвилли. Выборъ французскаго образца зависѣлъ отчасти отъ профессіи, но главнымъ образомъ отъ наружности венеціанскихъ трибуновъ. Все, однако, продѣлывалось сравнительно благодушно: негдѣ было воздвигать баррикады за отсутствіемъ улицъ; гильотинировать было некого, такъ какъ всѣ оказались горячими сторонниками революціи; а главное, стояла въ области чудесная, рѣдкая весна.

Къ тому времени, когда медленно двигавшаяся, задержавшаяся на границѣ группа иностранцевъ прибыла въ Венецію, энтузіазмъ успѣлъ сильно остыть. Въ городѣ уже хозяйничали французы: генераль Бонапартъ прислалъ отрядъ своихъ войскъ въ помощь революціонному правительству. Войска

эти вошли въ качествѣ друзей, а не завоевателей, но населеніе встрѣтило ихъ безъ восторга: за тысячу лѣтъ впервые иностранные солдаты появились въ Венеціи. Черезъ недѣлю ихъ всѣ ненавидѣли и на зло французамъ устраивали оваціи застрѣвшимъ въ городѣ англійскимъ туристамъ, — ненависть къ одной державѣ неизмѣнно связана съ обожаніемъ какой-либо другой. Англичане принимали оваціи сдержанно, но безъ удивленія: какъ должное.

Одновременно съ появленіемъ иностранныхъ войскъ отъ Венеціанской республики одинъ за другимъ стали откалываться города, входившіе въ ея составъ. Къ большому изумленію революціоннаго совѣта, Местре, Чоджія, Торчелло, никогда прежде не заикавшіеся о независимости, теперь, не удовлетворяясь мѣстными комитетами и комиссаріатами, основывали самостоятельныя правительства, съ Робеспьерами и Сень-Жюстами во главѣ, и безъ разговоровъ отдѣлялись отъ Венеціи. Никакія увѣщеванія не помогали. Генераль Бонапартъ, повидимому, ничего не имѣлъ противъ новыхъ республикъ. Венеціанцы ихъ высмѣивали, но злились.

Всего больше подтачивалась популярность революціи повседневной жизнью. Жизнь эта почти не измѣнилась. Чтобы жить, надо было работать по прежнему и даже больше прежняго: макароны, вино, полента не подешевѣли, а поднялись въ цѣнѣ. Между тѣмъ въ первую минуту предполагалось, что теперь все пойдетъ по новому...

Люди, стоявшіе на самомъ верху, въ большинствѣ чистые и искренніе, начинали думать, что изъ исторіи не легко вычеркнуть безболѣзненно тысячу лѣтъ (даже тогда, когда это необходимо). Никто не могъ бы сказать, въ какой именно моментъ великая національная радость превратилась въ национальную катастрофу.

Первое впечатлѣніе отъ Венеціи было у Штаала и у Настеньки такое же, какое бываетъ у всѣхъ, впервые, въ молодости попадающихъ въ нее подъ вечеръ: неповторяющееся, незабываемое и ни съ чѣмъ не сравнимое. Былъ въ этотъ день большой праздникъ, годовщина какой-то древней морской побѣды, неизвѣстно когда одержанной неизвѣстно надъ кѣмъ. Послѣ «фреско», дневной гонки гондолъ, начиналось ночное гулянье. Играла музыка. Большой каналъ горѣлъ огнями. Настенька и Штааль плыли въ вызолоченной спереди гондолѣ, въ шатрѣ темнокраснаго шелка, разукрашенномъ листьями и цвѣтами. Гондольеръ не торопился, — ему самому видно не хотѣлось покидать гулянье. Ихъ обогналъ Баратаевъ, плывшій въ другой гондолѣ безъ вещей. Съ лицомъ еще мрачнѣе обыкновеннаго, онъ сидѣлъ неподвижно, откинувшись на спинку скамьи, тяжело опустивъ руки. Онъ былъ въ Венеціи тридцать лѣтъ тому назадъ. Его лодка быстро исчезла впереди... Они плыли долго. Не произошло между ними почти ничего, но побѣдка эта облизала ихъ больше, чѣмъ все то что было. На всю жизнь слились въ памяти Штаала мраморъ венеціанскихъ дворцовъ, темное золото гондолъ, синій выцвѣтшій бархатъ воды, подъ которымъ двигались, дрожали и ломались косыя золотыя иглы, мелодія итальянской пѣсни, чемоданъ, давившій колѣни, запахъ «Вздоховъ Амура», которыми душилась Настенька...

VIII

Остановились они на одномъ изъ небольшихъ каналовъ, въ «Гостинницѣ Англійской Королевы». Тамъ же поселился и молодой нѣмецъ, — ему было жутко оставаться въ одиночествѣ въ чужомъ городѣ:

русскіе были все-таки знакомые люди. Штааль иногда разговаривалъ съ нѣмцемъ и совершенствовался въ нѣмецкомъ языкѣ: сталъ произносить і какъ ы и щеголялъ этой тонкостью выговора, хотя, вмѣстѣ со всѣми, находилъ, что русскому не полагается хорошо говорить по нѣмецки.

Жизнь скоро наладилась и стала однообразной какъ дома. Баратаевъ съ утра уходилъ въ библіотеку, возвращался только къ вечеру, запирался въ своей комнатѣ и писалъ. Настеньку онъ къ себѣ требовалъ не часто и повидимому совершенно не интересовался тѣмъ, что она дѣлала днемъ. По крайней мѣрѣ онъ объ этомъ (да и ни о чемъ почти другомъ) не спрашивалъ ни ее, ни Штаала. Они же проводили цѣлый день вмѣстѣ и продѣлывали все то, что туристамъ испоконъ вѣка полагается дѣлать въ Венеціи: кормили на площади голубей (съ этого начали), катались въ гондолѣ по узкимъ, темнымъ внизу, каналамъ, стиснутымъ между позеленѣвшими стѣнами крашенныхъ дворцовъ (удовольствіе отъ гондолы уже было не то, что въ первый разъ), посѣщали церкви, провѣряли существованіе извѣстныхъ картинъ, въ которыхъ смыслили немного, и смотрѣли работы арсенала, въ которыхъ не смыслили ничего. Кромѣ обычныхъ достопримѣчательностей, теперь показывались туристамъ и новыя, революціонныя: дерево Свободы на площади св. Марка, между статуями „Libertà“ и „Uguaglianza“, и „Diritti e doveri del uomo e del cittadino“ на книгѣ, положенной въ лапы венеціанскаго льва, вмѣсто прежняго „Pax tibi, Marce, evangelista meus.“ При этомъ скептики повторяли (приписывая ее каждый себѣ) шутку: наконецъ-то за тысячу лѣтъ левъ перевернулъ страницу.

По утрамъ къ Штаалу являлся хозяинъ, за распоряженіями и просто такъ поболтать (онъ говорилъ по французски). Хозяинъ былъ родомъ изъ Неапо-

ля и, хотъ прожилъ въ Венеціи двадцать лѣтъ, къ жителямъ этого города относился какъ къ иностранцамъ, называлъ ихъ «они» и отзывался о нихъ иронически и недоброжелательно. Въ разговорахъ съ Штаалемъ онъ настойчиво, съ значительнымъ выраженіемъ выхваливалъ красоту синьоры, а о Баратаевѣ говорилъ тономъ состраданія (Штаалу этотъ тонъ и льстилъ, и нѣсколько его смущалъ). Какъ-то разъ хозяинъ произнесъ слово „cicisbeo“, — Штааль съ удивленіемъ и обидой узналъ, что такъ называется здѣсь должность, которую онъ занималъ при Настенькѣ: именно должность, притомъ вполне почетная, естественная и обычная. Оказалось, что при всѣхъ хорошенькихъ женщинахъ Венеціи имѣются чичисбен, нерѣдко съ вѣдома и согласія мужей, а иногда на основаніи пункта въ брачномъ договорѣ, предусмотрѣннаго невѣстой или ея родителями. Штаалу было пріятно узнать, что его отношенія съ Настенькой такъ ясны и законны. Но слово чичисбей ему очень не понравилось: было въ немъ что-то юркое и не серьезное, напоминавшее и чижику, и воробья. Кромѣ того Штааль зналъ, что еще не имѣетъ права на это обозначеніе.

Теперь собственно ждаль было нечего: трудно было бы и придумать болѣе благоприятную обстановку. И все-таки Настенька ему не принадлежала. Онъ самъ недоумѣвалъ и бранилъ ее за то, что она ломается, а себя за недостатокъ рѣшимости; въ свое оправданіе повторялъ мысленно, что онъ и безъ того счастливъ, что онъ эпикурянецъ, растягивающій надолго наслажденіе, и что рѣшительныя дѣйствія могли бы оттолкнуть ее, какъ тогда на Петергофской дорогѣ. Но чувствовалъ неискренность этихъ мыслей. Онъ дѣйствительно былъ счастливъ, но въ его счастье входило ожиданіе. Думалъ онъ теперь о Настенькѣ уже не совѣмъ такъ какъ прежде, — еще очень нѣжно, но съ развяз-

ностью того любителя женской красоты, какимъ онъ себя представлялся. Иногда, думая по ночамъ о Настенькѣ, произносилъ мысленно (а то и вслухъ) неприличные слова. Поэзіи въ ихъ любви стало меньше, а наслажденья — не то больше, не то меньше, онъ самъ не могъ бы сказать.

Обѣдали они чаще всего въ своей гостинницѣ, такъ какъ постѣ обѣда не хотѣлось ни осматривать достопримѣчательности, ни кататься: уже было очень жарко. Обѣды всегда проходили у нихъ весело, — въ другое время, несмотря на ихъ любовь, было иногда скучновато: всѣ возможные предметы разговора исчерпывались. Источникомъ веселья за обѣдомъ было прежде всего то, что они не могли, какъ слѣдуетъ, объясниться съ прислугой. Штааль въ Петербургѣ ходилъ въ Итальянскій театръ и увѣрялъ, что все понимаетъ, потому что похоже на французскій. Въ Венеціи онъ не понималъ ни слова и на французскій совершенно не было похоже. Но главное веселье вносила итальянская кухня. Ни Настенька, ни Штааль не ѣли макаронъ и этимъ умиляли хозяина гостинницы, который издѣвался надъ сѣверными, сухими макаронами и прельщалъ русскихъ гостей Неаполемъ, гдѣ они увидятъ настоящія макароны. На поленту они не могли смотрѣть безъ отвращенія. Тѣмъ не менѣе все было чрезвычайно забавно: и то, что красное вино именуется чернымъ, *vinò nero*; и то, что подавали имъ морскіе фрукты, *frutti del mare*; и то, что вѣчная, плохо изжаренная телятина съ горошкомъ носить звучное названіе въ рифму *vitello con piselli*. Штаалю все казалось, что это не серьезно и что онъ живетъ въ театрѣ. Очень нравилось ему пахнувшее фіалкой итальянское вино и сложное сооруженіе, въ которомъ оно подавалось. Лакей приносилъ огромный графинъ и, не вынимая его изъ сооруженія, низко опускалъ вытянутое горлышко, осторожно

сливать оливковое масло (этотъ способъ предохра-
нять вино отъ порчи сначала показался имъ против-
нымъ), а затѣмъ разливать по стаканамъ, не поте-
рявъ ни капли ни вина, ни масла. Къ концу обѣда
неизмѣнно (они очень рѣдко «соритись») Штааль го-
ворить Настенькѣ нѣжныя слова и быть изысканно
любезенъ съ прислугой.

Въ воскресенье, подъ конецъ обѣда, хозяинъ, пре-
зиравшій тосканское вино не меньше, чѣмъ пьемон-
скія макароны, съ радостнымъ видомъ прино-
ситъ старательно залыленную бутылку *Lacrima*
Christi и разливать по стаканамъ жильцовъ.
На долю каждаго приходилось очень немного; тѣмъ
не менѣе всѣ были довольны вниманіемъ: за во-
скресное *Lacrima Christi* хозяинъ ничего не ста-
вилъ въ счетъ. И самъ нѣмецкій туристъ отрывался
отъ «Вильгельма Мейстера», подставлялъ со снисхо-
дительною улыбкой стаканъ и, уже изучивъ италъ-
янскіе обычаи, говорилъ: „*un bicchiere di Siracusa*
no si ricusa“*), — говорилъ очень не кстати и хозяинъ
смотрѣлъ на него злобно, такъ какъ его *Lacrima*
Christi было настоящее, неаполитанское съ Везувія,
а не сицилійская поддѣлка съ Этны.

IX

— *Gelate, gazoze...* — выкрикивалъ безнадежно
старый разносчикъ, на мелодію, затверженную имъ
въ дѣтствѣ.

День кончался, но, казалось, никто не могъ на
это согласиться. Возвращаться домой съ площади
св. Марка Штаалю и Настенькѣ не хотѣлось. Однако
нельзя было вѣчно занимать столикъ въ кофейнѣ.
Французскіе офицеры, сидѣвшіе рядомъ съ ними,

*) Отъ Сиракузскаго вина не отказываются.

поднялись. Лакей на зло имъ демонстративно-по-спѣшно сталъ вытирать салфеткой ихъ столъ, что-то бормоча подъ носъ. Штааль съ любопытствомъ смотрѣлъ вслѣдъ офицерамъ. Онъ три года не видалъ этихъ мундировъ и все не могъ къ нимъ здѣсь привыкнуть. Его радовала французская рѣчь. Но достойно-торжествующій видъ побѣдителей немного его раздражалъ и внушалъ ему зависть.

Настенька имѣла обиженный видъ. Онъ мало разговаривалъ съ нею и проводилъ взглядомъ хорошенькую итальянку, проходившую мимо кофейни. Настенька сначала хотѣла затаить обиду, но не выдержала, придумала сложный намекъ и дала понять Штаалу его вину — съ наивною увѣренностью влюбленныхъ женщины въ томъ, что человекъ, въ котораго они влюблены, станетъ любить больше, если ему сказать, что онъ любить недостаточно.

Штааль не сразу понялъ намекъ, но услышалъ новую интонацію во фразѣ, сказанной Настенькой, и поднялъ голову. Онъ наудачу улыбнулся, она отвѣтила нерѣшительной улыбкой, и одновременно они подумали одно и то же. Настенька подумала, что вовсе ей не нужно было, а, можетъ быть, и опасно, вести ту сложную политику, которой она хотѣла придать себѣ цѣну (опытныя артистки говорили ей, что никогда не слѣдуетъ быстро сдаваться мужчине, — пусть сохнетъ!). Штааль чуть не вслухъ называлъ себя дуракомъ. «Сколько упущено времени — въ этомъ чудесномъ городѣ!.. Только, что поцѣловались нѣсколько разъ... Да чего же я ждалъ?... Вовсе я былъ не эпикурянецъ, а просто дуракъ!...»

Ничего не было сказано, но оба, обмѣлявшись взглядомъ, поняли, что это будетъ не когда нибудь (то они знали еще съ Краснаго Кабачка), а скоро... Сегодня? Штааль немного измѣнился въ лицѣ. «Какъ провести остающіеся три-четыре часа?...»

— Gelate, gazoze! — пропѣлъ разносчикъ.

Они встали. Въ концѣ площади у большого боченка съ виномъ стояла очередь: урожай Conegliano выдался хорошій и вино продавалось не по бутылкамъ, а на время, — за сходную цѣну любители приобрѣтали право выпить въ оговоренное число минутъ столько вина, сколько имъ будетъ угодно. У боченка происходили состязанія. Продавецъ зналъ каждаго покупателя и старался не прогадать при назначеніи цѣны. Штааль и Настенька посмотрѣли на пившихъ, обмѣнялись впечатлѣніями и пошли дальше. Между колоннъ Пьяццетты стояла черная открытая складная будка съ огромной надписью, слѣва по итальянски, справа по французски:

Астрологъ.

Знаете ли вы свое будущее?

Что можетъ быть важнѣе этого?

Войдите и вы получите свой гороскопъ!

Вамъ откроются тайны неба!

Въ будкѣ за складнымъ деревяннымъ столикомъ, заваленнымъ книгами, сидѣлъ на табуретѣ старый сутуловатый, горбоносый человѣкъ восточнаго типа и мрачнаго вида. Сѣдые волосы его были странно зачесаны, образуя подобія рожковъ. Передъ нимъ горѣла въ черномъ подсвѣчникѣ свѣча, около которой, рядомъ съ черепомъ лежалъ жестяной приборъ изъ трехъ наискось вписанныхъ другъ въ друга квадратовъ. На треугольникахъ прибора были обозначены номера и изображены какія-то фигурки. Штааль объяснилъ какъ могъ Настенькѣ, что это такое.

— Колдунъ? — блѣднѣя спросила шопотомъ Настенька, и хотѣла было удержать Штааля, который съ рѣшительнымъ видомъ вошелъ въ будку. Изъ нея какъ разъ выходилъ ихъ знакомый нѣмецъ съ листомъ бумаги въ рукахъ. Увидѣвъ Настеньку,

онъ трагически засмѣялся, безнадежно махнулъ рукой и сказалъ громко:

— *Qui fira, ferra!* . . .

Настенька улыбулась ему испуганно и съ сочувствіемъ; ее впрочемъ немного успокоило, что и нѣмѣцъ побывалъ у колдуна. Онъ еще разъ посмотрѣлъ на Настеньку и скрылся.

Астрологъ, погруженный въ книги, съ минутою какъ-бы не замѣчалъ новаго посѣтителя. Затѣмъ медленно поднялъ глаза и долго угрюмо смотрѣлъ на Штаалъ, который невольно смутился. Лицо астролога показалось ему странно знакомымъ.

— Вы желаете получить гороскопъ? — спросилъ по французски предсказатель.

Штаалъ кивнулъ головой. Астрологъ опять помолчалъ, какъ бы размышляя, исполнить ли желаніе посѣтителя.

— Когда вы родились? — задать онъ наконецъ вопросъ.

— Собственно вы должны это знать безъ меня, — отвѣтилъ насмѣшливо Штаалъ. Обстачовка будки напомнила ему кабинетъ Баратаева, а все, что дѣлало Баратаева смѣшнымъ, было пріятно Штаалу.

— Когда вы родились? — повторилъ строго астрологъ, точно въ его власти было наказать Штаалъ въ случаѣ отказа въ нужныхъ свѣдѣніяхъ. Получивъ отвѣтъ, онъ погрузился въ размышленія, изрѣдка бормоча слова на непонятномъ языкѣ, затѣмъ долго что-то вычислялъ, справлялся по книгамъ, по прибору, и наконецъ взялъ изъ лежавшей передъ нимъ стопки большой листъ красивой толстой бумаги. Штаалъ наклонился надъ столомъ. Настенька испуганно смотрѣла черезъ его плечо. На бумагѣ были изображены планеты съ надписями, а посрединѣ тотъ же тройной квадратъ.

Астрологъ оторвался отъ листа и сказалъ холодно:

— Полцехина.

Штааль не думалъ, что это будетъ стоить такъ дорого, но безпрекословно протянулъ деньги. Настенька ахнула, увидѣвъ монету.

— Ну, и грабитель! — сказала она, совсѣмъ успокоенная. Астрологъ спряталъ деньги, растопилъ на свѣчѣ кусокъ краснаго сургуча, кашнулъ на верхній лѣвый треугольникъ съ двумя волнистыми полосками, на кружочекъ съ точками внутри, и на другой со стрѣлкой сбоку, раздавилъ красныя пятна печатью съ неяснымъ изображеніемъ Зодіака, затѣмъ протянулъ листъ Штаалю. Тотъ смотрѣлъ на него вопросительно.

— Одинадцатый домъ неба, — сказалъ астрологъ, тыча остывшимъ сургучомъ въ треугольникъ. — Луна... Владѣетъ тѣми, кто работаетъ ночью... Марсъ... Владѣетъ тѣми, кто употребляетъ желѣзо...

— Что, что сказалъ? — зашептала Настенька. Штааль, не отвѣчая ей, разсматривалъ съ недоумѣніемъ бумагу.

— Что-же все это значить? — спросилъ онъ съ насмѣшкой.

Астрологъ смѣрилъ его взглядомъ.

— Вы желали получить гороскопъ, я вамъ далъ гороскопъ... Если вамъ нужно толкованіе, это стоитъ еще полцехина.

— Что онъ говорить? — настойчиво требовала объясненій Настенька.

— Мошенникъ онъ, вотъ что! — сердито сказали Штааль и, презрительно фыркнувъ, вышли изъ будки. Ему хотѣлось хлопнуть дверью, но будка была открытая. Отойдя нѣсколько шаговъ, онъ взглянулъ на Настеньку и расхохотался.

— Нѣтъ, этакій бездѣльникъ, — сказалъ онъ. — Что за страна!..

X

Возвращаться въ гостинницу имъ не хотѣлось; тамъ было по вечерамъ неуютно, оттого что хозяинъ экономилъ свѣчи, а главное потому, что въ своей большой комнатѣ во второмъ этажѣ находился Баратаевъ. Ужинать еще было рано. — «Что-жъ, опять въ *pestrino*, пить *miscio* и ѣсть *storti*?... Или картины смотрѣть? Еще Тинторетты, Тиціаны, Веронезы... А то въ какую нибудь церковь?... Нѣтъ, предовольно съ меня церковей и картинъ. Скучно...» — мысленно перебиралъ Штааль и вдругъ подумалъ, что, какъ ни прекрасна Венеція, жить въ ней онъ ни за что не хотѣлъ бы. «Не все же на лодкахъ ѣздить хорошо и погулять пѣшкомъ... Скоро, говорилъ Баратаевъ, уѣдемъ въ Миланъ. Ну, что-жъ, Миланъ, такъ Миланъ, можетъ, тамъ будетъ еще лучше.... Да и такъ-ли я восторгаюсь красотой Венеціи? Можетъ, дворецъ въ Сарскомъ Селѣ не хуже, чѣмъ эта игрушка?..»

Онъ посмотрѣлъ на Дворецъ Дожей и задумался: повѣрялъ себя, вполне изучилъ-ли Венецію. Это Прокураціи, *Libreria*, это *Torre del Orologio* (онъ всѣ названія зналъ по итальянски). Тамъ дальше *Riva degli Schiavoni*... *Rialto*... Все знаю... Когда бы Иванчукъ пріѣхалъ — вотъ бы ему показывать? Ну ка, главные дворцы? Всѣхъ не упомнишь... *Cà Doro*, *Contarini*, *Loredan*, *Labia*... Какая еще поговорка о родѣ *Labia*? Да: *che i gabia o non e gabia, i xe sempre Labia*^(*)). Будетъ что рассказывать въ Петербургѣ.... Ну, а по той сторонѣ Дворца какой каналъ? *Canal orfano*, каналъ сиротъ, —

^(*) Богаты они или не богаты, они *Лабіа*.

по немъ бояться ѣхать гондольеры, потому что надѣ нимъ Мостъ Вздоховъ, а сбоку тюрьма»...

Онъ радостно вспомнилъ, что они еще не видѣли страшныхъ тюремъ Palazzo Dusele, которыя открылись послѣ революціи и теперь за деньги показывались туристамъ. О нихъ ходили ужасные рассказы; всѣ иностранцы съ особымъ удовольствіемъ произносили ихъ итальянскія названія: Pozzi и Piombi. Штааль какъ-то предлагалъ Баратаеву посмотрѣть тюрьмы (почему-то ему казалось, что онѣ, въ отличіе отъ картинъ, могутъ занять вниманіе старика). Баратаевъ нехотя отвѣтилъ, что все это лицемѣріе: въ другихъ странахъ ямы заключенныхъ ненамного лучше, а у насъ въ Россіи, быть можетъ, и хуже, — только никто о нихъ не говорить.

Настенька охотно согласилась пойти осмотрѣть тюрьмы: она тоже смутно чувствовала потребность заполнить вечеръ, такъ, чтобы другъ ея съ ней не соскучился.

Черезъ Porta della Carla они вошли во дворъ Дворца Дожей, гдѣ теперь постоянно толпился народъ (браня прогнанныхъ тирановъ за роскошный образъ жизни и вмѣстѣ восторженно удивляясь имъ). Штааль увѣренно называлъ достопримѣчательности.

— Это, Настенька, помните? Scala dei Giganti... Вотъ это Сансовиновъ Нептунъ, богъ морей, а это Марсъ...

— Какіе большіе! — сказала Настенька и пожалѣла, что сказала: замѣчаніе было недостаточно тонкое, — Штааль поморщился.

Они быстро прошли лю заматъ, наскоро полюбовались глобусами въ Sala del Gran Consiglio и черной дощечкой на мѣстѣ портрета Марино Фальеро. Настенькѣ очень нравилось, что злого короля оставили безъ портрета; она впрочемъ только смутно догадывалась, кто былъ Марино Фальеро, и не

спрашивала Штааля, чтобы его не сконфузить, если и онъ не знаетъ.

Въ одной изъ залъ Штааль нашелъ сторожа, говорившаго по французски, и предложилъ показать имъ тюрьмы. Сторожъ, огромный человекъ звѣрскаго вида, фамильярно взялъ его за пуговицу и, наклонившись къ самому его лицу, объяснилъ значительнымъ тономъ, что онъ какъ разъ при тиранахъ и былъ приставленъ къ Pozzi, — но онѣ показываются только по утрамъ. Отъ него сильно пахло виномъ, — видъ у него былъ праздничный. Штааль недовольно высвободилъ пуговицу (это шовидимому обидѣло сторожа) и предложилъ двойную плату. Сторожъ сбѣгалъ за фонаремъ, засвѣтилъ свѣчу и повелъ ихъ въ Pozzi. Какая-то тяжелая дверь открылась. Какъ изъ погреба, пахло сыростью; сразу стало прохладно и темно. Они очутились на узкой лѣстницѣ. Сторожъ остановился, поправилъ свѣчу въ фонарь и медленно пошелъ внизъ, звеня ключами. За нимъ, ступая бокомъ и держась за руку, слѣдовали Штааль и Настенька. Спускались они довольно долго и сердце у нихъ стало стучать, точно имъ грозила опасность. Особенно неприятны были тяжелыя двери, съ шумомъ захлопывавшіяся за ними по дорогѣ.

— А что, если онъ шмыгъ назадъ, а насъ тутъ оставить? — прошептала Настенька. — Умрешь, никто не същещетъ...

— Полноте, Настенька, сущій вздоръ! — строго сказалъ Штааль и сжалъ ея руку. Она тотчасъ успокоилась, но ему ея замѣчаніе было неприятно. Онъ посмотрѣлъ на спину сторожа, на огонекъ впереди его, пожалъ плечами и пошелъ дальше. Вдругъ Настенька вскрикнула не своимъ голосомъ: что-то со страшной быстротой пронеслось мимо ихъ ногъ. Сторожъ засмѣялся, какъ-то странно цыкнулъ, сдѣлалъ еще два шага внизъ и высоко поднялъ фонарь.

Штааль споткнулся, сходя на ровное мѣсто. Они были въ узкомъ корридорѣ, въ которомъ тусклый свѣтъ фонаря произвелъ смятеніе: по земляному полу стаями носились огромныя крысы. Настенька онѣмѣла, да и Штааль почувствовалъ ужасъ: онъ смертельно боялся крысъ, ихъ отвратительной торопливости. Сторожъ загремѣлъ ключами, сталъ на колѣни (Настенька вздрогнула) и придвинулъ фонарь къ одной изъ стѣнъ корридора. Они увидѣли дыру сдѣланную въ низкой желѣзной двери.

— Черезъ эту дверь подавали пищу и выносили, — пояснилъ съ удовольствіемъ веселый сторожъ. — Вотъ что бы тогда сказала синьора! Крысы бросались вырывать хлѣбъ изъ рукъ...

Онъ ввелъ ключъ въ замокъ, открылъ дверь, вышиной много ниже человѣческаго роста, и знакомъ предложилъ посѣтителемъ пролѣзть. Настенька замахала руками отрицательно. Штааль нагнулся и заглянулъ въ камеру. Тамъ было темно, но не такъ темно, какъ въ корридорѣ. Сторожъ проползъ въ дверь съ фонаремъ и освѣтилъ крошечную каменную кѣтку, въ которой встать онъ никакъ не могъ бы. Къ одной изъ стѣнъ была придѣлана полка, прикрытая тюфякомъ. Больше ничего въ камерѣ не было. Противъ входа, черезъ небольшую дыру въ стѣнѣ просачивался слабый свѣтъ.

— Canal Orfano, — сказалъ сторожъ, показывая на дыру рукою.

Настенька, ахая, согнулась и прошла въ камеру: тамъ было свѣтлѣе и крысъ не было слышно. Штааль тоже пролѣзъ въ дыру, выпрямился за ней, больно стукнулся головой о потолокъ, выругался и съ удивленіемъ почувствовалъ, что ноги его увязаютъ.

— Отчего здѣсь мокрая земля? — спросилъ онъ, стараясь говорить спокойно.

Сторожъ, стоя по прежнему на колѣняхъ, пояснилъ, что, когда вода поднимается въ лагунѣ, она

черезъ дыру входить въ камеру — вотъ до сихъ поръ: онъ двинулъ рукой выше уровня полки. Съ водой-то и врываються крысы: вѣдь это морскія крысы.

— Куда же дѣвались узники, когда вода поднималась въ лагунѣ? — невольно вскрикнулъ Штааль.

Сторожъ охотно отвѣтилъ. Большая часть узниковъ стояла на четверенькахъ на полкѣ. Но нѣкоторые не обращали вниманія, — привыкали. Онъ далъ поясненія относительно заключенныхъ, причемъ и о нихъ, и о крысахъ говорилъ совершенно одинаково; рассказывалъ такъ, какъ еслибы тюрьма, въ которой онъ состоялъ сторожемъ, была главной гордостью Венеціи. Повидимому, онъ одинаково сочувствовалъ и заключеннымъ, и тѣмъ кто ихъ держалъ въ тюрьмѣ. Долго-ли здѣсь оставались заключенные? Обыкновенно всю жизнь. Большинство скоро умирало, но были такіе, что жили въ камерахъ тридцать, даже сорокъ лѣтъ. Послѣ революціи ихъ всѣхъ выпустили на свободу, — радостно сообщилъ онъ, — такъ одинъ старикъ, просидѣвшій очень долго, не хотѣлъ уходить. — «Не понималъ», — пояснилъ весело сторожъ. — «И вотъ, представьте, на свободѣ черезъ три дня умеръ... Синьору интересно будетъ взглянуть на надпись?»

Онъ приблизилъ фонарь къ стѣнѣ. Тамъ были выцарапаны каракули. — „Di... chi...“ — сталъ разбирать Штааль. Сторожъ ему помогъ:

Di chi mi fido guardami Dio,
Di chi non mi fido mi guardaro io.

«Пусть Богъ спасетъ отъ тѣхъ, кому вѣришь, — отъ тѣхъ, кому не вѣришь, спасешься и самъ», — скоро и гладко перевелъ онъ, — видно въ сотый разъ переводилъ эти строки. Штааль по требованію Настеньки взволнованно объяснилъ ей страшную надпись, говорившую о неизвѣстномъ предательствѣ.

— Ахъ, какой несчастный! — вздохнула она. — Неужто здѣсь такъ и померъ?

Ея слова опять укололи Штааля. Передъ этой безпредѣльностью страданья нельзя было такъ говорить.

— Довольно, пойдемъ! — вскрикнулъ онъ со злобой. Сторожъ съ удивленіемъ оглянулся.

Они вышли въ корридоръ, по которому опять понеслась встревоженная стая, и съ облегченіемъ стали подниматься. Но ступенекъ черезъ двадцать ихъ проводникъ опять остановился и открылъ боковую дверь, которой они прежде не видѣли. Блеснулъ блѣдный свѣтъ кончавшагося дня. Въ небольшой каменной комнатѣ, выходившей на каналъ, въ стѣну была ввинчена желѣзная машина, что-то вродѣ толстой подковы, концы которой, стянутые ремнемъ, соединялись съ осью рычага. Сторожъ произнесъ съ удовольствіемъ непонятное итальянское слово и видимо не могъ его перевести. Отдавъ Штаалю фонарь, онъ принялся вертѣть ручку рычага. Концы подковы стали сжиматься. Сторожъ засмѣялся и провель рукой по шеѣ.

— Душили этимъ, — догадалась Настенька. — Ну, да, душили. Ахъ, звѣри!..

— Вѣрно, онъ-то самъ ихъ и душилъ... Какъ ловко вертеть! — проговорилъ Штааль и, вытянувъ руки съ фонаремъ (со свѣчи капало сало), быстро вышелъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ, увлекая за собой Настеньку.

Дверь открылась и захлопнулась, зазвенѣли ключи. Блеснуло золото, живопись, бархатъ. Стало тепло. Въ комнатѣ инквизиторовъ было уже полутемно. Въ изнеможеніи Штааль опустился на диванъ: сердце у него сильно билось отъ того, что они видѣли, и отъ быстрого подъема по лѣстницѣ. «Сорокъ лѣтъ... сорокъ лѣтъ въ темной дырѣ съ крысами... На полкѣ на четверенькахъ.... Нѣтъ, нѣтъ предѣла человѣческому терпѣнію... Такъ да бу-

детъ же благословлена революція, да будутъ благословлены Робеспьеры и Мараты, если они этому кладутъ конецъ!...» — думалъ онъ — и вдругъ вспомнилъ, какъ звалъ Суворова въ день казни жирондистовъ...

Настенька видѣла, что онъ былъ изволнованъ, и это ее трогало. Ей хотѣлось его утѣшить и похвалить за доброе сердце. Въ комнатѣ инквизиціоннаго совѣта было мало народа. Англійская семья — мужъ, жена и подростокъ сынъ — обмѣнивалась вполголоса впечатлѣніями. Высокій человѣкъ, стоявшій поодаль, спиной къ дивану, смотрѣлъ на орудія пытки, которыя, для устрашенія допрашиваемыхъ, изобразилъ здѣсь мрачной кистью Тинторетто. Настенька наклонилась къ Штаалу и быстро, съ наслажденіемъ, поцѣловала его въ ухо. Онъ посмотрѣлъ на нее влюбленнымъ взглядомъ, благодарный за то, что она оцѣнила его чувствительность. Они нѣжно обнялись. На диванахъ Дворца собственно сидѣть не полагалось. Но сторожъ, который получилъ отъ Штаала больше, чѣмъ рассчитывалъ, не вмѣшивался — со снисходительностью южныхъ людей къ влюбленнымъ. Англичане старались не замѣчать парочку, — только подростокъ смотрѣлъ на нее внимательными блестящими неподвижными глазами, какъ собака смотритъ на обѣдающихъ людей... Высокій человѣкъ отвернулся отъ стѣны. Настенька подавила восклицаніе ужаса и стиснула руку Штаала. Этотъ человѣкъ былъ Баратаевъ. Онъ, казалось, не замѣтилъ ихъ и медленно направился къ выходу.

XI

«Тогда молодой человѣкъ началъ говорить — не языкомъ романовъ, но языкомъ истинной чувствительности: «Наталя, прекрасная Наталя! Любишь ли ты меня? Твой отвѣтъ рѣшить судьбу мою:

я могу быть счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ, или шумящая Москва-рѣка будетъ гробомъ моимъ». — Ты милъ сердцу моему, прошептала Наталья нѣжнымъ голосомъ, положивъ руку на плечо его. Дай, Богъ, примолвила она, поднявъ глаза на небо, и обративъ ихъ снова на восхищеннаго незнакомца, — дай Богъ, чтобы я была столь же мила тебѣ!»

У Штааля выступили слезы: такъ нравилось ему это мѣсто повѣсти.

— Настенька, какой прекрасный сочинитель господинъ Карамзинъ! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Каждое поколѣніе любить по какому-нибудь писателю. Штааль любилъ по Карамзину.

Не получивъ отвѣта, онъ оглянулся на Настеньку и увидѣлъ, что она спала на боку, прикрывъ глаза платочкомъ отъ солнца близкаго къ закату. Настенька уснула подъ его чтеніе.

Въ Миланѣ они переѣхали изъ Венеціи уже довольно давно. Какъ всегда безъ объясненій, Баратаевъ, вечеромъ послѣ возвращенія изъ Дворца Дожей, сообщилъ имъ, что они покидаютъ Венецію на слѣдующій день. Образъ жизни ихъ почти не измѣнился на новомъ мѣстѣ. Баратаевъ работалъ въ библіотекѣ, а они развлекались какъ могли. Часто совершали вмѣстѣ большія прогулки за городъ. Въ этотъ день они гуляли очень долго, Миланъ былъ въ пяти верстахъ. Уже за обѣдомъ въ трактирѣ Настенька чувствовала себя усталой и даже замѣтила, — не напрасно ли они выпили цѣлую бутылку пахучаго Вино него, которое подавалось въ такихъ милыхъ, уютныхъ лѣтнихъ корзинкахъ (это вино зимою, безъ солнца, казалось, и пить было бы невозможно).

Штааль положилъ книгу, радостно полюбовался спящей Настенькой и самъ съ наслажденіемъ откинулся на траву, расправивъ кафтанъ такъ, чтобы его

не смять. Правда, Настенька говорила, что на настоящемъ мужчинѣ костюмъ долженъ быть немного ломятъ, но Штааль не раздѣлялъ ея мнѣнія; онъ всегда чувствовалъ себя гораздо лучше и самоувѣреннѣе, когда былъ безукоризненно одѣтъ, — не зная, что почти такое же пріятное чувство даютъ нищему лохмотья (только платье средняго качества непріятно). — «Не позеленѣлъ бы кафтанъ отъ сырой травы? Глупо будетъ гулять съ зеленымъ пятномъ сзади»... Штаалю вообще не нравился его штатскій костюмъ; онъ успѣлъ привыкнуть къ военному мундиру. Особенно досадно было отсутствіе оружія. Въ тракторіи, гдѣ они обѣдали, за сосѣднимъ столомъ расположилось много французскихъ солдатъ... Они могли задѣть, оскорбить Настеньку, — что бы онъ сталъ дѣлать безоружный? И хотя французскіе солдаты вели себя, грѣхъ сказать, очень прилично, уважая, согласно своимъ обычаямъ, права кавалера, съ которымъ находилась дама, Штааль все таки торопился кончить обѣдъ и тотчасъ послѣ десерта увелъ Настеньку въ садикъ надъ большой Миланской дорогой. Тракторія была шагахъ въ тридцати и окна ея выходили на другую сторону. Оттуда доносились голоса и взрывы веселаго смѣха.

Штааль легъ на грудь, повернувъ голову такъ, чтобы видѣть Настеньку. Глаза ея были закрыты платкомъ, ротъ, чуть открытый, слегка улыбался. Подумалъ, что, быть можетъ, Настенька притворяется спящей: развѣ люди могутъ спать улыбаясь? Она привыкла къ театру, значить вдвойнѣ притворица: какъ женщина и какъ актриса. Это замѣчаніе показалось ему тонкимъ и, какъ всегда, онъ почувствовалъ удовольствіе отъ сознанія своего ума. Но, взглянувъ ближе, Штааль замѣтилъ, что Настенька дѣйствительно спитъ. Самая лучшая актриса не сумѣла бы такъ вѣрно изобразить ровное дыханье сна... А вотъ муравей, обогнувъ быстро сырой про-

свѣтъ, переползъ съ травы къ ней на шею: еслибъ Настенька не спала, она непременно вскрикнула бы и затѣмъ, сбросивъ муравья, еще долго бы ахала и ужасалась, — значить спить. Наблюденіе это было тоже очень проникательно и опять засвидѣтельство-вало Штаалу тонкость его ума. Одну минуту онъ взвѣшиваль: не лечь ли ему удобнѣе и не поспать ли самому полчасика, если все равно Настенька спить; съ удовольствіемъ чувствовалъ, что можетъ заснуть въ любую минуту, — стоитъ только повернуться не-много на бокъ и прикрыть отъ солнца глаза. Штааль чрезвычайно любилъ спать. Но и такъ лежать было очень хорошо. «Вѣдь не всегда я буду вдвоемъ съ Настенькой, далеко отъ Баратаева, далеко отъ всего знакомаго міра, и на такомъ прекрасномъ ландшафтѣ природы? Вдругъ эта минута больше не повторится?» Что-то на мгновенье его кольнуло, потомъ прошло. Штааль лѣниво повелъ глазами, не кругомъ — нельзя было, потому что лежалъ онъ на груди, — а столько, сколько позволяла шея: увидѣлъ обвитую плющемъ стѣну траттории, лицо и шею Настеньки, зеленые и желтые, неравные непараллельныя былинки сырой пахучей травы, сырые просвѣты земли между ними, серебряную бумажку («она какъ сюда попала?»), двухъ муравьевъ и книгу, которая лежала на травѣ корешкомъ вверхъ, такъ что часть страницъ неровно загнулась («не поправить-ли? нѣтъ, Богъ съ ней, лѣнь протягивать руку»). И вдругъ опять его укололо то самое. Онъ еще полежалъ съ минуту, безозанательно стараясь ускользнуть отъ этого, затѣмъ принужденъ былъ дать волю сознанию: конечно нехорошее — то, что все это уже когда-то было. — Это всѣмъ извѣстное ощущеніе, знакомое Штаалу и по опыту, и по книгамъ, было ему очень не-пріятно.

«Когда же, гдѣ и что было? И почему непріятно, (нѣтъ, хуже, чѣмъ непріятно), если даже было?» — тревожно спросилъ онъ себя.

«Да, было. Все было. И Настенька, и книга... Только гдѣ и когда?»

Онъ подумаль, что Настенька была не Настенька, а кенигсбергская нѣмочка Гертруда («гдѣ она теперь?»), и читали они не «Наталью, боярскую дочь», а «Страданья молодого Вертера», и не онъ читаль, а она... Она читала по нѣмецки, онъ плохо понималь... И весна тогда была, а не лѣто, и вообще тогда было совсѣмъ другое... Но, кажется, задолго до того было что-то гораздо болѣе похожее на это, но гдѣ, когда, — и съ нимъ ли или съ другимъ — онъ рѣшительно не могъ вспомнить: не только не могъ вспомнить, но не могъ и вспоминать: на этомъ трудно, невозможно было сосредоточиться, — мысль тутъ точно обрывалась передъ краемъ, будто не ея это было дѣло. «А можетъ быть, не было, а будетъ?.. Что за вздор!» Штааль вдругъ почувствовалъ тревогу. Ему захотѣлось разбудить Настеньку.

— Настенька, — нерѣшительно сказалъ онъ негромкимъ голосомъ, предоставляя Провидѣнію рѣшить, проснуться ли ей или нѣтъ. Настенька не проснулась. Но звукъ собственнаго голоса тотчасъ успокоилъ Штааля. Онъ пожалъ плечами, взялъ книгу и, чуть поднявъ повернутую голову на правомъ локтѣ, сталъ читать на томъ мѣстѣ, гдѣ открылось. Лѣвая страница была много дальше отъ его скошенныхъ глазъ, чѣмъ правая, но лежать на груди было очень удобно.

«Молодой супругъ возвратился къ своей любезной — помогъ ей раздѣться — сердца ихъ бились — взялъ ее за бѣлую руку... Но скромная Муза моя закрываетъ бѣлымъ платкомъ лицо свое — ни слова!... Священный занавѣсъ опускается, священный и не пронцаемый для глазъ любопытныхъ.

«А вы, счастливые супруги, блаженствуйте въ священныхъ восторгахъ подъ вліяніемъ звѣздъ небесныхъ, но будьте цѣломудренны въ самыхъ высочайшихъ наслажденіяхъ страсти своей! Невинная стыдливость да живетъ съ вами неразлучно — и нѣжные цвѣты удовольствія не завянутъ никогда на супружескомъ ложѣ вашемъ!

«Уже солнце взошло высоко на небѣ, и разсыпало на снѣгу миллионы блестящихъ діамантовъ; но въ спальнѣ нашихъ супруговъ все еще царствовало глубокое молчаніе».

... — сказалъ Штааль.

Ему стало очень стыдно: оставшись наединѣ съ женщиной, которую онъ любилъ, онъ сначала хотѣлъ уснуть, а потомъ занялся чтеніемъ!

А тутъ еще такая попалась страница... Штааль захлопнулъ книгу, поднялъ голову, лежа на груди, и приблизилъ лицо къ Настенькѣ.

«Наконецъ-то, эта женщина въ моей власти», — сказалъ онъ про себя, блѣднѣя, и зачѣмъ-то повторилъ вслухъ, правда негромко, эту фразу.

У него не было однако увѣренности въ томъ, что Настенька дѣйствительно теперь больше въ его власти, чѣмъ прежде. Онъ злымъ сосредоточеннымъ взглядомъ оглянулся по сторонамъ: никого не видно, но тракторія, въ которой шумѣли люди, расположена слишкомъ близко...

— Настенька, — опять негромко позвалъ Штааль, раздѣвая ее взглядомъ.

Прежде насчетъ веснушекъ Настеньки могли быть сомнѣнія. Но теперь, всматриваясь въ ея лицо на необычно близкомъ разстояніи, при яркомъ свѣтѣ лѣтняго итальянскаго дня, онъ видѣлъ ясно: «Да, конечно, на носу и подъ глазами еле замѣтныя веснушки. Но онѣ милыя. И вообще это ничего, ве-

снужки... онѣ сойдутъ зимою въ Петербургѣ. А то еще была въ «Англійскомъ магазинѣ» помада противъ веснушекъ.... Или это было въ «Нюренбергскихъ лавкахъ»? Нѣтъ, въ «Англійскомъ магазинѣ», у прикащика съ острой бородежкой, что слѣва отъ входа, красивая такая длинная баночка, стояла три рубля.... Отъ Houbigant.... Какъ они однако теперь выписываютъ изъ Парижа товары? Государь вѣдь запретилъ... Очень хороши зубы у Настеньки....» Штааль считалъ себя знатокомъ женской красоты, и часто, кривя душою, увѣрялъ товарищей, что больше всего цѣнить въ женщинѣ зубы и конечности. Зубы у Настеньки были точно хороши. Какъ будущій писатель (онѣ все возилъ съ собою дневникъ), Штааль задумался, — съ чѣмъ можно было бы ихъ сравнить и сразу нашелъ нѣсколько хорошихъ образовъ: снѣгъ, кораллы, слоновая кость, жемчугъ («впрочемъ вовсе онѣ не бѣлый, жемчугъ, и вообще совсѣмъ не похожъ на зубы»). На губахъ у Настеньки играла теперь улыбка, которая казалась Штаалю насмѣшливой и немного его раздражала («чѣмъ же я виноватъ?»). Вглядываясь внимательно, онѣ замѣтилъ у нея между зубами у десенъ слѣды итальянскаго сыра съ лукомъ, который въ тракторіи подавали вмѣсто десерта. И тотчасъ ему представился запахъ этого сыра (онѣ его не ѣлъ, хоть и хотѣлось: закончилъ обѣдъ рюмкой марсалы). Штаалю показалось, что онѣ почувствовать отвращеніе. «Неужели разлюбилъ?» — спросилъ онѣ себя — и неожиданно при этой мысли на него на мгновеніе нахлынула непонятная тише-славная и злая радость. Онѣ тотчасъ однако опомнился: «Да нѣтъ, быть не можетъ... Нѣтъ, конечно, я влюбленъ по прежнему, больше прежняго... За чѣмъ однако она такъ улыбается? Сердится?.. О чемъ она думаетъ?...»

Настенька не сердилась и ни о чемъ важномъ не

думала: она соображала, что собственно произошло, и почему, и какъ ей нужно поступить. Подумавъ, она разсудила, что всего благоразумнѣе молчать, чуть улыбаясь, — это всегда хорошо.

Штааль смущенно закрылъ глаза, желая обдумать нѣчто очень важное («для этого всегда надо вкрывать глаза»). Конечно, въ послѣдніе мѣсяцы любовь къ Настенькѣ составляла весь смыслъ его жизни. Однако, въ сущности, онъ совращаетъ женщину, близкую человѣку, отъ котораго онъ кромѣ добра ничего не видѣлъ... Штааль хотѣлъ чувствовать угрызенія совѣсти, но не чувствовалъ ихъ. Напротивъ, онъ видѣлъ ясно, что до Баратаева ему нѣтъ рѣшительно никакого дѣла. «Хуже было бы, еслибъ я сталъ себя увѣрять въ томъ, чего нѣтъ. Такъ я по крайней мѣрѣ правдивъ съ самимъ собою», — подумалъ онъ въ свое оправданіе. Этого оправданія ему однако показалось мало, и онъ тотчасъ безсознательнымъ усиліемъ сталъ искать другое. «Собственно, какія могутъ быть угрызенія совѣсти въ наши дни, въ пору всякихъ злодѣевъ! И потомъ, въ сущности, Баратаевъ не любитъ Настеньку. Онъ никого и ничего не любитъ, кромѣ своихъ мыслей. Настенька ему нужна въ полночь, какъ въ полдень ему нужны хлѣбъ и мясо. Развѣ любить хлѣбъ и мясо?...» При этой мысли у Штааля вспыхнула ненависть къ Баратаеву: «Подѣломъ ему, что онъ сталъ соси!.. Очень хорошее это слово соси... У молодого человѣка возникли было сомнѣнія, можно ли уже считать, что Баратаевъ дѣйствительно сталъ соси. Сомнѣнія эти онъ, слегка краснѣя, рѣшилъ въ положительномъ смыслѣ — и опять въ его душѣ поднялась радость. Онъ даже не понималъ, какъ могла ему явиться мысль, будто онъ разлюбилъ эту женщину. Только въ первую минуту ему могло такъ показаться.

Тутъ онъ замѣтилъ, что давно открылъ глаза, не смотря на важность вопросовъ, которые его занимали, и смотрѣлъ онъ не на Настеньку (какъ слѣдовало бы), а на небо. Небо было обыкновенное, — хотя и итальянское, но такое же какъ вездѣ... «И все это неправда, будто въ Италіи какое-то особенное небо и прозрачный воздухъ. Такой же воздухъ, какъ лѣтомъ въ Россіи... И въ ландшафтѣ природы тоже нѣтъ ничего особеннаго. Въ Шкловѣ, въ имѣніи Семена Гавриловича, натура будетъ, пожалуй, почище... О чемъ же я думалъ? Да, о Баратаевѣ, о моей винѣ передъ нимъ...». Теперь онъ почти ясно чувствовалъ, что отъ сознанія вины передъ Баратаевымъ волна радости въ немъ не только не слабѣла, а скорѣе какъ будто даже росла... Штааль ужаснулся своей безнравственности, но и ужасъ этотъ, онъ чувствовалъ, былъ не совсѣмъ настоящій. Онъ сталъ искать такую мысленную позицію, съ которой Баратаевъ былъ бы хуже его. Этой позиціи онъ не находилъ и только подобралъ съ горечью одно смягчающее обстоятельство: «Собственно насъ и сравнивать нельзя: Баратаевъ старикъ, а я вѣдь еще такъ молодъ», — подумалъ онъ, не замѣчая, что нашелъ здѣсь не смягчающее обстоятельство, а именно ту самую позицію, съ которой онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше пятидесятилѣтняго Баратаева.

«Да въ сущности, если разобраться какой Баратаевъ мнѣ благодѣтель?» — спросилъ себя Штааль. «Онъ взялъ меня съ собой въ чужія края — что-жъ съ того? я былъ въ нихъ и раньше. Онъ мнѣ платитъ жалованье, да развѣ я безъ него голодалъ? Правда, онъ платитъ щедро, но...» — Штааль подумалъ, какое могло быть здѣсь *но*, и внезапно ему въ первый разъ въ жизни пришло въ голову, что всѣ богатые люди — и богатые отъ рожденія, и только что разбогатѣвшіе, первые даже больше, чѣмъ

вторые, — немного презирають тѣхъ, кому платять деньги: и Баратаевъ, должно быть, его презираеть, — тщательно скрываетъ это, какъ человѣкъ хорошо воспитанный, а все-таки чуть-чуть презираеть въ одномъ изъ далекихъ чердаковъ души. Отъ непривычки отъ этой мысли (къ ней люди скоро привыкають) у Штааля кровь бросилась въ голову и зубы плотно сжались: «Онъ мнѣ платить деньги не даромъ, а за мой трудъ, — не быть бы я ему нуженъ, онъ не нанялъ бы... не пригласилъ бы меня», — рѣзко сказалъ онъ кому-то, кто его оскорблялъ. — Да, да, — отвѣчалъ тотъ, — за то и презираеть, что ты даешь трудъ, а онъ деньги». — «Но развѣ можно гордиться богатствомъ?» — «Отчего же нельзя, если можно гордиться умомъ, красотою, знатной породою? Богатство не такое ли счастье, какъ все другое, чѣмъ гордятся люди. Люди всегда гордятся счастьемъ — и только имъ. Чѣмъ же другимъ?» — «Какъ чѣмъ? Благородною душою и поведениемъ моральнымъ», — съ негодованіемъ сказалъ Штааль, забывая недавнія свои мысли и проникаясь духомъ сочинителя Карамзина. Но тотъ, другой молодой человѣкъ, который въ немъ былъ и шутило къ нему относился, побѣдоносно отвѣтилъ: «Люди, гордящіеся благородной душою, самые противные изъ гордецовъ. А ты лучше самъ стань Баратаевымъ, стань-ка вельможей». — «И стану, дай срокъ», — гнѣвно сказалъ вслухъ Штааль, вздрагивая отъ неожиданности и быстро поднимаясь: —

Со стороны тратторіи загремѣли барабаны. Настенька вскочила съ легкимъ крикомъ испуга. Штааль прикрылъ глаза отъ косыхъ лучей солнца. Передъ большою дорогою быстро строился взводъ французскихъ солдатъ. Люди взяли ружья на руку и повернули головы направо. Офицеръ, сверкнувъ шпагой, поспѣшнымъ радостнымъ взоромъ оглянулъ

ся на окаменѣвшій взводъ. По Миланской дорогѣ дымъ пылью кавалерійскій отрядъ неся карьеромъ къ тратторіи. Съ радостнымъ бьеніемъ сердца Штааль узналъ пышную красивую форму польскихъ тѣлохранителей главнокомандующаго. Впереди на кровномъ конѣ скакалъ, приложивъ руку къ треуголкѣ, генераль въ синемъ мундирѣ. На худомъ каменномъ лицѣ страшные глаза смотрѣли впередъ будто ничего по сторонамъ не замѣчая. Тяжелые люди пронеслись вдаль, не замедливъ хода, и какъ зачарованный Штааль смотрѣлъ вслѣдъ генералу Бонапарту.

XII.

Не получивъ отвѣта на стукъ, Штааль попробовалъ дверь и неслышно вошелъ въ комнату. Баратаева не было.

«Ну да, книжный червь уже въ библіотекѣ», — подумалъ съ насмѣшкой Штааль. Съ тѣхъ поръ, какъ его отношенія съ Настенькой превратились въ настоящую связь, онъ относился къ Баратаеву совершенно иронически. Старикъ по прежнему ничего не замѣчалъ.

Штааль зѣвнулъ (наканунѣ заснулъ очень поздно) и ужъ хотѣлъ было идти разыскивать Настеньку, какъ вдругъ замѣтилъ на столѣ большую тетрадь въ черномъ атласномъ переплетѣ. Любопытство охватило его. «Чѣмъ же наконецъ занять старый сумасбродъ?» — спросилъ онъ себя и сталъ нерѣшительно соображать: «Баратаевъ ушелъ въ библіотеку, значитъ, вернется только ввечеру... Не почитать ли?... Собственно, неблагогородно... Ну, вотъ вздоръ!... Я его тайнъ никому не выдамъ. Да и какіе у него могутъ быть отъ меня секреты? У насъ вѣдь теперь все общее».

Онъ выглянулъ въ дверь. Въ длинномъ корридорѣ гостиницы ничего не было слышно. Штааль оставилъ дверь полуоткрытой, чтобы узнатъ во время, если кто направится въ комнату, затѣмъ сѣлъ, раскрылъ лежавшую на столѣ газету («въ слѣчаѣ чего скажу, что зашелъ ее посмотрѣть») и нерѣшительно протянулъ руку къ тетради, замѣтивъ предварительно ея положеніе на столѣ («вдругъ онъ помнитъ, какъ у него все лежитъ,—отъ него станется»)...

Сердце у Штааля немного билось.

Толстая тетрадь была вся почти исписана. На первой страницѣ былъ эпиграфъ:

Bene vixit bene qui latuit).*

За нимъ слѣдовала огромная цифра 2, и подъ ней подпись: *Deux — nombre fatidique.*

Штаалья удивилъ мелкій, прямой почеркъ, съ утолщеніями не по вертикальной, а по горизонтальной линіи: старикъ, когда писалъ, держалъ перо между указательнымъ и среднимъ пальцами. Буквы ясныя и мелкія прыгали, слова кончались рѣзкими взлетами. Штааль подумалъ, что почеркъ этотъ двойственный, какъ и весь обликъ старика. Въ нервномъ и безпокойномъ Баратаевѣ былъ богатый баринъ, съ той завидной увѣренностью, которую даетъ знатность и богатство. Остановила вниманіе Штааля также орфографія: такъ въ ту пору уже только немногіе писали по французски. Онъ принялся читать наудачу. Первые страницы какъ будто составляли введеніе и были подѣлены на отрывки, съ заглавіями, большей частью латинскими.

Et quasi aquae dilabimur in terram, quae non revertuntur.

Elle était pourtant belle, la vie, tant que restoit entier l'espoir, la plus grande joie qu'icy-bas nous est donnée.

*) Тотъ хорошо жилъ, кто хорошо скрывалъ.

Je ne suis pas ingrat: j'en oublie rien. Fleur desséchée, retrouvée dans un vieux livre en poussière, le foible vestige de ton parfum évaporé m'est une nouvelle et atroce douleur!

Une aventure incompréhensible, odieuse, m'est arrivée: la vieillesse. Le ver du sépulcre me guette et le temps n'est pas révolu. L'existence des autres que, vivant, je supportais à peine, va continuer sans moi. Tout recommence. Deux choses m'inspirent un dégoût insurmontable: le cadavre en décomposition et la femme enceinte.

Слово *cadavre* было подчеркнуто два раза. На поляхъ было приписано:

«Il est tout. Il est partout. La sociabilité interdit d'en parler. L'habitude empêche d'y penser. Une conspiration du silence s'est faite contre les cendres de notre tombeau.

«Это трупъ вездѣ?» — подумалъ Штааль съ усмѣшкой. — Веселенькій человѣчекъ... Гробокопатель какой-то! Да я, напримѣръ, ни одного трупа средѹ не видѣлъ... Нѣтъ, видѣлъ: Робеспьеръ... Еще государыня... А все же это вздоръ... Какъ есть гробокопатель, дуракъ этакой!...»

Et mon âme immortelle? Dérision! Que veulent-ils donc immortaliser, ces pédérastes hellènes, ces cuistres allemands? Il n'est pas d'abomination dont je me sente incapable. Il n'est pas de vice dont je ne retrouve en moi le germe. La différence est infime entre le marquis de Sade et le plus respectable des humains: différence de courage peut-être, une autre nuance

de l'irrationnel tout au plus. C'est donc cela, noble Socrate, que vous voules diviniser? C'est icy, brave Kant, que vous avez découvert l'admirable loy morale? Car mon âme vaut bien les vôtres.

Надъ слѣдующимъ отрывкомъ была надпись:

Et videbunt omnem turpitudinem tuam.

Но далѣе Штааль ничего не могъ разобрать: весь отрывокъ показался ему зашифрованнымъ. Только въ самомъ концѣ, за непонятными словами, было написано:

«И никто же о нихъ погибѣ, токмо сынъ погибельный». C'est la parole la plus ambiguë de l'Evangile.

Штааль въ недоумѣніи перевернулъ нѣсколько страницъ и прочелъ:

Eripitur persona, manet res.

La pierre de la sagesse est purifiée par le feu philosophique dont l'image est le Phénix renaissant de ses cendres. Tout se répète. Il y a là un mystère, que nul n'a su déchiffrer. Deux est le nombre fatidique.

La connoissance intégrale est l'idéal que je dois atteindre. Il me trompera peut-être luy aussy. Mais c'est pour la dernière fois, alors, que je serai dupe de l'existence. La haute sagesse, si elle est mensongère, sera au moins mon ultime mensonge.

На этой фразѣ повидимому заканчивалось вступленіе. Далѣе на бѣлой страницѣ были выведены большими буквами два слова, составлявшіе заглавіе труда:

КАМЕНЬ ВѢРЫ.

Штаалю надоѣло читать, онъ ничего не понималъ. Равнодушно закрывъ тетрадь, онъ положилъ ее на мѣсто и, убѣдившись, что все на столѣ оставлено въ прежнемъ видѣ, вышелъ изъ комнаты Баратаева.

XIII.

...Онъ говорилъ по французски, такъ холодно и равнодушно, какъ Штааль не могъ бы говорить на сценѣ, когда-бъ игралъ холоднаго и равнодушнаго человѣка. Баратаевъ не объяснялъ причинъ отказа и не придумывалъ для него предлога. Это было оскорбительнѣе всего: еслибъ онъ сослался на что-либо непредвидѣнное, еслибъ указалъ хоть самый глупый, неправдоподобный предлогъ, было-бы гораздо легче снести оскорбленіе. Но онъ просто, безъ долгихъ словъ, предложилъ Штаалю вернуться въ Россію, — предложилъ, ни разу не повысивъ голоса: только на мгновеніе слетѣло съ него выраженіе равнодушія и лицо его вдругъ стало грубымъ и злымъ...

Долгія недѣли Штааль съ мученьемъ возвращался мысленно къ этой сценѣ и все не могъ придумать, какъ ему слѣдовало себя вести, чтобы выйти съ достоинствомъ изъ положенія, въ которое поставилъ его Баратаевъ. Глупѣе очевидно нельзя было поступить, чѣмъ поступилъ онъ, безмолвно и растерянно глядя на оскорбителя. Но что на его мѣстѣ сдѣлалъ бы самый умный и находчивый человѣкъ на свѣтѣ, — этого Штааль такъ не могъ рѣшить и впоследствии. Всякая просьба объяснить сдѣлала бы еще унижительное положеніе, и безъ того достаточно унижительное.

«Онъ подумалъ-бы, что я прошу прощенія, молю сохранить за мной должность, жалованье... Надо было вызвать его на дуэль... Но онъ не далъ бы мнѣ

сатисфакціи... Онъ сказалъ бы, что не въ обычаѣ нашемъ драться на поединкѣ со служащимъ, съ увольняемымъ секретаремъ... И это правда... Я долженъ былъ ударить его. Правда, онъ почти старикъ... Но я не поэтому его не ударилъ... И что же я сталъ бы дѣлать дальше? Ударить — и потомъ взять деньги. А у меня въ карманѣ три цехипа. Будь я богатъ, я увезъ бы Настеньку... Будь я богатъ, я не былъ бы секретаремъ, слугою у этого подлеца... Но безъ денегъ мы черезъ три дня очутились бы въ долговой тюрьмѣ... Въ Россію не на что было бы вернуться. Письма о помощи писать — кому? Никого и ничего у меня нѣтъ... О, проклятыя деньги!» — думалъ онъ, вспоминая подробности несчастнаго утра.

Штааль сразу почувствовалъ недоброе, когда слуга, разбудивъ его въ девять часовъ, съ таинственнымъ видомъ сообщить, что синьорина уѣхала куда-то съ зарею... Правда, отъѣздъ ихъ въ Неаполь давно считался рѣшеннымъ. «Но почему такая неожиданная спѣшка? Почему не выѣхали всѣ вмѣстѣ? Почему именно Настеньку послали впередъ? Почему она съ нимъ не простилась, а его даже не разбудили?...»

Взволнованный, онъ поспѣшно одѣлся и ужъ хотѣлъ было идти разыскивать Баратаева (еще надѣялся, что ничего не случилось), какъ въ дверь постучали: лукаво на него глядя, хозяйка передала, что синьоръ требуетъ его къ себѣ. У подъѣзда стоялъ готовый экипажъ. Баратаевъ, въ дорожномъ костюмѣ, съ тростью въ рукѣ, только минуту разговаривалъ съ Штаалемъ. Затѣмъ положилъ на столъ звякнувшій холщевой мѣшечекъ и, поклонившись (но не подавъ руки), вышелъ. Звуки колесъ коляски уже замолкли вдали — а Штааль все еще стоялъ неподвижно, не приходя въ себя отъ удара, который свалился на него такъ неожиданно.

Лакей сталъ съ сочувствующимъ видомъ убирать комнату, оставленную Баратаевымъ. Вошелъ хозяинъ и учтиво спросилъ, желаетъ ли молодой синьоръ (прежде онъ его называлъ просто синьоръ) оставить за собой также и этотъ номеръ или только свой прежній.

— Я... я еще не рѣшилъ, — сказалъ Штааль вспыхнувъ.

Онъ поспѣшно сунулъ мѣшекъ въ карманъ, съ рѣшительнымъ видомъ спустился во дворъ и, спустившись, вспомнилъ, что идти ему некуда. Хозяйка и горничная разговаривали, весело смѣясь, и, увидѣвъ его, сразу перестали смѣяться. Въ любовной ссорѣ старика и молодого человѣка симпатіи итальянцевъ должны были-бы оказаться на сторонѣ Штааля; но то, что старикъ поступилъ такъ хитро и поставилъ молодого въ глупое положеніе, — очевидно мѣняло дѣло.

Штааль быстро вернулся къ хозяину.

— Скажите, когда я могъ бы отправиться отсюда въ Неаполь?

Хозяинъ подумалъ и отвѣтилъ тихо, сочувственнымъ тономъ:

— Вамъ нужно было бы получить подорожную и пропускъ отъ французовъ... Это теперь очень трудно. Старый синьоръ потратилъ много денегъ, а все-таки ждалъ двѣ недѣли...

— Какъ двѣ недѣли? — воскликнулъ Штааль.

— Синьоръ получилъ бумаги только вчера.

— Вчера?.. Отчего-же вы... Но развѣ нельзя безъ подорожной и пропуска?

Хозяинъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Васъ задержать на первой заставѣ.

Штааль, едва удерживаясь отъ слезъ, вышелъ изъ гостиницы. Онъ дошелъ до конца улицы, свернулъ на другую и безсильно опустился на какую-то скамейку.

«Ну, да, этотъ негодяй ждалъ паспорта и притворялся, будто ничего не замѣчаетъ... Онъ видѣлъ насъ тогда во Дворцѣ Дожей... Быть можетъ, и адѣсь въ Миланѣ... Мы стали слишкомъ смѣлы... Кто могъ думать?»...

— Gelate... gazoze, — сказалъ проходившій разносчикъ.

«Венеція... Площадь святого Марка... Все было такъ хорошо... Мы были счастливы... Но какъ-же Настенька, какъ она согласилась меня бросить? Такъ, легко, безъ сопротивленья... Здѣсь не Россія, онъ не могъ бы ее заставить уѣхать насильно... Такъ вотъ чего стоила ея любовь, ея клятвы!» — думалъ онъ (хоть Настенька не имѣла привычки клясться въ любви). — «Боже, что мнѣ дѣлать? Гнаться за ними, убить его какъ собаку?»...

Но онъ уже ясно чувствовалъ, что не погонится, не убьетъ и ничего не сдѣлаетъ страшнаго.

«Гнаться? «Васъ задержать на первой заставѣ»... Ну да, въ военное время... А гдѣ они будутъ черезъ двѣ недѣли? И на его деньги гнаться!.. Боже, какое положеніе!..»

Онъ посидѣлъ еще съ четверть часа на скамейкѣ, вернулся въ свой номеръ, стараясь пройти незамѣченнымъ, и легъ на неубранную постель, даже не сдвинувъ подушки, оказавшейся посрединѣ кровати. Такъ онъ пролежалъ часа два, — какъ онъ думалъ, худшіе два часа его жизни. Сначала онъ думалъ о Настенькѣ, — еще наканунѣ ему казалось, что въ сущности онъ ее любитъ гораздо меньше чѣмъ прежде. Теперь при мысли о Настенькѣ онъ испытывалъ злобную тоску. Часа черезъ два онъ вовсе пересталъ о ней думать: злоба взяла верхъ надъ любовью и распространилась на Настеньку.

Штааль всталъ послѣ полудня, почувствовавъ голодъ и машинально сталъ сбивать пухъ съ кафтана. Что-то съ тяжелымъ звономъ упало на полъ.

Онъ поднялъ холщевой мѣшечекъ и высыпалъ золото на столикъ. Денегъ было не очень много — приблизительно столько, сколько требовалось для возвращенія въ Россію. Все было очевидно предусмотрено, чтобы связать его по рукамъ и ногамъ.

«Ахъ, какой подлецъ!» — сказалъ Штааль вслухъ и стиснулъ зубы отъ бѣшенства, вспоминая грубое жестокое выраженіе, которое на минуту приняло при ихъ разговорѣ лицо Баратаева. «Да, вотъ его истинная натура. Все остальное — маска учтивости, привычная комедія... Ахъ, какой подлецъ... И я все стерпѣлъ тише агнца!... Да неужто все кончено? Да, все кончилось такъ просто, безъ шума, безъ сатисфакціи, безъ крови — кончилось одной властью денегъ, вотъ этихъ золотыхъ монетъ»...

Золотыя монеты были венеціанскіе цехины. На одной сторонѣ ихъ былъ изображенъ дожь Людовикъ Манинъ, на другой — Христосъ съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ. Штааль машинально прочелъ надпись: *Sit tibi, Christe, datus, quia tu regis, iste ducatus*. Бѣшенство его охватывало все больше, уже не только противъ Баратаева, а противъ нихъ всѣхъ, противъ всего этого міра, который на презрѣнныхъ монетахъ ставитъ изображеніе Христа. «Все, все обманъ», — думалъ онъ, — «вотъ, вотъ то одно, что править человѣчествомъ... Такъ они же за все мнѣ заплатятъ!..»

„*Che i gabia o non i gabia, e xe sempre Labia*“, вдругъ почему-то вспомнилъ онъ — и отъ обиды за то, что никакой онъ не *sempre Labia*, а безсильный, беспомощный мальчишка, Штааль уткнулся лицомъ въ подушку и заплакалъ, всхлипывая по дѣтски и почти не удерживая злобныхъ мстительныхъ рыданій.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I.

Въ тревожной жизни Петербурга въ началѣ 1799 года смѣлые люди, которые рѣшались обсуждать политическіе вопросы, много говорили о войнѣ съ Франціей, объ отношеніяхъ между императоромъ и Анной Петровной Лопухиной и о формированіи корпуса кавалергардовъ.

Предметы эти имѣли тѣсное отношеніе одинъ къ другому. Анну Петровну считали сторонницей войны съ Франціей; начиналась война, очевидно, изъ-за Мальтійскаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; и къ этому-же ордену имѣлъ тѣсное отношеніе новый корпусъ: кавалергарды должны были составить гвардію особы Великаго Магистра, иными словами императора Павла Петровича.

Въ мальтійской исторіи почти никто ничего не понималъ. Говорили, будто выдумалъ ее канцлеръ князь Безбородко, тонко знавшій царя и желавшій доставить ему безобидное развлеченіе. Добавляли, однако, что князь Александръ Андреевичъ не только не радъ своей выдумкѣ, но рветъ на себѣ волосы — послѣ того какъ затѣя эта поутлекла за собой войну съ Франціей: генераль Бонапартъ, овладѣвъ островомъ Мальтой по пути въ Египеть, посадилъ тамъ свой гарнизонъ.

Петербургское общество иностранной (да и внутренней) политикой занималось мало. Тѣмъ не менѣе война изъ за мальтійскаго ордена сильно всѣхъ поразила. Самые странные слухи ходили по столицѣ. Очень освѣдомленные люди утверждали, будто государь собирается провозгласить себя римскимъ папой вмѣсто Пія VI, политику котораго онъ не одобрялъ. Имъ въ отвѣтъ недовѣрчиво указывали, что римскому папѣ надлежитъ быть католикомъ. Но соображеніе это никого не убѣждало. И мальтійскій орденъ былъ чисто католическій; между тѣмъ въ кавалеры его теперь были записаны православные митрополиты. Основой ордена, по самому его замыслу, было безбрачіе; однако государь, женатый человекъ и отецъ семейства, объявилъ себя Великимъ Магистромъ. А главный мальтійскій рыцарь, итальянскій графъ Литта, нарочно пріѣхавшій въ Петербургъ для того, чтобы предложить царю гротмейстерскій санъ, въ Россіи скоро самъ женился на богатой племянницѣ Потемкина, графинѣ Скавронской. Юлія Помпеевича Литту во всѣхъ гостинныхъ Петербурга ругали плутомъ и мошенникомъ. Очень были сперва недовольны имъ и всей мальтійской исторіей также католическіе круги Запада во главѣ съ папой и съ императоромъ. Баварскій электоръ не соглашался даже признать царя Великимъ Магистромъ, а въ своихъ владѣніяхъ закрылъ мальтійское пріорство. Послѣ этого посланникъ Баваріи баронъ Рейхлинъ былъ въ двухчасовой срокъ высланъ изъ Петербурга, а генералу Корсакову, стоявшему во главѣ пятидесятитысячной русской арміи, велѣно было вторгнуться въ Баварію и разорить ее до тла. Иностранныя державы стали сговорчивѣе: Россіи на западѣ боялись чрезвычайно.

Свыклось съ мальтійской затѣей и русское общество, по крайней мѣрѣ въ столицѣ (въ провинціи и даже въ Москвѣ люди въ ту пору жили и думали

совсѣмъ не такъ, какъ въ Петербургѣ). Многіе по настоящему увлекались пышнымъ церемоніаломъ ордена, мальтійскими плащами, мундирами и восьмиугольными крестами.

Особенно усилилось увлеченіе, послѣ того какъ государь отдалъ графу Литтѣ приказъ о формиро­ваніи новаго кавалергардскаго корпуса на новыхъ, блестящихъ началахъ и съ такими привиллегіями, которыхъ не знала ни одна другая гвардейская часть: рассказывали, что всѣ кавалергарды будутъ носить шляпу съ плюмажемъ, вообще полагавшуюся только генераламъ; что кавалергардскій отрядъ будетъ постоянно занимать въ дворцѣ внутренній караулъ; что на спектакляхъ въ театрѣ Эрмитажа за кресломъ государя будетъ стоять кавалергардскій офицеръ. Слухи эти волновали гвардію. Карьера новаго корпуса съ первыхъ дней приняла особый характеръ. Впослѣдствіи кавалергарды всегда считали себя много выше другихъ офицеровъ и порою нелегко принимали въ свою среду даже великихъ князей. Но въ царствованіе Павла Петровича репутація самаго аристократическаго изъ русскихъ полковъ еще не была за ними признана; ихъ претензіи вызывали раздраженіе въ Петровской гвардіи и особенно въ Конногвардейскомъ полку: въ новый корпусъ именно изъ Конной гвардіи были взяты отборные солдаты и лучшія лошади. Всѣ зачисленные въ кавалергарды, какъ офицеры, такъ и рядовые, тѣмъ самымъ становились мальтійскими рыцарями.

Кавалерами ордена святого Іоанна Іерусалимскаго, вслѣдъ за царемъ, великими князьями, сановниками, становились по разнымъ побужденіямъ разные люди. Не все здѣсь сводилось къ модѣ и къ карьерѣ. Почти во всѣхъ историческихъ явленіяхъ преобладаютъ не сохраняемые исторіей личныя побужденія выгоды и тщеславія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ

едва-ли есть въ исторіи такое событіе, которое эти побужденія объясняли бы цѣликомъ. Быть можетъ, никогда жажда тайны, одна изъ столь же сильныхъ, сколь неровныхъ потребностей человѣка, не ощущалась такъ сильно русскими людьми, какъ въ то странное время. Царствованіе Екатерины развращало людей, но не давало имъ скучать. Отъ скуки было много лекарствъ. Одни кутили, прожигали жизнь. Другіе дѣлали карьеру при дворѣ, въ арміи, во флотѣ. Третьи путешествовали и развлекались по западному заграничью: молодой Строгановъ быть членомъ якобинскаго клуба, князя Голицыны брали приступомъ Бастилію.

Въ новое царствованіе кутить стало трудно и рискованно, — почти все было запрещено. Карьера представлялась призрачной при характерѣ императора Павла: крайняя милость и суровая кара смѣнялись другъ друга въ теченіе одного дня безъ всякой видимой причины. Жизнь при дворѣ стала почти невыносимой. О поѣздкѣ за границу никто не смѣлъ и подумать. Всѣмъ было скучно и страшно.

Въ тайнахъ мальтійскаго ордена многіе искали смыслъ событій, происходившихъ во Франціи и въ Россіи. Кое-кто внимательно изучалъ статутъ ордена и сочиненіе аббата Верто. Императору Павлу приписывались глубокіе таинственные замыслы. Большая душа его и вправду искала того, что было другимъ не понятно.

Людьми свойственно переоцѣнивать долю намѣреннаго, сознательнаго и цѣлесообразнаго въ дѣйствіяхъ всевозможныхъ правительствъ. Планы, мысли, стремленія людей, стоящихъ у власти, вызываютъ разныя, большей частью враждебныя, чувства. Но самое существованіе этихъ мыслей, плановъ, цѣлей обычно не вызываетъ сомнѣнія. Огромная доля безсознательнаго, случайнаго, механическаго въ томъ, что дѣлаетъ власть, постоянно прохо-

дить незамѣченной. Такъ бываетъ и въ странахъ съ нормальными правительствами. Такъ было и въ Россіи въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Дѣйствія несчастнаго императора Павла тщательно обсуждались русскимъ обществомъ. Не искали въ нихъ смысла только люди, хорошо знавшіе царя. Ихъ было немного и они ничего не говорили. Молчалъ упорно канцлеръ. Впрочемъ, у князя Безбородко, какъ почти у всѣхъ выдающихся государственныхъ людей Россіи, — какъ у Ордынь-Нащокина, у Петра, у Дмитрія Голицына, у Сперанскаго, у Валуева, у Побѣдоносцева, у Витте, какъ у наиболѣе умныхъ политическихъ дѣятелей послѣдняго времени, — всегда было смутное сознаніе, что все равно все пойдетъ къ чорту. Это смутное сознаніе облегчало канцлеру совмѣстную работу съ императоромъ. Упорно молчали и другіе — и только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ восшествія на престолъ Павла Петровича изъ самыхъ близкихъ къ нему круговъ наконецъ выскочило и пронеслось шопотомъ по необъятной странѣ зловѣщее слово:

«Сумасшедшій»...

II

«Panem et aquam et humilem vestitum promittimus»...

Передъ Штаалемъ на письменномъ столѣ лежало нѣсколько книгъ и груда рукописныхъ листовъ. На первомъ изъ нихъ четкимъ, крупнымъ, писарскимъ почеркомъ было написано: «Уложеніе священнаго воинскаго ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго, вновь сочиненное по повелѣнію священнаго генеральнаго капитула, собраннаго въ 1776 году, подъ началіемъ его преимущественнаго высочества вели-

каго магистра брата Емануила де Рогана». Всѣ большія буквы заглавія были выведены затѣйливо, отвѣсно къ строкѣ и красными чернилами. Уложеніе это подготовлялось къ печати по приказу царя, и его первые листы уже распространялись въ рукописи. Штааль получилъ ихъ по знакомству отъ одного изъ служащихъ канцеляріи графа Литты. Онъ хотѣлъ обстоятельно изучить литературу ордена прежде чѣмъ принять рѣшеніе.

За литературу эту онъ принялся было со страстью, — у него тоже истосковалась по таинственному душа, — но увлеченіе Штааля продолжалось недолго. По латыни онъ зналъ плохо, позабылъ то небольшое, что зналъ, и переводить статуты было очень трудно.

Штааль облегченно вздохнулъ, увидѣвъ короткую фразу безъ *accusativus cum infinitivo*, *ablativus absolutus* и другихъ фокусовъ. Но и короткая фраза далась не сразу. «*Promittimus* это вѣрно какъ *promettre*: обѣщаемъ», — соображалъ Штааль. «*Panem et aquam*» — ясно: хлѣбъ и воду... Значить: обѣщаемъ ѣсть хлѣбъ и пить воду... «*Et humilem vestitum*». Онъ заглянулъ въ латинско-французскій словарь: «*Humilis, humile — vil, de basse condition... Vestitus, vestitus — vêtement, habit*». Теперь все было понятно:

«Обѣщаемъ ѣсть хлѣбъ, пить воду и носить скромное платье»...

Понятно это, конечно, было, но, чтобъ такъ разобратъ одну только главу „*De receptione fratrum*“ надо было бы потратить нѣсколько дней... Штааль зѣвнулъ, и, хоть устыдился зѣвка, отложилъ латинскій статутъ и сталъ читать другія сочиненія объ орденѣ св. Іоанна Іерусалимскаго. Вначалѣ шла исторія. Штааль прочелъ въ оглавленіи списокъ гроемейстеровъ ордена, стараясь запомнить наибо-

лѣе звучныя имена: «Лавалеттъ, Вилье-де Лиль-Аданъ... Лавалеттъ, Вилье...» Онъ опять зѣвнулъ и занялся философіей ордена.

Штаалю очень хотѣлось перевестись въ кавалергардскій корпусъ и стать такимъ образомъ мальтійскимъ рыцаремъ. Попасть на войну было больше шансовъ въ качествѣ кавалергарда. Соблазняли и привиллегіи новаго корпуса. Очень хороша была также его форма: кавалергардамъ полагались латы и малиновые супервесты, а для придворныхъ собраній красивые красные мундиры. Особенно прельщали Штаала латы, да еще бѣлый финифтяный восьмиугольный крестъ мальтійскаго рыцаря, съ лиліями на углахъ и золотой короной наверху. Штааль уже освѣдомлялся о значеніи этой эмблемы. Бѣлый цвѣтъ означалъ цѣломудріе, обязательное для рыцарей ордена, а восемь концовъ креста — восемь блаженствъ. Насчетъ пункта о цѣломудріи Штааль былъ спокоенъ: лейтенантомъ корпуса состоялъ знакомый ему Владиміръ Петровичъ Долгоруковъ. А восемь мальтійскихъ блаженствъ никто въ Петербургѣ не могъ перечислить Штаалю. Спросили было у графа Юлія Помпеевича, но и Литта зналъ на память только четыре блаженства.

Просмотрѣвъ нѣсколько главъ въ книгѣ, Штааль отложилъ ее и сталъ перебирать въ памяти прочитанное. Память у него была хорошая: запомнилъ сразу почти все. «Девять провинцій ордена?... Провансъ, Овернь, Франція, Италія, Арагонія (съ Каталоніей и Наваррой), Кастилія, Португалія, Германія»... Только девятой провинціи онъ не могъ вспомнить и заглянулъ въ книгу: девятой провинціей была Баварія. «Ну да, конечно, Баварія»... Штааль подумалъ, въ какую провинцію ему придется записаться (о россійской провинціи въ книгѣ ничего не было сказано), и, поколебавшись недолго между Кастиліей и Арагоніей (съ Каталоніей и На-

варрой), рѣшилъ въ пользу Арагоніи. «Комтуръ арагонской провинціи» — это звучало прекрасно. Штаалю очень хотѣлось выслужиться именно въ комтуры, хотя въ орденѣ имѣлись чины и повыше: надъ комтурами были пріоры, а надъ пріорами — провинціалы. Но слово пріоръ очень отдавало монастыремъ, а чинъ провинціала совѣмъ не нравился Штаалю: «Точно какой-нибудь костромичъ или рязанецъ, — объясняй, что здѣсь провинціалъ значитъ совѣмъ другое». Рангъ комтура былъ гораздо красивѣе; онъ звучалъ почти какъ графскій титулъ. Русскимъ комтурамъ императоръ назначилъ и недурное жалованье. Но чтобы выслужиться въ комтуры, нужно было либо оказать ордену особую услугу, либо предѣлать большой походъ. Штааль подумалъ, какую особую услугу онъ могъ бы оказать ордену. «Отбить, что-ли, Мальту у генерала Бонапарта? Трудно...» Нѣтъ, главная надежда была, конечно, на участіе въ походѣ. «А пока, что-жъ, побуду простымъ мальтійскимъ рыцаремъ»...

Успокоенный, онъ снова взялся за книгу и сразу попалъ на мѣсто, которое его нѣсколько встревожило: чтобы стать рыцаремъ ордена, нужно было указать, по общему правилу, восемь предковъ, а въ германской провинціи даже шестнадцать. Только Арагонія и Италія ограничивали требованіе четырьмя предками, — Штааль удовлетворенно подумалъ, что онъ, еще не зная этого, выбралъ именно Арагонію. Если-же кто не имѣлъ и четырехъ предковъ, то онъ могъ стать донатомъ, — лишь бы только ни отецъ, ни дѣдъ его не были рабами и не занимались ремесломъ. Такому условію Штааль удовлетворялъ, и слово донатъ было ничего, хорошее слово. Онъ однако съ огорченіемъ прочелъ, что въ обязанность донатовъ входилъ преимущественно уходъ за больными. Это ему совѣмъ не понравилось. Желая провѣрить французскаго автора, онъ снова заглянулъ въ латин-

скій статутъ, но тамъ въ отдѣлѣ „De regula“ какъ на зло открывалась длинная и запутанная фраза, которую навѣрное не могли понять никакіе ученые, ни даже сами римляне. Послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ попытокъ Штааль выдѣлилъ изъ длинной фразы наиболѣе важный, повидимому, кусокъ: „ut post multifariam alcemosynarum elargitionem gentem Mahummetanam oppugnant, premant, pessumdent“. Совершенно, разобраться и въ этомъ кускѣ было почти немислимо, но общій смыслъ Штааль однако уловилъ: главная задача всѣхъ рыцарей ордена, независимо отъ ихъ степени, заключалась въ томъ, чтобы истреблять магометанское племя. Объ уходѣ за больными въ „De regula“ ничего не говорилось. Тутъ однако Штаалья смутило другое: турки только что стали союзниками Россіи, ихъ эскадра сражалась подъ командой адмирала Ушакова, и объ истребленіи магометанскаго племени, очевидно, не могло быть рѣчи. Штааль подумалъ, что вообще уставъ ордена, конечно, устарѣлъ: едва-ли въ Россіи будетъ соблюдаться и пунктъ о предкахъ. По общему правилу въ Кавалергардскій корпусъ было приказано даже рядовыми принимать только дворянъ, но такъ какъ дворянъ-рядовыхъ не хватало, то брали и людей другихъ сословій; какъ разъ наканунѣ изъ конногвардейцевъ въ составъ кавалергардскаго корпуса перевели за огромный ростъ двухъ солдатъ-мужиковъ, Хинчука и Шелкова. Шелковъ и Хинчукъ также были теперь мальтійскіе рыцари. — «Быть можетъ, той же арагонской провинціи?..» Мысль эта показалась непріятной Штаалю. Онъ пересмотрѣлъ всю книгу, читая одну страницу изъ десяти. Что-то еще было длинное и скучное о безсмертіи души, о загробной жизни. Штааль задумался о томъ, безсмертна ли душа и какова можетъ быть загробная жизнь. Такъ онъ сидѣлъ нѣсколько минутъ, неувѣренно вспоминая то, что онъ прежде

читаль объ этихъ предметахъ въ серьезныхъ книгахъ. Ничего толкомъ не вспомнивъ, онъ заставилъ себя снова взять книгу. Доказательства безсмертія души были настолькоъ странны и непонятны, что Штааль подумаль, ужъ не шутить-ли авторъ. Но все въ старой книгѣ, отъ тяжелаго возвышеннаго слова до черной кожи переплета, говорило противъ подобнаго предположенія. Авторъ не только высказываль свои мысли: онъ ссылался на Платона и на отцовъ церкви. Было чрезвычайно странно, что Платонъ и отцы церкви говорили такія вещи... «Еслибы душа человѣка не была безсмертна, злоба и грѣхъ разрушили бы ее, какъ болѣзни разрушаютъ тѣло»... «Значить, грѣхъ и злоба это болѣзнь души?» — подумаль Штааль. — «Допустимъ... Но отчего же такъ устроено, что душа хвораетъ?... И если безсмертіе дано всѣмъ, то какой резонъ стараться, живи, какъ знаешь... Зачѣмъ безсмертна, напри- мѣръ, душа Марата?..»

Штааль закрыль глаза и постарался вообразить загробную жизнь. Ему представилась дверь, запертая наглухо, а за ней огромная полутемная зала («какъ въ Кадетскомъ корпусѣ», подумаль онъ, кривя губы)... Въ этой залѣ на большой высотѣ скользило, колеблясь, что-то бѣлое, кисейное... Темная зала тоже куда-то летѣла... Штаалю стало страшно; онъ поспѣшно отогналъ отъ себя этотъ образъ и открыль глаза, стараясь возстановить прежній ходъ мыслей. Вдругъ его охватила радость. «Что же случилось хорошаго? Платонъ и безсмертіе души?... Нѣтъ... Ахъ, да, латы», — вспомнилъ онъ и ясно представилъ себя въ мундирѣ кавалергарда, въ шляпѣ съ плюмажемъ, въ серебряныхъ латахъ.

Мальтійскій орденъ удовлетворяль потребностямъ его души. Все новое было пріятно Штаалю, выборъ жизни — лучшая радость и поэзія молодости. Штааль еще разъ быстро возстановилъ въ

умѣ всѣ доводы въ пользу того, чтобъ стать мальтійскимъ рыцаремъ. Хорошо было ужъ и то, что поступленіе въ орденъ навело его на такія серьезныя и полезныя мысли... И всѣ знатныя персоны Петербурга записывались теперь въ рыцари. Противъ этого шага было только одно соображеніе: жаль было покидать Конногвардейскій полкъ. Конная гвардія сразу усвоила къ кавалергардамъ враждебно-проническое отношеніе (въпослѣдствіи длившееся долгія десятилѣтія). Чтобы заглушить укору совѣсти, Штааль сталъ припоминать всѣ обиды, которыя ему пришлось перенести отъ начальства конногвардейскаго полка. Обидъ было не очень много, но воспоминаніе о нихъ раздражило Штааля. Его не сумѣли оцѣнить, пусть же теперь не пеняютъ.

Онъ сѣлъ за столъ, и, обдумывая каждое слово, написалъ по-французски частное письмо князю Долгорукову, лично его знавшему. Письмо съ просьбой о принятіи въ кавалергарды было очень хорошо составлено, особенно въ концѣ. Своимъ французскимъ слогомъ Штааль желалъ обратить вниманіе Долгорукова и сгладить разницу въ ихъ общественномъ положеніи, — обнаруживъ одновременно и крайнюю почтительность. Въмѣсто банальнаго „*veuillez agréer*“ Штааль написалъ: „*Si mon audace égalait l'estime, que j'ai toujours professée pour votre personne j'oserais signer, prince, le plus fidèle et le plus respectueux de vos serviteurs*“. Отъ буквы *s* послѣдняго слова шель эффектнѣйшій росчеркъ на три строки внизъ и чуть влѣво, непосредственно переходившій въ подпись. И конструкція этой заключительной фразы, и выборъ мѣста для слова *prince* и даже росчеркъ показались Штаалю чрезвычайно удачными. «Такъ, кажется, заканчивали письма версальскіе вельможи... Такъ ли? Ну, все равно, оригинально»... Онъ съ удовольствіемъ переписалъ письмо набѣло (росчеркъ вышелъ еще

лучше), запечатавъ своею печатью и самъ отнесъ на Фонтанку въ бывшій домъ Хлѣбникова, гдѣ помещалась канцелярія Кавалергардскаго Корпуса.

III

Отъ князя Долгорукова долго не было отвѣта. Для поступленія въ Мальтійскій орденъ требовалось, очевидно, пустить въ ходъ связи, и Штааль рѣшилъ поговорить со своимъ старымъ покровителемъ Александромъ Андреевичемъ.

Безбородко въ послѣдніе годы достигъ предѣльной вершины почестей. Онъ занималъ должность канцлера, имѣлъ титулъ свѣтлѣйшаго князя и считался, вмѣстѣ съ Шереметевымъ и Строгановымъ, богатѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи. Но и карьера, и жизнь Александра Андреевича подходили къ концу. Онъ былъ тяжело боленъ водянкой и по общему отзыву силы его слабѣли съ каждымъ днемъ. Говорили однако, что канцлеръ не сознаетъ всей опасности своего положенія, мечтаетъ о поѣздкѣ въ чужіе края и по прежнему занятъ коллекціями и постройками. Свой московскій домъ, считавшійся самымъ роскошнымъ въ Россіи, онъ продалъ государю и теперь строилъ себѣ въ Москвѣ новый дворецъ еще больше и пышнѣе. Между тѣмъ уже шли озабоченные споры о томъ, кто займетъ должность Александра Андреевича и какъ будетъ раздѣлено между наслѣдниками его несмѣтное богатство. Говорили теперь о канцлерѣ безъ всякой злобы и зависти: всѣ отдавали должное его уму, способностямъ и государственнымъ заслугамъ. Это было самымъ зловѣщимъ признакомъ.

Слухи о тяжелой болѣзни князя доходили и до Штааля, и ему поэтому было непріятно идти къ Александру Андреевичу, котораго онъ искренне лю-

билъ. Однако, въ числѣ его знакомыхъ не было никого, кто хотя бы немного приближался къ канцлеру по вліянію и связямъ. Штааль рѣшилъ, что простая вѣжливость предписываетъ ему этотъ визитъ, а тамъ ужъ будетъ видно, можно ли просить объ услугѣ Александра Андреевича въ его нынѣшнемъ состояніи.

Въ качествѣ бывшаго своего человѣка, Штааль вошелъ въ домъ канцлера съ подъѣзда Большой Исакиевской. Отсюда къ князю направлялись безъ доклада и даже швейцара при этомъ подъѣздѣ не было. Впрочемъ, къ Александру Андреевичу, какъ къ большинству вельможъ того времени, вообще ходили въ гости довольно свободно. Въ ту гостепріимную пору существовать въ обѣихъ столицахъ цѣлый разрядъ людей, которые не считали нужнымъ держать собственный столъ, такъ какъ къ ихъ услугамъ имѣлся гораздо лучшій — у Алексѣя Орлова, у Шереметева, у Остермана: въ ихъ дворцы приходилъ обѣдать кто хотѣлъ, не будучи вовсе знакомымъ съ хозяиномъ (у Орлова чуть не ежедневно обѣдало нѣсколько сотъ дворянъ).

Штааль хорошо зналъ домъ Александра Андреевича, но всякій разъ, послѣ непродолжительнаго отсутствія, находилъ тамъ перемѣны. Онъ поднялся во второй этажъ, прошелъ по ряду гостиныхъ комнатъ, замѣтилъ новую горку съ китайскимъ фарфоромъ, шедшую почти до потолка, увидѣлъ голубую вазу, о которой ему говорилъ Иванчукъ, утверждавшій, что другой такой нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. За эту вазу Безбородко заплатилъ двѣнадцать тысячъ. Штааль полюбовался вазой, но недолго: во дворцѣ князя имѣлось множество самыхъ рѣдкихъ и дорогихъ вещей, и потому, какъ въ большихъ музеяхъ, любоваться ими было нелегко. Съ тѣхъ поръ, какъ по службѣ Безбородко достигъ предѣла, доступнаго русскому подданному, а многи-

сленныя болѣзни отняли у него женщину, единственной страстью Александра Андреевича осталось искусство. Онъ въ немъ зналъ толкъ, какъ, быть можетъ, никто другой въ Россіи, и послѣднія мысли его, еще связанныя съ честолюбіемъ и завистью, относились не къ служебнымъ успѣхамъ другихъ вельможъ, а къ картинной галлерей Строганова, которая одна могла соперничать съ его собственной.

Штааль остановилъ одного изъ слугъ и спросилъ, гдѣ находится Его Свѣтлость. Слуга, хотя и не знавшій въ лицо гостя, нисколько не удивился незнакомому человѣку и предложилъ проводить его въ спальную. Но Штааль зналъ туда дорогу и увѣренно пошелъ къ князю. Безбородко спалъ въ очень простой комнатѣ, которая спальней не называлась. А въ спальней, главной гордости его дома, онъ принималъ — не просителей, но знакомыхъ.

Штааль задержался на мгновенье въ небольшомъ кабинетѣ передъ спальней: находившееся въ немъ бюро, жирандоли и тамбурныя занавѣси принадлежали Маріи Антуанеттѣ и были вывезены изъ Малаго Трианона. Какъ всегда въ этой комнатѣ, Штааль не удержался и потрогалъ рукой доску стола, за которымъ писала казенная королева. Въ кабинетѣ тоже были новыя вещи: бокалы изъ перламутра и серебра, украшенные камнями и драгоценными камнями. Штааль подумалъ, что не худо бы поставить нѣсколько такихъ бокаловъ на полку у себя въ квартирѣ на Хамовой улицѣ — и вздохнулъ. Затѣмъ подошелъ къ спальней, послушалъ (ничего не было слышно) и слегка постучалъ въ дверь; за дверью тотчасъ послышался кашель и знакомый голосъ произнесъ съ малороссійскимъ акцентомъ:

— Ну, что-жъ тамъ? Войдите...

На Штаалья пахнуло тепломъ и запахомъ аптеки. Спальная, затянутая краснымъ бархатомъ комната-музей, была жарко натоплена. Безбородко сидѣлъ

около печки въ низкомъ креслѣ, вытянувъ впередъ на тумбу ноги, прикрытыя пледомъ. На колѣняхъ у него лежала книга въ ободранномъ переплетѣ. Рядомъ на столѣ стоялъ графинъ и нѣсколько склянокъ.

Штааль едва узналъ князя, — такъ его изуродовала страшная болѣзнь. По его груди, плечамъ, особенно по ссохшейся, жилистой шеѣ видно было, какъ сильно онъ исхудалъ. Но ноги, руки, животъ Александра Андреевича безобразно распухли отъ водянки, и фигура его походила теперь на уродливую раздавленную куклу или на изображеніе въ искривленномъ зеркалѣ. Лицо князя также опухло и приняло сѣро-зеленоватый цвѣтъ. Ничего не оставалось отъ его обычнаго выраженія благодушія, самоуверенности и хитрости.

Александръ Андреевичъ на мгновеніе впился глазами въ Штааля, стараясь не упустить его впечатлѣнія, затѣмъ улыбнулся, — улыбка вышла жаткая. Видимо, онъ радъ быть гостю, — оттого ли, что любилъ его, или же потому, что ему теперь было страшно оставаться безъ людей.

Онъ привѣтливо кивнулъ Штаалю и съ очевиднымъ усиліемъ, какъ чужой предметъ, подаль ему холодную распухшую руку. Штааль пожалъ ее и съ ужасомъ почувствовалъ, что на отекевшей кожѣ отъ пожатія, точно на подушкѣ, осталось углубленіе. Безбородко перенесъ руку на столъ и уставился на нее расширенными глазами.

— Какъ ваше здоровье? Надѣюсь... — началъ Штааль.

— Здоровье? Хвастать нечѣмъ, братъ, — отвѣтилъ небрежно Александръ Андреевичъ, отрывая взглядъ отъ своей руки. — Блокъ дрянью пичкаетъ, приписываетъ все геморроиду. Да что-то въ груди терплю боль и жаждой томлюсь... Кровь было изъ горла выкидывалъ, ты, можетъ быть, слышалъ? (Онъ

внимательно посмотрѣлъ на Штаалъ). Кровь это пустое — вѣрно, какая-нибудь жилка порвалась... Совѣтуютъ пьявицы поставить... Думаю Крузе позвать, но у нихъ съ Блокомъ шиканы, еще уморять, со злости одинъ на другого.

— Слава Богу, что ничего сурьзнаго, — сказалъ Штаалъ.

— Ну да, ты почему же думалъ, что сурьзное?.. Не всѣмъ, братъ, разсказамъ вѣрь. Меня многіе вѣрно ужъ похоронили, а я на зло возьму и ихъ переживу. Всѣ, правда, подъ Богомъ ходимъ. Не вѣсте бо егда прійдетъ тать и подкопаетъ храмину... Умирать однако пока не собираюсь. Худо, братъ, то, что сонъ имѣю плохой. Такъ сидя и сплю... Это, братъ, худо...

— Вамъ бы съѣздить отдохнуть на теплыя воды, Ваша Свѣтлость, — посовѣтовалъ Штаалъ. — Пере-трудились вы очень...

Безбородко посмотрѣлъ на него внимательно и, повидимому, остался доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на новаго человѣка. Въ рѣчи его появилась прежняя закругленность и внушительность интонацій.

— Прошу теперь государя уволить меня отъ всѣхъ дѣлъ и для пользованія моего здоровья всеми-лостивѣйше дозволить отлучиться въ чужіе края, къ водамъ Карлсбадскимъ и Пирмонтскимъ. А то отъ тѣлесныхъ немощей, безъ сна, какъ бы не отшибло у меня память и другія способности, къ доброму и успѣшному производству дѣлъ необходимо нуж-ныя, — сказалъ онъ удовлетворенно и легко нада-вилъ среднимъ пальцемъ кожу лѣвой руки. На ко-жѣ появилось углубленіе. Лицо Александра Андре-евича снова потемнѣло.

Желая развлечь князя и доставить ему удоволь-ствіе, Штаалъ обвелъ глазами спальную, сдѣлалъ

изумленный жестъ и попросить показать новыя покупки.

— Есть, есть кое-что, — сказалъ Безбородко. — Да ты что видѣль? Вернетовъ моихъ знаешь? Числомъ шестнадцать, въ томъ числѣ Карадыкинскій? Ну, да, Вернетовъ я тебѣ показывалъ, ихъ кто же не знаетъ...

Онъ спустилъ ноги съ тумбы, тяжело оперся одной рукой о столъ, другой о палку, и поднялся съ кресла, странно закидывая назадъ голову, какъ это дѣлаютъ больные водянкой. Чулки его больше не спустились съ распухшихъ ногъ.

— Есть, есть кое-что новое, — повторилъ онъ. — Ну вотъ, недавно навязалъ мнѣ Мелиссино этого Греза „L'enfant gâté“. Дорого взялъ, собака, но не жалуюсь: Грезъ преизрядный. У короля французскаго, можетъ быть, были лучше, да революціонеры, хамье, растаскали, такъ что теперь Греза лучше моего не сыщешь. А вотъ «Богоматерь» Гверчинова, тоже грѣхъ хаять: весьма хорошая... А это „La charité gomaine“ Гвидо, превосходной красоты... Мелиссино цѣнить скромно тысячъ до пяти. Ну, а насчетъ сией картины ты что скажешь?..

Штааль нерѣшительно смотрѣлъ на картину, боясь осрамиться: осторожнѣе было не говорить ничего, — какъ бы изучая внимательно.

— Жуліо Романо Моцениговъ, — пояснилъ Безбородко. — Только о немъ, голуба, мысли разныя: иные хвалятъ, иные хулятъ. Гваренги почитаетъ настоящимъ, а нѣмцы, собаки, ругаютъ чужимъ. Ты какъ думаешь? — спросилъ Александръ Андреевичъ, озабоченно глядя на Штаала и видимо желая, чтобы онъ призналъ картину подлинной. — Я полагаю, что Гваренги вѣрно говорить... Ну, и гроши вытябили охъ какіе!.. Чекъ акча вирды, — сказалъ Безбородко.

Штааль посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Чекъ акча вирды, — по татарски: много денегъ ушло, — повторилъ Александръ Андреевичъ. — Опять же грѣхъ жаловаться: кое-что и даромъ перешло. Покойный король польскій, царство ему небесное, подарилъ мнѣ знаменитую картину... Вотъ та большая, — Рубенса „Le denier de Saint Pierre“. Какой колеръ?.. Ты посмотри, какой колеръ, — сказать съ удовольствіемъ Безбородко, въ тысячный разъ любуясь картиной. — Рыбаки то, рыбаки, а? Экое здоровое мужичье!.. А знаешь ты, какая это баба сзади стоитъ съ ведромъ? Это, дружокъ, первая мадамъ Рубенсъ... Не дуракъ былъ Рубенсъ, а? Царство небесное польскому королю, очень я его жалѣлъ, — сказалъ Александръ Андреевичъ, искренне благодарный за сдѣланный ему подарокъ.

Штааль воспользовался случаемъ для того, чтобы перевести разговоръ поближе къ своему дѣлу: отъ польскаго короля къ польскимъ дѣламъ, а оттуда къ Мальтійскому ордену.

— Правда ли, Ваша Свѣтлость, — спросилъ онъ, — будто поляки опять собираются насъ воевать? Говорятъ, Костюшко вернулся изъ Америки и получаетъ командованіе во французской арміи?

— Ну да, правда, — отвѣтилъ нехотя Безбородко, сядя съ снова въ кресло и перебирая въ рукахъ медали изъ стоявшаго на столикѣ блюда. — Павелъ Петровичъ, какъ взошелъ на престолъ родительницы, ей на зло возьми и отпусти эту Костюшку на волю. Да не просто, а съ наградами, съ подарками, да съ комплиментами, и такъ, и этакъ... Одними чистыми деньгами подарилъ ему государь шестьдесятъ тысячъ рублей, да шубу, да серебро, да фарфоръ, да экипажъ...

— И Костюшко принялъ?

— А что, онъ дуракъ, что ли? Натурально, принималъ, — сказалъ канцлеръ. — Деньги, правда, теперь, черезъ два года, вернулъ, спохватился, — вѣр-

но его паны надоумили, — съ ойчизны, пане, и больше возьмете... А шубы и серебра не вернулъ, шельма... Ругательное письмо государю прислалъ, честь чествоу, на французскомъ языкѣ, а шубы нѣтъ, не вернулъ, — съ сожалѣніемъ повторилъ Безбородко... — Хорошая была шуба, соболья... И серебро первый сортъ... Первый сортъ... Чекъ акча вирды... Чекъ акча вирды...

— Вотъ и вышло, что польская политика покойной государыни была разумна, — замѣтилъ неувѣренно Штааль.

Безбородко ссыпалъ медали назадъ въ блюдо.

— Матушка государыня, вѣчная ей память, — сказалъ онъ, — была, что и говорить, умная женщина. Ахъ, какая умная! — повторилъ онъ и помолчалъ, закрывъ глаза, видимо вспоминая Екатерину. — Но въ политикѣ ничего не понимала, — вдругъ добавилъ онъ, открывая глаза (онъ выразился сильнѣе и Штааль засмѣялся отъ неожиданности). — Что ей очередной мужчина скажетъ, то и свято. Велѣлъ ей Мамоновъ-дерябка меня Без... называть, — называла... Знаю, что называла. — сердито сказалъ Александръ Андреевичъ, — добрые люди порадовали, тотчасъ сообщили... Потомъ Зубова въ геніи произвела. А онъ, братецъ, мало что язва, плутецъ, шильникъ, — онъ, братецъ, дуракъ, какихъ свѣтъ не видывалъ!.. Ну, и въ польскихъ дѣлахъ матушка, не тѣмъ будь помянута, тоже немало намудрила. Было, разъ, она что выдумала? Изъ бывшихъ Уманскихъ, Бѣлоцерковскихъ и Побережныхъ казаковъ, учиня общую кличку, составить Запорожскую Сѣчь, и пустить ее на Польшу! Хорошо? Это ей Репнинъ посовѣтовалъ, мудрый человекъ, ребры ему всѣ отломать. И такъ ей понравилось, что я насилу отговорилъ. Ты понимаешь ли? Въ такое время собственный народъ возмутить и гайдамачину завести! Нашъ мужичекъ Пугачева, небось, помнить,

а тамъ на югѣ и Хмѣльницкаго еще не позабылъ. Начнетъ съ Потоцкихъ да Чарторыйскихъ, а потомъ разлакомится и насъ съ Репнинимъ слопаешь... Да мнѣ и Чарторыйскаго жалъ нашему мужичку отдать... Въ Пулавахъ какія картины есть, ахъ какія вещи! — онъ покачалъ головой. — Мужичку, братъ, мои Вернеты не нужны... Того и гляди, дождемся грѣха... Большая можетъ быть ферментація... Ты думаешь, у насъ все прочно стоитъ? На пескѣ, братецъ, строимъ, на пескѣ... Боже сохрани, чтобы я разумѣлъ тамъ какое-нибудь равенство химерическое. А только худо, дружокъ, худо у насъ людямъ живется, а они все, шельмы, на усть мотають. Въдъ продажа людей безъ земли что есть, какъ не сущее невольничество?.. Охъ, можетъ быть ферментація... Ты возьми, якубинцы. Въдъ эти изверги и понинѣ во Франціи владычествуютъ, ознаменяя правленіе лютыми казнями. Да надъ кѣмъ казнями? Надъ знатнѣйшими въ государствѣ особами духовнаго и мірскаго чина, разбойники этакіе! — сердито сказалъ князь.

— Что жъ, у насъ, вы думаете, появятся жакобены какіе изъ мужиковъ? — спросилъ Штааль нѣсколько насмѣшливо (послѣ своей поѣздки во Францію онъ себя считалъ специалистомъ по жакобенамъ).

— А Емелька Пугачевъ тебѣ чѣмъ не жакобенъ? — еще сердитѣе отвѣтилъ Безбородко. — Вотъ я теперь все пищама духовными питаюсь. Кашкинъ покойный, Евгенийъ Петровичъ, подарилъ мнѣ сію книгу, ключъ къ «Апокалипсису». — Безбородко поднялъ ободранный томъ. — Написалъ ее лѣтъ сорокъ назадъ нѣмецъ Бенгель и, поди-жъ ты, говоритъ онъ въ книгѣ, что не далѣ, какъ черезъ тридцать лѣтъ будетъ по всей Европѣ неустройство и вражда, а въ одной странѣ великое возмущеніе народа, такъ что добрыхъ людей изъ оной изгонять, а правительство опровергнуть и государя законнаго умертвить... Какъ

по писанному предсказаль нѣмецъ! Ты что на это скажешь?

— Учительная книга! — произнесъ изумленно Штааль.

— Да... — протянулъ неопредѣленно Безбородко. — А, можетъ быть, и то, — добавилъ онъ помолчавъ, — болталъ просто нѣмецъ зря, что въ голову взбрѣдетъ, да на случай какъ разъ такъ и вышло. Можетъ, и Апокалипсисъ такъ написанъ... Ну, да молодъ ты все это понимать...

— О Бонапартѣ изъ Египта нѣтъ ли извѣстій? — спросилъ Штааль послѣ нѣкотораго молчанія: все не рѣшался перейти къ своей просьбѣ.

— Изъ Царяграда черезъ Молдавію было извѣстіе, — сказалъ недовѣрчиво канцлеръ. — Привель на него войско турецкій паша и, встрѣтивъ подъ Каиромъ, побилъ на голову. Убитому Бонапартѣ, называютъ, отрѣзана голова и по ихнему обычаю выставлена передъ сералемъ на позоръ. Коли правда, жаль: умная была у Бонапарты голова... Кобенцель, довольно съ нимъ общавшійся, говорилъ мнѣ, что онъ глубокомысленъ, проницателенъ и математикъ великій, при честолюбіи пребезмѣрномъ... Да только мастера турки врать, — добавилъ вдругъ князь и помолчалъ. — Ну, говори, какъ живешь? Ко мнѣ зачѣмъ пожаловалъ?

— Васъ провѣдать, — сказалъ улыбаясь Штааль.

— Спасибо, дружокъ. А коли что нужно, говори. Денегъ, что ли? Естьли не много, дамъ.

— Денегъ мнѣ не надо, Ваша Свѣтлость, — отвѣтилъ Штааль (Безбородко удовлетворенно кивнулъ головой), — а просьба къ вамъ вправду есть, и немалая.

Смущенно выбирая слова, онъ неувѣренно изложилъ свое дѣло. Когда Штааль заговорилъ о Маль-

тійскомъ орденѣ, лицо князя вдругъ приняло испуганное выраженіе.

— Тебѣ это зачѣмъ? — спросилъ онъ боязливо послѣ того, какъ Штааль кончилъ. — Въ мальтійцы-то?

— Какъ вамъ сказать? — замялся Штааль. — Вѣдь и въправду нужна когорта... для борьбы съ духомъ революціи... Прекрасна сія мысль государя и Мальтійскій орденъ, какъ видно изъ самаго статута...

— Ты лучше поступи въ почтовое вѣдомство, — перебилъ его Безбородко. — Вѣдь и мѣ въ... когортѣ жалованье не сразу идетъ, а? Надо сначала выйти въ... въ комтуры (онъ боязливо и съ очевиднымъ усиліемъ выговорилъ это слово). А въ почтовомъ вѣдомствѣ ты въ первый же годъ законныхъ да незаконныхъ можешь заработать тысячи три, а то и четыре... Я тебѣ дамъ записку, а? Будешь благодарить...

— Нѣтъ, что вы! Развѣ я для жалованья? — вскрикнулъ Штааль краснѣя. — Я по убѣжденію души...

Безбородко смотрѣлъ на молодого человѣка мутнымъ взглядомъ маленькихъ глазъ. Лицо его стало еще болѣе испуганнымъ.

— По убѣжденію души? — переспросилъ онъ. — Ну, тогда, конечно. Тогда иди, если по убѣжденію души, я ничего и не говорю... Только что-жъ я тутъ сдѣлаю, голубчикъ? Я отъ нихъ какъ отъ.. Я отъ нихъ въ сторонѣ. Знакъ они мнѣ своей прислали, хорошій знакъ, золотой. А ходить я къ нимъ не хожу...

— Назначеніе формально зависитъ отъ графа Юлія Помпеевича... — пробормоталъ Штааль, все больше конфузаясь.

— Отъ какого еще Помпеевича?.. Ахъ да, отъ Литты. У Литты денежной молитвой прежде все можно было сдѣлать. Теперь онъ, голубчикъ, сталъ

богаты, такъ секретари берутъ, — только ты, братъ, вѣдь голъ какъ соколъ, — сказалъ Безбородко, но, увидѣвъ разстроенное лицо гостя, тотчасъ добавилъ: — Впрочемъ, ты не тужи, можетъ что и придумаемъ. Да вотъ что, я забыть... Приходи ты ко мнѣ на балъ, который я даю по случаю обрученія великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ австрійскимъ Иосифомъ, Палатиномъ Венгерскимъ. Государь, — сказалъ онъ испуганно, — обѣщаль осчастливить меня посѣщеніемъ... И они всѣ будутъ, — добавилъ такъ же Безбородко, — комтуры-то. Весь Мальтійскій орденъ... Ты приходи, я тебя представлю. Ничего, мы это сдѣлаемъ...

— Не знаю, какъ и благодарить васъ, — началъ радостно Штааль, но не успѣлъ закончить фразы: Безбородко вдругъ тяжело закашлялся, схватившись руками за шею и выронивъ палку, которая стукнулась о блюдо и упала, зацѣпивъ одну изъ склянокъ съ лекарьствомъ. Штааль быстро опустился на коверъ и поднялъ склянку прежде, чѣмъ жидкость успѣла вылиться. Безбородко прижималъ къ губамъ платокъ, на которомъ выступало желто-красное пятно. На лицѣ князя изобразился ужасъ. Такое же выраженіе проскользнуло и по лицу Штааля.

— Опять жилка, видно, лопнула, — прошепталъ Александръ Андреевичъ, отнимая платокъ отъ вздрагивавшихъ губъ.

— Не прикажете ли послать за врачомъ? — спросилъ растерянно Штааль.

Безбородко жалостно кивнулъ головой и снова ухватился за горло, чувствуя приступъ страшнаго кашля. Штааль поспѣшно вышелъ изъ комнаты и распорядился позвать врачей. Ему было очень жаль Александра Андреевича. «Не умеръ бы, однако, до бала», — подумалъ онъ и тотчасъ устыдился этой мысли.

IV

По случаю обрученія великой княжны съ австрійскимъ эрцгерцогомъ богатѣйшіе вельможи Петербурга старались затмить другъ друга роскошью своихъ праздниковъ. Князь Безбородко, никогда не бывшій скупымъ, несмотря на постоянное кряхтѣніе о расходахъ, и вдобавокъ получившій только что отъ царя награду въ сто тысячъ рублей, отдалъ Иванчуку приказъ не жалѣть никакихъ денегъ. Но интереса къ своему вечеру Александръ Андреевичъ не проявлялъ и лишь устало глядѣлъ на Иванчука, когда тотъ измученнымъ, торжествующимъ тономъ докладывалъ ему, что не только Завадовскому, но и самому Шереметеву ихъ праздникомъ будетъ утертъ носъ. Впрочемъ, на Иванчука можно было положиться: онъ старался изо всѣхъ силъ. Работы у него дѣйствительно было много. Всего больше заботъ ему доставляли вопросы этикета, связанные съ пріѣздомъ государя, который долженъ былъ явиться на праздникъ во главѣ Мальтійскаго двора и въ костюмѣ гротескнаго героя. Александръ Андреевичъ не входилъ и въ эти вопросы, да и самъ мало смыслилъ въ этикетъ, несмотря на долготѣнную жизнь при дворѣ. Иванчукъ ѣздилъ для совѣщанія къ авторитетнымъ людямъ, почтительно и горячо высказывалъ свои соображенія, удивляя осведомленностью авторитетныхъ людей, и завелъ при этомъ случаѣ рядъ хорошихъ знакомствъ. Мальтійскій этикетъ не былъ твердо разработанъ и послѣ продолжительныхъ совѣщаній оркестру указано было играть при появленіи государя не англійскій гимнъ *God save the king*, принятый въ ту пору въ качествѣ гимна и въ Россіи, а подходящую случаю музыку по выбору

дирижера (въ виду преклонныхъ лѣтъ Сартти приглашенъ былъ Бортиянскій). Императоръ могъ приѣхать лишь къ десяти часамъ и приказалъ открыть балъ до своего прибытія. Рѣшено было, что откроется балъ съ Долгоруковымъ Анна Петровна Лопухина. Другой возможной кандидаткой признавалась ея мачеха Екатерина Николаевна, но по размышленіи была отвергнута: всѣ знали, что княгиня Лопухина долгое время была въ близкихъ отношеніяхъ съ Александромъ Андреевичемъ. Это подало бы поводъ для глупыхъ шутокъ, чего ждали избѣжать, изъ уваженія не къ Екатеринѣ Николаевнѣ, — ее всѣ презирали, — а къ князю Лопухину, который имѣлъ репутацію хорошаго, порядочнаго человѣка; онъ тяготился положеніемъ своей дочери, еще больше — сыпавшимися на него милостями, и титулъ принялъ неохотно, тѣмъ болѣе, что Лопухины-просто считали себя знатнѣе свѣтлѣйшихъ князей Лопухинныхъ.

Программа танцевъ тоже была принята не сразу. Тампеть, матрадура и манимаска были отвергнуты, какъ недостаточно основательные для такого бала танцы, а оставлены лишь гавоть, а-ла-грекъ, англезъ и въ первую очередь вальсъ, который только что былъ вновь разрѣшенъ императоромъ по просьбѣ Анны Петровны: Павелъ Петровичъ считалъ этотъ танецъ неприличнымъ.

Всѣми своими соображеніями Иванчукъ озабоченно дѣлился съ близкими людьми. Штааль, бывшій въ ихъ числѣ, послѣдніе часы передъ баломъ провелъ въ большомъ волненіи. Часовъ въ семь вечера онъ, наконецъ, приступилъ къ туалету, сразу почувствовалъ усталость и раздраженіе отъ всего того, что нужно было сдѣлать: выбрился, во второй разъ въ этотъ день, — и хотъ зажечь для бритвы передъ зеркаломъ всѣ имѣвшіеся у него свѣчи, немного порѣзался въ углу рта и на шеѣ, и, не замѣтивъ

этого, испачкавъ кровью воротникъ только-что купленной бѣлоснѣжной рубашки. Это привело его въ дурное неувѣренное настроеніе: онъ замѣчалъ, что маленькія неудачи всегда предвѣщаютъ неудачный день. Штааль надѣлъ другую рубашку и съ досадою замѣтилъ на ней прорѣху, очевидно сдѣланную у прачки; вылилъ на себя полсклянки Кельнской воды, выпилъ для улучшенія настроенія рюмку ку-кель-ван-ца и закусилъ очень легко, чтобы оставить апшетить для чудесъ, ожидавшихъ къ ужину. Затѣмъ надѣлъ новый мундиръ и въ десятый разъ посмотрѣлъ на часы. Иванчукъ просилъ его пріѣхать возможно раньше, помочь въ послѣднихъ приготовленіяхъ. Было однако еще слишкомъ рано. По тому волненію, которое онъ испытывалъ, Штааль невольно подумалъ, какая сѣрая жизнь выпала на его долю въ послѣднее время. «Надо этому положить конецъ», — неопредѣленно-сердито подумалъ онъ. Тотчасъ приказалъ денщику сходить за извозчикомъ, вышелъ изъ дому, напѣвая рѣшительно «Звукъ унылой фортепьяна» и осторожно, на цыпочкахъ, оберегая отъ грязи сапоги, натертые до ослѣпительнаго блеска, перешелъ съ крыльца къ дрожкамъ. Но и тутъ оказалась неудача: садясь онъ задѣлъ одной ногой другую и на лѣвомъ носкѣ выше подошвы остался грязный слѣдъ. Все больше убѣждаясь, что вечеръ будетъ неудачный, Штааль со злобой подоткнулъ подъ себя шинель, тщательно закутался и приказалъ ѣхать ж и в ѣ е, хотя торопиться было рѣшительно незачѣмъ. Онъ испытывалъ раздраженное чувство человѣка, который ѣдетъ въ общество богачей на ободранной гитарѣ извозчика. «Не выйдетъ, такъ не выйдетъ!» — заранѣе — уже передъ самымъ дворцомъ князя — подготавливалъ онъ себя къ неудачѣ. Но тотчасъ почувствовалъ, что, какъ себя ни подготавливай, а непринятіе въ орденъ перенести будетъ не легко.

Онъ прибылъ на праздникъ первый. На огромной мраморной лѣстницѣ, по сторонамъ отъ растянутого на ней толстаго ковра, столбами вытянулись огромные пудренные лакеи въ синихъ ливреяхъ и въ чулкахъ. Штааль поспѣшно сталъ подниматься, неловко оглядываясь на этихъ людей, изъ которыхъ каждый былъ выше его головою. Замѣтивъ молодость перваго гостя и его неувѣренный видъ, лакеи приняли менѣе принужденную позу; а одинъ наверху даже дерзко усмѣхнулся, глядя на вошедшаго съ той самоувѣренностью, какую даетъ, независимо отъ социальнаго положенія, большое превосходство роста. Штааль быстро прошелъ въ залъ Гваренги, еще только наполовину освѣщенный. Кромѣ стоявшихъ у дверей двухъ великановъ, въ залѣ не было ни души. Лишь на хорахъ невидимый оркестръ настраивать инструменты. Стѣва, наверху, въ залу открывались темные квадраты ложъ. Штааль зналъ, что ложки эти — для парочекъ, ищущихъ на балѣ уединенія, — Иванчукъ устроилъ въ подражаніе знаменитому празднику князя Потемкина въ Таврическомъ Дворцѣ. Видъ ложъ и звуки настраиваемыхъ инструментовъ щекотали нервы Штааля, который чувствовалъ себя неуютно, хотъ и твердо помнилъ, что онъ въ домѣ свой человѣкъ. Иванчукъ, безъ кафтана, въ сопровожденіи двухъ слугъ, на цыпочкахъ пронесся по залѣ. Штааль радостно направился къ нему, но онъ, отчаянно щурясь, замахалъ головой, затрясъ надъ ней руками, точно Штааль хотѣлъ все испортить, и пронесся дальше. «Зачѣмъ же этотъ хамъ просилъ меня пріѣхать какъ можно раньше?» — подумалъ, обидѣвшись, Штааль. — «Хотъ бы прогналъ его Александръ Андреевичъ» (объ увольняемыхъ со службы людяхъ рѣдко говорятъ: «его уволили» или «онъ ушелъ», а больше «его прогнали», «онъ вылетѣлъ»). Къ облегченію Штааля, въ дверяхъ по-

казался новый гость, вдобавокъ знакомый: конно-гвардеецъ Александръ Рибопьеръ. Это былъ небольшого роста семнадцатилѣтній мальчикъ съ необыкновенно оживленнымъ выраженіемъ подвижнаго красиваго лица. Радость жизни такъ его переполняла, что на него трудно было смотрѣть безъ улыбки. У него и ротъ всегда былъ полуоткрытъ, обнажая мелкіе бѣлые зубы. Кожа на лбу у Рибопьера была по дѣтски такъ твердо и гладко обтянута, что его часто гладили по лбу (это выводило его изъ себя). Штааль не очень любилъ Рибопьера: немного завидовалъ этому баловню судьбы (въ немъ сразу чувствовалъ баловень судьбы), завидовалъ даже его молодости и тому, что, несмотря на свои семнадцать лѣтъ, онъ уже какъ ни какъ считался большимъ. Самъ Штааль только что вступилъ въ тотъ возрастъ, когда молодой человѣкъ неожиданно, съ чувствомъ недоумѣнія и грусти, замѣчаетъ, что первая его молодость безвозвратно прошла и что надъ нимъ изъ-за нея больше не подтруниваютъ и никогда подтрунивать не будутъ, — а прежде такія шутки вызывали въ немъ раздраженіе.

Штааль вдобавокъ зналъ, что въ этотъ вечеръ у Рибопьера была, кромѣ его семнадцати лѣтъ, особая причина для возбужденно-радостнаго настроенія: весь Петербургъ говорилъ, будто этотъ мальчикъ былъ соперникомъ императора Павла въ милостяхъ Анны Лопухиной. Еще утромъ Штааль слышалъ изъ разныхъ устъ съ несходившимися подробностями разсказъ о томъ, какъ императоръ въ необычный часъ пріѣхалъ во дворецъ на набережной Невы, только что имъ подаренный отцу Лопухиной: не заставъ ея дома, по указанію Екатерины Николаевны, ненавидѣвшей свою падчерицу, черезъ пробитую въ стѣнѣ дверь онъ вошелъ въ сосѣдній домъ Долгорукихъ и тамъ засталъ Анну Петровну — одни говорили наединѣ съ Рибопьеромъ, другіе — въ его

объятіяхъ. Что было дальше, не объяснялось: «Картина!» — только повторяли радостно рассказчики. Штааль — больше изъ зависти къ Рибопьеру — громко выражалъ сомнѣніе въ достовѣрности этого происшествія и говорилъ, что еслибы въ немъ была хоть небольшая доля правды, то Палень тотчасъ пригласилъ бы Рибопьера на «стаканчикъ лафита» (такъ почему-то называли ссылку въ Сибирь). Но теперь, по взволнованному лицу мальчика, онъ видѣлъ, что въ рассказѣ должна быть доля правды.

Доля правды въ немъ дѣйствительно была, и это въ самомъ дѣлѣ приводило въ особо-взволнованное состояніе Рибопьера. Онъ не былъ влюбленъ въ Анну Петровну, — во всякомъ случаѣ не больше чѣмъ въ другихъ хорошенькихъ женщинъ. Государь засталъ ихъ не наединѣ, а въ обществѣ другихъ гостей: они танцевали вальсъ, при чемъ Рибопьеръ держалъ даму не одной рукой, а двумя, что было строго запрещено царемъ. На всѣхъ лицахъ изобразилась ужасъ, когда въ дверяхъ внезапно появилась мрачная фигура Павла. Ничего больше не произошло; государь скоро уѣхалъ. Но Рибопьеръ и теперь не могъ освободиться отъ смѣшаннаго чувства испуга, счастья и гордости: онъ, котораго всѣ еще называли Сашей, которому говорили ты и котораго гладили по лбу, былъ въ любви соперникомъ императора. Всю ночь онъ замирая ждалъ страшнаго стука въ дверь и появленія великана фельдгегера, — съ кибиткой, для отвоза его въ Сибирь; а утромъ выйдя изъ дому, онъ осматривался и тщательно избѣгалъ подворотенъ, гдѣ его могли ждать подосланные убійцы (еслибы съ нимъ пожелали покончить тайно). Ни фельдгегера, ни убійцъ не было, но сознаніе опасности, которой онъ подвергался, не покидало Рибопьера даже въ домѣ князя Безбородко, — хоть онъ и предполагалъ, что на людяхъ съ нимъ не рѣшатся покончить.

При видѣ Штааля Рибопьеръ первымъ дѣломъ себя спросилъ, слышалъ ли уже Штааль, и, если не слышалъ, то какъ ему рассказать, не компрометируя чести женщины. Это страстное желаніе Штааль тотчасъ почувствовалъ — съ проникательностью молодыхъ людей, враждебно настроенныхъ другъ къ другу, и нарочно сдѣлалъ видъ, будто ровно ничего не слышалъ, когда Рибопьеръ принялся осторожно, никого не называя и не компрометируя чести женщины, рассказывать свою исторію. Это очень огорчило юношу. Но его утѣшилъ Иванчукъ, вновь пронесшійся по залѣ: увидѣвъ новаго гостя, онъ на мгновеніе остановился, захохоталъ и потрепалъ Рибопьера по плечу.

— Слыхали, братъ, слыхали о твоёмъ вальсонѣ съ Анетъ Лопухиной!.. Смотри, Сашенька, въ Сибирь не угоди!

Несмотря на упоминаніе о Сибири или вслѣдствіе этого упоминанія, Рибопьеръ вспыхнулъ отъ удовольствія.

— Да вѣдь что-же, вѣдь ничего собственно не было, — скромно началъ онъ.

— Ну, Сашенька, ты не ври, — это, братъ, кажется, изъ «Цивильскаго Цирюльника»!..

Иванчукъ опять захохоталъ и понесся дальше. Штааль упорно дѣлалъ видъ, будто во всей исторіи нѣтъ ничего ни удивительнаго, ни интереснаго. Онъ даже незаметно зѣвнулъ. «Выскачка», — думалъ онъ о Рибопьерѣ, вспоминая, что, по слухамъ, отецъ мальчишки былъ французъ-парикмахеръ, по имени Пьеръ Рибо. Неожиданно вниманіе Штааля заняло сходство именъ: Рибопьеръ — Робеспьеръ. Онъ вспомнилъ картонное лицо революціоннаго диктатора, посмотрѣлъ на мальчишку — и невольно улыбнулся. То, что онъ зналъ Робеспьера, было ему теперь особенно пріятно, такъ

какъ свидѣтельствоваало объ огромномъ превосходствѣ его жизненнаго опыта надъ опытомъ Рибопьера, хотъ бы тотъ и былъ соперникомъ императора. «А можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ сочинилъ всю эту исторію съ Лопухиной. Очень мальчишки врутъ о такихъ своихъ дѣлахъ... И я привиралъ въ свое время»... — подумалъ онъ.

Рибопьеръ тотчасъ почувствовалъ недоброжелательство Штаалъ и насторожился. Другихъ гостей еще не было и имъ приходилось поневолѣ оставаться вмѣстѣ. Медленно гуляя по залѣ, Штаалъ тономъ хозяина и знатока показывалъ ея главные достопримѣчательности. Хозяинскій тонъ его теперь раздражалъ Рибопьера. «Экая, подумаешь, честь, что онъ свой человѣкъ у Александра Андреевича, даже если не вретъ и въ самомъ дѣлѣ свой человѣкъ»... — думалъ онъ (Безбородко, несмотря на его первый въ имперіи постъ и огромное богатство, никому не внушалъ особеннаго преклоненія). Онъ сбоку смотрѣлъ на Штаалъ и съ повышенной насмѣшливостью, свойственной семнадцатилѣтнимъ мальчикамъ, старался найти въ немъ что-либо такое, о чемъ можно было бы пустить забавный и злой рассказъ. Картины совершенно не интересовали Рибопьера: какъ всѣ очень молодые люди, онъ ничего не понималъ въ искусствѣ, — ему даже были неизвѣстны имена знаменитыхъ художниковъ, которыя называлъ Штаалъ (самъ Штаалъ только и зналъ, что ихъ имена). Но въ концѣ зала, у двери, ведущей во внутренніе покои, Рибопьеръ вдругъ залился звонкимъ хохотомъ при видѣ мраморной статуи Эрота, обнесенной рѣшеткой изъ мѣдныхъ стрѣлъ.

— Такъ объ этой-то статуѣ Гаврила Романовичъ написалъ «Крезова Эрота»! — съ трудомъ выговорилъ онъ наконецъ.

Стихотвореніе, въ которомъ Державинъ, недолюбливавшій Безбородко, высмѣялъ его немощь, поль-

зовалось большой популярностью у молодежи. Штааль тотчас продекламировалъ:

... Что, сказала я, такъ слезами
Льется сей крылатый богъ?
Иль толикими стрѣлами
Въ сердце чье попасть не могъ?
Иль его безсилень пламень?
Тщетень токъ опасныхъ слезъ?
Ахъ! Нашла коса на камень:
Знать, любить не можетъ Крезъ.

Рибопьеръ, схватившись руками за притлаженные виски и сжимая ихъ такъ, чтобы не разстроить прически, заливался неудержимымъ смѣхомъ. Онъ лишь очень недавно узналъ женщинъ. То, о чемъ говорилось въ стихахъ, теперь составляло главное содержаніе его жизни (ему было на балахъ трудно танцевать отъ волненія) и именно поэтому его такъ смѣшили — своей невѣроятностью — стихи Державина.

— «Знать, любить... не можетъ... Крезъ»... — задыхаясь отъ смѣха, повторилъ онъ.

Штааль сдѣлать испуганный жестъ: дверь изъ внутреннихъ покоевъ безшумно открылась и въ залу вошелъ, тяжело опираясь на палку, сторбившись плечами и запрокидывая назадъ голову, Александръ Андреевичъ въ черномъ кафтанѣ, въ спанчѣ изъ черныхъ кружевъ. Измученный, больной видъ князя, его распухшее, отъ чернаго воротника особенно блѣдное лицо сильнѣе прежняго поразили Штаалья.

— Ты это что, изъ «Крезова Эрота» читаешь? — спросилъ канцлеръ остолбенѣвшаго отъ смущенія Рибопьера. — Славные стишки!..

Онъ сказалъ это какъ-бы равнодушнымъ тономъ, но по сердитому выраженію его глазъ Штааль почувствовалъ, что едва-ли князь находитъ стишки славными.

— Славные стишки... — повторилъ Александръ Андреевичъ. — Хотъ и то сказать: экой Геркулесъ

напелся Гаврила Романовичъ! Изъ самого песка сыплется — и туда-же!... А ты, голубчикъ, поживи съ мое, молоко на губахъ подсохнетъ, — тогда посмѣешься... Я, можетъ, на своемъ вѣку больше женщинъ знать, чѣмъ тебѣ случалось д.. (Штааль весело разсмѣялся, услышавъ живописное выраженіе, которымъ Александръ Андреевичъ награждать Рибопьера, сильно покраснѣваго отъ этихъ словъ). Да... Старъ пестрякъ, да уха сладка...

Онъ будто ласково потрепалъ Рибопьера по спинѣ, и пошелъ, опираясь на палку, въ примыкавшую къ залѣ Гваренги голубую гостиную, въ которой долженъ былъ принимать наиболѣе почетныхъ гостей. Рибопьеръ прикрылъ ладонью ротъ, выражая досаду, что такъ смутить старика.

V

Появились новые гости и Рибопьеръ, общій любимецъ, тотчасъ къ нимъ присоединился. Штааль сдѣлалъ видъ, что и самъ какъ разъ хотѣлъ отъ него отойти, такъ какъ онъ ему надоелъ. Но среди новыхъ гостей у него не оказалось знакомыхъ. Съ равнодушнымъ видомъ онъ бродилъ по наполнявшемуся залу, небрежно и неслышно напѣвая «Звукъ унылой фортепьяна»... Болѣе старые гости проходили въ голубую гостиную, къ Александру Андреевичу, который по праву больного не выходилъ изъ этой комнаты и не вставалъ съ кресла. Самыхъ почетныхъ гостей еще впрочемъ не было: они должны были явиться въ мальтійской свитѣ императора. Штааль вышелъ въ галерею надъ парадной лѣстницей. Оттуда наблюдали съѣздъ гости, очевидно тоже неуютно чувствовавшіе себя въ залѣ и потому иронически настроенные. Съѣздъ былъ въ разгарѣ. Небольшую сенсацию вызвалъ пріѣздъ Лопухиныхъ.

Штааль впервые видѣлъ въблизи фаворитку. Ея лица удивило его обыкновенностью. «Ничего особеннаго... Только глаза хороши...» Ему почему-то казалось, что императоръ могъ полюбить лишь первую красавицу въ Россіи. Черезъ минуту послѣ того, какъ Лопухины вошли въ залъ Гваренги, оркестръ заигралъ вальсъ. Изъ галереи кое-кто устремился въ залъ. Большинство стоявшихъ надъ лѣстницей осталось, вполголоса разговаривая о Лопухиной. Одни тоже разочарованно спрашивали, что въ ней напелъ государь. Другіе сомнѣвались, дѣйствительно ли она любовница Павла Петровича; онъ всячески подчеркивалъ просто-дружескій характеръ ихъ отношеній и даже, по слухамъ, подыскивалъ для нея жениха. Третьи говорили объ огромномъ вліяніи фаворитки: новый линейный корабль названъ «Благодать» въ ея честь, такъ какъ имя Анна значитъ благодать на какомъ-то языкѣ — не то по гречески, не то по еврейски. Строившійся дворецъ государя у Лѣтняго Сада приказано выкрасить въ цвѣтъ перчатокъ Анны Петровны... Говорили о ней безъ злобы: дамъ среди стоявшихъ на галереѣ не было, а между мужчинами у этой семнадцатилѣтней миловидной дѣвочки еще не было враговъ. Только одинъ пожитой малороссъ-полковникъ изумленно кивалъ головою, услышавъ, что Анна Петровна стоитъ за войну съ Франціей.

Въ галереѣ появился Иванчукъ, по прежнему взволнованный, но уже степенный, одѣтый по послѣдней модѣ. Онъ хотѣлъ убѣдиться въ томъ, что на лѣстницѣ все обстоитъ благополучно. Увидѣвъ холодно отвернувшася отъ его взгляда Штааль, Иванчукъ поспѣшно къ нему подошелъ.

— Прости, братъ, что тогда съ тобою не задержался. Голова идетъ кругомъ, — сказалъ онъ, пожимая руку Штаалю. — Очень ты хорошъ въ мундирѣ...

Штааль, смягченный, пожалъ плечами.

— Ты, надѣюсь, ничего нынче не ѣлъ? Ужинъ, братъ, будетъ неизобразимый!—таинственно сказала Иванчукъ. — Да вотъ не хочешь ли пойти со мной?

Онъ взялъ Штааля подъ руку и повелъ его изъ залы. Въ сосѣднихъ съ уже открытыми залами помѣщеніяхъ люди накрывали столы дорогими скатертями, — подъ ужинъ на тысячу человѣкъ были отведены въ домѣ все три столовые, картинная галерея и еще нѣсколько комнатъ. Иванчукъ вездѣ все оглядывалъ хозяйскимъ взглядомъ — повидимому не въ первый разъ — и отдавалъ распоряженія, которыя прислуга выслушивала молча и утрумо. Особенно долго задержался онъ въ малой столовой, гдѣ должны были ужинать императоръ, великіе князья и княгини, эрцгерцогъ, принцы Мекленбургскіе и человѣкъ двадцать высшихъ сановниковъ. Въ этой особенно роскошно обставленной комнатѣ, странно освѣщенной стеклянными шарами, столы были мраморные, на стульяхъ чернаго дерева лежали одинаковыя парчевыя подушки, а посуда вся была изъ чистаго золота. Распоряжался въ малой столовой мажордомъ князя, сѣдой итальянецъ въ черномъ шелковомъ фракѣ, въ чулкахъ и при шпагѣ. Онъ недоброжелательно посмотрѣлъ на вошедшихъ, видимо хотѣлъ что-то сказать, но сдержался и, отвернувшись, продолжалъ отдавать лакеямъ распоряженія на ломанномъ русскомъ языкѣ. Иванчукъ приблизился къ креслу императора, внимательно его осмотрѣлъ, сдулъ какую-то пушинку и поправилъ передъ кресломъ золотое плато, изображавшее рогъ изобилія. Затѣмъ столь-же заботливо осмотрѣлъ и понюхалъ, жмурясь, разложенное на мозаичныхъ столикахъ по угламъ душистое куренье. Все было въ полномъ порядкѣ. Иванчукъ однако неодобрительно качалъ головой (мажордомъ смотрѣлъ на не-

го съ худо скрываемой ненавистью). Штааль хотѣлъ взять со стола меню.

— Я и такъ тебѣ все скажу, — сказалъ Иванчукъ, съ безпокойствомъ хватая его за руку. — Будетъ шестьдесятъ три блюда... У Строганова бывало и больше, но мы выбрали шестьдесятъ три по числу буквъ: «Его Величество Павелъ Петровичъ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій». По моему, недурная мысль, а? Завадовскій обѣщалъ за ужиномъ обратить на это вниманіе Его Величества, — не забылъ бы онъ только...

— Да развѣ кто можетъ съѣсть шестьдесятъ три блюда? — съ удивленіемъ спросилъ Штааль.

— Отчего же? Гость до обѣда соловей, а послѣ обѣда воробей... — отвѣтилъ Иванчукъ. — Иной, пожалуй, и перышкомъ радъ-бы воспользо-ваться, въ горлѣ пощекотать: у Строганова всегда даютъ гостямъ перышки... Но я не велѣлъ, — по моему, это гадость... Птихи другое дѣло: для нихъ растоплена баня и поставлена паюсная икра. Могутъ искупаться въ банѣ, а тамъ опять пить съ новой силой... А я тебѣ скажу что нынче надо ѣсть. Изъ закусокъ ты возьми щеки селедокъ, — изумительная, братецъ мой, вещь, но и морока-же, доложу тебѣ: на одну тарелку идетъ больше тысячи сельдей... Изъ суповъ — кавардакъ... Или нѣтъ, пожалуй, возьми уху: очень хороша будетъ уха, — изъ кронштадскихъ ершей. Пирожки до одного безподобные, — непременно отвѣдай всѣ восемь сортовъ: «бодрые», «нескучные», «повтори», «съ рыбкой-съ», «съ живыми картинами», «просто прелесть», «маль золотникъ да дорогъ», «что въ ротъ, то спасибо», — безъ запинки перечислилъ Иванчукъ. — Затѣмъ изъ сурьезныхъ блюдъ рекомендую *côti de l'Impératrice*. Это братъ, тоже сложная штука: жаренка начиняютъ оливками и кладутъ въ перепелку, снимашь? Потомъ перепелку кладутъ въ

куропатку, куропатку — въ фазана, фазана — въ каптуна, каптуна въ поросенка, а поросенка жарятъ особымъ манеромъ на гвоздикѣ... Омѣшеніе вкусовъ, аромъ!.. Описать нельзя, — самъ отвѣдаешь... Но лучше всего будетъ, пожалуй, свиная печенка, только ужъ извини, братъ, ты въ картинной ужинаешь, а ее въ одну эту комнату и подадутъ: Павла Петровича любимое блюдо. — я царскому повару за секретъ пятьдесятъ рублей далъ... Постой!..

Онъ посмотрѣлъ на часы.

— Ну да, сейчасъ будутъ рѣзать гречанку.

— Кого? — спросилъ Штааль.

— Свиныю. Мы ее полгода кормили гречкиными орѣхами, поили лучшимъ венгерскимъ виномъ. Необходимо, видишь-ли, свинью зарѣзать пьяной и притомъ не долѣ какъ за часъ-полтора до сервировки, — тогда печенка много вкуснѣе... Знаешь что, пойдемъ-ка со мною на кухню, я тебѣ все покажу...

Они вышли изъ столовой, къ большому удовольствію мажордома, и направились цѣлюю корридоромъ по направленію къ кухнѣ. По дорогѣ Иванчукъ общалъ Штаалю еще разныя подробности о предстоящемъ ужинѣ.

— Къ жаркому не забудь взять салатъ: соленые персики или лучше ананасы въ укусуѣ... Ты видалъ когда-нибудь ананасы?

— Помилуй! — сердито отвѣтилъ Штааль, раздраженный тѣмъ, что Иванчукъ спросилъ «видалъ».

— Это новый фруктъ, — пояснилъ недовѣрчиво Иванчукъ. — Его привозятъ изъ Индіи. Очень вкусенъ и съ укусомъ въ салатѣ, и съ сахаромъ на десертѣ...

Изъ кухонь издали неся шумъ. Пахнуло жаромъ и запахомъ, невыносимымъ для сытаго человѣка. Кухни въ домѣ князя Безбородко занимали нѣсколько огромныхъ комнатъ: въ нихъ въ этотъ день, кромѣ двадцати собственныхъ поваровъ князя, рабо-

тало еще много приглашенных со стороны, — изъ дворцовъ и изъ клубовъ. Люди въ бѣломъ платьѣ съ багрово-красными лицами носились по душнымъ комнатамъ, рубили, стучали, что-то приносили, что-то подливали, что-то пробовали. Среди нихъ въ шелковомъ кафтанѣ, высоко держа пудренную голову и выпятивъ на толстомъ животѣ бѣлый жилетъ съ пѣпочкой, неторопливо расхаживалъ главный шефъ кухни князя, мосье Рено. Онъ не носилъ ни колпака, ни фартука (какъ знаменитые химики, щеголяя своимъ экспериментальнымъ искусствомъ и точностью работы, не носятъ фартуковъ въ лабораторіи); впрочемъ, его дѣло заключалось лишь въ томъ, чтобы давать идеи, — исполнителями были другіе. На пѣпочкѣ у мосье Рено висѣлъ медальонъ съ изображеніемъ Людовика XVI въ рамкѣ изъ черной эмали: мосье Рено былъ легитимистъ, горячо преданный дѣлу Бурбоновъ и искренне сожалѣвшій о старомъ строѣ. Но, въ отличіе отъ большинства эмигрантовъ, сильно преувеличивавшихъ свое прежнее богатство, роскошь жизни и почетное положеніе (въ послѣдніе годы они уже это дѣлали почти безсознательно, по привычкѣ, отдаваясь неистребимой потребности самоутѣшенія, — и плохо вѣрили другъ другу), мосье Рено охотно рассказывалъ каждому, какъ онъ былъ сначала поваренкомъ, а затѣмъ поваромъ у самого принца Конде. Несмотря на всѣ потрясенія революціи, мосье Рено за десять лѣтъ ни разу не усомнился ни въ одномъ изъ установленій стараго порядка: власть и далекое превосходство намъ нимъ принцевъ, герцоговъ и графовъ онъ очень легко переносилъ и принималъ какъ самое естественное явленіе, — въ революціи ему всего обиднѣе было именно то, что эта власть надъ нимъ и социальное превосходство перешли къ людямъ его круга. Своего пропалаго онъ не скрывать еще и потому, что, какъ всѣ не бездарные и не гениальные люди, гордился

своей профессіей и любилъ ее. Мосье Рено привѣтливо встрѣтилъ гостей и тотчасъ подвелъ къ серебряному чану-кастрюль вмѣстимостью въ десять ведеръ, въ которомъ варилась уха изъ кронштадскихъ ершей. Въ качествѣ чисто-русскаго блюда, она находилась на отвѣтственности русскаго повара. Поваръ этотъ Игнатъ, высокій немолодой человѣкъ съ красивымъ нахмуреннымъ лицомъ, стоялъ передъ чаномъ и внимательно наблюдалъ за жидкостью. Мосье Рено попробовалъ уху, закрылъ глаза и черезъ полминуты кивнулъ одобрительно головою.

— *Mes compliments, Ignace...* Карошо... — сказать онъ.

У Игната, безпокойно слѣдившаго за выраженіемъ лица мосье Рено, просіяли глаза (лицо его уже не могло стать краснѣе).

— Ну, а гречанка? Не пора ли, Игнатъ? — спросилъ озабоченно Иванчукъ и повторилъ вопросъ по французски, обращаясь къ шефу.

— И то пора, — подтвердилъ Игнатъ.

Мосье Рено кивнулъ головой и Игнатъ вышелъ. Черезъ минуту изъ дальней комнаты раздался ни на что другое не похожій крикъ — вмѣстѣ раздирающій и комическій визгъ свиньи, которую рѣжутъ. Иванчукъ повелъ туда упиравшагося Штаала.

— А ѣсть любилъ? Что за нѣжности? — говорилъ онъ съ хитрымъ видомъ человѣка, придумавшаго остроумный и неотразимый доводъ.

Когда они вошли въ послѣднюю изъ комнатъ, составлявшихъ помещеніе кухни, свинья уже была зарѣзана и дергалась въ предсмертныхъ издыханіяхъ. Мальчикъ сметалъ шваброй кровь въ желобъ, шедшій по краямъ чуть покатаго каменнаго пола (дальняя, отдѣленная комната эта спеціально предназначена для убоя животныхъ). Поваръ Игнатъ, слегка наклонившись и опираясь руками о бедра, пристально, съ интересомъ смотрѣлъ на дергавшіяся

шею и брюхо огромнаго животнаго. Штааль почувствовалъ отвращеніе. Не дожидаясь Иванчука, онъ поспѣшно, на цыпочкахъ, вышелъ изъ кухни.

VI

Штааль заблудился въ длинной цѣпи корридоровъ и вышелъ не туда, куда было нужно. Поднялся по какой-то лѣстницѣ, — между тѣмъ помнилось ему, что по пути въ кухню лѣстницъ не было. Музыка слышалась все дальше. Корридоры становились бѣднѣе, — тѣ были покрыты коврами и ярко освѣщены, а здѣсь онъ шелъ по голому каменному полу, при свѣтѣ одиноко мерцавшихъ, не восковыхъ, а сальныхъ толстофитильныхъ свѣчей. Затѣмъ онъ попалъ въ большую, очень низкую полутемную комнату, гдѣ плотно другъ къ другу были прижаты высокія деревянныя нары, крытыя худыми тюфяками. На нѣкоторыхъ изъ нихъ у стѣны лежали вповалку люди. Оттуда слышался храпъ. Воздухъ въ комнатѣ стоялъ очень тяжелый. Очевидно здѣсь была одна изъ спаленъ прислуги, гдѣ теперь отдыхали люди, работавшіе ночью. Послѣ блестящихъ пріемныхъ залъ Штаала особенно непріятно удивили бѣдность этой комнаты и условія, въ которыхъ жили слуги въ домѣ перваго богача Россіи, вдобавокъ добраго и не скупого человѣка. Штааль оставилъ эти мысли и поспѣшно пошелъ дальше. Пройдя еще два корридора, онъ остановился: изъ-за стѣны слышались женскіе голоса, смѣхъ... «Ужъ не здѣсь-ли гаремъ Александра Андреевича?» — подумалъ онъ. Но тотчасъ сообразилъ, что для гарема Александръ Андреевичъ, вѣроятно, подыскалъ бы болѣе подходящее помѣщеніе. «Да вѣдь его дѣвицы живутъ на дачѣ противъ Смольнаго», — вспомнить Штааль. Онъ

представилъ себѣ — съ большимъ трудомъ — обстановку княжескаго гарема и почувствовалъ, что, какъ это ни дурно, ему мучительно хочется имѣть гаремъ: женщинъ, съ которыми онъ могъ бы дѣлать все что угодно. Онъ даже ускорилъ отъ нетерпѣнія шаги, хотя шель не въ гаремъ. Звуки музыки стали приближаться. Снова появились ковры, диваны. Онъ внезапно вышелъ въ ярко освѣщенный широкій, очевидно заново отдѣланный, корридоръ, съ правой стороны котораго были симметрично расположены низкія бархатныя портьеры. Оттуда — теперь очень громко — слышались звуки вальса „Cosa гага“. Штааль сообразилъ, что за портьерами находятся ложи, устроенныя Иванчукомъ въ подражаніе князю Потемкину. Онъ остановился и прислушался. Изъ нѣкоторыхъ ложъ, смѣшиваясь со звуками вальса, доносились негромкіе голоса. За другими портьерами ничего не было слышно. Штааль осторожно отодвинуть крайнюю портьеру и вошелъ въ пустую ложу. Длинная узкая ложа не была освѣщена. Впереди, какъ сцена въ театрѣ, открывался залъ Гваренги.

Штааль ахнулъ отъ восторга. Зрѣлище въ самомъ дѣлѣ было удивительное. Въ необозримо-громадномъ залѣ, подъ звуки мариновскаго вальса, лившіеся откуда-то сверху, кружилось около двухсотъ паръ. Золото блестящихъ мундировъ, туалеты, голыя плечи и руки дамъ, бархатъ и палисандръ мебели, мраморныя статуи и колонны, — все было залито свѣтомъ десяти тысячъ восковыхъ свѣчей и отражалось въ венеціанскихъ зеркалахъ, подымавшихся до потолка залы...

Изъ своей темной ложи Штааль смотрѣлъ внизъ и не могъ оторвать глазъ. Только черезъ нѣсколько минутъ сказочная картина стала распадаться на части. Немного высунувшись изъ ложи, онъ неожиданно встрѣтился глазами съ Екатериной Никола-

евной. Она сидѣла въ креслѣ и разговаривала съ Рибопьеромъ, обмахивая вѣеромъ, какъ показалось Штаалу, не себя, а его. Съ полминуты Штааль и Лопухина смотрѣли другъ на друга взглядомъ, почти одинаково наглымъ съ обѣихъ сторонъ. Затѣмъ Лопухина отвернулась съ легкой усмѣшкой. Штааль почему-то почувствовалъ себя смущеннымъ, несмотря на одержанную побѣду. Онъ демонстративно пожалъ плечами (никто однако этого не видѣлъ), отошелъ вглубь ложи и сѣлъ въ самое дальнее кресло. Только теперь онъ замѣтилъ, что въ полутемной ложѣ стояли на столикѣ бутылка шампанскаго въ ведеркѣ со льдомъ, печенье и фрукты. «Ну, это Иванчукъ перестарался», — подумалъ онъ. — «Точно кабинетъ у Люна... Мало-ли что Потемкинъ дѣлалъ, — такъ то Потемкинъ!.. *C'est du parfait mauvais goût*». . . Однако онъ налилъ шампанскаго въ бокалъ и выпилъ не безъ удовольствія, хоть не очень любилъ это вино (тщательно это скрывалъ, даже отъ самого себя, — какъ и то, что не любилъ устрицъ).

«Пойти развѣ внизъ? Смѣшно такъ здѣсь сидѣть одному», — подумалъ Штааль и не тронулся съ мѣста. Сидѣть въ креслѣ было очень покойно, а внизу въ залѣ онъ чувствовалъ себя неуютно и одиноко (въ этомъ тоже ни за что бы никому не признался). Кромѣ того онъ хотѣлъ собраться съ мыслями. Чувствовалъ, что надо сдѣлать какой-то очень важный выводъ, — изъ чего и какой именно, онъ не зналъ.

Штааль откинулъ голову на спинку кресла. Въ такомъ положеніи ему былъ виденъ только небольшой участок зала у противоположной стѣны. Въ участкѣ этомъ одна за другой, медленно кружась, проходили пары, большей частью ему незнакомыя. Мелькнуло малиновое платье Анны Лопухиной. Она танцевала съ Уваровымъ, официальнымъ другомъ ея мачехи. Штаалу очень не понравился тяжелый

широкоплечій Уваровъ, который, благодаря Толухиной, въ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлалъ сказочную карьеру. «А вѣдь невѣжда совершенная, — даже по французски ни слова не знаетъ», — думалъ съ злобой Штааль, вспоминая ходившіе въ городѣ анекдоты объ Уваровѣ: говорили, будто онъ въ сѣняхъ итальянскаго театра, когда вызывали кареты, громко кричалъ: „*Pas ma!... Pas ma!.. Ma, ma!*“ — «А вотъ, поди-жъ ты, двѣсти челоуѣкъ обошелъ по службѣ... Теперь его вся Россія знаетъ... Ну, и меня будетъ знать»...

И вдругъ выводъ, который онъ долженъ былъ сдѣлать, сразу сталъ совершенно ясенъ Штаалю. «Да, конечно, я больше не могу такъ жить: князю Александру Андреевичу, какъ всѣмъ и мнѣ, нужны, необходимы, какъ воздухъ необходимы дворецъ, прекрасныя женщины, и почести, и власть, и больше всего богатство, одно способное дать мнѣ все то, что мнѣ нужно... И я на что угодно пойду, но буду, буду богатъ»...

Только теперь на балу «всеѣмъ» ясно опредѣлилось это чувство, медленно нараставшее въ немъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. На богатство было, однако, мало надежды. Зоричъ, отечески относившійся къ Штаалю, говорилъ когда-то, что не забудетъ его въ свсемъ завѣщаніи. «Вѣрно, выйдетъ пустякъ», — думалъ Штааль, — «очень были разстроены и дѣла Семена Гавриловича». Онъ любилъ Зорича, но чувствовалъ, что ему было бы чрезвычайно пріятно стать наслѣдникомъ богатства своего воспитателя. «Хорошо было бы и наслѣдство получить, и такъ чтобы онъ не умеръ.... Какой впрочемъ вздоръ!...» Штааль не испытывалъ отъ своихъ тайныхъ мыслей ни стыда, ни укоревъ совѣсти. Напротивъ, къ большому его удивленію, эти мысли сообщали ему какую-то непривычную свободу и душевную бодрость. Онъ думалъ, что богатство нужно ему для власти и

почета. Но чувствовалъ и неправду въ этихъ мысляхъ: Россія одна изъ очень немногихъ странъ, гдѣ властью и всеобщимъ почетомъ можетъ пользоваться человѣкъ совершенно неимущій. «Сколько однако такихъ?» — мысленно спрашивалъ онъ, — «и какъ я такимъ стану? Да и сущій вздоръ, нѣтъ порядочныхъ людей», — радостно отвѣчалъ онъ себѣ. — «Ужъ потому нѣтъ и быть не можетъ, что есть на свѣтѣ женщины (онъ вспомнилъ Настеньку, — уже прошло два года!). Какого честнаго человѣка любовь не приводила въ мерзкое, гнусное, постыдное положеніе? Кого не заставляла обманывать, лицемерить, предавать?... Нѣтъ, конечно, надо стать богачемъ... Все, все сдѣлаю для богатства, — фортуна придетъ, должна прійти», — увѣренно говорилъ онъ себѣ, чувствуя пріятную теплоту и отъ новой своей свободы, и отъ выпитаго шампанскаго, и отъ того, что никто никогда не узнаетъ этихъ его мыслей.

Портьера ложи открылась, изъ коридора на мгновеніе блеснула яркій свѣтъ.. На порогѣ стояла Екатерина Лопухина. Штааль изумленно вскочилъ. Она усмѣхнулась и сѣла на диванъ. Ея улыбка желала быть и казалась Штаалу вызывающей: робость развратной женщины общества, боязнь натолкнуться на грубаго, привычнаго къ проституткамъ человѣка, готовность обратить его возможный циничный тонъ въ шутку, — все это отъ него ускользало.

«Вотъ она, Фортуна», — подумалъ онъ.

Онъ сѣлъ на диванъ рядомъ съ Лопухиной, быстро и неуверенно взялъ ее за руку и придвинулъ ближе свое лицо къ ея глазамъ для того, чтобы она въ полутымѣ ложи могла разглядѣть его отвѣтную рѣшительную улыбку.

«Она и недурна собой... Конечно, это Фортуна:

черезъ нее я, какъ Уваровъ, могу добиться чего угодно»...

На мигновеніе его кольнуло воспоминаніе о геркулесѣ Уваровѣ. Но онъ тотчасъ подавилъ это въ себѣ, не допуская и мысли о страхѣ. «И не въ такихъ передѣлкахъ я бываю», — сказалъ онъ себѣ, какъ еслибъ отвѣчалъ другимъ: самъ не могъ бы указать, какія это передѣлки. И небрежнымъ тономъ онъ произнесъ фразу, которая въ тотъ годъ была въ большой модѣ и считалась почти обязательной при ухаживаніи, особенно на маскарадахъ:

— Сударыня, сказать-ли вамъ новость? Вѣдь я влюбленъ въ васъ до дурачества...

Она тотчасъ подхватила его маскарадно-шутливый тонъ и отвѣтила фразой столь-же обязательной:

— Ахъ, монкеръ, ты уморилъ меня своимъ вздоромъ... Ужестъ, какъ ты забавенъ!...

Начало было превосходное, но продолженія Штааль не могъ придумать. Онъ смутно предполагалъ, что дальше собственно нужно не говорить, а дѣйствовать. «Не здѣсь-же однако въ ложѣ, съ этой портьерой? Нельзя рисковать скандаломъ... И порванная рубашка!.. (кровь бросилась ему въ лицо). Нѣтъ, на первый разъ достаточно установить такія отношенія», — думалъ онъ, все крѣпче сжимая руку Екатерины Николаевны, для того чтобы еще уяснить отношенія. Но, по тусклому взгляду ея опущенныхъ, чуть косившихъ глазъ, даже ему, при его неопытности, показалось, что она ждала другого.

Въ эту минуту въ залѣ что-то вспыхнуло и въ ложѣ стало свѣтлѣе. Пронесся гулъ, покрывшій звуки вальса, которые сразу оборвались.

— Государь пріѣхалъ, — сказалъ оглянувшись Штааль взволнованнымъ шепотомъ. Лопухина быстро поднялась съ дивана и скользнувъ рукой по его

губамъ, чуть задержавъ руку на щекѣ, скрылась за портьерой.

Штааль послѣдовалъ за ней. Сбоку отъ крайней ложи, по узкой витой лѣстницѣ, поднимавшейся на хоры, гдѣ помѣщалась музыка, быстро шель, нервно оглядываясь назадъ и подергивая щекой, бѣдно одѣтый человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Штааль зналъ его въ лицо: это былъ директоръ придворной капеллы Дмитрій Бортнянскій.

VII

Люди, разставленные Иванчукомъ по дорогѣ отъ Зимняго Дворца къ дому Александра Андреевича, во время дали знать о выѣздѣ царскаго поѣзда. Иванчукъ съ бѣлымъ отъ ужаса лицомъ сбѣжалъ внизъ и отдалъ послѣднія распоряженія. Поверхъ пестрыхъ турецкихъ ковровъ, покрывавшихъ вестибюль и подъѣздъ, лакеи поспѣшно разматывали изъ клубка другой, узкій, малиновый коверъ, доходившій на улицѣ до того мѣста, гдѣ должна была остановиться карета. Это было очень тонко придумано: малиновый цвѣтъ считался любимымъ Анны Петровны, такъ что выборъ такой дорожки для императора и былъ, и вмѣстѣ не былъ манифестаціей въ честь Лопухиной: партія императрицы не могла все-таки придратъся къ коврамъ. Когда карета царя стала у подъѣзда, мастеръ-нѣмецъ поджегъ чуть-замѣтный шнуръ, соединявшій пять тысячъ еще нетронутыхъ свѣчей. Огонекъ скользнулъ и шипя улетѣлъ вдаль, потомъ вверхъ. На подъѣздѣ, въ вестибюлѣ, на парадной лѣстницѣ, во всѣхъ открытыхъ для гостей залахъ зажглись вензеля императора, такъ что стало еще свѣтлѣе, хоть и до того было свѣтло какъ днемъ. Этой штукой Иванчукъ

особенно гордился — съ надеждой, что у Шереметева до нея не додумаются.

Итальянецъ мажордомъ князя Безбородко вошелъ на цыпочкахъ въ голубую гостиную, приблизился къ Александру Андреевичу и взволнованно доложилъ ему объ ожидающемся сейчасъ прїѣздѣ императора. Безбородко, съ повисшей на лицѣ, за часъ не измѣнившейся, улыбкой, тяжело сидѣлъ въ креслѣ, въ обществѣ нѣсколькихъ старыхъ сановниковъ, которые видимо безуспѣшно старались его развлечь. Лицо его именно изъ-за этой улыбки особенно ясно выражало тяжелое физическое страданіе. Сановники поднялись съ мѣста, услышавъ слова мажордома. Но Александръ Андреевичъ, повидимому, не сразу понялъ то, что сказалъ итальянецъ; лишь черезъ минуту и на его лицѣ изобразился испугъ, который теперь вездѣ вызывало появленіе императора Павла. Растерянно оглянувшись на гостей, онъ поспѣшно всталъ (лицо его при этомъ искривилось отъ боли) и, тяжело опираясь на палку, небольшими торопливыми шагами пошелъ внизъ, въ вестибюль. Когда на лѣстницѣ внезапно вспыхнули огни царскихъ вензелей, Безбородко схватился за грудь и пошатнулся. Лакеи, вытянувшіеся шеренгой на ступенькахъ по обѣимъ сторонамъ лѣстницы, поддерживали князя. Онъ испуганно на нихъ взглянулъ, отстранилъ ихъ, замахавъ отрицательно головою, спустился къ самому подъѣзду и, прикрывъ отъ простуды ротъ ладонью, вышелъ изъ открытыхъ настежь парадныхъ дверей.

Въ залѣ Гваренги и въ прилежавшихъ къ ней парадныхъ комнатахъ музыка, танцы, разговоры мгновенно оборвались. Настала мертвая тишина. Посрединѣ залъ образовался широкій проходъ. Всѣ двери раскрылись еще шире. По обѣимъ сторонамъ каждой вытянулись столбами огромные лакеи.

Размѣреннымъ изученнымъ шагомъ, высоко под-

нимая ногу и тяжело, съ ударомъ, опуская ее на коверъ, во главѣ Мальтійскаго кортежа медленно шель землисто-блѣдный императоръ. Онъ былъ въ Преображенскомъ мундирѣ, но Штааль, стоявшій у стѣны во второмъ ряду гостей, замѣтилъ это не сразу: поверхъ мундира на государѣ былъ шитый жемчугомъ долматикъ пунцоваго бархата, а поверхъ долматика еще какая-то мантия. Рукой императоръ придерживалъ на головѣ вѣнецъ мальтійскаго гротмейстера. По паркету за государемъ скользила, развлекая вниманіе, широкая разноцвѣтная лента, спускавшаяся съ его праваго плеча. На нее видимо смертельно боялись наступить оруженосцы, слѣдовавшіе за Павломъ съ обнаженными палашиами. За оруженосцами, въ красныхъ рыцарскихъ костюмахъ, цѣпляясь ногами за непривычные тяжелые палаши, съ блѣдными лицами, шли великіе князья, нѣмецкіе принцы и высшіе сановники россійскаго государства.

Въ ту минуту, когда императоръ показался въ концѣ анфилады комнатъ и нѣсколько сотъ чловѣкъ склонилось въ низкомъ поклонѣ, — на хорахъ залы Гваренги заиграла музыка. Къ общему удивленію, она играла не гимнъ. Она играла торжественное и страшное.

Медленно, странной походкой шель безумный императоръ.

Слѣва, сзади отъ него, выдѣляясь чернымъ пятномъ на атомъ фонѣ мальтійскихъ мундировъ, измученно подвигался впередъ умирающій князь Безбородко.

Находившійся въ залѣ въ числѣ маловажныхъ гостей старый композиторъ Сартти слушалъ музыку со все возрастающимъ удивленіемъ. Ему впрочемъ и прежде казалось, что директоръ придворной капеллы — музыкантъ необыкновеннаго дарованія.

VIII

Переть самымъ ужиномъ, взвинченный музыкой Штааль, гуляя у дверей голубой гостиной, дождался наконецъ Александра Андреевича. Съ умоляющимъ выраженіемъ онъ подбѣжалъ къ нему и, осторожно взявъ князя за рукавъ, напомнилъ о своей просьбѣ. Безбородко уставился на молодого человѣка своимъ не понимающимъ взглядомъ.

— Да, да, въ рыцари, въ кавалергардскій корпусъ, — повторилъ онъ наконецъ, испуганно глядя на Штааля. — Конечно... Въ мальтійскій орденъ? Ну, что-жъ, я скажу... Сегодня-же скажу Литтѣ...

Онъ высвободилъ рукавъ и хотѣлъ идти дальше, но посмотрѣлъ на Штааля и задумался. Ему пришло въ голову, что вѣроятно онъ послѣдній разъ въ жизни видитъ этого молодого человѣка, къ которому онъ былъ расположенъ.

— Тебѣ это очень важно? — спросилъ онъ Штааля, положивъ ему руку на плечо.

— Больше, чѣмъ могу выразить, Александръ Андреевичъ, — горячо отвѣтилъ Штааль.

Безбородко смотрѣлъ на него съ сокрушеніемъ.

— Знаешь что? Чѣмъ съ Литтой говорить, дай-ка я сейчасъ попрошу государя... Подожди меня здѣсь...

Штааль разсыпался въ выраженія признательности. Александръ Андреевичъ вздохнулъ и снова скрылся за дверью голубой гостиной.

«Кажется, дѣло въ шляпѣ! Неужели государь откажетъ канцлеру?» — радостно думалъ Штааль, нервно расхаживая по комнатѣ. «Сейчасъ, пожалуй, меня туда потребуютъ... О чемъ они могутъ спросить?.. Государя надо назвать Sire... Говорятъ, Уваровъ императрицу надняхъ назвалъ Sirène.

Онъ думалъ, что это женскій родъ отъ Sire. Ну, да не въ этомъ дѣло... Вотъ идетъ Иванчукъ, — какъ бы не помѣшалъ... Почему такъ долго тянется?... Наконецъ! Слава Богу!.. »

Безбородко съ порога, держась за ручку полуоткрытой двери, быстро подзывалъ его къ себѣ косымъ движеніемъ глазъ и морщинъ лба. Штааль замирая вошелъ въ готубую гостиную. Послѣ шума тѣхъ зать его поразила тишина, бывшая въ этой комнатѣ. Въ ней находилось человѣкъ десять. Но Штааль видѣлъ только стоявшаго посреди́нѣ спиной къ столу, невысокаго человѣка, съ землистымъ лицомъ, безумными глазами и странными трубочками завитыхъ волосъ около ушей.

— Это онъ? — спросилъ хриплый голосъ.

— Онъ, Ваше Величество, — отвѣтилъ князь Безбородко.

— Monsieur, agenouillez-vous!

Штааль опустился на колѣни, не смѣя поднять глаза. Вдругъ надъ нимъ крестообразно сверкнулъ обнаженный палаашъ. Отъ неожиданности онъ чуть не вскрикнулъ и невольно поддался тѣломъ назадъ. Клинокъ больно задѣлъ его по уху и ударилъ по плечу плашмя.

— Nous, par la grâce de Dieu, grand maître de l'ordre de Saint Jean de Jérusalem, — произнесъ повышаясь хриплый голосъ, очень чисто и легко выговаривавшій по французски. Голосъ оборвался. Штааль поднималъ глаза и съ ужасомъ ихъ опустилъ. — Nous vous proclamons chevalier de cet illustre et puissant ordre! — вскрикнулъ вдругъ голосъ.

Всѣ молчали, потушивъ глаза.

На Штаалья пахнуло запахомъ аптеки; онъ услышалъ надъ ухомъ испуганный шопотъ Александра Андреевича:

— Да цѣлуй же руку!.. Руку цѣлуй!

Неловко, испуганно Штааль поцѣловаль — почему-то два раза — горячую руку, державшую опущенный мечъ.

— Теперь ступай по добру, по здорову. — шепнуть еще тише Александръ Андреевичъ.

Штааль попятился къ выходу. Только у дверей онъ совсѣмъ поднялъ глаза. Императоръ, показывая на него, говорилъ что-то военному губернатору Петербурга. Паленъ въ бѣломъ мундирѣ внимательно смотрѣлъ на царя, чуть наклонившись съ высоты своего большого роста.

«На кого это онъ похожъ?» — подумаль Штааль, не помня себя отъ радости.

Чуть не въ дверяхъ его встрѣтилъ и заключилъ въ объятія Иванчукъ, очевидно подсматривавшій въ щелку. Поздравляли съ милостью и другіе гости, находившіеся въ той-же комнатѣ. Штааль, поглаживая ухо, блаженно принималъ поздравленія.

— Спасибо... Очень, очень благодарю... Извините... Ахъ, ради Бога!... Повѣрьте... Да, да, въ рыцари. И въ кавалергардскій корпусъ... Я очень радъ... — безсвязно говорилъ онъ.

Дверь голубой гостиной снова открылась. Въ комнату вошелъ Паленъ. Онъ окинулъ ее быстрымъ взоромъ умныхъ проницательныхъ глазъ, отыскать Штаалья и съ легкой усмѣшкой поздравилъ его. Разговоры замолкли.

— По приказу Государя Императора, — сказалъ Паленъ чрезвычайно значительнымъ, даже мрачнымъ тономъ, который странно не согласовался съ его усмѣшкой (казалось, будто онъ шутить), — вы назначены, съ зачисленіемъ въ кавалергарды, въ десантную армию адмирала Ушакова, дѣйствующую противъ республики Партенопейской...

Послѣднія слова онъ произнесъ какъ будто явно шутливо. Но содержаніе его словъ очевидно противорѣчило всякой мысли о шуткѣ.

— Баронъ, я не знаю, какъ и благодарить... — началъ радостно Штааль.

— «Графъ, графъ», — подсказало ему сразу нѣсколько человѣкъ. Штааль вспомнилъ, что Палену было на дняхъ пожаловано графское достоинство, — и покраснѣлъ. Паленъ поглядѣлъ на него съ той-же непонятной усмѣшкой, круто повернулся не дослушавъ и вернулся въ голубую гостиную.

— Такъ ты назначенъ въ походъ?.. Отчего-же не въ армію Суворова? — взволнованно спросилъ Штааль Иванчукъ.

Въ голосѣ его звучало искреннее сочувствіе, — относившееся, впрочемъ, къ походу.

«Въ самомъ дѣлѣ досадно, что не въ армію Суворова», — съ огорченіемъ подумалъ Штааль.

— Нѣтъ, братъ, ты не говори, я очень радъ: честь громадная, — отвѣтилъ онъ. — Сразу въ кавалергарды, и въ рыцари, и въ походъ... Я очень счастливъ... Но скажи, что это за Партепсепейская республика?.. Гдѣ она?

Иванчукъ уклонился отъ отвѣта: видно было, что онъ тоже этого не зналъ. Одинъ изъ гостей снисходительно разъяснилъ, что Партепепейской назвала себя республика, образовавшаяся, по только что полученнымъ депешамъ, въ Неаполѣ. Гости слушали недовѣрчиво.

— Ну, что жъ, будешь воевать лазороновъ! — съ насмѣшкой сказалъ Иванчукъ.

— Да, да, — радостно подтвердилъ Штааль. — А ничего, что я называлъ Палена барономъ? Какъ ты думаешь? Совсѣмъ было забылъ... Скажи, кстати, на кого онъ похожъ? — спросилъ Штааль Иванчука. — На человѣка, котораго я совсѣмъ недавно видѣлъ, — а никакъ не могу сообразить... Но очень похожъ...

— Да на нашего повара Игната, — не задумываясь отвѣтить Иванчукъ. — Помнишь, тотъ что давеча зарѣзалъ свинью?...

— А вѣдь правда, — сказалъ Штааль съ удивленіемъ.

IX.

Фельдмаршальскій поѣздъ прибылъ 13-го марта въ Брюннъ, гдѣ была назначена послѣдняя ночевка передъ Вѣной. Путь отъ Бреста семидесятилѣтній Суворовъ продѣлалъ въ пять дней, въ тряской кибиткѣ, въ которой съ нимъ ѣхалъ его адъютантъ, баронъ Розенъ. Иногда въ дорогѣ фельдмаршалъ ласково освѣдомлялся у своего спутника, не усталъ ли онъ и не желаетъ ли отдохнуть. Розенъ только тяжело вздыхалъ, отлично зная, что старикъ какъ всегда играетъ комедію: нисколько не интересуется его усталостью и все равно не остановится раньше Брюнна.

У крыльца постоялаго двора, снятаго для поѣзда посланнымъ впередъ молодымъ племянникомъ Суворова, княземъ Андреемъ Горчаковымъ, толпился народъ: всѣ слышали о русскомъ полководцѣ, который ѣхалъ спасать Римскую имперію отъ французовъ. Но общее любопытство осталось неудовлетвореннымъ. Суворовъ пріѣхалъ въ сумерки. Онъ быстро выскочилъ изъ кибитки, оставивъ въ ней собою шубу, крытую зеленымъ бархатомъ, и, слегка волоча за собой ногу, маленькими шажками пробѣжалъ въ припрыжку въ отведенную ему, жарко натопленную, комнату съ приготовленной постелью изъ сѣна. Хозяинъ почтительно слѣдовалъ за нимъ, безпрестанно повторяя то «Excellenz», то «Durchlaucht». Во всѣхъ комнатахъ постоялаго двора, по

распоряженію Горчакова, были тщательно завѣшены зеркала (Суворовъ не выносилъ зеркалъ). Фельдмаршалъ по нѣмецки освѣдомился, какая церковь расположена на холмѣ, мимо котораго проѣхалъ ихъ поѣздъ. Узнавъ, что это старинный соборъ святого Петра, онъ одобрительно кивнулъ головой и тотчасъ легъ спать, закусивъ холодной рыбой и выпивъ передъ сномъ порядочное количество тминной водки.

Фельдмаршалъ поднялся съ сѣна по обыкновенію за три часа до разсвѣта. Помолившись, Суворовъ засвѣтилъ свѣчу и разбудилъ своего старика-денщика, Прохора Дубасова, капнувъ ему на носъ горячимъ воскомъ. Прохоръ разразился отчаянной бранью. Суворовъ выслушалъ ее внимательно, съ видимымъ интересомъ, даже съ удовольствіемъ, и отвѣтилъ, нисколько не повышая голоса, бранью еще болѣе замысловатой, послѣ чего приказалъ Прохору ставить самоваръ.

— Не будетъ вамъ самовара... Обойдетесь! — огрызнулся Прохоръ. — Чего тамъ ночью самоваръ!..

Суворовъ, не дослушавъ, понесся рысцей въ другую комнату. Хотѣлъ было капнуть воскомъ на носъ майору Розену, но раздумалъ. Вытащить изъ чемодана мохнатую простыню, раздобыть гдѣ-то ведро воды и выглянуть въ одной рубашкѣ на крыльцо. Поморщился было отъ холода и темноты, однако поспѣшно снялъ рубашку, окатилъ себя водой и, завернувшись въ простыню, быстро вернулся, дрожа всѣмъ тѣломъ, въ сѣни, гдѣ тускло горѣлъ ночникъ. Огромный волкодавъ хозяина постоялаго двора проснулся, поднялся на переднія лапы и сталъ потягиваться. Суворовъ вдругъ бѣшено залаялъ по собачьи. Волкодавъ пересталъ потягиваться и долго внимательно смотрѣлъ на чужого старика въ бѣлой простынѣ, желая понять, что это собственно означаетъ; но, повидимому, не понялъ, и, равнодушно зѣвнувъ, медленно вышелъ изъ сѣней на крыльцо, отво-

ривъ трехцвѣтной мордой и лапой дверь. Суворовъ еще полаялъ ему вслѣдъ, затѣмъ вернулся въ свою комнату, надѣлъ туфли, вынулъ изъ шкатулки нѣсколько книгъ, огромную складную карту, записную тетрадь, гусинныя перья, чернильницу, баночку съ пескомъ и сѣлъ за столъ. Выраженіе лица его вдругъ совершенно перемѣнилось. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ ворча Прохоръ съ самоваромъ. Увидавъ барина за работой, онъ сразу притихъ, тоже нѣсколько перемѣнился въ лицѣ, безшумно поставилъ на табуретъ рядомъ со столомъ (на столѣ не было мѣста) самоваръ, сухари, варенье, заварилъ чай и на цыпочкахъ вышелъ.

Карта, разложенная на столѣ, изображала сѣверную часть Аппенинскаго полуострова. Суворовъ внимательно изучалъ итальянскую кампанію, три года тому назалъ такъ блестяще проведенную со-всѣмъ еще молодымъ и никому до той поры неизвѣстнымъ генераломъ Буонапарте. Кампанія эта была хорошо извѣстна фельдмаршалу. Въ Кончанскомъ имѣніи, куда онъ былъ сосланъ императоромъ Павломъ, Суворовъ собралъ матеріалы о военныхъ событіяхъ въ Италіи и тщательно ихъ изучилъ. Тактика революціоннаго генерала своей смѣлостью и энергіей поражала — и нѣсколько раздражала — стараго фельдмаршала. Ему казалось, что это былъ его собственный методъ веденія войны, доведенный однако до послѣднихъ предѣловъ отваги: нѣкоторыя операціи Буонапарте представлялись Суворову слишкомъ рискованными и опасными. Онъ думалъ, что молодой карманьольщикъ могъ себѣ позволить такія операціи, только имѣя дѣло съ бродфрессерами, и что давно пора проучить зазнавагося мальчишку. Мальчишка теперь находился въ Египтѣ, откуда по слухамъ собирался въ Палестину, въ Константинополь, въ Индію. Суворовъ сердито фыркалъ и пожималъ плечами, когда читалъ объ этомъ въ га-

зетахъ. Но въ душѣ ему нравилось предпріятіе генерала Буонапарте; онъ и самъ въ семьдесятъ лѣтъ былъ бы не прочь заняться завоеваніемъ Индіи.

Склонивъ свою сѣдую голову надъ картой и записной тетрадь, фельдмаршалъ долго сидѣлъ у стола. Блѣдный свѣтъ мартовскаго утра неожиданно сталъ пробиваться въ комнату и заспорилъ съ шатающимися огоньками свѣчей. Изъ сосѣднихъ комнатъ постоялаго двора послышался негромкій шумъ, возня просыпающейся свиты. Суворовъ съ тяжелымъ вздохомъ всталъ изъ за стола и подошелъ къ двери.

— Закладывать! Черезъ десять минутъ ѣдемъ!
— хриплымъ голосомъ сердито прокричалъ онъ и закрылъ снова за собой дверь.

За стѣной тотчасъ началась бѣготня.

Х.

Въ Неаполѣ революціонной партіей при дѣятельной поддержкѣ французовъ была основана Партенопейская республика. Король Обѣихъ Сицилій Фердинандъ IV отдался подъ покровительство адмирала Нельсона и на англійскомъ военномъ суднѣ бѣжалъ въ Палермо съ семьей, съ министрами и съ казною. Торжество республиканцевъ продолжалось однако недолго. Очень скоро въ странѣ вспыхнула гражданская война. Высадившійся въ Калабріи вождь роялистовъ, кардиналъ Фабрицій Руффо, поднялъ возстаніе противъ новаго правительства и съ помощью калабрійскихъ разбойниковъ быстро составилъ армію святой вѣры. Республиканцы первое время относились презрительно къ этой *armata della Santa Fede*, называли ее бандами и чувствовали себя спокойно: въ Неаполѣ стояли

Французскія войска подъ начальствомъ генерала Макдональда.

Кромѣ регулярныхъ разбойниковъ дѣйствовали въ Южной Италіи еще и разбойники иррегулярные. Въ Абруцахъ укрѣпились съ большимъ отрядомъ разстриженный аббатъ Проніо, осужденный въ свое время на галеры за убійство. Онъ объявилъ себя роялистомъ, но было неизвѣстно, за какого собственно короля онъ стоитъ. Въ Калабріи хозяйничалъ Шарпа, служившій прежде въ полиціи и теперь занимавшійся преимущественно грабежомъ. Но больше всего страха наводили на страну разбойники Гаэтано Маммоне и Миккеле Пеццо, засѣвшіе между Римомъ и Неаполемъ и вѣшавшіе всѣхъ, кто имъ попадался подъ руку. О Маммоне ходили слухи, будто онъ сдираетъ съ живыхъ людей кожу и пьетъ человѣческую кровь. Немногимъ лучше была слава Миккеле Пеццо, котораго населеніе прозвало Фра-Діаволо.

Въ странѣ наступило то особое состояніе звѣрства, нелѣпости, взаимнаго недовѣрія и подозрѣнія измѣны, какое бываетъ лишь при гражданской войнѣ.

Въ маѣ 1799 года побѣда явно стала склоняться на сторону роялистовъ. Суворовъ вторгся въ сѣверную Италію и подъ вліяніемъ первыхъ его успѣховъ Французская Директорія въ помощь своимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ въ Ломбардіи противъ русскаго полководца, отозвала изъ Партенопейской республики армію генерала Макдональда. Какъ всегда бываетъ въ пору гражданской войны, Макдональдъ ушелъ внезапно, не предупредивъ населенія, которому много разъ обѣщалъ не покидать Неаполя. Въ революціонной столицѣ сразу создалось худо скрываемое и потому особенно страшное настроеніе безнадежной обреченности. Слухи одинъ мрачнѣе другого понеслись по городу. Говорили, что флотъ

адмирала Нельсона уже идетъ къ неаполитанскимъ берегамъ. Говорили также о предстоящей высадкѣ въ Калабріи огромныхъ силъ союзниковъ короля Фердинанда.

Слухи эти были очень преувеличены. Нельсонъ еще не собирался идти на Неаполь, а на сушѣ помощь контръ-революціи со стороны союзниковъ могла быть только ничтожна. Турецкій султанъ, выступившій на защиту католической вѣры, дѣйствительно предложилъ королю Обѣихъ Сицилій прислать ему на помощь десять тысячъ иррегулярныхъ албанцевъ (Порта очень хотѣла отдѣлаться отъ этихъ своихъ войскъ). Но совѣтники Фердинанда IV, справедливо разсудивъ, что послѣ похода по неаполитанскимъ землямъ десяти тысячъ иррегулярныхъ албанцевъ королю не надѣ чѣмъ будетъ править, съ благодарностью отклонили турецкое предложеніе. Главныя свои надежды Фердинандъ возложилъ на Россію. Императоръ Павелъ обѣщалъ прислать для низверженія Партенопейской республики двѣнадцатитысячную армію.

И фельдмаршалъ Суворовъ, и адмиралъ Ушаковъ, командовавшій русскими морскими силами, знали, что двѣнадцатитысячную армію для посылки въ неаполитанскія земли взять неоткуда. Однако, помощь роялистамъ была оказана. На Корфу, гдѣ находились главныя силы Ушакова, явился съ просьбой о присылкѣ десанта представитель короля Обѣихъ Сицилій, кавалеръ Мишеру. Адмиралъ Ушаковъ былъ человѣкъ простой и неученый. Но онъ успѣлъ приобрести нѣкоторый опытъ въ гражданской войнѣ у южныхъ народовъ и зналъ, что война эта не имѣетъ ничего общаго съ войною между регулярными арміями, что къ ней совершенно неприменимы обычные законы стратегіи, тактики и разсчета численности враждующихъ силъ. Ушаковъ быстро принялъ рѣшеніе и отрядилъ капитана 2-го

ранга Сорокина съ четырьмя фрегатами къ берегамъ Южной Италіи.

Эскадра эта подошла къ Бриндизи и высадила десантъ изъ пятидесяти человѣкъ. По всей области тотчасъ пронесся слухъ о появленіи неисчислимыхъ силъ московитовъ. Южная Италія видала за двѣ тысячи лѣтъ разныхъ враговъ, но о московитахъ тамъ съ сотворенія міра ничего не было слышно — и даже образованные люди съ трудомъ себѣ представляли, какимъ образомъ могли тутъ появиться московиты. Самые страшные рассказы объ ихъ наружности, одеждѣ и свирѣпыхъ нравахъ понеслись по Партенопейской республикѣ. Въ Бриндизи, какъ во всѣхъ провинціальныхъ городахъ республики, управляли люди третьяго сорта (все что было даровитого и смѣлаго стекалось въ столицу). Городскіе вожди революціи тотчасъ бѣжали за разными дѣлами и съ разными порученіями въ Неаполь. Населеніе съ яростью снесло деревья свободы, которыхъ за три мѣсяца было насажено довольно много: подозрительные люди были взяты подъ стражу, и на крѣпости поднято королевское знамя. Завоевавъ Бриндизи, капитанъ Сорокинъ двинулся вдоль берега на сѣверъ, высаживая свой десантъ у каждого пункта, сколько-нибудь отличавшагося по виду отъ деревни. Впереди эскадры бѣжала, все усиливаясь и усложняясь, та же страшная молва, и московитамъ безъ выстрѣла сдавались города, считавшіеся твердынями революціоннаго духа: Мола, Бари, Барлетта. Въ теченіе двухъ недѣль все южное побережье Адриатическаго моря перешло на сторону контръ-революціи. Къ русскому капитану явились депутаты города Манфредоніи и просили помощи противъ якобинской Фоджіи (эти города съ давнихъ поръ ненавидѣли другъ друга; революція и контръ-революція опредѣлялись въ нихъ преимущественно ихъ ненавистью другъ къ другу). Фоджія лежала довольно

далеко отъ берега и, чтобы завоевать ее, нужно было предпринять наступленіе вглубь страны. Отслуживъ молебствіе въ соборной церкви Бари, въ которой покоятся мощи Николая Чудотворца, и, положившись на этого русскаго святого, капитанъ Сорокинъ высадилъ въ Манфредоніи всѣ свои силы, добавивъ къ солдатамъ часть матросовъ. Десантная армія въ нѣсколько сотъ человѣкъ, подъ начальствомъ обрусѣвшаго ирландца капитанъ-лейтенанта Белле, черезъ Фоджію, двинулась походомъ на Неаполь. Двумя недѣлями позднѣе, въ Аріано, она соединилась съ ополченіемъ кардинала Руффо, а еще черезъ недѣлю, послѣ ряда побѣдныхъ столкновеній съ отступавшими республиканскими войсками, подошла съ юго-востока къ Неаполю. Мостъ св. Магдалины и его укрѣпленія, составлявшіе послѣднюю надежду революціонной столицы, были взяты штурмомъ русскими войсками. Партенопейской республикѣ пришелъ конецъ.

IX

Получивъ отъ передоваго русскаго отряда извѣстіе о полномъ пораженіи мятежниковъ и о томъ, что паденіе Неаполя должно произойти въ ближайшіе часы, кардиналь-намѣстникъ Фабрицій Руффо перенесъ свою квартиру изъ Санъ-Джіованни Тедуччіо къ мосту св. Магдалины. Переѣздъ совершился торжественно, — нужно было подѣйствовать на воображеніе народа. Намѣстникъ — не въ красной, а въ фіолетовой мантии, по случаю кроваваго дня — ѣхалъ въ запряженной шестеркой лошадей великолѣпной каретѣ, надъ которой былъ укрѣпленъ кардинальскій зонтикъ. Сопровождали карету русскій конвой и калабрійскіе гвардейцы кардинала. Для

наведенія же особеннаго страха на мятежниковъ. впереди скакали на взмыленныхъ варварійскихъ коняхъ турки свирѣпаго вида (ихъ тоже насчитывалось до сотни въ арміи святой вѣры). Они быстро пронеслись черезъ мостъ, уже занятый русскими артиллеристами, и расположились въ самомъ Неаполѣ, по другую сторону Себето.

У дверей наскоро для него приготовленной виллы кардинала встрѣтили капитанъ Белле, секретари и кавалеръ Мишеру, состоявшій при русскихъ войскахъ уполномоченнымъ короля Обѣихъ Сицилій. Намѣстнику былъ представленъ рапортъ о ходѣ событий въ Неаполѣ. Руффо тяжело вздохнулъ и вошелъ въ салонъ черезъ переднюю, куда тотчасъ былъ перенесенъ съ кареты *ombrellino*. Рядомъ съ салономъ въ маленькой капеллѣ виллы уже стоялъ переносный тронъ кардинала. На почтительныя извиненія приближенныхъ, указывавшихъ, что нельзя было отыскать помѣщеніе лучше. Руффо только слабо улыбнулся. Люди свиты, взглянувъ на измученное лицо кардинала, поняли, что ему не до того. Онъ утомленно-ласково поблагодарилъ всѣхъ за понесенныя тяжкіе труды, наконецъ увѣчавшіеся полнымъ успѣхомъ, и помянулъ краткимъ словомъ погибшихъ въ борьбѣ за святое дѣло:

— *Pro exaltatione sanctae fidei, pace et quiete* *populi christiani*, — сказалъ Руффо взволнованно, словами торжественной присяги, поднявъ руку, украшенную кардинальскимъ перстнемъ.

Несмотря на очевидную потребность въ отдыхѣ, намѣстникъ тотчасъ принялся за дѣло и работалъ до поздней ночи. Ужасы побѣднаго похода въ эту первую ночь у воротъ столицы особенно ясно представлялись кардиналу-намѣстнику.

Руффо никогда не былъ священникомъ. Кардинальское званіе было ему пожаловано папой за вы-

дающіеся государственныя заслуги, какъ это дѣлалось изрѣдка въ бывшія времена: за политическія заслуги оно было дано Мазарини, за военные подвиги предложено Тюренну, за художественный гений обѣщано Рафаэлю. Было нѣкоторое несоотвѣтствіе между высокимъ духовнымъ саномъ Руффо и всей его свѣтской жизнью. Плохо зная догматы вѣры, почти не зная обрядовъ, онъ духъ и величіе католической церкви понималъ лучше, чѣмъ настоящіе кардиналы. Однако, какъ государственный человѣкъ, понималъ онъ ихъ по своему. По рожденію онъ принадлежалъ къ высшей аристократіи Неаполя: его отецъ былъ герцогъ Баранелло-Руффо-Баньяра, мать — принцесса Колонна, и семья ихъ считалась первой въ Калабріи. По Италіи издавна ходила поговорка: во Франціи — Бурбоны, въ Римѣ — Колонна, а въ Калабріи — Руффо.

Дѣятелей Неаполитанской революціи Руффо хорошо зналъ и не относился къ нимъ серьезно: всѣ эти легкомысленные либеральныя аристократы и богатые адвокаты-честолюбцы, по его мнѣнію, ничего не понимали въ жизни. Они расшатывали государственность, не зная цѣны ея. Они шутили съ огнемъ и наконецъ дошутились до пожара, не имѣя представленія о томъ народѣ, которому якобы хотѣли служить: на самомъ дѣлѣ, по мнѣнію Руффо, люди эти никому служить не хотѣли, а просто плохо подражали чему-то, никогда нигдѣ не существовавшему, тѣшились либеральными и революціонными словами, — приобрѣли къ нимъ неискоренимую привычку съ юношескаго возраста, и особенно за десятилѣтіе съ 1789 года: они обманывали не только другихъ — это Руффо могъ и понять, и простить, — они себя обманывали по природной умственной лѣни. Вся ихъ жизнь была сплошная внутренняя ложь, не тотъ государственный обманъ, который лежалъ въ основѣ его собственнаго мрачнаго понима-

нія жизни, а ложь наивная, безсознательная, дѣтская, противная ему во взрослыхъ людяхъ.

Такъ онъ думалъ. Правды же въ словахъ республиканцевъ, какъ человѣкъ образованный и умный, кардиналъ Руффо отрицать не могъ. Онъ со злобой читалъ революціонныя прокламаціи, въ которыхъ король Фердинандъ обзывался шутомъ и идіотомъ, а королева — развратной Мессалиной. Но кардиналъ прекрасно зналъ, что въ листкахъ этихъ, если не все, то очень многое было вѣрно. Легендарная глупость Фердинанда, бездѣйствіе, трусость бѣжавшаго въ Сицилію двора вызывали въ Руффо совершенное презрѣніе. Послѣ первыхъ успѣховъ революціи онъ увидѣлъ ясно, что кромѣ него некому организовать сопротивленіе республиканцамъ. Разсчитывая на свою популярность, на престижъ своего имени и званія (населеніе считало его папой), на свою энергію и организаторскій талантъ, кардиналъ тайно высадился въ Калабріи и поднялъ возстаніе противъ правительства Партенопейской Республики.

Дѣятелямъ этого правительства онъ почти не желалъ зла, — это все были родные или знакомые, люди того же общества, что и онъ. Ему хотѣлось, натравивъ на нихъ народъ, именемъ котораго они постоянно клялись, показать имъ наглядно ихъ глупость и его неизмѣримое политическое превосходство. Ему хотѣлось также на Неаполитанской почвѣ растоптать революціонную идею, принесшую во Франціи столько зла, горя и крови. Цѣль кардинала Руффо была скоро достигнута. Онъ поднялъ противъ республиканцевъ темное населеніе Калабріи. Съ уходомъ французскихъ войскъ дни революціонной власти были сочтены. Армія святой вѣры побѣдоносно подошла къ Неаполю. Но за время этого столь удачнаго и блестящаго похода душевное настроеніе кардинала Руффо совершенно измѣнилось.

Какъ всё люди, долгіе годы стоявшіе у власти, кардиналъ Руффо видалъ виды. Но нѣсколько мѣсяцевъ гражданской войны открыли ему бездонную пропасть зла, о которой онъ до того не имѣлъ понятія. За эти нѣсколько мѣсяцевъ его прежнія представленія о добрѣ и злѣ, о справедливости и несправедливости, о правѣ и наказаніи смѣшались. Имъ овладѣло настроеніе, почти неизбѣжное у порядочныхъ людей, руководящихъ гражданской войною: сознаніе своего безсилія, фаталистическое отношеніе къ злу, безотчетное отъ всего отвращеніе и тяжкая душевная усталость.

Армія кардинала Руффо состояла изъ подонковъ населенія; союзниками его въ борьбѣ противъ республиканцевъ были разбойники большой дороги. Прежде этихъ людей вѣшали. Теперь они были дорогіе друзья, желанные сотрудники: король пожаловалъ чинъ полковника Фра-Діаволо, королева писала ему ласковыя, лѣстивыя письма. Кардиналъ понималъ, что нельзя поступать иначе, такъ какъ люди эти нужны и незаменимы. Онъ зналъ о безчисленныхъ злодѣяніяхъ, которыя во время похода чинила армія святой вѣры. Ежедневно, чуть не на его глазахъ, убивались люди, не имѣвшіе никакого отношенія къ революціи или имѣвшіе къ ней самое отдаленное отношеніе. Кардиналъ Руффо пытался бороться со зломъ. Онъ заводилъ военные суды, предписывалъ продѣлывать съ арестованными прежнія формальности слѣдствія и судопроизводства. Но никакого суда изъ этого не выходило. И подозрѣваемыхъ было слишкомъ много, и слѣдствіе представлялось невозможнымъ въ условіяхъ гражданской войны, и — главное — засѣдали въ судахъ тѣ же разбойники, которымъ мѣсто было на висѣлицѣ. Кардиналъ приказывалъ разстрѣливать виновниковъ самочинныхъ расправъ, но разстрѣливали тоже наудачу, часто столь же неповин-

ныхъ людей. Казнившіе почти всегда были хуже казныхъ. О большинствѣ убиваемыхъ ему даже не докладывали, — никакихъ протоколовъ не велось и за всеѣмъ онъ услѣдить не могъ. Но еще тяжелѣе были тѣ случаи, когда приговоры представлялись на утвержденіе кардинала: не имѣя никакихъ данныхъ для опредѣленія участи осужденныхъ, онъ чувствовалъ, что и самъ рѣшаетъ ее произвольно. Смягчать смертные приговоры было невозможно. Онъ зналъ, что ему все простятъ кромѣ доброты, т. е. слабости. Въ условіяхъ гражданской войны, безъ тюремъ и тюремщиковъ, съ ненадежнымъ конвоемъ, съ постояннымъ переходомъ территоріи отъ одной воюющей стороны къ другой, для осужденныхъ выборъ шелъ между смертью и свободой, — съ тѣмъ еще осложненіемъ, что людей, которыхъ кардиналъ-намѣстникъ освобождалъ отъ разстрѣла, часто подвергали гораздо болѣе мучительной смерти въ двухъ шагахъ отъ его ставки. Вокругъ кардинала шли доносы, шантажъ, вымогательство, небывалое воровство. Армія состояла изъ разбойниковъ, чиновники были грабители, судьи — убійцы: неизвѣстно было, кто правъ, кто виноватъ, кто лжетъ, кто говоритъ правду, кто предаваемый, кто предатель, кто палачъ, кто жертва. Озвѣрженіе гражданской войны кардиналъ чувствовалъ и на самомъ себѣ. Первый смертный приговоръ стоилъ ему немалыхъ душевныхъ страданій; въ дальнѣйшемъ онъ подписывалъ приговоры механически, не думая о людяхъ, которыхъ отправлять на казнь. Все его политическія мысли спутались: контръ-революція была ничѣмъ не лучше революціи, и Руффо самъ не зналъ, въ какомъ отношеніи онъ выше Фуке-Тенвиля или Робеспьера. Въ утѣшеніе себѣ онъ говорилъ, что государственную машину разрушили мятежники, и цѣплялся за эту мысль, какъ за послѣднюю моральную опору. Но и въ нее онъ въ душѣ плохо вѣрилъ: въ раз-

рушенія неаполитанскаго государства король и королева были болѣе виновны, чѣмъ революціонеры.

Въ присутствіи другихъ людей кардиналь Руффо хранилъ прежній достойный, увѣренный видъ, прекрасный вождю арміи, которая ведетъ борьбу за правое дѣло. Но тяжелая мучительная усталость и безконечное отвращеніе съ людей охватывали его все сильнѣе. Основную свою задачу онъ теперь видѣлъ въ томъ, чтобы, уцѣпившись за какой-нибудь, уцѣлѣвшій, правильно работающій рычажокъ разбитой государственной машины, отъ него повести дѣло возрожденія страны. Такого рычажка въ неаполитанскомъ государствѣ не оставалось. Единственную организованную силу, единственный нормально дѣйствующій механизмъ — правда отъ чужой машины, — представлялъ собой небольшой русскій отрядъ капитана Белле. На эту силу, вынесшую на себѣ тяжесть неаполитанскаго похода, кардиналь Руффо возложилъ надежды. Русскіе офицеры были свои люди въ его ставкѣ — и онъ былъ съ ними чрезвычайно ласковъ и любезенъ.

Приближенные кардинала-намѣстника знали расположеніе его къ москвитамъ и всячески ихъ расхваливали. Такъ и теперь, на новой квартирѣ Руффо, кавалеръ Мишеру, дѣлавшій ему докладъ, и секретари, Спарціани и Саккинетти, много говорили объ удивительной храбрости русскихъ, объ ихъ дружескомъ поведеніи въ походѣ, объ ихъ дружескомъ отношеніи къ мирнымъ жителямъ, къ которымъ они неизмѣнно обращались со своимъ національнымъ привѣтствіемъ: «Маруске, Маруске!»*) Кардиналь слушалъ и ласково улыбался.

Изъ докладовъ выяснялось, что армія святой вѣры одержала полную побѣду. Мятѣжники очи-

*) Объ этомъ привѣтствіи москвитовъ „Maruske, Maruske“ говорить въ своихъ „Memorie storiche“ Доменико Саккинетти, второй секретарь кардинала Руффо.

Авторъ.

стии улицы города и стянули остатки своихъ силъ въ два крѣпкихъ замка на берегу моря: Castel Nuovo и Castel del Ovo. Белле предполагалъ черезъ нѣсколько дней приступить къ штурму этихъ замковъ. Кардиналъ въ самыхъ трогательныхъ словахъ благодарилъ капитана за все, но добавилъ, что, быть можетъ, удастся обойтись и безъ штурма.

Измученный зрѣлищемъ крови, убійствъ, грабежей и пожаровъ, памѣстникъ твердо рѣшилъ вступить въ переговоры съ республиканцами. Дѣло ихъ было очевидно проиграно. Самихъ же мятежниковъ кардиналъ радъ былъ отпустить на всѣ четыре стороны: никакой злобы противъ нихъ у него больше не оставалось; да и политическій расчетъ диктовалъ Руффо снисходительное отношеніе къ побѣжденному врагу. Къ тому же каждую минуту въ морѣ могла показаться неизвѣстно гдѣ скрывавшаяся французская эскадра.

Переговоры продолжались недолго и обѣ стороны были довольны исходомъ. Республиканцы потребовали, чтобы имъ и ихъ семьямъ былъ обезпеченъ свободный отъѣздъ во Францію на транспортахъ (другимъ путемъ, кромѣ морского, они не могли воспользоваться, такъ какъ ихъ истребили бы разбойники). Кардиналъ согласился и на это, и на отдачу воинскихъ почестей, и на амнистію для тѣхъ изъ мятежниковъ, которые пожелали-бы остаться въ Неаполѣ. Капитуляцію со стороны побѣдителей подписали, кромѣ самого кардинала, капитанъ-лейтенантъ Белле, предводитель турецкаго отряда Ахметъ и коммодоръ Футъ, командиръ небольшой англійской эскадры, крейсировавшей у Неаполитанскихъ береговъ. Послѣ того какъ договоръ былъ подписанъ, русскія войска заняли подступы къ замкамъ, а сдавшимся было предложено приготовиться къ посадкѣ на транспорты.

ХІІ.

Ночь была безпокойная, съ темнымъ, почти чернымъ, утомительно одинаковымъ небомъ, безъ тучъ, безъ единой звѣзды. Съ моря дулъ ровный, довольно холодный, не лѣтній вѣтеръ. На набережной, въ замкахъ, въ арсеналѣ, дрожа, горѣли фонари. Дальше, по направленію къ городу, чернымъ непривѣтливымъ пятномъ выдѣлялась нейтральная полоса между двумя лагерями, а за ней вздрагивали звѣздочками огни русскихъ войскъ. Перемиріе было заключено. Но измученный блѣдный комендантъ Castel Nuovo все еще обходилъ по временамъ посты, часовые, спохватившись, порою перекликались жалостными голосами, а у пушекъ, по стѣнамъ замка, въ положенные сроки смѣнялись тѣ изъ осажденных, которые знали, или думали, что знаютъ толкъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ. Республиканцы дѣлали видъ, будто еще есть у нихъ какая-то боевая сила. Несмотря на очень поздній часъ, и кромѣ дозорныхъ не всѣ спали въ Castel Nuovo. Въ большомъ внутреннемъ дворѣ то и дѣло появлялись у лѣстницъ дрожащіе огни факеловъ. Изъ выходившихъ во дворъ освѣщенныхъ оконъ слышались женскіе голоса. Они, вмѣстѣ съ красными огоньками башенъ, придавали странный, почти фантастическій, уютъ картинѣ осажденнаго средневѣковаго замка.

Ламоръ и Баратаевъ, оба въ полувоенныхъ, полудорожныхъ костюмахъ, со шпагами, безъ факела спустились по большой лѣстницѣ во внутренній дворъ Castel Nuovo и пошли по направленію къ набережной.

Въ замкахъ собрались послѣ пораженія революціонныхъ войскъ почти всѣ главные дѣятели неаполитанской республики, за исключеніемъ адмирала

Караччиоло, скрывшагося неизвѣстно куда. Были здѣсь и люди, которые въ революціи принимали очень малое участіе, но все же, считая себя скомпрометированными, опасались побѣдителей и городской черни. До заключенія капитуляціи, отъ усталости, зрѣлища рѣзни и страха близкой смерти, настроеніе у осажденныхъ было подавленное, у многихъ — граничившее съ безуміемъ. Только нѣкоторые изъ республиканцевъ находили, что еще не все потеряно и что можно продолжать борьбу: взять приступомъ замки не такъ просто, съѣстныхъ припасовъ достаточно и съ минуты на минуту можетъ показаться въ морѣ французская эскадра, появленіе которой все немедленно измѣнитъ. Но говорили они это безъ увѣренности и никого энергіей не заражали: всѣ чувствовали, что борьба кончена и что рѣчь можетъ идти только объ условіяхъ сдачи. Присутствіе въ крѣпости женщинъ и дѣтей дѣлало это совершенно яснымъ. Послѣ тяжелыхъ совѣщаній и вялыхъ споровъ было рѣшено вступить въ переговоры съ Руффо. Возвращенія парламентаровъ ждали съ тоскливымъ, чуть истерическимъ нетерпѣніемъ.

Выговоренныя условія вызвали радостное оживленіе въ измученныхъ, полумертвыхъ людяхъ. Кардиналь Руффо соглашался отпустить съ воинскими почестями осажденныхъ во Францію и предоставлялъ для этого транспорты. Сторонники борьбы до послѣдней крайности скромно торжествовали и говорили рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, что съ капитуляціей, какъ она ни почетна, сильно поторопились: повидимому, французскій флотъ близокъ; иначе хитрый кардиналь не согласился бы на такія условія. Сторонники сдачи имѣли смущенный видъ и, горячо поздравляя парламентаровъ, придумывали для своего взгляда всевозможныя оправданія. Въ сущности всѣ были одинаково рады, — такъ давили осажденныхъ ужасы послѣднихъ дней и то неизвѣст-

ное, что еще ожидалось, такъ хотѣлось вернуться, хоть въ новыхъ условіяхъ, къ тихой мирной жизни, которая теперь приобрѣла особенную прелесть. Впервые послѣ долгихъ недѣль люди вздохнули спокойно. Немедленно закипѣла работа. Женщины по разнымъ покоямъ замка радостно укладывали послѣднія, второпяхъ захваченныя, вещи. Мужчины, ласково поручивъ это женамъ, весь день толпились въ саду и во дворахъ, горячо обсуждая событія. Настроеніе было безпокойно-оживленное и почти веселое, несмотря на полный крахъ революціи. Залитый кровью Неаполь опротивѣлъ, почти всѣ радовались мысли объ эмиграціи, о новой жизни въ дружественной гостепріимной Франціи, въ необыкновенномъ Парижѣ, котораго большинство осажденныхъ никогда не видало. Знавшіе Парижъ рассказывали о немъ чудеса. Обсуждались планы будущихъ занятій, сроки отъѣзда, время прибытія въ Тулонъ. Немногочисленные французскіе офицеры и чиновники, оставшіеся въ Castel Nuovo для связи, были въ особенномъ почетѣ: всѣ забыли прежнее общее раздраженіе противъ союзниковъ, вызванное уходомъ генерала Макдональда.

— Что-жъ, пройдемся еще къ морю? — предложилъ Ламоръ. — Или вы хотите спать?

— Нѣтъ, не хочу, — отвѣтилъ кратко Баратаевъ. — Пойдемъ.

Въ кучкѣ людей по близости слышали французскую рѣчь. Одинъ изъ неаполитанцевъ подошелъ съ факеломъ къ говорившимъ, взглянулъ въ ихъ лица и, узнавъ гражданскаго комиссара Пьера Ламора, крѣпко пожалъ ему руку.

— Мы говоримъ о томъ пріемѣ, который намъ будетъ оказанъ въ Парижѣ, — сказалъ онъ полушутливо, но съ вопросомъ въ тонѣ, оглядываясь на свою группу. Другіе тотчасъ придвинулись.

— Пріемъ, который будетъ вамъ оказанъ, господа, — сказалъ Ламоръ, — зависитъ главнымъ образомъ отъ того, есть ли у васъ деньги. Тѣ изъ васъ, у кого денегъ достаточно, могутъ разсчитывать на самое радушное, самое братское гостепріимство съ нашей стороны.

Въ кучкѣ принужденно засмѣялись: денегъ у большинства было немного и шутка всѣмъ показалась безтактной. Больше никто ни о чемъ не спрашивалъ.

— Другихъ мы встрѣтимъ, вѣроятно, сдержаннѣе, — продолжалъ Ламоръ. — Но не скрываю, граждане, я совершенно успокоюсь душою относительно всѣхъ васъ, не исключая и самыхъ бѣдныхъ, въ тотъ день, когда вы высадитесь въ Тулонѣ. До того, говорю откровенно, я не буду вполнѣ спокоенъ.

— Чего же намъ опасаться? — спросилъ съ недоумѣніемъ одинъ изъ неаполитанцевъ. — Вѣдь капитуляція подписана кардиналомъ Руффо и командующими союзныхъ войскъ?

Вѣтеръ отнесъ пламя факела и на мгновенье скрылъ лицо говорившаго.

— Гражданинъ, — сказалъ Пьеръ Ламоръ, — простите, я не знаю, какъ васъ зовутъ и какой постъ вы занимали въ покойной Партенопейской республикѣ... Но какъ было этой республикѣ не погибнуть, если ея руководители такъ же твердо вѣрятъ въ святость подписанной бумаги, какъ руководимые — въ чудо святого Януарія. Да, капитуляція подписана. Однако, хоть я не читалъ ея, скажу вамъ съ полной увѣренностью, что въ ней есть тысяча и одинъ пунктъ, дѣлающіе договоръ недействительнымъ. У кардинала Руффо, навѣрное, найдутся опытные юристы. Кромѣ того могутъ отмѣнить капитуляцію, на основаніи собственной мудрости, сподвижники Porporato, напримѣръ достойные

полковники Маммоне и Фра-Діаволо. Ёслибъ съ сотворенія міра соблюдались всѣ подписанные договоры, данныя обѣщанія и торжественныя присяги, то подумайте, какая участь постигла бы прогрессъ и цивилизацію? Вѣдь тогда я, гражданскій комиссаръ Директоріи, былъ бы вѣрноподаннымъ короля Людовика XVI. А партенопейской республики, можетъ быть, совсѣмъ не видала бы исторія, что, разумѣется, было бы крайне обидно. Никто кстати такъ искренне не возмущается всякимъ нарушеніемъ конституцій, и никто такъ не караетъ посягательства противъ существующаго строя, какъ люди, захватившіе власть посредствомъ государственнаго переворота... Повѣрьте, господа, — добавилъ Ламоръ серьезно, услышавъ ропотъ неудовольствія въ кучкѣ слушателей, — я говорю это въ вашихъ интересахъ. Не полагайтесь вы чересчуръ на капитуляцію. Если у кого изъ васъ есть возможность скрыться переодѣтымъ, какъ это сдѣлалъ адмиралъ Караччіоло, можетъ быть лучше рискнуть... Подумайте, господа, и запаситесь на случай соотвѣтственнымъ платьемъ.

Не ожидая отвѣта, онъ поклонился и пошелъ дальше съ Баратаевымъ. Всѣ смотрѣли ему вслѣдъ съ недоумѣніемъ.

Ламоръ и Баратаевъ вышли изъ замка и медленно направились на набережную. На насыпи стояли пушки и были зажжены фонари, отражавшіеся быстрой золотой дрожью на черной поверхности воды. Въ концѣ Molo Angioino на высотѣ тревожно горѣлъ кроваво-красный огонь. Здѣсь находилось какое-то сооруженіе, не то маякъ, не то сторожевая башня. Гдѣ-то очень далеко мерцали еле замѣтные огоньки Сорренто, Кастелламаре и Капри. Справа, вырастая изъ самаго моря, высился мрачный Castel del Ovo. Гребни волнъ, разбивавшихся объ его стѣны, были видны и въ эту темную ночь, освѣщенные

краснымъ огнемъ башни. Слѣва, вдали, надъ Везувіемъ изрѣдка трепались искры.

— Они теперь конечно возмущаются моей циничной рѣчью, — сказалъ Баратаеву Пьеръ Ламоръ, усаживаясь на скамью лицомъ къ Везувію. — Цинизмомъ люди называютъ правду, если она очень имъ непріятна. Я не отношу себя къ той скверной породѣ людей, которая всегда говорить правду, — это одна изъ многочисленныхъ формъ дурного воспитанія. Но въ разговорѣ съ тѣми мною руководила жалость. Бѣдные люди! Я хотѣлъ помочь имъ добрымъ совѣтомъ.

— Отчего же вы ихъ жалѣете больше, чѣмъ самого себя? — не поворачиваясь къ Ламору, спросилъ Баратаевъ.

— Я, какъ и вы, почти никакой опасности не подвергаюсь. Видите ли, институтъ заложниковъ — очень скверный, варварскій институтъ, пережитокъ тѣхъ временъ, когда люди еще не были такъ просвѣщены и цивилизованы, какъ теперь. Однако, не скрываю, я нахожу сейчасъ у этого института добрыя стороны и сердечно радъ тому, что во Франціи есть люди, которыхъ Директорія не замедлитъ зарѣзать, если кардиналу Руффо вздумается зарѣзать меня... Нѣтъ, повѣрьте, насъ, французовъ, никто пальцемъ не тронетъ. Но — мудрое правило! — безъ хорошихъ заложниковъ не попадайся въ плѣнъ въ пору гражданской войны.

— Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что капитуляція будетъ нарушена? — спросилъ Баратаевъ.

— Я сильно этого опасуюсь. Развѣ можно вѣрить Руффо? Боюсь политическихъ кардиналовъ, какъ вообще всѣхъ людей, непосредственно сносящихся съ Господомъ Богомъ и получающихъ отъ него директивы. Ужъ лучше, пожалуй, было бы

имѣть дѣло съ Нельсономъ, который насъ поджигаетъ въ морѣ... Впрочемъ, онъ тоже хорошъ.

— Вы знаете и Нельсона?

— Я знаю всѣхъ: это моя профессія. Я помню людей, какъ зубной врачъ всю жизнь помнитъ всѣ попадавшіяся ему больныя челюсти. Лордъ Нельсонъ, что и говорить, безстрашный морякъ. Но не дай Господь попасть въ лапы глупому человѣку!... Нельсонъ во всемъ стоитъ на другой точкѣ зрѣнія. Есть такіе счастливые люди: имъ никогда не бываетъ скучно, такъ какъ они постоянно съ жаромъ защищаютъ свою, другую точку зрѣнія. Они кромѣ того всегда чѣмъ-либо возмущены, это тоже очень скрашиваетъ жизнь... Нельсонъ втройня глупъ: глупъ отъ природы, глупъ отъ одержанныхъ побѣдъ и особенно глупъ оттого, что вообразилъ себя человекомъ судьбы. Нельсонъ — Робеспьеръ наизнанку... Повторяю, я больше всего на свѣтѣ боюсь провиденціальныхъ людей, какъ бы ихъ божество ни называлось. А революціями и контръ-революціями обычно руководятъ именно провиденціальныя люди. У насъ въ пору террора наиболѣе буйно-помѣшанные были инквизиторы безбожія, духовенство атеистическаго вѣроисповѣданія.

Вздрагивая и стуча зубами отъ холоднаго вѣтра, онъ поправилъ платокъ на шеѣ, опустил подбородокъ на грудь, всунулъ руки въ рукава и сгорбился больше обычнаго.

— Я думалъ еще недавно, — началъ онъ снова, — что мнѣ, послѣ Парижа, — послѣ гильотины и Директоріи, — доставитъ большое удовольствіе зрѣлище настоящей, хорошей контръ-революціи...казалось бы, есть теперь чѣмъ полюбоваться. А вотъ, смотрю, удовольствія мало! Повидимому, чувство моральной симметріи во мнѣ недостаточно развито. Можетъ быть, и ненависти оказалось у меня

меньше, чѣмъ я думалъ. Это плохо... Я ненавижу цѣню какъ царскій путь къ познанію, — вѣдь очень немногіе умѣютъ ненавидѣть по настоящему Какой дуракъ сказалъ: «понять можно только то, что любишь?» Кто любить, ничего не понимаетъ. Я говорю: понять можно только то что ненавидишь... Повторяю, мнѣ жалъ этихъ людей... Castel Nuovo — преддверіе кладбища. Списокъ мучениковъ свободы въ ближайшіе дни, вѣроятно, увеличится на нѣсколько сотъ человѣкъ. Это собственно большого значенія не имѣетъ, если подсчитать общее число мучениковъ свободы со дня сотворенія міра. Но мнѣ все таки жалъ... Бѣдныя, наивныя люди! Среди нихъ нѣтъ ни одного настоящаго мерзавца, а они хотѣли устроить революцію!..

— Вы и въ гражданскіе комиссары пошли для того, чтобы любоваться?

— Да, а также изъ жажды общественнаго блага и полезной дѣятельности. Постъ гражданскаго комиссара на вторыхъ роляхъ должность хорошая. Гадостей приходится дѣлать не очень много, и будущее революціи зависитъ главнымъ образомъ отъ насъ. А ужъ мы-то ей приготовимъ будущее!.. Мы, *les commissaires si vils* (насъ такъ теперь прозываютъ въ арміи). Я былъ поэтому чрезвычайно благодаренъ моему другу генералу Бонапарту за то, что онъ меня сюда пристроилъ. Правда, я предпочелъ бы устроиться при немъ самомъ. Но онъ къ этому не очень стремился. Видно, я надоѣлъ Бонапарту своей старческой болтливостью.

— Болтливость отъ дьявола, — сказалъ Баратаевъ. — Дьяволъ словоохотливъ. Но ужъ очень вы откровенны для комиссара. У васъ не выходило неприятностей съ начальствомъ?

— Ни разу, къ собственному моему удивленію:

я вѣдь дѣйствительно не стѣсняюсь. Теперь всѣмъ все сходить съ рукъ. Это, кстати, плохой симптомъ для революціи. Когда диктатура начинаетъ проявлять либерализмъ, дни ея сочтены: умѣренные террористы обыкновенно бываютъ недолговѣчны.

Онъ засмѣялся и продолжалъ, снова стукнувъ зубами отъ холода.

— Эта неаполитанская революція одна изъ самыхъ замѣчательныхъ въ исторіи. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она своеобразнѣе нашей. Фердинандъ IV, король Обѣихъ Сицилій, за три дня до провозглашенія республики нимало не сомнѣвался въ томъ, что народъ его боготворить. И собственно онъ былъ правъ: за три дня до провозглашенія республики народъ дѣйствительно его боготворилъ... Въ Неаполѣ существуютъ только двѣ партіи: культурные люди и народъ. Грубѣе: люди умывающіеся и люди не умывающіеся. Устроила революцію аристократія, отчасти изъ подражанія намъ, отчасти отъ скуки, отчасти изъ презрѣнія къ династіи, отчасти, можетъ быть, даже по искреннему убѣжденію; всего больше, вѣроятно, изъ тщеславія, — ради двухъ строкъ въ курсахъ исторіи: очень много людей живетъ всю жизнь, главнымъ образомъ, для трогательнаго газетнаго некролога. Но это въ сторону... Вспомните имена главныхъ республиканцевъ, взбунтовавшихъ на недѣлю населеніе: Караччіоло, Пиньятелли, Пьедимонте, Сфорца, Колонна, Руво, Карафа, Монтелеоне, — все герцоги и князья, самые знатные люди Италіи... А кто всталъ на защиту короля? Встали, опомнившись, нищіе, лаццароны, полулюди, полусобаки... Они обожаютъ своего Nasone — и они опять таки правы, Фердинандъ IV имѣетъ съ ними общіе вкусы, симпатіи, привычки, онъ такъ же грубъ, жестокъ, невѣжественъ, какъ они. Этотъ правнукъ Людовика XIV — лаццаронъ въ королевской коронѣ. По своему безпредѣльному хамству король Обѣихъ

Сицилій составляет даже исключеніе среди Божьих помазанниковъ: они, надо отдать имъ справедливость, люди хоть тупые, но хорошо воспитанные, — эти два свойства, большая тупость и хорошее воспитаніе, и отличаютъ ихъ отъ революціонныхъ диктаторовъ. Такъ вотъ, видите ли, аристократы и богачи здѣсь за республику, а нищіе всѣ погловно — легитимисты. Чего только въ исторіи не бываетъ? Согласитесь, что эта разновидность вѣкового спора плебеевъ съ патриціями сама по себѣ достаточно глупа. Неизмѣримо глупѣе однако слѣдующее: революцію патриціи сдѣлали именемъ плебеевъ! Республиканское правительство совершенно серьезно рѣшило исходить изъ воли неаполитанскаго народа. А неаполитанскую народную волю и выяснить невозможно, такъ какъ она мѣняется каждая двѣ недѣли. Да и воля хороша! Это вродѣ какъ выяснять волю константинопольскихъ собакъ. И если есть въ волѣ неаполитанскаго народа что-либо постоянное, то развѣ глухая безотчетная ненависть къ тому, что республиканцы еще три дня тому назадъ называли идеалами неаполитанской революціи, — теперь, кажется, больше не называютъ: языкъ — ужъ на что гибкая вещь! — языкъ не поворачивается. Все это собственно и не такъ непонятно. При короляхъ громадное большинство людей здѣсь, какъ и вездѣ впрочемъ, жило собачьей жизнью; но зато всѣмъ было общано вѣчное блаженство. Послѣ революціи жизнь осталась собачьей по прежнему. Но вѣчное блаженство было отмѣнено. Зато республиканскіе мудрецы общали, что черезъ тысячу лѣтъ потомки нынѣшнихъ лаццароновъ будутъ благоденствовать въ этомъ мірѣ. А какое дѣло лаццаронамъ до потомства и до того, что будетъ черезъ тысячу лѣтъ? Разумѣется, они плюнули на республиканскихъ мудрецовъ — и, пожалуй, не безъ нѣкотораго основанія. Фердинандъ IV охотно вернетъ

имъ вѣчное блаженство, — оно ему ничего не стоитъ. Да ужъ теперь цѣна не та...

— Какъ же маленькая горсть аристократовъ могла, хоть ненадолго, овладѣть властью?

— Разумѣется, мы помогли. Безъ французскихъ войскъ ничего бы у нихъ не вышло. И въ этомъ, пожалуй, самое удивительное. Вѣдь вы подумайте: когда неаполитанская аристократія затѣяла революцію? Послѣ Марата, послѣ Робеспьера, послѣ Бабефа — въ пору Директоріи, въ пору виконта Барраса! Не могутъ же они, современники, не знать, что у насъ все кончилось публичнымъ домомъ? Чего въ такомъ случаѣ ждать отъ потомства? Неужели люди и черезъ сто, и черезъ тысячу лѣтъ будутъ ради того же рѣзать другъ друга? Хотѣ бы другое что выдумали, а?

— Въ этомъ вы правы. Намъ ошибаться было простительнѣе.

Ламоръ поглядѣлъ на него. Баратаевъ, особенно блѣдный при тускломъ свѣтѣ фонаря, сидѣлъ совершенно неподвижно, не отрывая глазъ отъ далекаго Везувія.

— Намъ?.. Конечно... Помните, гдѣ мы съ вами познакомились?

— Забыть мудрено.

— Да. Хотѣ было это болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Точнѣе: въ седьмой день второго мѣсяца, въ годъ истиннаго свѣта пять тысячъ семьсотъ семьдесятъ восьмой...

Онъ произнесъ съ насмѣшкой масонское обозначеніе времени. Но выраженіе лица его нѣсколько смягчилось.

— Въ тотъ памятный день мы принимали въ Ложу Девяти Сестеръ брата Вольтера, за нѣсколько недѣль до его кончины. Лаландъ былъ мастеръ, а подготовлялъ профана вашъ соотечественникъ, графъ Строгановъ... Живъ онъ еще или умеръ?

Воображаю, какъ онъ себя чувствовалъ, когда остался въ темной комнатѣ наединѣ со старикомъ, — сказалъ Ламоръ усмѣхнувшись. — Въ самомъ дѣлѣ, неприятное положеніе — готовить къ свѣту Вольтера... Лаландъ тоже волновался, и мы всѣ... Да я, старый дуракъ, и сейчасъ волнуясь, вспоминая... Помните музыку, эти скрипки? Оркестръ игралъ третью симфонію Генена... А затѣмъ, вдругъ мертвая тишина: онъ вошелъ, дряхлый, блѣдный, съ лицомъ умирающаго дьявола, еле передвигая ноги. Кажется, и онъ былъ взволнованъ, въ восемьдесятъ четыре года... Онъ сказалъ нѣсколько словъ невнятнымъ шопотомъ, назвалъ этотъ день самымъ счастливымъ днемъ долгой жизни. Лаландъ подалъ ему передникъ и надѣлъ на него лавровый вѣнокъ. Помните, братъ Грезъ зарисовалъ его черты. Не Грезъ? Ну, все равно... Вы помните, что для насъ означало это посвященіе! Знаменитѣйшій изъ людей, царь скептиковъ, величайшій отрицатель и разрушитель, принялъ нашу вѣру на порогѣ могилы! Мы думали, что въ исторіи человечества начинается новая эпоха... А вотъ позавчера санфедисты поймали на улицѣ переодѣтаго республиканца: онъ стоялъ въ очереди у котла съ варившимся супомъ, ждалъ своей порціи. Его окунули головой въ кипятокъ и держали такъ, пока онъ не сварился. А потомъ супъ съѣли съ апшетитомъ.

— Вольтеръ — масонъ сомнительный, но за дѣйствія санфедистовъ онъ, кажется, не отвѣчаетъ?

— О, нѣтъ... Но повидимому, братъ мой, еще не совсѣмъ отесанъ камень?

— Значить, не наступилъ часъ отдыха.

— Часъ послѣдняго отдыха наступаетъ. И не только для свободныхъ каменщиковъ. Другія моральныя силы переживаютъ тоже не легкія времена, правда? Развѣ христіанство въ иномъ положеніи чѣмъ масонство? Въ началѣ французской револю-

ціи либеральные священники были у насъ настроены очень радостно. Они говорили о независимой церкви, освобожденной наконецъ отъ унижительной государственной опеки, о первыхъ временахъ христіанства, о свободной апостольской общинѣ... Нѣкоторые изъ нихъ и теперь находятъ, что революціонныя преслѣдованія подняли церковь на небывалую духовную высоту. Эти люди въ человѣческой душѣ никогда ничего не понимали и никогда ничего не поймутъ. Вѣра больше нуждается во власти, чѣмъ власть въ вѣрѣ. Кардиналъ Руффо, руководящій шайками санфедистовъ, лучше знаетъ толкъ въ жизни, чѣмъ либеральные священники революціи. Апостольской общины я не видѣлъ и не знаю, давно это было. Но вотъ что скажу съ полнымъ убѣжденіемъ: безнаказанное преслѣдованіе церкви нанесло ей тяжкій ударъ, отъ котораго ей не суждено оправиться, какъ монархическая идея никогда не оправится отъ казни Людовика XVI. Слишкомъ великъ соблазнъ, слишкомъ растлѣны имъ низменные души людей... Повѣрьте, всѣ преступленія папы Александра Борджіа гораздо меньше повредили церкви, чѣмъ видъ хама, безнаказанно ругающагося надъ распятіемъ, чѣмъ голая мадмуазель Майаръ, танцующая на алтарѣ Notre Dame.

— Какой же вашъ выводъ? Или все слѣдовало оставить по старому, такъ было хорошо? — угрюмо спросилъ Баратаевъ. — И теперь что дѣлать, если распались моральные скрѣпы?

— Это другой разговоръ. Я васъ спрашиваю: откуда берется у людей энтузіазмъ, послѣ всего того, что было?

— А я васъ спрашиваю: что надо дѣлать?

Ламоръ усмѣхнулся.

— Вопросъ трудный. Вамъ на него отвѣтить легче, чѣмъ мнѣ. Я за васъ отвѣтилъ бы такъ.

Прежде всего надо надѣть намордникъ на звѣря и хаму показать крѣпкій хлысть. Это единственный смыслъ контръ-революціи: сама по себѣ она ничѣмъ не лучше, чѣмъ революція. У насъ цѣлое поколѣніе готовило революцію, не имѣя понятія о томъ, что это такое. Теперь мы готовимъ контръ-революцію, и ее представляемъ себѣ еще болѣе смутно. Многіе отшатнутся отъ нея съ такимъ же ужасомъ, какъ отшатнулись отъ революціи. Висѣлица — вещь полезная, но красоты въ ней никакой нѣтъ, да и крестомъ ее осѣнять незачѣмъ. Крестъ на рукояткѣ меча имѣетъ философскій смыслъ... Правда, и здѣсь можно усмотрѣть нѣкоторую забавную шутку со стороны того гипотетическаго духа, который такъ хорошо задумалъ интригу романа міровой исторіи (Лесажъ съ этимъ духомъ въ сравненіе не идетъ). Но и смыслъ въ рукояткѣ крестомъ все же есть несомнѣнный, болѣе, чѣмъ думаютъ со стороны поверхностные цѣнители. А вотъ висѣлица съ крестомъ, это Неаполитанскій стиль, стиль очень скверный... Да и вообще контръ-революція сама по себѣ жалкая вещь. Я не понимаю нашихъ роялистовъ... Развѣ король на тронѣ казненнаго — тотъ же прежній король? Монархію возсоздать можно, но престижъ ей вернуть нельзя. А эти принцы, прятавшіеся по подваламъ!.. Les proscrits!.. Ихъ больше ненавидятъ за ихъ нынѣшнее безправіе, чѣмъ за ихъ былой деспотизмъ. Угнетатели, ставшіе угнетенными, — конченые люди... Я опять отвлекся, простите... Такъ, видите ли, съ хлыста нужно-бы начать, а затѣмъ можно взяться за работу. Для этого на все взрослое поколѣніе надо махнуть рукою и заняться тѣми, кому не будетъ шестнадцати лѣтъ въ день, когда на звѣря надѣнутъ намордникъ. Надо воспитать новое челоуѣчество. Это не очень новая мысль, ей вѣрно три тысячи лѣтъ. Но мысль вполне правильная. Съ шестнад-

цатилѣтными еще, быть можетъ, что-либо выйдетъ... Это все я за васъ говорю.

— А за себя?

— Ничего не выйдетъ и съ шестнадцатилѣтными.

Вдали надъ Везувіемъ сверкнуло нѣсколько искръ.

— Вы видѣли кратеръ? — показывая рукой на вулканъ, спросилъ Ламоръ. — Я поднимался... Надъ Везувіемъ не летаютъ птицы, на землѣ его нѣтъ насѣкомыхъ. Только люди живутъ на немъ. Какіе-то отшельники... Изъ бездоннаго бокала рвется огонь. Здѣсь вулканъ называютъ *Cucina del Diavolo*, кухня дьявола, — какое выразительное названіе! Въ Неаполѣ собственно ничего и доказывать не нужно. Эта трагическая гора сама по себѣ аргументъ неотразимый... И хотъ бы красиво все это было! Нѣтъ, грязь, пепелъ, дымъ, ѣдкіе пары... Именно царство смерти: вѣдь смерть безобразна, даже самая поэтическая... Не понимаю, какъ при видѣ Везувія можно вѣрить во что бы то ни было, кромѣ какъ въ дьявола. Въ науку, что ли? Я не разъ говорилъ съ Вольтеромъ о значеніи научнаго прогресса для людей. Другихъ суевѣрій у старика не было, но въ научный прогрессъ онъ вѣрилъ твердо... Развѣ не ясно, что противъ подземныхъ процессовъ, противъ землетрясеній, противъ космическихъ катастрофъ наука всегда будетъ совершенно безсильна? Вѣроятно, и вонъ тамъ, подъ землей, гдѣ лежатъ Геркуланумъ, добрые люди собирались осчастливить свой народъ — и чуть-чуть, должно быть, не осчастливили, да какъ на бѣду вмѣшался Везувій.

Онъ помолчалъ, затѣмъ спросилъ Баратаева съ усмѣшкой:

— Вы что-то не очень со мной спорите?

— Зачѣмъ я буду спорить? — отвѣтилъ съ внезапнымъ раздраженіемъ Баратаевъ. — Допустимъ, что все правда въ вашемъ утомительномъ пессимиз-

мѣ. Послѣ ужасовъ революціи ужасы контръ-революціи — это для усмиренія хама, какъ вы аристократически выражаетесь. А потомъ, хамъ вырветъ хлысть, на контръ-революцію отвѣтитъ новая революція, и такъ безъ конца, да? Чудесное же воспитаніе получить молодое поколѣніе... Меня, впрочемъ, интересуютъ преимущественно выводы. Изъ вашихъ взглядовъ выводъ можно сдѣлать только одинъ: броситься бы возможно скорѣе, головой внизъ, въ кухню дьявола, въ этотъ самый кратеръ Везувія. Вы однако до семидесяти лѣтъ не бросились. Можетъ быть, рассчитываете убѣдить человечество броситься? Я не знаю, зачѣмъ вы живете, зачѣмъ всѣмъ, кто готовъ слушать, высказываете свои утѣшительныя мысли... Вы умный человѣкъ, но, извините меня, выше нѣкоторой ступени ума, выше опредѣленнаго его сорта, вамъ не дано подняться. Бросьтесь въ самомъ дѣлѣ въ Везувій.

— Зачѣмъ такъ сразу въ Везувій?.. Для начала достаточно встать на ноги: большинство людей, какъ Св. Януарій, патронъ этого города, рождается въ колѣнопреклоненной позѣ.

— Нѣтъ, оставьте... Пустая вещь — афористическое мышленіе...

Баратаевъ вдругъ остановился и уставился глазами вверхъ на сторожевую башню. Дозорный что-то взволнованно кричалъ. Усилившійся вѣтеръ относилъ его слова. Баратаевъ всталъ, приблизился къ башнѣ и, сложивъ трубой руки у рта, спросилъ, въ чемъ дѣло. По словамъ дозорнаго, въ морѣ на высотѣ Капри показались огни. Кажется, какая-то эскадра идетъ къ Неаполю. Баратаевъ и Ламоръ тѣсно вглядывались въ море и ничего не видѣли. Виль вѣтеръ, волны рвались и пѣнились у мрачныхъ стѣнъ Castel del Ovo.

— Если это французы, дѣло мѣняется, — сказалъ Баратаевъ.

— Если это англичане, дѣло тоже мѣняется, — сказалъ Ламоръ. — А я когда-то уже переживалъ такія минуты... Странно...

Они поспѣшно направились назадъ въ замокъ. Близился разсвѣтъ.

XIII.

Огни, которые видѣлъ въ морѣ дозорный Castel Nuovo, принадлежали англійской эскадрѣ. Это лордъ Нельсонъ подходилъ къ неаполитанскимъ берегамъ.

Гораций Нельсонъ, баронъ Нильскій, въ ту пору, несмотря на свою испытанную храбрость, на тяжкія раны и на блестящую побѣду при Абукирѣ, еще былъ далекъ отъ необычайной славы, выпавшей на его долю послѣ Трафальгарскаго сраженія. Король Георгъ III не былъ къ нему благосклоненъ. Питтъ его недолюбливалъ, какъ недолюбливалъ всѣхъ глупыхъ людей. Въ Англіи не прощали Нельсону того, что онъ не сумѣлъ помѣшать высадкѣ въ Египетъ арміи генерала Бонапарта; и даже за побѣду у Нила адмиралъ получилъ въ награду не титулъ виконта, на который онъ рассчитывалъ, а низшую степень пэри, баронскій титулъ. Это чрезвычайно его раздражило. Онъ чувствовалъ нерасположеніе къ себѣ начальства, правительства и высшаго англійскаго общества.

Престижу лорда Нельсона въ Англіи препятствовало многое: незнатное происхожденіе — отецъ его и всѣ предки были простые священники, — непріятный характеръ и дѣтское тщеславіе, невѣжество и отсутствіе воспитанія, малый ростъ и некрасивая наружность. Въ послѣднее же время особенно вредилъ адмиралу общественный скандалъ, — связь

лорда Нельсона съ Эммой Гамильтонъ, женой англійскаго посланника въ Неаполѣ. Любовныя связи могли быть у всѣхъ, но эта имѣла скандальный характеръ. Неприличны были отношенія, возникшія между Нельсономъ и его женой. Странно было то, что старикъ посланникъ остался лучшимъ другомъ адмирала. Многие — съ полной освѣдомленностью — вспоминали прошлое лэди Эммы, которая въ первой своей молодости была уличной женщиной. Обо всемъ этомъ говорили не стѣсняясь въ аристократическихъ салонахъ Лондона. Но о главной чертѣ скандала тамъ говорили лишь шопотомъ мужчины, да и то съ разборомъ: въ обществѣ юношей о ней молчали, чтобы ихъ не портить; въ обществѣ стариковъ также молчали, изъ уваженія къ сѣдинамъ. Черта эта заключалась въ особаго рода отношеніяхъ, существовавшихъ будто бы между лэди Гамильтонъ и неаполитанской королевой Маріей-Каролиной. Въ Неаполѣ о нихъ болталъ каждый мальчишка. Революціонные листки писали объ этихъ отношеніяхъ съ большимъ удовольствіемъ, — въ томъ особенно противномъ уличномъ тонѣ, въ какомъ обычно обличаютъ нравы низложенной династіи на слѣдующій день послѣ ея низложенія.

Страсти адмирала къ лэди Гамильтонъ недоброжелатели приписывали его бездѣйствію и военныя ошибки. Говорили, будто онъ пропустилъ генерала Бонапарта въ Египетъ потому, что не могъ разстаться со своей любовницей; будто въ Палермо онъ въ угоду лэди Эммѣ проводилъ ночи напролетъ за игрой и проигралъ въ карты состояніе. Долгое пребываніе Нельсона въ Сицилійскихъ водахъ объясняли тѣмъ же влияніемъ. Адмиралъ дѣлалъ все, что хотѣла лэди Гамильтонъ; лэди Гамильтонъ ни въ чемъ не могла отказать Маріи-Каролинѣ. Королева же, смертельно напуганная революціей, больше всего боялась, какъ бы Нельсонъ не пересталъ заниматься

ея дѣлами. Эшафотъ ея сестры, Маріи-Антуанетты, все мерещился королевѣ Обѣихъ Сицилій. Она вѣрила въ непобѣдимость барона Нильскаго; лишь онъ могъ ее спасти отъ неаполитанскихъ мятежниковъ и отъ французской эскадры, недавно прорвавшейся въ Средиземное море.

Когда выяснилось, что Сициліи не грозитъ опасность со стороны французской эскадры, лордъ Нельсонъ, крейсировавшій у Сицилійскихъ береговъ, рѣшилъ отправиться въ Неаполь, чтобы прикончить гибнущую Партенопейскую республику. Адмиралъ съѣхалъ въ Палермо на берегъ; на совѣщаніи съ королемъ и королевой онъ получалъ полномочія для самыхъ рѣшительныхъ мѣръ по подавленію мятежа (Марія-Каролина не довѣряла кардиналу Руффо). Такъ какъ Нельсонъ не зналъ иностранныхъ языковъ, то было рѣшено, что сэръ Вильямъ Гамильтонъ съ женою также отправятся въ Неаполь. Влюбленный адмиралъ былъ очень счастливъ: онъ давно мечталъ о томъ, чтобы лэди Эмма увидѣла его во главѣ эскадры.

Британскіе моряки приняли озлобленно-весело появленіе лэди Гамильтонъ на адмиральскомъ суднѣ. Подчиненные боялись и уважали Нельсона; но лэди Эмма и ея мужъ были вѣчной темой ихъ шутокъ. Моряки, остающіеся мѣсяцы и годы безъ женщинъ, смотрятъ на любовь по особенному просто, — въ этой простотѣ смѣсь профессиональнаго идеализма и грубой откровенности. Офицеры обсуждали любовь Нельсона такъ, какъ этого себѣ не позволяли бы ни одинъ штатскій человѣкъ. Израненныхъ, ежедневно рискующихъ жизнью моряковъ никто не могъ удивить храбростью; тяжкія увѣчья адмирала служили у нихъ предметомъ самаго обыкновеннаго, а порою, по обстоятельствамъ, и шутиваго разговора.

Переходъ изъ Палермо въ Неаполь былъ со второго дня безпокойный, несмотря на лѣтнее время года. Огромный 80-пушечный линейный корабль *Foudroyant*, на которомъ находились лордъ Нельсонъ и его гости, качало очень сильно. Сэръ Вильямъ Гамильтонъ пролежалъ сутки въ отведенной ему каютѣ на верхней палубѣ. Туда ему жена приносила то капли, то черное кофе, то чашку бульона. Онъ отъ всего отказывался, слабо улыбаясь, но уступалъ настояніямъ лэди Гамильтонъ, съ отвращеніемъ проглатывая, поднявшись на локтѣ, то, что ему подавали, и торопился принять снова горизонтальное положеніе. Въ каютѣ навѣстилъ его и адмиралъ, смотрѣвшій на больного съ наивнымъ, не понимающимъ сочувствіемъ: лорду Нельсону было очень трудно понять, что такое морская болѣзнь. Море представлялось адмиралу чѣмъ-то вродѣ принадлежащаго ему огромнаго имѣнія, и онъ чувствовалъ себя при видѣ больного Гамильтона какъ хозяинъ, въ домѣ котораго, отъ дурного устройства и неудобныхъ порядковъ, неожиданно захворалъ приглашенный гость. Почти такое же чувство испытывалъ самъ сэръ Вильямъ, и долю отвращенія, вызываемаго въ немъ моремъ, онъ невольно переносилъ на Нельсона.

Лэди Гамильтонъ, напротивъ, не страдала морской болѣзнью и очень этимъ гордилась. Зимой, во время ихъ бѣгства изъ Неаполя въ Сицилію, на морѣ поднялась небывалая буря. Въ королевской семьѣ и въ свитѣ почти всѣ были тяжело больны и очень скоро потеряли условное чувство физическаго стыда; потому дамы нѣкоторое время избѣгали смотрѣть въ глаза мужчинамъ. Но лэди Эмма и тогда чувствовала себя лучше другихъ: теперь же вовсе не страдала и проводила время довольно пріятно, хоть немного однообразно, въ салонѣ адмирала Нельсона.

Въ теченіе послѣднихъ сутокъ переезда Гамиль-

тѣмъ не думалъ ни о чемъ изъ того, что обычно его занимало: ни о дѣлахъ службы, ни объ отношеніяхъ лэди Эммы къ Нельсону, ни даже о своей коллекціи древностей и минераловъ, которая составляла главный интересъ его жизни (коллекцію эту ему удалось вывезти изъ Неаполя и отправить въ Англію). Всѣ его обычныя мысли были вытѣснены общимъ чувствомъ отвращенія, порожденнымъ тошнотою, вкусомъ во рту, щетиной на тройномъ подбородкѣ и на щекахъ, — онъ все нервно ерошилъ рукой эту щетину. Незадолго до конца переѣзда сэръ Вильямъ задремалъ. Когда онъ проснулся, ему показалось, что качки больше нѣтъ: парусиновый плащъ висѣлъ на стѣнѣ ровно; наверху, на полкѣ, круглая коробка не перекатывалась и не стучала о бортикъ полки, а лежала твердо (Гамильтонъ цѣлыя сутки съ усталымъ отвращеніемъ слѣдилъ за перекатываніемъ этой коробки). Сквозь открытый иллюминаторъ лились солнечные лучи. Сэръ Вильямъ тяжело приподнялся, заглянулъ въ окно и, вмѣсто шатающихся тучъ и горизонта, увидѣлъ съ невыразимымъ облегченіемъ совсѣмъ близко землю; корабль медленно шелъ вдоль берега по совершенно гладкому, залитому солнцемъ морю. Вода въ углубленіи на борту иллюминатора высохла. Гамильтонъ поднялся съ койки, не почувствовавъ при этомъ тошноты, наклонился, немного на бокъ изъ за брюшка, брезгливо ступилъ ногой на полъ, разыскалъ туфли и передвинулся въ каютѣ къ умывальнику. Зеркало отразило желто-блѣдное помятое лицо, съ двудневной сѣдой бородой и съ растрепанными бѣлыми волосами, на которыхъ почти не видѣлись остатки пудры. Сэръ Вильямъ откинулъ доску умывальника и недовѣрчиво умылся и а ч е р н о въ маленькой чашкѣ; втянувъ шею передъ зеркаломъ, потрогалъ, морщась, рѣзко обозначившіяся складки подбородка, и почувствовалъ, что можетъ побриться, — утормъ эта мысль

показалась бы ему дикой. Онъ дернулъ шнурокъ надъ койкой. Гдѣ-то вдали зазвенѣлъ колокольчикъ: тотчасъ явился слуга, приставленный къ посланнику во время его болѣзни. Гамильтонъ заговорилъ съ нимъ уже не измученнымъ шопотомъ, а почти обыкновеннымъ своимъ голосомъ; это такъ его утѣшило, что онъ, никогда не разговаривавшій съ прислугой, противъ своего обычая задалъ нѣсколько ненужныхъ вопросовъ, съ удовольствіемъ прислушиваясь къ своей рѣчи. Слуга убралъ съ откидной доски столика рюмку и пузырекъ съ каплями, на которые сэръ Вильямъ не могъ смотрѣть безъ отвращенія (все чувствовалъ во рту противный вкусъ), принесъ горячую воду, снялъ съ полки и раскрылъ великолѣпный серебряный нассесеръ, въ теченіе долгихъ лѣтъ сопровождавшій повсюду посланника. Гамильтонъ занялся своимъ туалетомъ и а б ѣ л о. Черезъ полчаса онъ привелъ себя въ обычный видъ и къ нему вернулось чувство собственного достоинства. Слуга принесъ подносъ съ чаемъ. Сэръ Вильямъ еще не имѣлъ аппетита; но ни чай, ни хлѣбъ, какъ всегда немного черствый на морѣ, ни холодное мясо ни вызывали въ немъ отвращенія. Онъ однако торопится оставить опротивѣвшую ему каюту, теперь забрызганную по полу и стѣнамъ водой. Едва прикоснувшись къ завтраку, онъ вышелъ старческой барской походкой, еще неувѣренно ступая, но ни за что не держась, на залитую свѣтомъ палубу, съ наслажденіемъ вдыхая морской вѣтеръ и съ особой силой чувствуя радость жизни, которой оставалось такъ мало.

Справа вдали, въ двойной цѣпи Везувія, надъ лысой, чуть золотившейся вершиной вулкана склонился на бокъ еле замѣтный лѣтомъ, бѣловатый дымокъ. Столь знакомый Гамильтону берегъ залива, съ его надоедливой сладкой красотою, былъ, послѣ всѣхъ потрясеній революціи, совершенно такой же,

какъ прежде. Впередѣ, сливаясь съ облаками, виднѣлся Неаполь. Сэръ Вильямъ съ любопытствомъ вглядывался вдаль, защищая отъ солнца глаза ладонью и придерживая прядь волосъ на блестящемъ у висковъ лбу. Съ корабля онъ не видѣлъ никакихъ слѣдовъ разрушенія въ городѣ, въ которомъ провелъ тридцать пять лѣтъ. Гамильтонъ разыскалъ взоромъ мѣстонахожденіе своего дома, Palazzo Sessa, и подумалъ со злобой о погибшемъ имуществѣ («еще слава Богу, что удалось вывезти коллекцію!»), о многочисленныхъ дѣлахъ и заботахъ по службѣ, которыя теперь имъ всѣмъ предстояли въ связи съ усмиреніемъ мятежа. Люди усиленно старались отравлять ему послѣдніе годы жизни. Сэръ Вильямъ французскую и особенно неаполитанскую революцію принималъ какъ сдѣланную ему личную неприязнь. Онъ тяжело вздохнулъ и отправился разыскивать лорда Нельсона.

Стоявшій на верхней палубѣ молодой офицеръ съ любопытствомъ окинулъ взоромъ стараго посланника, отдалъ честь и сказалъ съ легкой улыбкой, что помѣщеніе адмирала находится на опердекѣ. Улыбка молодого офицера непріятно кольнула Гамильтона. Стараясь сообразить, гдѣ можетъ быть опердекъ, онъ пошелъ дальше той же неувѣренной походкой: морская болѣзнь все таки еще сказывалась.

По традиціи, принятой въ британскомъ флотѣ, для престожа, связаннаго съ нѣкоторой таинственностью, адмиралъ жилъ уединенно и виѣ служебныхъ дѣлъ почти не встрѣчался съ офицерами эскадры, рѣдко бывая въ ихъ обществахъ. Занимаемое имъ помѣщеніе изъ салона и лучшихъ каютъ корабля находилось почти у кормы на второй палубѣ (это и былъ опердекъ). Доступъ къ Нельсону былъ затрудненъ. Но часовые знали въ лицо посланника и не останавливали его, понимая, что никакіе предписанія и запреты не относятся къ этому

важному штатскому старику. Сэръ Вильямъ прошелъ по длинному корридору и еще издали услышалъ, морщась, знакомое ему щебетанье. Онъ постучалъ въ дверь салона, въ которомъ находилась его жена съ лордомъ Нельсономъ, почувствовать, какъ всегда въ этомъ случаѣ, одновременно неловкость и необходимость стука. Послышалось сухое «come in» Нельсона. На лицѣ посланника появилась сладкая улыбка. Онъ открылъ дверь и вошелъ въ салонъ. Какъ онъ и ожидалъ, кромѣ адмирала и лэди Эммы въ салонѣ никого не было.

Гамильтонъ давно зналъ о связи своей жены съ лордомъ Нельсономъ. Еслибъ онъ самъ объ этомъ не догадывался, то ему очень скоро сказали бы въ обществѣ правду тонкія улыбки, любезные вопросы, обрывавшіеся при его появленіи разговоры. Все это было непріятно Гамильтону, но не слишкомъ его волновало, — его уже почти ничто не могло особенно волновать. Сэръ Вильямъ говорилъ себѣ въ утѣшеніе, что въ концѣ концовъ онъ зналъ, на что шель, когда женился на уличной женщинѣ, бывшей вдобавокъ моложе его на тридцать слишкомъ лѣтъ. Немного раздражало Гамильтона, что онъ самъ познакомилъ свою жену съ Нельсономъ. Но и здѣсь онъ утѣшался тѣмъ, что все равно, если не Нельсонъ, нашелся бы другой. Было впрочемъ досадно, что выборъ лэди Эммы остановился на невѣжественномъ, неумномъ и некрасивомъ плебеѣ, какимъ представлялся Гамильтону адмираль со всей его храбростью и боевыми заслугами. Связь лэди Эммы съ принцемъ-красавцемъ была бы менѣе непріятна сэру Вильяму. Ревность однако не очень его мучила. Мысль о разрывѣ или о дуэли съ Нельсономъ никогда не приходила ему въ голову. Поединки въ ту пору еще не вывелись въ Англій. Но дуэль между британскимъ посланникомъ въ Неаполѣ и побѣдителемъ при Абукирѣ составила бы такой скан-

далъ, по сравненію съ которымъ французская революція потеряла бы всякій интересъ. Сэръ Вильямъ не очень любилъ скандалы даже тогда, когда они случались съ другими, и менѣе всего желалъ, чтобы въ скандалъ было замѣшано его собственное имя: онъ былъ хорошей семьи и чрезвычайно дорожилъ фамиліею Гамильтоновъ. Большой опытъ жизни подсказалъ сэру Вильяму тонъ, который ему надлежало взять для огражденія своей чести и особенно своей репутаціи умнаго человѣка. Тонъ этотъ сводился къ самой изысканной любезности, къ дружескимъ отношеніямъ съ Нельсономъ. Этому правилу посланникъ неизмѣнно слѣдовалъ уже нѣсколько лѣтъ и самъ именовалъ шутливо ихъ тройное содружество: *tria juncta in uno*. Когда Гамильтонъ впервые пустилъ въ обществѣ эту шутку, онъ было спохватился, ужъ не зашелъ ли слишкомъ далеко. Но убѣдившись въ полномъ ея успѣхѣ, сэръ Вильямъ пошелъ еще дальше, вспомнивъ слова, приписывавшіяся не то князю де Линю, не то другому знаменитому остряку: «лучше имѣть пятьдесятъ процентовъ въ хорошемъ дѣлѣ, чѣмъ сто — въ плохомъ». Эта шутка, невинно повторенная Гамильтономъ въ салонѣ съ видомъ «*à bon entendeur salut*», имѣла еще болѣе успѣхъ и сразу дала его роли не смѣшной, а изящно-циничной тонъ (теперь называемый: *très dixhuitième*), который лучше всего выгораживалъ въ непріятномъ дѣлѣ его честь и древнее имя Гамильтоновъ. Однако, какъ ни свылся сэръ Вильямъ съ этимъ тономъ, видъ лорда Нельсона иногда бывалъ ему непріятенъ.

Британскій посланникъ вошелъ въ гостиную съ нѣжной улыбкой, которую онъ неизмѣнно на себя нацѣплялъ, встрѣчаясь въ обществѣ со своей женою. Улыбка эта опредѣляла ихъ отношенія. Она все объясняла, — и то, что старшій англійскій аристократъ женился на уличной женщинѣ, и то, что

лэди Гамильтонъ проводила время наединѣ съ лордомъ Нельсономъ. и то, что именовались они *tría juncta in uno*, и еще многое другое: лэди Эмма была рѣзвый, шаловливый, очаровательный ребенокъ, которому рѣшительно все прощалось. Эту улыбку сэръ Вильямъ годами искусно навязывалъ и въ концѣ концовъ навязалъ своей роднѣ, британской аристократіи, неаполитанскому двору, королевской семьѣ, даже самому адмиралу Нельсону. Лэди Эмму всѣ давно принимали именно такъ, и это предохраняло Гамильтона отъ разныхъ, безъ того неизбежныхъ, непріятностей. Теперь рѣзвый очаровательный ребенокъ близился къ сорока годамъ; но при его видѣ на лицѣ сэра Вильяма неизмѣнно появлялась эта улыбка, на которой твердо держалась ихъ супружеская жизнь.

Въ большомъ адмиральскомъ салонѣ угрюмый Нельсонъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Лэди Гамильтонъ стояла возлѣ него, потрясая какой-то бумагой, и какъ всегда взволнованно щебетала. По особенно-высокой нотѣ ея щебетанія, по краснымъ пятнамъ, выступившимъ на ея толстомъ, еще очень красивомъ, лицѣ, по бумагѣ, которую она держала въ унизанной кольцами рукѣ, сэръ Вильямъ понималъ, что его жена разсуждаетъ о важныхъ политическихъ дѣлахъ. Лэди Гамильтонъ ничего не понимала въ политикѣ и это было прекрасно извѣстно ея мужу. Но онъ зналъ также, что, вслѣдствіе сложной комбинаціи ея отношеній къ Нельсону и къ королевѣ Маріи-Каролинѣ, теперь рѣшительно все зависѣло отъ лэди Эммы. Гамильтонъ почувствовалъ смутное безпокойство.

Онъ нѣжно поцѣловалъ руку жены, любезно поздоровался съ адмираломъ, съ улыбкой отвѣчая на ихъ одновременные вопросы объ его здоровьи, и, усѣвшись въ креслѣ, изобразилъ сладко улыбавшимся лицомъ вопросъ.

Нельсонъ озабоченно сообщилъ Гамильтону важную новость. Слухи, бывшіе у нихъ раньше, подтвердились: кардиналъ Руффо заключилъ съ проклятыми мятежниками договоръ о капитуляціи, по которому они очищали замки съ воинскими почестями и получали право свободного отъѣзда во Францію.

— Вообразите, — сказала сердито Нельсонъ, — коммодоръ Футъ, сообщившій мнѣ только что это извѣстіе, имѣлъ смѣлость подписаться подъ договоромъ...

— Не можетъ быть! — воскликнулъ Гамильтонъ. Сладкая улыбка мгновенно исчезла съ его лица.

Лэди Гамильтонъ отчаянно зашебетала, но сэръ Вильямъ не слушалъ ея, зная по долгому опыту, что понять ея политическія мысли трудно, а спорить съ ней невозможно. Онъ быстро соображалъ слѣдствія изъ сообщенной ему новости. Капитуляція замковъ на такихъ условіяхъ представлялась совершенно невозможной; она должна была вызвать величайшее возмущеніе королевы Маріи-Каролины, которая въ Палермо мечтала, говорила, бредила о казняхъ мятежниковъ. Принять капитуляцію было очевидно немыслимо. Но старый посланникъ зналъ, что письменный договоръ, да еще подписанный полномочнымъ британскимъ офицеромъ, есть вещь нешуточная.

— Да, этотъ дуракъ Футъ подписалъ капитуляцію именемъ Его Величества короля Георга, — повторить со злобой Нельсонъ. — И русскій командующій тоже, отъ имени своего императора...

— Но это невозможно! — воскликнула съ крайнимъ волненіемъ лэди Гамильтонъ. — Мы объяснимъ, что они ошиблись, что вышло недоразумѣніе. Поймите же, это невозможно. Я не усну всю ночь... Отпустить этихъ негодяевъ во Францію послѣ того, что они сдѣлали... Развѣ вы забыли, какія гадости они писали о королевѣ. обо мнѣ, о васъ?..

— Этому не бывать! — сказала Нельсонъ блѣднѣя. Онъ вскочилъ и заходилъ по комнатѣ.

— Вы получили копію капитуляціи? — спросилъ упавшимъ голосомъ Гамильтонъ. Онъ взялъ бумагу, которой размахивала его жена, прочелъ договоръ, опустилъ бумагу на колѣни, снова ее прочелъ, откинулъ голову на спинку кресла и закрылъ глаза.

Какъ политическій дѣятель, онъ понималъ, что Руффо поступилъ правильно: благоразумнѣе всего было отпустить всѣхъ этихъ революціонеровъ на безвредное житіе во Францію. Къ судьбѣ ихъ Гамильтонъ былъ совершенно равнодушенъ. «Казни, пытки, какъ здѣсь принято, къ чему это?..» подумалъ сэръ Вильямъ. Но одновременно онъ опять себя представилъ, какъ королева приметъ въ Палермо извѣстіе о капитуляціи.

«Онъ отравятъ мнѣ жизнь», — почти неожиданно для себя сдѣлалъ Гамильтонъ главный выводъ и, открывъ глаза, взглянулъ на свою жену, которая, все больше краснѣя отъ жары и волненія, расхаживала по комнатѣ въ ногу съ Нельсономъ. Сэръ Вильямъ снова опустилъ вѣки. — «Да, онъ меня замучать... Это будетъ изо дня въ день истерика... Та сумасшедшая отравитъ жизнь ей, а она мнѣ». — Онъ устало поморщился, какъ морщится всякій разъ, когда одновременно думалъ о королевѣ и о лэди Эммѣ. — «Разумѣется, въ Палермо во всемъ обвинять меня... Вѣдь я былъ приставленъ для политическаго руководства... Куда же я изъ Неаполя поѣду послѣ тридцати пяти лѣтъ?.. Нѣтъ, конечно, капитуляція невозможна. Что скажутъ однако въ Лондонѣ, если мы нарушимъ договоръ?.. Могутъ быть непріятности. Нехорошо... Но такъ гораздо хуже... *Piti s'en f... après tout...*» — подумалъ Гамильтонъ (онъ нерѣдко переходилъ въ мысляхъ на французскій языкъ и немного гордился этимъ).

Сэръ Вильямъ открылъ снова глаза.

— Разумѣется, вы не можете утвердить эту позорную капитуляцію, — сказалъ онъ Нельсону, подчеркивая слово *infamous*.

— Да, да, именно позорную! — воскликнула лэди Эмма. — Послѣ всего того, что они о насъ писали въ своихъ подлыхъ листкахъ...

— Я самъ рѣшилъ не утверждать договоръ, — поспѣшно сказалъ, останавливаясь на мгновенье, лордъ Нельсонъ: онъ постоянно боялся, какъ бы не подумали, что онъ находится подъ чужимъ вліяніемъ.

Сэръ Вильямъ, знавшій хорошо своего друга, склонилъ на бокъ свой тройной подбородокъ въ знакъ уваженія къ мудрому рѣшенію адмирала, свелъ концами пальцы худыхъ старческихъ рукъ съ толстыми жилами, и вкратцѣ изложилъ тѣ доводы, по которымъ лордъ Нельсонъ рѣшилъ не утверждать капитуляціи. Главные аргументы его были слѣдующіе: монархъ не можетъ входить ни въ какіе переговоры съ мятежниками, и безнаказанность революціонеровъ противорѣчитъ Божьей волѣ. Гамильтонъ зналъ, что эти доводы сильнѣе всего поразятъ Нельсона. Гладкая рѣчь посланника (онъ очень хорошо говорилъ) произвела на всѣхъ и на него самого успокоительное дѣйствіе. Адмиралъ снова сѣлъ въ кресло, щебетанье лэди Эммы стало почти нормальнымъ, и красныя пятна начали сглаживаться на ея щекахъ.

— Копію капитуляціи, — сказалъ въ заключеніе Гамильтонъ, — надо немедленно послать въ Палермо Ея Величеству... Ихъ Величествамъ, — поправился онъ и помолчалъ. — Я не скрываю отъ себя нѣкоторыхъ формальныхъ трудностей, которыя вы, безъ сомнѣнія, понимаете лучше меня. Ф о р м а л ь н о (онъ подчеркнул это слово) кардиналъ Руффо вамъ не подчиненъ: онъ намѣстникъ короля Фердинанда.

Такимъ образомъ заключенная имъ капитуляція собственно не нуждается въ вашемъ утвержденіи... Роль Руффо въ этомъ дѣлѣ странная и сомнительная. Но я думаю, что, если написать кардиналу рѣшительное письмо, онѣ не будетъ настаивать на своемъ...

— Я самъ такъ полагаю, — подтвердилъ Нельсонъ. — Пожалуйста, напишите ему немедленно, — добавилъ онѣ, уступая посланнику мѣсто за письменнымъ столомъ. Гамильтонъ предпочелъ бы, чтобъ письмо написалъ Нельсонъ. Тѣмъ не менѣе онѣ послушно сѣлъ за столъ и, быстро обдумывая каждое слово, написалъ размашистымъ, чуть дрожащимъ, скорѣе дѣтскимъ, чѣмъ старческимъ, почеркомъ, съ открытыми сверху буквами о, съ а похожими на и, безъ знаковь препинанія, французское письмо кардиналу:

Eminence

Milord Nelson me prie d'informer V. E. qu'il a reçu du Capitaine Foote Commandant de la Fregate Sea Horse une copie de la Capitulation que Votre Eminence a jugé à propos de faire avec les Commandants des Châteaux de St. Elme — Castel Nuovo et Castel del Ovo — qu'il désapprouve entièrement de ces Capitulations et qu'il est très résolu de ne point rester neutre avec la force respectable qu'il a l'honneur —

Онѣ остановился въ концѣ страницы на словѣ honneur, легонько помахалъ письмомъ въ воздухѣ, и съ удовольствіемъ прочелъ написанное вслухъ. Лэди Гамильтонъ, вскрикивая отъ восторга, переводила фразу за фразой. Нельсонъ одобрительно кивать головой. Сэръ Вильямъ улыбался старчески-дѣтской улыбкой, при которой сѣтъ морщинокъ, прямыхъ сбоку отъ глазъ и полукруглыхъ надъ глазами, рѣзко обозначалась на его благодушномъ лицѣ.

XIV.

Британскіе офицеры, прибывшіе въ ставку Руффо съ письмомъ Гамильтона, не говорили ни по французски, ни по итальянски или не желали объясняться на этихъ языкахъ. Съ улыбкой сожалѣнія, относившейся къ чужому невѣжеству, они настойчиво говорили по англійски съ секретаремъ кардинала, аббатомъ Спарціани, въ полной увѣренности, что ихъ должны понять и поймутъ. Ихъ дѣйствительно скоро поняли. Въ качествѣ переводчика неувѣренно предложилъ свои услуги Штааль, находившійся въ пріемной Руффо съ другими офицерами отряда капитана Белле: послѣ перемирія онъ почти все жаркое время дня проводитъ въ кардинальской ставкѣ. Русскій командующій, капитанъ-лейтенантъ Белле, тоже не зналъ по французски и Штааль помогать ему въ разговорахъ съ Руффо. Штааль не свободно владѣлъ англійскимъ языкомъ, однако его понимали. Когда выяснилось, что британскіе моряки прибыли съ важнымъ порученіемъ отъ м и л о р д а (они такъ и говорили м и л о р д ѣ, точно на свѣтѣ существовалъ только одинъ лордъ Нельсонъ), секретарь рѣшился побезпокоить Porporato, отдохавшаго у себя въ кабинетѣ.

Спарціани пріоткрылъ дверь, вошелъ на цыпочкахъ въ комнату Руффо и приблизился къ кардиналу, который съ измученнымъ видомъ сидѣлъ за столомъ, закрывъ глаза. Когда секретарь произнесъ слово „Eminenza“ тихимъ голосомъ, какъ вначалѣ будятъ спящихъ людей, Руффо вздрогнулъ и съ ужасомъ открылъ глаза.

— Пусть войдутъ, сейчасъ пусть войдутъ! — нервно приказалъ онъ, узнавъ, въ чемъ дѣло.

Черезъ минуту британскіе офицеры вошли въ кабинетъ въ сопровожденіи секретаря и Штаала, — аббатъ Спарціани былъ вынужденъ его пригласить, такъ какъ другого переводчика въ виллѣ не оказалось; кардиналь не говорилъ по англійски. Руффо привѣтливо протянулъ вошедшимъ обѣ руки и не подаль ни одной. Такъ онъ обычно поступалъ съ почетными гостями-иновѣрцами, которые, по его предположенію, предпочли бы обойтись безъ цѣлованія кардинальского перстня.

Старшій офицеръ, капитанъ Тробриджъ, тотчасъ подавъ Руффо письмо британскаго посланника.

— Такъ сэръ Вильямъ Гамильтонъ тоже прибылъ вмѣстѣ съ адмираломъ? — тономъ радостнаго удивленія спросилъ кардиналь, распечатывая письмо. Штааль перевелъ его вопросъ. Руффо устало улыбнулся, оттого что переводили ненужныя слова, приблизилъ письмо къ глазамъ и сталъ читать.

— *Quelle est cette plaisanterie!**) — вдругъ проговорилъ онъ, мѣняясь въ лицѣ.

Штааль не безъ недоумѣнія хотѣлъ было перевести это замѣчаніе. Но Руффо, тотчасъ сдержавшись, остановилъ его жестомъ.

— Вамъ извѣстно, господа, содержаніе письма господина посланника? — спросилъ онъ офицеровъ.

Капитанъ Тробриджъ отвѣтилъ утвердительно.

— А извѣстно ли лорду Нельсону, что капитуляцію подписали, кромѣ меня (лицо его дрогнуло). коммодоръ Футъ именемъ вашего монарха и капитанъ-лейтенантъ Белле именемъ Россійскаго императора? — сказали медленно Руффо, оглядываясь на Штаала; онъ какъ бы хотѣлъ пригласить русскаго офицера подтвердить эти свои слова, но, признавъ его недостаточно авторитетнымъ, перевелъ вновь глаза на капитана Тробриджа.

*) Что это за шутка!

«Неужто англичане хотятъ нарушить капитуляцію?» — быстро подумалъ Штааль. — «Что за скандалъ!...»

Тробриджъ кратко отвѣтилъ, что коммодоръ Футъ не имѣлъ достаточныхъ полномочій отъ милорда. Милордъ не можетъ утвердить капитуляцію, заключенную на такихъ условіяхъ.

Хотя всѣ мысли Штааля были заняты переводомъ, онъ вспыхнулъ, услышавъ слова Тробриджа: англійскій капитанъ говорилъ такъ, будто изъ подписей на документѣ интересъ представляла только подпись коммодора Фута.

— Лордъ Нельсонъ не мой начальникъ, — сказала Руффо, больше не сдерживаясь и повышая голосъ. — Мои дѣйствія не нуждаются въ его утвержденіи.

Штааль съ особымъ удовольствіемъ перевелъ слова кардинала. Англичане ничего не отвѣтили. Разговоръ съ ними былъ очевидно бесполезенъ. Руффо поднялся съ кресла и, не глядя на капитана Тробриджа, велѣлъ Штаалю сказать, что кардиналъ-намѣстникъ (онъ подчеркнулъ свой титулъ) лично отправится на Foudroyant для непосредственнаго разговора съ адмираломъ Нельсономъ.

Англійскіе офицеры откланялись и вышли изъ кабинета.

Баркасъ адмиральскаго корабля, присланный за кардиналомъ-намѣстникомъ, причалилъ почти у самой ставки. Лацароны, лежавшіе на берегу и недоброжелательно поглядывавшіе на британскихъ матросовъ, вскочили при появленіи кардинала и его свиты. Съ Руффо на Foudroyant отправлялись кавалеръ Мишеру и еще нѣсколько человѣкъ, — состоявшіе при кардиналѣ калабрійскіе офицеры и Штааль, взятый въ качествѣ переводчика на слу-

чай надобности. Инца свиты помогли кардиналу сѣсть въ баркасѣ. Лаццароны, тоже суетившіеся вокругъ Рогато, почтительно поцѣловали край его одежды и при этомъ вызывающе смотрѣли на англійскихъ гребцовъ, точно чувствовали, что передъ лицомъ чужеземной силы необходимо особой почтительностью поддерживать престижъ своего начальства.

Рослые гребцы, со страхомъ глядѣвшіе на главнаго паписта въ красной мантии, налегли на весла и лодка, сильно качаясь, несмотря на спокойное море, быстро пошла по направленію къ эскадрѣ. Руффо, разстроенный и угрюмый, ни съ кѣмъ не говоря сидѣлъ на средней скамейкѣ. Штааль по французски вполголоса переговаривался съ другими лицами свиты. Англійскій офицеръ изрѣдка негромко бросалъ командѣ непонятныя слова. Почти всѣ испытывали чувство неловкости, неявно сознавая его причину.

Мость св. Магдалены становилася все меньше, британскіе военные корабли росли. У борта огромнаго судна, стоявшаго впереди другихъ, уже былъ виденъ офицеръ, внимательно вглядывавшійся въ баркасѣ. Штааль смотрѣлъ на грозную эскадру и тщетно старался разобраться въ корабляхъ: который — линейный, который — фрегатъ, который — корветъ (онъ очень любилъ морскіе термины; слово фрегатъ ему особенно нравилось, — и было почему-то неприятно, что линейные корабли важнѣе фрегатовъ). Вдругъ совсѣмъ близко грянулъ пушечный выстрѣлъ. Всѣ вздрогнули. За первымъ выстрѣломъ послѣдовали другіе. Это британская эскадра салютовала кардиналу-намѣстнику. Баркасѣ нѣсколько измѣнилъ направленіе и сталъ огибать адмиральское судно (уже можно было прочесть конецъ надписи ...going). Штааль, никогда не выдавшій вблизи линейныхъ кораблей, съ любопытствомъ всматри-

вался въ гигантскія мачты, припоминая ихъ странныя, смѣшныя названія, въ отверстія на бортахъ, прикрытыя ставнями, — онъ догадывался, что это порта пушекъ, — въ шлюпки, подвѣшенные на брусьяхъ съ бортовъ. Все такъ и сверкало чистотой. Баркасъ подошелъ наконецъ вплотную къ спущенному трапу. Офицеръ легкой походкой сбѣжалъ на нижнюю площадку трапа, отдалъ честь и съ улыбкой протянулъ руку Руффо, который, морщась отъ послѣдняго выстрѣла салюта, неторопливо сталъ подниматься, держась за веревочныя перила. Штааль, не воспользовавшись помощью офицера, шагнулъ черезъ скамейку кренящагося баркаса, вскочилъ вслѣдъ за кардиналомъ на чуть замѣтно дрожащую площадку трапа и быстро поднялся по лѣстницѣ, не касаясь перилъ.

Наверху стоялъ около трапа немолодой офицеръ, капитанъ корабля, а рядомъ съ нимъ, справа, осанистый старикъ въ штатскомъ платьѣ, — какъ потомъ узналъ Штааль, британскій посланникъ въ Неаполѣ, сэръ Вильямъ Гамилтъонъ. Нельсона однако у трапа не было; это тотчасъ съ непріятнымъ чувствомъ отмѣтили и Руффо, и Мишеру, и даже Штааль. Сэръ Вильямъ, сіяя счастливой улыбкой, поспѣшно, чуть переваливаясь, подошелъ къ кардиналу, остановился (тотчасъ, сбившись, неловко остановились всѣ), дружески поздоровался и по французски негромко обмѣнялся съ Руффо нѣсколькими фразами. Затѣмъ представилъ ему капитана, познакомился съ лицами кардинальской свиты и привѣтливо предложилъ имъ пройти съ капитаномъ въ салонъ, добавивъ вскользь съ любезной улыбкой, что обязанности переводчика онъ беретъ на себя. Мишеру, рассчитывавшій принять участіе въ важной бесѣдѣ, отвѣтилъ, затаивъ обиду, легкимъ поклономъ, и сдѣлалъ видъ, будто очень радъ тому, что ему можно будетъ не присутствовать при разговорѣ

кардинала съ лордомъ Нельсономъ. Руффо и Гамильтонъ пошли нѣсколько впереди по направленію къ широкой лѣстницѣ, спускавшейся внизъ недалеко отъ гротъ-мачты. Вдругъ, наверху этой лѣстницы, быстро шагая черезъ двѣ ступеньки, появился невысокій блѣдный офицеръ, съ зеленымъ козырькомъ на лбу подъ копной густыхъ пудренныхъ волосъ. Правый пустой рукавъ офицера былъ привязанъ шнуромъ къ пуговицѣ, пришитой къ груди рядомъ съ большой блестящей звѣздой. По неувловимому измѣненію въ капитанѣ и въ другихъ англичанахъ, Штааль, хоть и не различалъ англійскихъ мундировъ, еще не взглянувъ, догадался, что это лордъ Нельсонъ. «Да онъ калѣка несчастный!» — подумалъ Штааль, только теперь вспомнивъ, что знаменитый адмиралъ былъ тяжело изувѣченъ въ сраженіяхъ. Козырекъ очевидно предохранялъ отъ свѣта его больные глаза. Нельсонъ быстро окинулъ палубу тяжелымъ взглядомъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ и неловко поклонился. Кардиналъ протянулъ обѣ руки. Гамильтонъ съ полупоклономъ отступилъ въ сторону, на секунду задумался, кого кому представить, и представилъ лорда Нельсона: онъ зналъ, что адмиралъ въ требованіяхъ этикета ничего не смыслить и не обратитъ вниманія, а Руффо, въ связи съ предстоявшимъ непріятнымъ разговоромъ, не мѣшало оказать лишній почетъ. Нельсонъ неловко пожалъ лѣвой рукой руку кардинала и чуть поклонился другимъ, въ отвѣтъ на ихъ почтительные поклоны. Штааль жадно всматривался въ адмирала, стараясь все запомнить. Но потомъ, къ своему удивленію, онъ ясно помнилъ мундиръ съ восьмиугольной звѣздой, открытый снизу, надъ лосинами, длинный жилетъ, узкіе эполеты съ широкими падающими кистями, зеленый козырекъ, всего больше пустой сложенный рукавъ, привязанный къ пуговицѣ на груди. Изъ лица же Нельсона

въ памяти Штаала остался лишь тяжелый угрюмый взглядъ.

Адмиралъ. Руффо и Гамильтонъ скрылись на лѣстницѣ. Другихъ гостей капитанъ незамѣтно задержалъ немного на палубѣ, а затѣмъ учтиво пригласилъ слѣдовать за нимъ, попросивъ извиненія въ томъ, что поидеть впереди. По той же лѣстницѣ всѣ спустились на третью палубу въ каютъ-компанію, гдѣ былъ приготовленъ чай.

Послѣ Неаполитанской грязи, бѣдности, пыли, все на этомъ великолѣпномъ кораблѣ невольно останавливало вниманіе Штаала. Отъ блестящихъ, безъ единого пятнышка пушекъ до бѣлоснѣжной тяжелой скатерти на столѣ въ каютъ-компаніи, все было самое прочное, дорогое и лучшее: это была Англія. И находившіеся въ каютъ-компаніи офицеры въ изумительно сидѣвшихъ мундирахъ безъ пушинки тоже были самые прочные, дорогіе и лучшіе. Штааль смотрѣлъ на нихъ съ завистью и уваженіемъ. У него, какъ на зло, на груди мундира слѣва замѣтно выдѣлялось пятно. А большое зеркало каютъ-компаніи, противъ котораго онъ прошелъ съ непріятнымъ чувствомъ, отразило его слипшіеся волосы, и красную полосу на лбу отъ фуражки.

Капитанъ усадилъ гостей за большой столъ. Онъ пригласилъ ихъ на чашку чая и, дѣйствительно, посрединѣ стола сверкали серебряные сосуды и фарфоровыя чашки. Но чая никто не пилъ. Два лакея въ ослѣпительно бѣлыхъ костюмахъ разносили на натертыхъ серебряныхъ подносахъ небольшіе бокалы съ какимъ-то бѣловатымъ напиткомъ. «Ужъ не молоко ли?» — подумалъ съ недоумѣніемъ Штааль. Онъ взялъ бокалъ и при этомъ съ досадой замѣтилъ, что суставы пальцевъ у него чуть темнѣютъ: въ Неаполѣ, за часъ, пыль забила въ складки кожи. Онъ подогнулъ пальцы и безпокойно оглянулся на сосѣда. Увидѣвъ, что сосѣдъ этотъ залпомъ опорож-

нить свой бокаль, Штааль сдѣлалъ то же самое педва не задохся, — такъ обжегъ ему горло и внутренности невинный съ виду бѣловатый напитокъ. «Если они, разбойники, пьютъ крашеный спиртъ, такъ предупреждали бы хотъ гостей!» — подумалъ Штааль, немного отдышавшись. Онъ закусилъ сладкимъ печеньемъ и снова тревожно оглянулся на сосѣда, но тотъ повидимому не замѣтилъ его слезъ.

Разговоръ за столомъ не очень клеился. Капитанъ вѣжливо занималъ гостей, однако могъ связывать только несложныя французскія фразы. Остальные офицеры повидимому совсѣмъ не говорили, а только понимали по французски и не вмѣшивались въ разговоръ; но очень гостепріимно, больше жестиами и междометьями, предлагали гостямъ портвейнъ, печенье, фрукты. Велъ бесѣду рѣчистый кавалеръ Мишеру. Онъ рассказывалъ чудеса объ успѣхахъ оружія санфедистовъ, объ ихъ храбрости и великодушій къ врагамъ. «Какъ онъ можетъ вратъ такъ гладко, — хотъ бы залпнулся?» — думалъ Штааль. Калабрійскіе офицеры съ своей стороны, робѣя, рассказали, смѣшивая французскій и итальянскій языки, каждый по одному чуду храбрости, больше впрочемъ для того, чтобы не молчать все время. Англичане слушали съ учтивымъ недоверіемъ. Ихъ молчаніе непріятно дѣйствовало на Мишеру. Отсутствие рѣпликъ, переспросовъ, восклицаній удивленія и восторга скоро его утомили: онъ не любилъ такъ разговаривать. Желая, изъ вѣжливости болтуна, дать поговорить и хозяевамъ, неополитанскій кавалеръ въ свою очередь сталъ спрашивать объ англійской эскадрѣ и сбѣ ея подвигахъ. Капитанъ отвѣчалъ чрезвычайно кратко и всякій разъ думалъ нѣсколько мгновеній, прежде чѣмъ дать отвѣтъ. На вопросъ Мишеру о дальнѣйшихъ планахъ и намѣреніяхъ доблестнаго лорда Нельсона, капитанъ отвѣтилъ: «Ничего не могу сказать» — и по

этой фразѣ осталось неяснымъ, оттого ли онъ не можетъ сказать, что не знаетъ. или оттого, что говорить не хочетъ.

Молодой офицеръ, сосѣдь Штааля, наклонился къ нему съ бутылкой портвейна и произнесъ вопросительное междоуміе. Штааль, до того все время молчавшій, отвѣтилъ по англійски, старательно выговоривъ что-то вродѣ «splendid port» (трудное произношенію слово port далось ему хорошо, но онъ не былъ увѣренъ, можетъ ли port быть splendid или ему надлежитъ быть fine). Какъ только молодой офицеръ услышалъ англійскій отвѣтъ, лицо его просвѣтлѣло. Черезъ минуту они дружески разговаривали; другіе офицеры тоже ласково поглядывали на Штааля, иначе чѣмъ на другихъ сидѣвшихъ за столомъ иностранцевъ. Когда чай кончился, Штааль оказался въ центрѣ группы молодыхъ, очень милыхъ, любезныхъ, прекрасно воспитанныхъ людей. Они не изъ вѣжливости, а съ самымъ настоящимъ интересомъ задавали вопросы о Петербургѣ, о русской арміи и флотѣ, всего больше о фельдмаршалѣ Суворовѣ, имя котораго уже гремѣло въ Европѣ. Офицеры спрашивали о наружности Суворова, о томъ, правда ли, будто онъ похожъ на милорда (Нельсонъ начиналъ гордиться этимъ сходствомъ). Штааль польщенный подтвердилъ сходство, — ему хотѣлось всѣмъ говорить пріятныя вещи. Затѣмъ бесѣда перешла на Неаполь, на возможные развлечения, на женщинъ. Все было чрезвычайно мило. Прекрасному настроенію теперь очень способствовалъ и проглоченный залпомъ бѣлый напитокъ. Штааль быстро становился англофиломъ и думалъ, что давно не былъ въ такомъ хорошемъ обществѣ. На него подѣйствовало своеобразное очарованіе англичанъ, — сочетаніе красивой внѣшности и высокой свѣтской культуры съ дѣтскою душою. Штааль не все понималъ изъ того что слышалъ, и, когда не

понималъ, говорилъ увѣренно: «Oh, I see», зная, что по англійски это всегда можно сказать безъ всякаго риска. Пробовалъ даже разъ начать съ «I say», но какъ-то не вышло.

Въ самый разгаръ бесѣды въ каютъ-компанію вошелъ новый офицеръ и, учтиво поклонившись, сказалъ нѣсколько словъ капитану, который тотчасъ всталъ.

— Мнѣ очень жаль, господа, — сказалъ онъ. — Васъ ждеть... — онъ затруднился, очевидно не зная, какъ назвать кардинала. — Васъ ждуть...

Гости тоже поднялись и, оживленно разговаривая, направились вверхъ по лѣстницѣ. Штааль шагаль черезъ двѣ ступени (бѣлый напитокъ особенно оживлялъ ноги) и чувствовалъ себя весьма свободно. «Значить, это мидельдекъ, — весело соображалъ онъ, продолжая играть въ моряка. — А это опердекъ... А тамъ будетъ квартердекъ... Мидельдекъ, опердекъ, квартердекъ», — чуть не пропѣлъ онъ вдругъ. На верхней, свѣтлой, части лѣстницы разговоры замолкли. Сбоку вблизи послышался взволнованный женскій голосъ. «Это еще откуда?» — игриво спросилъ себя Штааль. На палубѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лѣстницы, у самой гротъ-мачты стояла группа изъ четырехъ человѣкъ: Руффо, Нельсонъ, Гамильтонъ и красивая толстая дама, которую Штааль не успѣлъ разглядѣть какъ слѣдуетъ. Общій видъ группы сразу выбилъ изъ него веселье. Кардиналь былъ чрезвычайно блѣденъ, — такимъ Штааль никогда его не видалъ. Лицо Руффо имѣло выраженіе рѣшительное, почти угрожающее. Нельсонъ съ опущенной головой напоминалъ бульдога, собирающагося оскалить зубы. Лѣвой рукой онъ оттягивалъ внизъ кисточку, висѣвшую на рукояткѣ шпаги. Сэръ Вильямъ Гамильтонъ былъ также совсемъ не такой, какъ часъ назадъ: онъ размахивалъ руками, странно жмурился, старался улыбаться, но

улыбка на багровомъ лицѣ его не выходила, и видѣ у него былъ неувѣренный, даже растерянный. Толстая дама чрезвычайно волновалась. Порывистыми движеніями она хватала за руку то Гамильтона, то Нельсона. Въ ту минуту, когда общество какоть-компаніи поднялось на палубу и остановилось (улыбки у всѣхъ сразу стерлись), лэди Гамильтонъ въ умоляюще-очаровательнымъ видомъ дернулась къ рукаву кардинала. Руффо холодно, безглаголиво высвободилъ руку (дама сильно покраснѣла) и, повернувшись къ Нельсону, сказалъ умышленно громко, такъ что всѣ слышали его слова:

— *Mylord, ce que vous voulez faire est sans exemple dans l'histoire des peuples civilisés! *)*

Нельсонъ, едва ли понявшій фразу кардинала, вопросительно взглянулъ исподлобья на посланика, который поднесъ лѣвую руку къ уху, осклабился и прищурилъ глаза, показывая жестомъ сожалѣнія, что какъ разъ пропустилъ эту фразу мимо ушей. Лэди Гамильтонъ взвизгнула почти истерически. Нельсонъ поднялъ голову, сверкнулъ глазомъ и сказалъ, точно огрызнувшись:

— *An Admiral is no match in talking with a Cardinal...**)*

Гамильтонъ совсѣмъ зажмурилъ глаза, сладко улыбнулся и заговорилъ съ необычайной быстротой, потрясая согнутыми ладонями впереди ушей. Жесты и выраженіе лица его показывали, что происходитъ забавное недоразумѣніе, которое сейчасъ разъяснится, послѣ чего всѣ будутъ очень смѣяться. Но Руффо, не дослушавъ его словъ, сдѣлалъ рѣзкое движеніе и сказалъ съ угрозой въ голосѣ:

— *Alors, c'est non? Bien! Il suffit...***)*

*) Милордъ, то что вы хотите сдѣлать не имѣетъ примѣровъ въ исторіи цивилизованныхъ народовъ!

**) Адмиралъ не можетъ спорить съ кардиналомъ.

***) Значитъ, нѣтъ? Прекрасно! Такъ конечно...

Кардиналь круто повернулся и, приказавъ движеніемъ головы свитѣ слѣдовать за нимъ, быстро пошелъ по направленію къ трапу. Штааль какъ то по особенному, — Штааль невольно подумалъ, что такъ можетъ и долженъ ходить князь церкви, имѣющей за собой полторы тысячи лѣтъ господства надъ міромъ. Посланникъ быстро открылъ глаза, развелъ руками и, почти апоплексически багровѣя, нагналъ кардинала-намѣстника. Лэди Гамильтонъ взвизгивая бѣжала рядомъ съ Руффо, нерѣшительно пытаясь схватить его за руку.

XV.

По возвращеніи съ англійскаго судна, Штааль былъ тотчасъ, къ большому своему неудовольствію, посланъ за фуражемъ; послѣ важныхъ политическихъ сценъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе съ самыми высокопоставленными людьми, мелкое неинтересное дѣло показалось ему пониженіемъ по службѣ. Мысли его однако отвлеклись, и только возвращаясь въ Неаполь, онъ вспомнилъ о столкновеніи, произошедшемъ между Руффо и Нельсономъ. «Интересно, чѣмъ-же кончилось?» — подумалъ онъ. Ему однако въ этотъ вечеръ не пришлось узнать, чѣмъ кончилось столкновеніе. Подъѣзжая къ тому дому, гдѣ квартировали младшіе офицеры русскаго отряда, онъ встрѣтилъ двухъ товарищей, отправлявшихся въ трактиръ, и, голодный, съ охотой согласился къ нимъ присоединиться. Штааль, умывшись съ дороги, отдалъ краткій отчетъ въ выполненномъ порученіи; затѣмъ они втроемъ весело пообѣдали, выпили и рѣшили вмѣстѣ провести весь вечеръ. О политическихъ дѣлахъ за обѣдомъ не говорилось; оба офицера были неразвитые и Штааль отно-

силъ къ нимъ поэтому немного свысока. Но ему было съ ними веселѣе, чѣмъ съ развитыми. Говорили молодые люди за обѣдомъ о своихъ успѣхахъ у женщинъ и о своихъ успѣхахъ вообще, отдаваясь той безудержной потребности въ хвастовствѣ, которая иногда овладѣваетъ самыми скромными людьми.

Несмотря на панику, вызванную въ Неаполѣ извѣстіемъ о предстоящемъ нарушеніи капитуляціи, веселія мѣста города работали еще лучше, чѣмъ въ мирное время, благодаря множеству съѣхавшихся иностранныхъ офицеровъ съ деньгами, — русскихъ и англичанъ. Молодые люди всю ночь провели въ темныхъ кварталахъ Санъ-Франческо, выясняя, дѣйствительно ли соотвѣтствуетъ истинѣ высокая репутація Неаполитанскихъ притоновъ. Подъ конецъ они пришли къ выводу, что репутація соотвѣтствуетъ истинѣ и даже нѣсколько отстаетъ отъ нея. Правда, предлагали имъ большей частью не то, что ихъ интересовало. Юркіе люди, безошибочно оставливавшіе любознательныхъ иностранцевъ на темныхъ улицахъ, неизмѣнно начинали съ предложеній особаго рода, по старой неаполитанской традиціи, идущей отъ временъ Тиберія. Но услышавъ смѣхъ иностранцевъ, соглашались, хоть не такъ охотно, показать и женщинъ: это, по принятымъ цѣнамъ, было имъ менѣе выгодно. Часа за два до разсвѣта русскимъ любителямъ новыхъ ощущенийъ была наконецъ показана *tarantella dell'imbrecciata*. О ней они еще въ походѣ много слышали отъ неаполитанскихъ толчарей, которые многозначительно говорили, что передъ началомъ этого танца владѣлецъ притона обязанъ повернуть къ стѣнѣ изображеніе Мадонны. *Tarantella dell'imbrecciata* была дѣйствительно вещь невиданная, и даже Штааль, побывавшій въ Парижѣ и поэтому окруженный особымъ ореоломъ среди молодыхъ офицеровъ (хоть онъ тамъ ничего такого не видалъ), не строя разочарованнаго лица, соглашалъ-

ся, что для одной тарантеллы стоило продѣлать походъ .

— «Увидѣть Неаполь и умереть!» — убѣжденно сказала одинъ изъ молодыхъ людей. Второй спутникъ Штаала далъ свое толкованіе поговоркѣ: фаталистически-печально напомнилъ объ одной болѣзни, которая въ ту пору чаще всего называлась неаполитанской. Это напоминаніе очень не понравилось молодымъ людямъ. Они было и забыли о томъ, что болѣзнь, вѣроятно не безъ основанія, называется именемъ города Неаполя.

— Какіе пустяки! — сказалъ храбрый Штааль. — Дѣтская болѣзнь... Только тотъ заболѣваетъ, кто боится заболѣть.

Но онъ не ободрилъ ни другихъ, ни себя. Охоты кутить убавилось. Къ тому же было чрезвычайно поздно. Молодые люди вернулись домой гораздо меньше веселые, чѣмъ съ вечера.

Послѣ кутежа Штааль долго не могъ заснуть. Почему-то ему вспомнилась его первая поѣздка въ Италію, Настенька, о которой онъ давно пересталъ думать. Когда онъ получилъ назначеніе въ армію, дѣйствующую противъ Партенопейской республики, ему тотчасъ, еще во дворцѣ князя Безбородко, пришло въ голову, что въ Неаполѣ, быть можетъ, до сихъ поръ находится Баратаевъ. О немъ въ Петербургѣ не было никакихъ извѣстій, — онъ ни съ кѣмъ не переписывался. «Что, ежели я съ нимъ встрѣчусь?» — подумалъ тогда Штааль. Эта мысль и потомъ на морѣ, въ эскадрѣ Ушакова, и особенно во время похода по неаполитанскимъ землямъ, довольно часто его занимала: воображеніе рисовало ему самыя различныя возможности реванша и посрамленія Баратаева. О встрѣчѣ съ Настенькой онъ тоже иногда думалъ, но бѣгло-тоскливо и неохотно. Теперь, едва ли не впервые за послѣдній годъ, Настенька, ихъ любовь вспомнились ему впол-

нѣ отчетливо. Въ этомъ тяжеломъ воспоминаніи было и что-то пріятное: вѣрнѣе, пріятно было то, что онъ, съ его опытомъ жизни, въ бессонную ночь, послѣ кутежа, воспоминаетъ о давней чистой любви... Штааль ворочался въ постели и думалъ, что бессонница особенно мучительна въ предразсвѣтные часы. Отъ Настеньки мысли его перешли къ другому, вспомнился Парижъ, революція, Пьеръ Ламоръ, средній Ермитажъ, государыня, училище... Гдѣ это? Все вспоминалось въ цвѣтѣ мрачномъ, почти во всемъ были минуты постыдныя, — отъ нѣкоторыхъ воспоминаній онъ дергался болѣзненно и теперь. «Вѣрно, у всякаго человѣка есть, должны быть такія воспоминанія», — утѣшалъ себя Штааль. Онъ думалъ быстро-беспорядочно, какъ думаютъ поздно ночью въ состояніи нервнаго возбужденія; изрѣдка что-то со стороны врывалось и кололо Штааль въ сердце: онъ тревожно собиралъ мысли, — это что-то была Неаполитанская болѣзнь... Заснулъ онъ незамѣтно, на самыхъ тяжелыхъ мысляхъ, которыя, какъ ему казалось, должны были совершенно прогнать сонъ. Уже было совсѣмъ свѣтло. За окномъ начиналась жизнь, слышны были голоса и лапъ собакъ. Штааль спалъ очень долго, сномъ утомительно-тяжелымъ, съ неясными видѣніями, гдѣ смѣшивались сцены похода, *tarantella dell' imbrecciata*, Лопухина, Настенька, переходившія одна въ другую, язвы, кровавыя струны и домъ умалишенныхъ. Онъ нѣсколько разъ почти просыпался и даже думалъ, что проснулся совсѣмъ, мучительно пытался собрать тяжелыя, неясныя мысли, но онѣ тотчасъ заматывались въ безмысленный клубокъ. Было уже очень поздно, когда Штааль, отъ толчковъ въ плечо, растерянно раскрылъ глаза и ротъ. На постели его кто-то сидѣлъ, — новый, кого не было въ ночныхъ видѣніяхъ, — и говорилъ что-то другое, бывшее давно, гораздо раньше всего являвшагося во

снѣ... Черезъ секунду клубокъ разматался и оказалось, что язвъ и дома умалишенныхъ нѣтъ (Штааль испыталъ невыразимое счастье), что все остальное вздоръ и что на постели сидитъ поручикъ Александеръ.

Поручикъ этотъ, со странной, несерьезной фамиліей, которая причиняла ему много огорченій, особенно отличился въ походѣ, упоминался съ большою похвалою въ донесеніяхъ адмиралу Ушакову, былъ поэтому очень счастливъ и вель себя примѣрно. Первый изъ развитыхъ въ отрядѣ, онъ очень интересовался политической стороною похода. Теперь, предполагая, что Штааль проснулся, Александеръ говорилъ о неаполитанскихъ событіяхъ. Штааль сдѣлалъ надъ собою усиліе, сѣлъ, крѣпко сжалъ ладонями виски и щеки, широко раскрывъ ротъ съ глубокимъ горловымъ звукомъ, безсмысленнымъ взглядомъ уставился на Александра, совсѣмъ пришелъ въ себя и тотчасъ вспомнилъ все то, что было до побѣдки за фуражемъ. «Ну, да, конечно, Нельсонъ отказался утвердить капитуляцію...»

— Такъ говори же наконецъ, какія новости! — сказалъ онъ нетерпѣливо, точно долго добивался встрѣчи съ Александромъ и насилу его разыскалъ.

Новости были важныя. Кардиналь-намѣстникъ послѣ своего бурнаго разговора съ Нельсономъ пригласилъ въ ставку на совѣщаніе капитана Белле, Мишеру и турецкаго командира Ахмета. Руффо объявилъ, что англійскій адмиралъ не соглашается признать заключенную ими капитуляцію и требуетъ безусловной сдачи республиканцевъ на милость побѣдителя. Кардиналь былъ, по словамъ Александра, слышавшаго это отъ Белле, въ чрезвычайномъ гнѣвѣ, и гнѣвъ его всѣмъ передался. Возмущеніе было единодушное. Нельсону тотчасъ отправили общій протестъ, составленный въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ.

— Ты понимаешь? — взволнованно говорил Штаалю Александеръ, — вѣдь и кардиналь-намѣстникъ, и капитанъ, и мы всѣ были бы, можно сказать, обезчещены. Люди намъ сдались, вѣря обѣщанію, данному именемъ союзныхъ монарховъ. А мы ихъ послѣ того на висѣлицу!.. Самъ небось понимаешь, какая у нихъ милость побѣдителя?

— Ну да, конечно. Какое безобразіе! — сказала Штааль, заражаясь его возмущеніемъ (онъ только теперь ясно понялъ, что означало несогласіе англійскаго адмирала на капитуляцію). — И что же Нельсонъ?

— Уперся на своемъ, старая собака: «Монархъ не можетъ, молъ, входить въ соглашеніе съ бунтовщиками. Безусловная сдача—и никакихъ»... Антъ, нѣтъ, видишь ли, нашла коса на камень! Кардиналь-намѣстникъ не только человѣкъ благородный, но и умница, какихъ на свѣтѣ мало. Онъ потерялъ терпѣніе и послалъ сказать Нельсону вотъ что: «Ежели ты, такой-сякой, не желаешь признавать капитуляціи, такъ, изволь, бери замки собственными силами. А я себя обезчестить не дамъ: русскія войска той-же часъ очистить подступы къ замкамъ и отдадутъ республиканцамъ прежнія позиціи, и оружіе, кто сдалъ, вернемъ. Понимаешь, голубчикъ? — вставилъ взволнованно Александеръ, такъ, что нельзя было заключить изъ его разсказа, опъ ли все это говорилъ Штаалю или съ подобными словами Руффо обращался къ Нельсону. — Пусть-ка англичане попробуютъ взять замки безъ насъ: ни одного солдата, ни одной пушки мы имъ, разумѣется, не дадимъ, — нейтрализуетъ совершенный, мы пальцемъ о палецъ для этого живодера не ударимъ.

— Да неужто Руффо такъ отвѣтилъ? — воскликнулъ Штааль съ восторженнымъ изумленіемъ.

— Этими самыми словами. Мало того, нынче на

разсвѣтъ нашимъ войскамъ вправду было вѣрно очистить подступы къ замкамъ...

— Да быть не можетъ?

— Я тебѣ говорю... Вотъ когда Нельсонъ увидѣлъ, что кардиналъ не дуракъ и что мы не шутимъ, онъ поджалъ хвостъ и пошелъ на попятный. Положеніе его, понимаешь ли, было безвыходное. Какъ же онъ съ моря возьметъ замки? Да и въ оттяжку дѣла нельзя пускать: вѣдь не сегодня-завтра, того и гляди, можетъ появиться французскій флотъ. Анъ нынче утромъ («какой-же теперь часъ?» — подумалъ съ недоумѣніемъ Штааль, оглядываясь на окно) пришло отъ англичанъ новое письмо къ кардиналу: будь, молъ, по вашему, на всѣ ваши дѣйствія мы согласны и пусть проклятые мятежники сядутъ на транспорты, — чортъ съ ними! Однимъ словомъ, полная наша викторія! Молодецъ кардиналъ! И умница, и благородная душа: спасъ жизнь тысячѣ людей. Имъ въ замки, понятно, обо всемъ сообщили.

— А что, если Нельсонъ ихъ схватитъ, какъ они сядутъ на транспорты? — спросилъ Штааль. — Вѣдь на морѣ онъ полный хозяинъ, что мы тамъ съ нимъ сдѣлаемъ?

— Помилуй! — сказалъ удивленно Александеръ. — Да это послѣднимъ человѣкомъ надо быть, чтобы постѣ письма учинить такую гнусность. Нельсонъ какъ никакъ англійскій офицеръ и знаменитый морякъ.

— Да, конечно, — поспѣшилъ согласиться Штааль, вспоминая каютъ-компанію Foudroyant'a. — Я глупость сморозилъ.

— Тебѣ простительно, да еще послѣ вчерашняго... Слышалъ я, братъ, — замѣтилъ весело поручикъ, хлюпая его по лбу. — Но, представь, самъ кардиналъ въ первую минуту, получивъ письмо Нельсона, сгоряча ляпнулъ то же самое, что ты, — я отъ капитана знаю... Пустяки, конечно. Однимъ словомъ, — онъ

посмотрѣлъ на часы, — какъ наступить вечеръ, республиканцы выйдутъ изъ замка, кто на транспорты для отъѣзда во Францію, кто въ городъ. Безопасность гарантирована, но для пущей вѣрности кардиналъ рекомендовалъ осажденнымъ выйти, когда стемнѣетъ и лазороны разойдутся. Нашъ отрядъ отдастъ воинскія почести. Вотъ я за тобой и пришелъ, идемъ почести отдавать... Въ замкѣ хорошенькихъ женщинъ пропасть. Это по твоей части, — добавилъ онъ весело, признавая такой раздѣлъ: ему государственный дѣла, Штаалу — кутежи.

Штааль опять непріятно вспомнилъ о неаполитанской болѣзни. Онъ поспѣшно одѣлся и вмѣстѣ съ Александеромъ вышелъ на улицу.

Въ замкѣ у арки Альфонса Аррагонскаго, среди телѣжекъ, узловъ и чемодановъ, толпились республиканцы въ ожиданіи жуткой минуты выхода. Наступали сумерки.

Пьеръ Ламоръ не безъ труда разыскалъ Баратаева, который угрюмо сидѣлъ на небольшомъ сундукѣ.

— Ну, прощайте, сейчасъ выходить, — сказалъ Ламоръ. — Я выхожу позже и чувствую себя способнымъ обойтись безъ воинскихъ почестей. Вотъ видите, я былъ правъ, предложивъ вамъ удалиться съ нами въ замокъ. Мало ли что могло съ вами случиться при взятіи города! А отсюда вы сейчасъ благополучно перейдете въ штабъ русскаго отряда, подъ его защитой пройдете на сѣверъ къ Суварову и черезъ мѣсяцъ можете быть въ Петербургѣ, у вашего милаго мальтійскаго гросмейстера, — вы знаете, я обожаю императора Павла. Люблю вино безъ примѣси воды и идеи въ чистомъ видѣ: люблю революціонеровъ какъ Анахарсисъ Клотцъ, и монарховъ какъ императоръ Павелъ... А то, если хотите, поѣдемъ вмѣстѣ во Францію? Нигдѣ въ мірѣ вы не

найдете такихъ библиотекъ, какъ въ Парижѣ, и замѣтите, вамъ будетъ очень удобно работать: онѣ въ настоящее время совершенно пусты. Кто теперь, кромѣ васъ, способенъ заниматься наукой?... Что же ваша милая дама? — спросилъ онъ съ усмѣшкой. — Еще не готова?

— Сейчасъ выйдетъ — сухо отвѣтилъ Баратаевъ.

— А ваши предсказанія не оправдались? Нельсонъ призналъ въ концѣ концовъ капитуляцію.

— Я очень радъ, что ошибся. Это со мной уже случалось... Вся моя жизнь — ошибка, правда, въ другомъ смыслѣ. И ваша, разумѣется, тоже. Въ сущности, республиканцы чудомъ избѣжали смерти... Если хотите, психологическимъ чудомъ: кардиналь Руффо такъ долго — всю жизнь — прикидывался порядочнымъ человѣкомъ, что привычка стала, повидимому, его природой. Это бываетъ. Я знавалъ, напримѣръ, людей, которые, какъ мнѣ казалось, чрезвычайно искусно притворялись дурачками. А теперь думаю, что это могло быть у нихъ совершенно натурально.

— По чувству собственнаго достоинства, — сказалъ, подумавъ съ минуту, Баратаевъ, — я не сталъ бы оплевывать свое прошлое. Изъ уваженія къ самому себѣ...

— Собственное достоинство... Уваженіе къ самому себѣ... Увѣрены ли вы, что эти чувства могутъ быть свойственны людямъ, которые хоть себя не хотятъ обманывать?

Баратаевъ безнадежно махнулъ рукою.

— Вотъ, кажется, идетъ ваша дама, — сказала, подчеркнуто, съ той-же усмѣшкой, Пьеръ Ламоръ.

Въ глазахъ Баратаева что-то мелькнуло. Онъ оглянулся. Настенька, сильно измѣнившаяся, блѣдная и измученная, быстро, чуть согнувъ голову, подходила къ нимъ, подкатывая легкую телѣжку съ двумя чемоданами. Баратаевъ сказалъ поспѣшно:

— Ну, а вы что намѣрены дѣлать? Останетесь въ Италіи?

— Едва ли. Намъ теперь здѣсь ничто не сулитъ добра. Мнѣ, собственно, нечѣмъ заниматься до возвращенія въ Европу одного человѣчка... Буду вѣрно сидѣть безъ дѣла въ Парижѣ. — ужь очень люблю этотъ городъ.

— Вы, кажется, родились въ Парижѣ?

— Да, въ Cité... Ну, прощайте. Я радъ, что неожиданно, послѣ долгихъ лѣтъ, встрѣтился съ вами въ *Otiosa Neapolis*... Не сержусь на васъ и за ваши откровенныя слова... Лучшая школа смиренія для каждаго изъ насъ это знать то, что о немъ за спиною говорятъ его ближайшія друзья... А мы съ вами и не въ дружбѣ... Прощайте. *Salute e fratellanza!*.. Если буду живъ, можетъ быть приѣду къ вамъ въ Россію послѣ заключенія мира, какъ вы зовете, — скажаль онъ шутливымъ тономъ. — Очень я надѣюсь на вашу страну.

— Мой домъ будетъ къ вашимъ услугамъ... Ну, слава Богу, выходить...

Они равнодушно пожали другъ другу руки, въ увѣренности, что никогда больше не увидятся. Въ толпѣ произошло движеніе. Ворота открылись. Пьеръ Ламоръ вѣжливо поклонился Настенькѣ. Баратаевъ сдѣлалъ ей знакъ, взвалилъ свой сундукъ на тележку и присоединился къ толпѣ людей, которые поспѣшно, обгоняя другъ друга, выходили изъ замка. Передъ аркой онъ оглянулся на Ламора. Тотъ смотрѣлъ ему вслѣдъ. Оба тотчасъ отвернулись. Гдѣ-то вдали вдругъ загремѣлъ барабанъ. Нѣсколько женщинъ въ ужасѣ вскрикнули. Ихъ тотчасъ успокоили нервные голоса мужчинъ.

Бѣлый рогъ, высоко повисшій на небѣ, еще не давалъ свѣта. Подъ надвигавшимся на луну чернымъ облакомъ пробивался рыжеватый свѣтъ дня. Огоньки фонарей у арки Альфонса Аррагон-

скаго становились все ярче, — быстро наступала темнота. Семьи республиканцевъ шли, съ телѣжками, съ чемоданами, съ коробками, неровной, пеловкой вереницей, мужчины по краямъ, женщины и дѣти посрединѣ. Выходившіе съ испугомъ и тоской вглядывались въ рѣдкій рядъ солдатъ, стоявшихъ съ ружьями у ноги по сторонамъ улицы. Узнавъ русскіе мундиры (ихъ уже всѣ знали), мужчины успокоительно кивали женамъ, — подъ грохотъ барабана ничего нельзя было сказать. Штааль со своимъ взводомъ недалеко отъ арки усиленно салютовалъ сдавшимся. Баратаевъ и Настенька прошли въ толпѣ въ пяти шагахъ отъ него. Онъ ихъ не видѣлъ.

XVI.

Когда въ Неаполѣ стало извѣстно, что споръ Нельсона съ Руффо кончился побѣдой кардинала и что республиканцы перешли изъ замковъ на транспорты для отъѣзда во Францію, настроеніе у побѣдителей измѣнилось. Прежде надъ всѣмъ у людей умѣренныхъ преобладало желаніе положить предѣлъ бойнѣ и зажить наконецъ спокойной жизнью. Теперь и умѣренные люди почувствовали нѣкоторое разочарованіе: было досадно, что мятежники (такъ ихъ всѣ теперь называли) спокойно отправятся въ чужую страну, въ самый лучший городъ міра, и тамъ заживутъ привольной жизнью, послѣ всего того что они сдѣлали (говорили именно такъ, не указывая, что именно сдѣлали мятежники). Для русскихъ офицеровъ республиканцы были противниками не въ гражданской, а въ обыкновенной войнѣ, шедшей на чужой территоріи. Ненависти къ нимъ русскіе испытывать не могли, и самая мысль о казни воен-

ноплѣнныхъ показалась бы имъ дикой. Но все же и ихъ немного захватило общее раздраженіе противъ мятежниковъ, уѣзжавшихъ изъ разоренной страны на привольное житье во Францію — послѣ всего, что они сдѣлали. Поэтому событія, случившіяся вслѣдъ за посадкой республиканцевъ на транспорты, вызвали въ русскомъ штабѣ меньше негодованія, чѣмъ можно было бы предположить.

Случилось же именно то, что смутно предвидѣлъ въ первую минуту кардиналъ Руффо. Вскорѣ послѣ выхода республиканцевъ изъ замковъ и посадки ихъ на суда, транспорты были захвачены англійской эскадрой, находившіеся на нихъ люди, по приказу адмирала Нельсона, объявлены арестованными и преданы суду. Въ городѣ пробѣжалъ слухъ, что англійскій адмиралъ утромъ получилъ изъ Палермо особыя полномочія отъ короля Обѣихъ Сицилій. Послѣ этого извѣстія негодованіе противъ англичанъ еще ослабѣло. Та небольшая часть неаполитанскаго общества, которая осталась вѣрной королю или по крайней мѣрѣ теперь такъ утверждала, шумно одобряла дѣйствія Нельсона и — нѣсколько тише — порицала кардинала Руффо (сразу всѣ почувствовали, что о немъ теперь можно говорить иначе, чѣмъ прежде). Многіе намекали, будто намѣстникъ находится подъ вліяніемъ скрытыхъ якобинцевъ. Нѣкоторые шли еще дальше и сообщали таинственно, что кардиналъ желаетъ свергнуть династію Бурбоновъ и посадить на неаполитанскій престолъ свой родъ Руффо-Баньяра.

Штааль первоначально былъ пораженъ новостями. Возмущеніе его чуть-чуть смягчалось тѣмъ, что онъ съ самаго начала все предсказалъ какъ по писанному (поручикъ Александеръ долженъ былъ признать обнаруженную имъ проницательность). Однако рассказы объ особыхъ полномочіяхъ Нельсону со стороны Фердинанда IV

немного поколебали и Штааля, какъ всѣхъ русскихъ офицеровъ. Дѣйствіе короля нельзя было называть вѣроломствомъ. Король былъ король. Эту мысль: король есть король — офицеры повторяли убѣжденно, съ дѣтства зная, что во всемъ дурномъ бываютъ виновны приближенные, а самъ монархъ никогда ни въ чемъ не виноватъ. Тѣмъ не менѣе ясности въ настроеніяхъ больше ни у кого не было. Штааль отправился въ ставку Руффо: только тамъ можно было выяснитъ достовѣрно, что собственно случилось и какъ къ случившемуся надо относиться.

Въ ставкѣ кардинала настроеніе было оживленно-алобное и вмѣстѣ растерянное. Людей въ домѣ Руффо было въ этотъ день гораздо меньше, чѣмъ обычно. Въ пріемной Штааль увидѣлъ аббата Спарціани, второго секретаря и еще нѣсколько члѣвъкъ. Другіе люди входили, шептались между собой и, узнавъ о полномочіяхъ, данныхъ королемъ Нельсону, незамѣтно выскальзывали изъ виллы. Оставшіеся приближенные особенно крѣпко пожимали руку. Кардиналъ заперся въ своемъ кабинетѣ и къ нему никого не пускали. Но люди его свиты, не стѣняясь, говорили о неслыханномъ вѣроломствѣ, совершенномъ лордомъ Нельсономъ (имена короля и королевы не произносились). Секретарь намѣстника съ лицомъ, искривленнымъ злобою, показывалъ посѣтителямъ, не выпуская бумаги изъ своихъ рукъ, письмо Вильяма Гамильтона кардиналу, неоспоримо устанавливавшее вѣроломство британскаго командованія. Тутъ же Штааль узналъ, что адмиралъ Караччіоло, одинъ изъ главныхъ дѣятелей неаполитанской республики, пойманный англичанами и преданный утромъ военному суду, приговоренъ къ смертной казни и будетъ повѣшенъ на мачтѣ судна Минерва въ пять часовъ дня (Штааль невольно взглянулъ на часы). Аббатъ Спарціани, сообщившій это извѣстіе, не утерпѣлъ и сказалъ

громко, что Караччиоло, хоть и мятежникъ, по чловѣкъ извѣстный всему королевству, заслуженный воинъ, членъ древнѣйшей герцогской семьи Неаполя, и казнь его, по требованію Эммы Ліонны, которая не могла прежде добиться пріема въ его домѣ, по приказу иностранца, который... Секретарь видно хотѣлъ выразиться очень сильно, но сдержался и оборвалъ рѣчь. Штааль узналъ, что, по полученіи извѣстія о захватѣ транспортовъ и о приговорѣ военнаго суда, кардиналь-намѣстникъ отправилъ два письма. Въ одномъ, посланномъ на Foudroyant, онъ въ послѣдній разъ призывалъ лорда Нельсона не позорить мундиръ британскаго офицера. Второе письмо было адресовано въ Палермо и заключало въ себѣ прошеніе объ отставкѣ кардинала-намѣстника.

Штааль вышелъ изъ опустѣвшей мрачной виллы и пошелъ пѣшкомъ по набережной. На улицахъ настроеніе было совершенно иное и, чѣмъ ближе онъ подходилъ къ Castel Nuovo, тѣмъ перемѣна сказывалась сильнѣе. Неаполь, залитый іюньскимъ солнцемъ, ликовалъ. Лаццароны принарядились и всѣ, точно по формѣ, щеголяли на полуголомъ тѣлѣ серебряными пряжками, главной гордостью ихъ наряда въ праздничные дни. Народъ валилъ къ замкамъ, надъ которыми уже развѣвался королевскій флагъ. У воротъ стояли англійскіе часовые. Это нѣсколько задѣло Штаалья. «Мы взяли Неаполь, а они распускаются!» — подумалъ онъ сердито. Кофейни на набережныхъ были внутри совершенно пусты, но на террасахъ залиты публикой. Англійская эскадра стояла гораздо ближе, чѣмъ въ тотъ день, когда ее посѣтилъ Штааль. Онъ тотчасъ разыскалъ глазами Foudroyant. Но общее вниманіе теперь занималъ не адмиральскій корабль, а неаполитанскій фрегатъ Минерва, стоявшій отъ него сбоку, саженьяхъ въ двадцати. Море между набережной и британской эскад-

рой было усьяно лодками. Съ нихъ слышалась веселая музыка. Это населеніе привѣтствовало лорда Нельсона. Лодки на пристани брались съ бою, несмотря на необычайно высокія цѣны. Лодочники и музыканты объясняли торговавшимся, что подвезутъ къ самому фрегату Минерва, на которомъ назначена казнь измѣнника. На мгновеніе Штааль задумался, не взять ли лодку. Но и денегъ у него было послѣ кутежа немного, и стыдно ему показалось. Онъ однако замѣтилъ, что совершенное Нельсономъ вѣроломство и предстоящее повѣшеніе военнопленнаго трогаютъ его не такъ ужъ сильно. Штааль вспомнилъ казнь жирондистовъ, при которой присутствовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и не находилъ въ себѣ даже слѣдовъ испытаннаго тогда волненія и ужаса. Онъ подумалъ, что чувствительность его первой молодости прошла безвозвратно, что онъ огрубѣлъ послѣ террора, послѣ войны, особенно послѣ послѣднихъ кровавыхъ дней похода. Мысль эта была ему почти пріятна: пріятно было, что онъ сталъ желѣзнымъ. «Тогда казнили революціонеры, теперь казнятъ контръ-революціонеры, не все ли равно? Всегда одни будутъ казнить другихъ и всѣ стоятъ другъ друга... Правъ былъ старикъ Ламоръ... Вывернулся ли онъ тогда? Вѣрно, давно умеръ», — думалъ Штааль.

За однимъ изъ столиковъ кофейни на набережной освободилось мѣсто: кавалеръ нанялъ лодку и увозилъ свою даму. Штааль быстро пробѣжалъ нѣсколько сажень, отдѣлявшихъ его отъ кофейни, и успѣлъ занять мѣсто, къ неудовольствію лакея, который предпочелъ бы сдѣлать столъ не одному человѣку, а нѣсколькимъ. Лакей что-то говорилъ недовольнымъ тономъ, но Штааль не слушалъ, зная, что все равно невозможно понять неаполитанскую рѣчь, съ *v* вмѣсто *b*, съ *ch* вмѣсто *p*, съ *z* вмѣсто *l*. Онъ успокоилъ лакея, заказавъ цѣлую бутылку

Lacryma Christi, и наклонилъ второй стулъ спинкой на столикъ, на случай, если на набережной покажется кто-либо изъ товарищей. Одному было скучновато ждать. Но, какъ на зло, никто не показывался. Съ террасы кофейни былъ виденъ ясно фрегатъ Минерва, со всѣхъ сторонъ облѣпленный барками съ музыкой. Штааль навелъ на него полевую трубу, которую носилъ при мундирѣ. Въ трубу онъ прекрасно различалъ на фрегатѣ людей. Лица однако не были видны. «Вѣрно, на гротъ-мачтѣ»... — подумалъ онъ, вздрогнулъ и снизу вверхъ осмотрѣлъ всю гротъ-мачту съ ея сложной системой брусевъ и канатовъ. Онъ поспѣшно отвернулся. За сосѣднимъ столомъ двѣ дамы безъ кавалера, одна пожилая, другая помоложе, съ завистью взглянули на его трубу. Молодая ему улыбнулась, — онъ отвѣтилъ холоднымъ взглядомъ: дама была нехороша собой. Она тотчасъ со смѣхомъ заговорила съ пожилой дамой.

«Тѣ на площади Революціи тоже приходили на казнь какъ въ театръ», — подумалъ Штааль съ отвращеніемъ, вспомнивъ Маргариту Кольбъ. Но тотчасъ ему пришло въ голову, что теперь онъ не имѣетъ права возмущаться зрительницами казни. «Вѣдь и я здѣсь по доброй охотѣ сижу для того же самаго...»

Онъ взглянулъ на часы (было безъ двадцати минутъ пять) и постарался представить себѣ адмирала Караччиоло, который теперь, вѣроятно въ цѣпяхъ, гдѣ нибудь въ трюмѣ, ждетъ приближающейся казни. На мгновенье Штааль почувствовалъ ужасъ. Но видъ безчисленной толпы, музыка, доносившаяся съ моря и откуда-то сбоку, тотчасъ разсѣяли это чувство. Къ тому же, онъ никогда не видалъ Караччиоло, и потому ему трудно было себѣ представить образъ несчастнаго адмирала. А главное, разстояніе отъ набережной до Минервы было все же слиш-

комъ велико: естѣиѣ казнѣ происходила въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ кофейни, впечатлѣніе было бы неизмѣримо сильнѣе.

«Можетъ быть, онѣ и хорошій человѣкъ, да мнѣ какое дѣло?» — думалъ Штааль, впервые такъ ясно чувствуя стѣну между своимъ внутреннимъ міромъ, гдѣ все было безконечно важно, и остальнымъ человечествомъ, гдѣ въ сущности ничего очень важнаго не было и быть не могло. — «Пусть они вѣшаютъ кого угодно, пусть всѣ перевѣшаютъ другъ друга, мнѣ совершенно все равно. Я предпочелъ бы, конечно, чтобъ Караччиоло не казнили. Но его казнѣ не мѣшаетъ мнѣ сейчасъ пить съ удовольствіемъ *Lacryma Christi* (название какое!)... А потомъ мы съ Александромъ за обѣдомъ будемъ опять возмущаться и негодовать, хоть Александру тоже совершенно все одно»...

Толпа становилась все нервнѣе. Люди вставали и вглядывались во фрегатъ Минерву, хотѣ стоя они не могли лучше видѣть, чѣмъ сидя. Очень молодой англійскій офицеръ съ растеряннымъ лицомъ быстро прошелъ мимо кофейни. «Вотъ и я тогда былъ такой-же», — съ удовольствіемъ подумалъ Штааль. Дамы рядомъ съ нимъ нервничали: молодая то взвизгивала, то смотрѣла на часы, то закрывала лицо руками, хотя ничего страшнаго пока не было. Почему-то опять Штааля кольнуло въ сердце мысль о болѣзни. Но онѣ не успѣлъ объ этомъ подумать. Вдругъ ревъ пронесся по набережной. На террасѣ всѣ повскакали съ мѣстъ, кто-то вскочилъ на стулъ и тотчасъ почти всѣ, хватаясь другъ за друга, сдѣлали то же самое. Штааль и за ревомъ толпы услышалъ звонъ разбивающагося рядомъ стакана. Онѣ увидѣлъ лакея, остановившагося у двери, съ подносомъ въ рукахъ, въ странной позѣ, съ открытымъ ртомъ. Стулъ подъ Штаалемъ пошатнулся, онѣ чуть не упалъ. Сердце у него сильно

застучало. Закрѣпившись кое-какъ на стулѣ, онъ торопливо навелъ дрожащими руками трубу на Минерву и въ первую минуту ничего не увидѣлъ, потому что смотрѣлъ на гротъ-мачту. Штааль опустилъ трубу, задыхаясь прошелъ глазами по фрегату и увидѣлъ простымъ глазомъ ряды матросовъ и какое-то движеніе на передней части судна. Онъ поспѣшно навелъ трубу снова. По палубѣ нѣсколько человѣкъ въ бѣломъ быстро вело странно-шедшую фигуру. Музыка и вой на набережной оборвались на одно мгновеніе. Группа бѣлыхъ людей подошла къ фокъ-мачтѣ. Что-то тамъ дѣлалось одну секунду. Кто-то съ сосѣдняго стула схватилъ Штааля за кисть руки, крѣпко вцѣпившись пальцами и умоляя дать трубу. Штааль схватилъ трубу лѣвой рукой и грубо рванулъ внизъ правую. При этомъ онъ потерялъ равновѣсіе на узкомъ шатавшемся стулѣ, соскочилъ и снова вскочилъ... Раздался гулъ пушечнаго выстрѣла. Кукла быстро, вздрагивая и болтая ногами, какъ фигура паяца, неровно, толчками поднималась кверху, вдоль фокъ-мачты. Нѣсколько человѣкъ матросовъ внизу, странно откинувшись назадъ къ землѣ, тащили внизъ, перебирая руками, веревку, очевидно перекинутую на подобіе блока. Кукла криво вздрагивая поднималась все выше... Вдругъ она замерла на огромной высотѣ. Кто-то ахнулъ рядомъ съ Штаалемъ. Она въ раздалъ вой. Послышится долгій громъ рукоплесканій, заглушившій звуки музыки.

XVII.

Казни захваченныхъ въ замкахъ революціонеровъ начались въ іюлѣ мѣсяцѣ. Изъ приличія ихъ судить: въ восемнадцатомъ вѣкѣ и революція, и

контръ-революція не рѣшались нарушать это приличіе. Для суда надъ мятежниками была создана, изъ отпѣтыхъ людей, особая коллегія, называвшаяся Государственной Юнтою. Заключение въ тюрьмахъ предпочитали ея суду немедленную казнь, такъ какъ при слѣдствіи примѣнялись пытки. Государственная Юнта работала очень быстро. Были установлены два разряда осужденныхъ: однимъ рубили голову, другихъ вѣшали. Казни производились публично на Рыночной Площади. Народъ стекался въ большемъ количествѣ въ тѣ дни, когда осужденныхъ вѣшали. Говорили, что техника этой казни сдѣлала въ ту пору значительные успѣхи. Главный неаполитанскій палачъ Донато, прежде получавшій по шести дукатовъ съ казни, былъ переведенъ для экономіи на мѣсячное жалованье. Палачъ сердился, но спорить не могъ, такъ какъ было много желающихъ занять его должность, даже безъ всякой платы. При повѣшеніяхъ Донато помогали такъ называемые *tirapiedi*: послѣ того какъ табуретъ выбивался изъ подъ ногъ осужденнаго, *tirapiedi* съ лѣстницы прыгали ему на плечи или, ухвативши его за ноги, повисали съ нимъ въ воздухѣ. Этотъ приемъ неизмѣнно имѣлъ огромный успѣхъ на Рыночной Площади. Повторялась шутка мастера Донато о томъ, что не каждый день простой чело-вѣкъ, бѣдный палачъ, имѣетъ случай ѣздить верхомъ на важныхъ персонахъ. Очень забавляла толпу и насмѣшка природы надъ повѣшенными.

Казни обыкновенно производились въ полдень. Затѣмъ эшафотъ убирался, и послѣ завтрака на Рыночной Площади устраивалась правительствомъ для народа игра въ лотто. Иногда лаццароны разрѣзывали на части висѣвшіе тѣла казненныхъ, варили ихъ и тутъ же съѣдали, что, по распространенному среди нихъ слуху, приносило счастье. Это было запрещено правительствомъ, но власти относились

снисходительно къ дѣйствіямъ лаццароновъ, какъ и ко всѣмъ убійствамъ, насиліямъ и звѣрствамъ, которыя производила чернь надъ революціонерами, ускользнувшими отъ суда Юнты. Разыскивали этихъ революціонеровъ по физическому признаку: лаццароны утверждали, что у всѣхъ республиканцевъ на кожѣ есть изображеніе дерева свободы. На улицахъ хватали подозрительныхъ людей, особенно женщинъ, раздѣвали ихъ и обыкновенно находили изображеніе дерева свободы на кожѣ захваченныхъ.

Въ первыхъ числахъ іюля король Фердинандъ выѣхалъ изъ Палермо въ Неаполь и былъ восторженно встрѣченъ населеніемъ столицы. Слушая доклады о работѣ Государственной Юнты, король, какъ и докладчики, дѣлалъ изъ приличія грустное лицо. На самомъ дѣлѣ быстрое искорененіе враговъ престола наполняло его душу радостью. Какъ всѣ правители въ мірѣ, онъ говорилъ, что власть держится не казнями, а моральнымъ авторитетомъ, и, какъ почти всѣ правители, въ душѣ не сомнѣвался въ спасительномъ дѣйстви казней. Отравляло его радость только то, что нѣкоторые изъ революціонеровъ все же скрылись; да и у казненныхъ оставались родные и близкіе люди, которымъ терять было нечего (истребленіе родныхъ и близкихъ тоже запрещалось приличіемъ). Тревога не покидала короля Фердинанда. Онъ уступилъ настойчивымъ просьбамъ друзей, оберегавшихъ его жизнь, и, ни разу не съѣхавъ на берегъ, поселился на Foudroyant'ѣ, на которомъ былъ тотчасъ поднятъ королевскій флагъ.

По случаю пріѣзда короля Обѣихъ Сицилій, на адмиральскомъ суднѣ и въ городѣ шли пышные праздники. Союзники были въ чрезвычайномъ почетѣ и у народа, и у новыхъ властей. Англійскіе и русскіе офицеры встрѣчались оваціями; но и тѣ, и другіе принимали ихъ холодно и въ своемъ обществѣ говорили съ отвращеніемъ обо всемъ происшед-

шемъ въ Неаполѣ. Даже простые русскіе солдаты Павловскаго времени, хорошо понимавшіе отходчивое звѣрство, съ испугомъ и съ недоумѣніемъ отшатывались отъ того, что дѣлалось на Рыночной Площади.

Очень сильно было недовольство среди офицеровъ британской эскадры. Роль лорда Нельсона въ исторіи съ замками, въ казни герцога Караччіоло, въ выдачѣ республиканцевъ Государственной Юнтѣ, вызывала глухое раздраженіе. Защитники адмирала нерѣшительно указывали, что собственно кардиналъ Руффо неправильно истолковалъ уступку, сдѣланную ему Нельсономъ: милордъ обѣщалъ не препятствовать посадкѣ республиканцевъ на транспорты — и это обѣщаніе онъ исполнилъ; о свободномъ же уходѣ транспортовъ во Францію имъ собственно ничего не было сказано. Доводъ этотъ вызывалъ у однихъ офицеровъ смѣхъ, у большинства — рѣзкіе протесты: какъ все дѣло, онъ былъ противенъ личной честности англичанъ, ихъ понятіямъ джентльменства, тому чувству *fair play*, за нарушение котораго въ англійской школѣ бьютъ товарищи и наказываетъ начальство. Были у Нельсона и другіе защитники, говорившіе, что онъ просто исполнялъ предписаніе короля Обѣихъ Сицилій, или точнѣе королевы Маріи-Каролины, переданное черезъ леди Гамильтонъ. Но въ отвѣтъ на это не менѣе рѣзко указывали, что британскій адмиралъ не только не былъ обязанъ, но не имѣлъ права исполнять противныя воинской чести приказанія чужого монарха. Всѣ проклинали любовницу лорда Нельсона и сокрушались, что побѣдитель при Абукирѣ покрылъ себя безчестіемъ ради уличной женщины. О роли сэра Вильяма говорили въ эскадрѣ съ совершеннымъ презрѣніемъ, — у него не было ни тяжкихъ ранъ, ни боевыхъ заслугъ адмирала. Вскорѣ стало извѣстно о неудовольствіи ад-

мирала лорда Кейта, непосредственного начальника Нельсона. Позже изъ Англіи пришелъ слухъ, что Фоксъ намѣренъ въ парламентъ внести запросъ правительству о вѣроломствѣ и о звѣрствахъ въ Неаполѣ и будетъ требовать преданія суду адмирала, опозорившаго англійское оружіе. Въ эскадрѣ Нельсона сыновья тори численно преобладали надъ сыновьями виговъ (самимъ офицерамъ не полагалось принадлежать къ политическимъ партіямъ, но партійная принадлежность отцовъ опредѣляла обычно ихъ взгляды). Тѣмъ не менѣе на этотъ разъ, несмотря на ироническое и недоброжелательное отношеніе къ штатскимъ политическимъ дѣятелямъ, присущее всѣмъ военнымъ на свѣтѣ, слухи о намѣреніяхъ вождя оппозиціи встрѣчали тайное сочувствіе у самыхъ консервативныхъ офицеровъ. Офицеры эскадры Нельсона ненавидѣли революцію. Но они иначе себя представляли то, ради чего проливали кровь: контръ-революція, для которой они ежедневно рисковали жизнью вотъ уже нѣсколько лѣтъ, теперь дѣлалась на Рыночной Площади и вызывала тяжелое недоумѣніе въ умахъ англичанъ. Независимо отъ своихъ взглядовъ, всѣ британскіе офицеры были особенно рады тому, что у нихъ въ Англіи есть печать, говорящая правду, судъ вмѣсто Государственной Юнты, всемогущій парламентъ, въ парламентѣ независимая оппозиція, и во главѣ оппозиціи знаменитый Фоксъ.

XVIII.

На Foudroyant'ѣ король Обѣихъ Сицилій старался жить такъ, какъ жилъ, если не въ своемъ неаполитанскомъ дворцѣ до революціи, то въ Палермо. во дворцѣ Колли, послѣ бѣгства изъ Неа-

поля. Въ адмиральскомъ помѣщеніи, уступленномъ Фердинанду IV лордомъ Нельсономъ, ежедневно происходили совѣщанія правительства, аудіенціи, приемы и вообще все то, чѣмъ обычно занимаются свое время монархи. Надъ Foudroyant'омъ развѣвался королевскій флагъ и сэръ Вильямъ Гамильтонъ съ самой сладкой улыбкой часто повторялъ: „le roi est chez lui partout où il se trouve“. Но все таки трудно было представить адмиральскій корабль англійской эскадры частью неаполитанской территоріи: король находился очевидно въ гостяхъ и хозяева дѣлали все возможное для того, чтобы онъ хорошо себя у нихъ чувствовалъ. Хозяевами вмѣстѣ съ Нельсономъ признавались и Гамильтоны. Вѣрище, единственной и полной хозяйкой корабля, ставшаго дворцомъ, была лэди Эмма. Тонъ обожанія очаровательнаго ребенка теперь поддерживалъ самъ король. Онъ поступалъ такъ почти инстинктивно, чувствуя, что такъ поступать нужно. Это далось ему однако не безъ усилія.

Король прибылъ въ Неаполь безъ королевы, которая въ наказаніе была оставлена въ Палермо: Фердинанду IV очень не понравилось то, что въ пору революціи республиканскіе листки сообщали о родѣ жизни, о привычкахъ Маріи-Каролины и объ ея отношеніяхъ къ лэди Эммѣ Гамильтонъ. Листки конечно не заслуживали довѣрія. Но нѣкоторые изъ сообщенныхъ ими свѣдѣній навели короля на непріятныя мысли. Между нимъ и его женой произошелъ бурный разговоръ. Маріи-Каролинѣ, къ великому ея горю, было приказано оставаться въ Палермо; къ тому же, въ популярности иностранки-королевы у Неаполитанскаго населенія совѣтники Фердинанда сильно сомнѣвались. Король отбылъ въ Неаполь одинъ, очень довольный тѣмъ, что разъ въ жизни указалъ своей женѣ ея настоящее мѣсто. Но хотя лэди Эмма была главной причиной его раз-

драженія противъ Маріи-Каролины и внушала ему, послѣ революціонныхъ листковъ, отвращеніе, смѣшанное съ игривымъ любопытствомъ, — все же съ женой англійскаго посланника, любовницей лорда Нельсона, очевидно нельзя было обойтись грубо, да еще въ такихъ обстоятельствахъ. Король это понималъ и старательно поддѣлывался подъ тонъ обожанія лэди Эммы. На адмиральскомъ суднѣ лэди Гамильтонъ была настоящей королевой, къ большому счастью и гордости лорда Нельсона. Она сама тоже была очень счастлива, какъ ни огорчало ее оставленіе въ Палермо Маріи-Каролины. Онѣ обмѣнивались длинными, нѣжными, трогательными письмами.

Гамильтоны, по той же причинѣ, что и король, не сѣзжали на берегъ съ *Foudroyant*'а. Не ѣздили въ городъ и Нельсонъ, хотя онъ не боялся покушенія (онъ вообще ничего не боялся). Гости немного скучали и все росло въ нихъ неопредѣленное безпокойство, которое испытываютъ люди на неподвижномъ кораблѣ. Фердинанду было скучно безъ охоты и ночныхъ притоновъ; лэди Эммѣ — безъ королевы, сэру Вильяму — безъ его коллекцій. Только Нельсонъ, оставаясь наединѣ съ лэди Гамильтонъ, былъ счастливъ, какъ собака, свернувшаяся у ногъ хозяина. Безъ лэди Эммы онъ чувствовалъ себя плохо и общества избѣгалъ. Въ глазахъ большинства офицеровъ, избѣгавшихъ его взгляда, Нельсонъ читалъ молчаливый, холодный укоръ. Онъ дѣлалъ видъ, будто ничего не замѣчаетъ, былъ со всѣми официаленъ и сухъ, и только двухъ-трехъ высшихъ офицеровъ эскадры, которые были особенно любезны съ лэди Эммой по соображеніямъ карьеры или изъ слабости къ ея красотѣ, принималъ, противъ обычая, въ тѣсномъ кругу. Тѣсный кругъ этотъ собирался въ салонѣ лэди Эммы. Несмотря на огромные размѣры адмиральскаго судна, на немъ, послѣ

пріѣзда короля съ его свитой, было тѣсно. Нельсонъ жить въ небольшой офицерской каютѣ. Помѣщеніе, смежное съ королевскимъ, занимали Гамильтоны и оно было центромъ корабля. Въ салонѣ лэди Эммы, любившей музыку, былъ съ берега привезенъ клавесинъ.

На кораблѣ всѣ вставали очень рано и жили какъ на дачѣ. Съ утра, еще задолго до обѣда, пріѣзжали гости. высшіе чиновники, знатные иностранцы и та часть неаполитанскаго дворянства, которая, за отсутствіемъ доказательствъ противнаго, признавалась сохранившей вѣрность престолу. Никогда еще вѣрноподданическія чувства не были такъ сильны въ Неаполѣ. Гости, допускавшіеся къ королю, смотрѣли на него съ молитвеннымъ выраженіемъ. Должностныя лица, разговаривая съ Фердинандомъ и дѣлая ему доклады, принимали такой видъ, будто ничего особеннаго въ королевствѣ не случилось: просто шайка негодяевъ учинила буйство, которому, къ общей радости, быстро положенъ полиціей конецъ. Съ почти такимъ же молитвеннымъ выраженіемъ пріѣзжавшіе гости смотрѣли на Нельсона и на лэди Гамильтонъ. Лэди Эмма отовсюду получала восторженные привѣтствія. Поэты слагали въ ея честь стихи.

Былъ одинадцатый часъ утра и король еще не выходилъ изъ своего помѣщенія: онъ у себя слушалъ докладъ президента Государственной Юнты. Въ салонѣ лэди Эммы собрался небольшой кругъ избранныхъ друзей. Черезъ открытыя окна изрѣдка доносился изъ кабинета короля почтительный голосъ докладчика. При этомъ сэръ Вильямъ на мгновенье закрывалъ глаза и дѣлалъ комически-испуганное лицо. Лэди Эмма занимала гостей. Въ этотъ ранній часъ ихъ ничѣмъ не угощали и потому роль хозяйки была труднѣе обычнаго. Лэди

Эммѣ помогать ей мужъ, обладавшій лучшими свойствами свѣтскаго человѣка: самоувѣренностью и значительнымъ голосомъ. Ораторамъ и *causeurs* амъ недостаточно обладать талантомъ; имъ нужна еще особая способность вызывать къ себѣ вниманіе. Гамильтона въ обществѣ всегда слушали, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ говорилъ о пустякахъ. Онъ былъ чрезвычайно пріятенъ въ разговорѣ, и всегда, блеснувъ въ мѣру, соглашался съ взглядами своего собесѣдника. Въ свѣтскомъ искусствѣ сэра Вильяма было что-то напоминавшее парикмахера, который постоянно принимаетъ мнѣнія сидящаго передъ нимъ кліента. Гамильтонъ очень хорошо говорить и по французски, и по итальянски. Но особенно пріятно было слушать его изысканную, чуть фатовскую, англійскую рѣчь. Въ разговоръ часто врывалась взволнованно лэди Эмма. Она свои мнѣнія — и о революціи, и о погодѣ — всегда высказывала съ необычайнымъ жаромъ, затѣмъ, высказавъ все, что ей приходило въ голову, вдругъ застѣнчиво улыбалась очаровательной улыбкой, какъ бы желая объяснить гостямъ, что и рада бы не обладать такимъ горячимъ характеромъ, — но ничего не подѣлаешь. Всякій разъ, когда лэди Эмма врывалась въ разговоръ, сэръ Вильямъ, несмотря на десятилѣтнюю къ ней привычку, тревожно настораживался, а некрасивое, изуродованное, угрюмое лицо адмирала освѣщались выраженіемъ счастья.

Лордъ Нельсонъ въ послѣднее время чувствовалъ себя особенно плохо. Его раны и странная болѣзнь, схваченная имъ въ молодости въ тропическихъ странахъ, послѣдствіе не то малярии, не то укуса змѣи, почти всегда причиняли ему тяжкія страданья. Онъ ихъ тщательно скрывалъ, отчасти по долгу службы, чтобы внушить подчиненнымъ впечатлѣніе несокрушимой силы и желѣзной твердости, отчасти изъ любви къ лэди Эммѣ, чтобы она

не болѣла за него душой, да и не считала его инвалидомъ. На эту постоянную борьбу съ физическимъ страданьемъ лордъ Нельсонъ тратилъ громадную долю своихъ душевныхъ силъ. Борьбы никто не видѣлъ и онъ поэтому, какъ всѣ тяжело больные люди, считалъ себя непонятымъ человекомъ. Въ салонѣ лэди Эммы, пока она молчала, адмиралъ угрюмо смотрѣлъ на говорившихъ и думалъ о нихъ недоброжелательно: эти люди не знали, что онъ тяжело страдаетъ, что его жизнь — сплошная цѣпь трудовъ, лишеній, подвиговъ, что въ ней не было ни одной минуты счастья, съ дѣтскихъ лѣтъ до той поры, когда послалъ ему лэди Эмму Главный Лордъ, назначившій его своимъ уполномоченнымъ (Нельсонъ видѣлъ въ Богѣ какъ бы своего старшаго начальника по службѣ). Ничего этого они не знали и тѣмъ не менѣе позволяли себѣ его осуждать. Собственно, осуждали Нельсона не тѣ лица, которыя собрались въ салонѣ лэди Эммы. Но Нельсонъ, послѣ казни Караччиоло и начала работъ на Рыночной Площади, вездѣ и во всѣхъ чувствовалъ молчаливый укоръ.

Гамильтонъ, съ его цвѣтущимъ старческимъ здоровьемъ, съ его сѣтью жилокъ и морщинокъ, съ его самоувѣренной остроумной рѣчью, теперь особенно раздражалъ адмирала. Онъ зналъ, что его отношенія къ этому старику были не совсѣмъ пріятны Верховному Лорду. Но въ этомъ дѣлѣ онъ никакъ не могъ пойти навстрѣчу предначертаніямъ своего высшаго начальства: безъ лэди Эммы Нельсонъ жить не могъ; даже тѣ немногія радости, которыя были въ его жизни — слава и награды, — безъ лэди Гамильтонъ имѣли въ тысячу разъ меньше интереса. Онъ впрочемъ рассчитывалъ умиловить Провидѣнье своей энергіей въ борьбѣ съ французскими и неаполитанскими безбожниками.

Одинъ изъ гостей съ улыбкой попросилъ разрѣ-

шенія прочесть стихи, написанныя въ Палермо въ честь Гамильтоновъ и Нельсона. Получивъ смущенное согласіе хозяевъ, гость вытащилъ изъ кармана листокъ бумаги и сталъ читать:

Bella Miledi, e qual superbo core
Puo contrastarti di bellezza il vanto?
Se Pallade, Giunon, la Dea d'amore
Perdon suoi pregi e sua beltade accanto?

Въ салонѣ зааплодировали — не очень громко изъ уваженія къ важнымъ дѣламъ, которыми въ сосѣднемъ помѣщеніи былъ занятъ король Обѣихъ Сицилій. Сэръ Вильямъ тоже счелъ возможнымъ похлопать, затѣмъ нѣжно поцѣловалъ руку застѣнчиво улыбавшейся жены (Нельсонъ нахмурился). Гость сдѣлать движеніе и сталъ читать дальше:

Chi la prudenza d'Amilton? a cui
(Né mai scelta miglior far si potea)
La Brettagna affidò gli affari suoi!

Сэръ Вильямъ склонилъ голову на бокъ, показывая и жестомъ, и улыбкой, что прекрасно понимаетъ, какъ преувеличены относившіяся къ нему похвалы. Гости не успѣли похлопать выбору, сдѣланному Британіей въ лицѣ Гамильтона: чтецъ, не остановившись послѣ второй строфы, сразу перешелъ къ третьей, которую прочелъ особенно прочувственно и съ растроганнымъ лицомъ:

Chi di Guerriero il vanto altri che Marte
Contrastar ti potrai, Nelson? e sia
Giudice pur l'istesso Buona parte.

Послышались громкіе апплодисменты, — для лорда Нельсона гости отказались отъ уваженія къ занятіямъ короля. Но Нельсонъ, уже въ Палермо читавшій эти стихи въ переводѣ, улыбался очень упрямю. Ему не нравилось, что поэтъ называлъ его на ты, что его имя было названо третьимъ, что Гамильтонъ затесался между нимъ и лэди Эммой. Неумѣстно было и упоминаніе о Бонапартѣ: удач-

ный переходъ французскаго генерала въ Египетъ составлялъ большое мѣсто лорда Нельсона.

Лэди Эмма тотчасъ замѣтила его неудовольствіе. Эта женщина, впослѣдствіи продавшая забрызганный кровью мундиръ, въ которомъ былъ убитъ Нельсонъ, никогда его не любила. Но любовь была ея ремесломъ и ремесло свое она знала въ совершенствѣ. Лэди Эмма взволнованно заговорила о блестящихъ побѣдахъ лорда Нельсона. Въ этомъ разговорѣ приняли живое участіе всѣ гости. Отъ побѣдъ онъ естественно перешелъ къ наградамъ и отличіямъ, выпавшимъ на долю адмирала. Лэди Гамильтонъ съ гордымъ выраженіемъ, которое, какъ она знала, чрезвычайно умиляла Нельсона, перечисляла полученные имъ подарки: русскій императоръ пожаловалъ ему свой портретъ съ брилліантами, султанъ — шубу, мать султана — драгоценную шкатулку, городъ Лондонъ — великолѣпную шпагу... Не удовлетворившись перечисленіемъ подарковъ, лэди Эмма подошла къ столу, открыла ящикъ и вытащила изъ бархатнаго портфеля пергаментъ. Это былъ патентъ на званіе лорда, полученный Нельсономъ послѣ побѣды при Абукирѣ. Нѣкоторые изъ гостей, говорившіе по англійски, желали прочесть патентъ. Лэди Эмма тотчасъ принялась читать, съ трудомъ разбирая и дурно, по простонародному, произнося старинныя слова:

„George the Third, by the Grace of God, to all Archbishops, Dukes, Marquesses, Earls, Viscounts, Bishops, Barons, Knights, Provosts, Freeman, and all other our Officers, Ministers, and Subjects whatsoever, to whom these presents shall come, greeting. Know ye thaw we, of our especial grace, certain knowledge, and mere motion, have advanced, preferred and created Our trusty and well beloved Sir Horatio Nelson, Knight of the Most Honourable Order of the Bath, Rear-Admiral of the Blue Squadron of our

Fleet, to the State, Degree, Dignity, and Honour of Baron Nelson of the Nile, and of Burnham Thorpe, in Our County of Norfolk...*)

На лицѣ Нельсона тихо расплывалась улыбка. Горечь, которая была связана съ этимъ патентомъ, — полученный баронскій титулъ вмѣсто ожидавшагося титула виконта, — теперь исчезла, и старинныя слова пергамента, въ ея чтеніи, возбуждали въ адмиралѣ тихую радость. Лэди Гамильтонъ бурно щебетала.

Кто-то изъ гостей позволилъ себѣ замѣтить, что слышалъ еще о другомъ титулѣ, ожидающемъ лорда Нельсона. Лэди Эмма улыбнулась и приложила палецъ къ губамъ. Уже многіе знали, что король Обѣихъ Сицилій рѣшилъ съ своей стороны наградить Нельсона титуломъ герцога Бронте, съ приложеніемъ трехъ тысячъ дукатовъ годовой ренты. Но пожалованіе еще не состоялось, и о немъ говорить было неудобно.

Сэръ Вильямъ, слушавшій разговоръ съ легкой усмѣшкой, смотрѣлъ на своего друга и думалъ, что, въ сущности, оперные титулы были недорогой платой этому сыну священника за оторванную руку. Гамильтону пришлось въ голову, что человѣку съ оторванной рукой въ минуты любовныхъ утѣхъ приходится довольно неудобно. Сэръ Вильямъ вполне ясно представилъ себѣ сцены любви между своей женой и Нельсономъ, затѣмъ вспомнилъ королеву Марію-Каролину и подумалъ, что едва-ли другой

*) „Мы, Георгъ Третій, Милостью Божьей, всѣмъ Архіепископамъ, Герцогамъ, Маркизамъ, Графамъ, Виконтамъ, Епископамъ, Баронамъ, Рыцарямъ, Старшинамъ и всѣмъ другимъ нашимъ слугамъ и вѣрноподданнымъ, до кого дойдетъ настоящее, привѣтъ. Знайте, что, по особой нашей милости, истинному разумѣнію и доброй волѣ, мы возвели нашего вѣрнаго и любимаго сэра Горація Нельсона, кавалера Досточимаго Ордена Бани, Контръ-адмирала Синей Эскадры нашего Флота, въ званіе, степень и достоинство Барона Нельсона Нильскаго и Бернамторпскаго, въ нашемъ графствѣ Норфолькскомъ...“

мужъ былъ когда-либо въ такомъ глупомъ положеніи, какъ онъ. Несмотря на весь его стиль, фамильная честь Гамильтоновъ все-же понесла нѣкоторый ущербъ... Мысли эти были непріятны сэру Вильяму. Онъ дружески пожалъ руку Нельсону и пересѣлъ къ одному изъ гостей, который еще не принималъ участія въ разговорѣ.

Въ эту минуту дверь открылась и всѣ въ салонѣ встали: вошелъ за просто король Обѣихъ Сицилій. Лэди Эмма вспыхнула отъ радости: она все не могла привыкнуть къ тому, что у нея въ салонѣ за просто бываетъ король. Фердинандъ IV, высокій, грузный, длинноносый человѣкъ, еще не успѣлъ выбриться и на толстомъ лицѣ его чернѣла такая густая борода, что присутствовавшіе въ салонѣ англичане на мгновеніе усомнились, джентльмэнъ-ли король Обѣихъ Сицилій, — но тотчасъ прогнали сомнѣніе: правнукъ Людовика XIV очевидно не могъ не быть джентльмэномъ. Въ дѣйствительности, Фердинанду просто не приходило въ голову заботиться о какомъ-бы то ни было приличіи въ томъ обществѣ, которое собралось въ салонѣ лэди Эммы. Король Обѣихъ Сицилій выходилъ къ этимъ людямъ небритый, какъ его предокъ Людовикъ XIV принималъ придворныхъ, сидя въ уборной. На лицѣ у Фердинанда играла веселая, хитрая улыбка. У него всегда было такое выраженіе, будто кто-то хотѣлъ его надуть, но не тутъ-то было: онъ тотчасъ разгадалъ обманъ (Фердинандъ дѣйствительно — не столько умомъ, сколько наслѣдственнымъ профессиональнымъ инстинктомъ — считалъ всѣхъ людей обманщиками). Этотъ видъ короля приводилъ новыхъ придворныхъ въ недоумѣніе. Но оно тотчасъ разсѣивалось, когда Фердинандъ IV раздражался смѣхомъ: по его смѣху самые ненаблюдательные люди сразу догадывались, что король Обѣихъ Сицилій чрезвычайно глупъ.

Фердинандъ тяжело усѣлся въ кресло и милостиво кивнулъ гостямъ, которые тотчасъ сѣли. Онъ съ веселой улыбкой пожаловался на жару — и всѣ подтвердили въ одинъ голосъ: дѣйствительно, очень жарко. Голосъ у короля былъ высокій и тонкій, не шедшій къ его громадному тѣлу. Это у новыхъ людей тоже вызывало въ первую минуту разочарованное удивленіе.

Король очень не любилъ разговаривать. Сэръ Вильямъ тотчасъ предложилъ устроить музыкальный сеансъ или сыграть партію въ вистъ. Фердинандъ размышлялъ минуту и остановился на музыкальномъ сеансѣ. Нельсонъ хмуро подумалъ, что для утренняго часа на военномъ суднѣ, пожалуй, слишкомъ много развлеченій: постѣ декламациі еще музыка. Ему хотѣлось остаться вдвоемъ съ лэди Эммой. Фердинандъ охотно пѣлъ неаполитанскія пѣсни (Гамильтонъ говорилъ, что Его Величество поетъ какъ король), но въ этотъ день королю пѣть не хотѣлось. Онъ еще подумалъ и лѣнливо попросилъ лэди Эмму показать свои attitudes (правнукъ Людовика XIV произносилъ attitoudes). Лицо Нельсона тотчасъ просвѣтлѣло. Лэди Гамильтонъ съ молодыхъ лѣтъ славилась своимъ искусствомъ пластическихъ позъ. Предложеніе короля встрѣтило общій восторгъ. Хозяйка удалилась въ сосѣдную комнату. Сэръ Вильямъ, много лѣтъ угощавшій гостей этимъ талантомъ своей жены, не торопясь приготовлялъ все для сеанса. Лэди Эмма могла изображать позы только при вечернемъ свѣтѣ. Съ помощью гостей и слугъ Гамильтонъ опустил шторы, зажгъ свѣчи вдоль короткой стѣны салона и усадилъ всѣхъ (позади короля) въ неосвѣщенной части комнаты. На это сэръ Вильямъ потратилъ ровно столько времени, сколько было нужно лэди Эммѣ для того, чтобы подготовиться къ сеансу. Затѣмъ

Гамильтонъ сѣлъ за клавесинъ, надъ которымъ горѣла одна свѣча, провелъ руками по клавишамъ и далъ создаться настроенію. Сеансу мѣшаль солнечный свѣтъ, пробивавшійся сквозь шторы и вызывавшій въ гостяхъ смутное, непріятное чувство. Прошло нѣсколько секундъ. Гамильтонъ медленно заигралъ фантазію изъ „*I nemici generosi*“ — и тотчасъ подумалъ, что сдѣлалъ неловкость: Чимароза какъ разъ сидѣлъ въ Неаполитанской тюрьмѣ по обвиненію въ симпатіяхъ къ республикѣ, да и названіе оперы было не совсѣмъ подходящее. Однако никто изъ гостей не замѣтилъ, повидимому, неловкости и сэръ Вильямъ успокоился. «Искусство выше всего этого», — подумалъ онъ. Дверь медленно открылась и въ салонъ вошла бокомъ лэди Эмма съ распушенными волосами, задрапированная въ индѣйскую шаль, съ лирой въ высоко поднятыхъ рукахъ. Тяжело отрывая ноги отъ пола, она приблизилась къ серединѣ короткой стѣны и стала медленно извиваться всѣмъ тѣломъ, судорожно перебирая руками шаль и лиру.

— *Niobe!* — прошепталъ взволнованно лордъ Нельсонъ, знавшій всѣ *attitudes* лэди Эммы.

— *Niobée*, — тоже шопотомъ подтвердилъ по французски сэръ Вильямъ, не отрывая рукъ отъ клавесина.

— *La Niobe*, — сказалъ громко король съ хитрой улыбкой.

Одинъ изъ гостей, помнившій мифологію, немного удивился, почему собственно у Ніобей лира и индѣйская шаль. Зрѣлище всѣмъ понравилось. Позы, которыми лэди Эмма въ молодости очаровала самого Гете, теперь, при ея толщинѣ, выходили далеко не такъ хорошо, какъ прежде. Но все-же она была очень красива, и сэръ Вильямъ со вздохомъ еще разъ оцѣнилъ свои пятьдесятъ процентовъ въ предпріятіи, тутъ же усомнившись въ томъ,

дѣйствительно ли его доля составляет по прежнему пятьдесятъ процентовъ. Гости захлопали съ искреннимъ восхищеніемъ. Лэди Эмма вдругъ застыла: Ниобея превратилась въ статую. Апплодисменты еще усилились. Сэръ Вильямъ, щурясь у свѣчи, приблизилъ свое лицо къ нотамъ, быстро перевернулъ страницы и заигралъ вступленіе къ большой аріи: лэди Эмма отъ attitudes непосредственно переходила къ пѣнію, показывая сразу всѣ свои таланты. Она вышла изъ оцѣпенѣнія, отдала лиру и шаль восторженно смотрѣвшему на нее Нельсону и соединила передъ своей огромной грудью руки, — въ одной изъ нихъ былъ зажатъ кружевной платокъ. На опущенномъ лицѣ лэди Эммы вдругъ появилась задумчивая улыбка, которая больше съ него не сходила и не мѣнялась до конца пѣнія, — улыбка эта не имѣла никакого отношенія къ тому, что пѣла лэди Эмма. Затѣмъ она медленно подняла глаза на Нельсона (этотъ взлетъ глазъ былъ главнымъ ея очарованіемъ; она считала его неотразимымъ) и запѣла. Пѣла она долго и плохо, такъ что восторгъ на лицахъ гостей остылъ: самымъ лѣстивымъ изъ итальянцевъ трудно восхищаться дурнымъ пѣніемъ. Наконецъ раздалось длинное *fermato* — такое длинное, такое *fermato*, что даже англійскимъ матросамъ, слушавшимъ издали съ палубы, стало ясно наступленіе конца аріи. Пѣвица однако, опустивъ голову, съ задумчивой улыбкой ждала конца аккомпанимента. Нельсонъ, не дождавшись, восторженно захлопалъ по колѣну лѣвой рукой (онъ не могъ апплодировать). Гости тоже похлопали. Король всталъ и неожиданно залился всхлипывающимъ тонкимъ смѣхомъ. Гамильтонъ, поднимаясь вслѣдъ за Фердинандомъ, взглянулъ на него съ изумленіемъ: хотъ посланникъ десятки лѣтъ зналъ короля, этотъ смѣхъ не потерялъ способности поражать сэра Вильяма. Король, захлебываясь, съ хит-

рымъ видомъ поблагодарилъ лэди Эмму и объявилъ, что идетъ бриться. Гамильтонъ и Нельсонъ проводили Фердинанда до дверей его помѣщенія. Затѣмъ сэръ Вильямъ, опять надѣвъ свою улыбку, вернулся въ салонъ. Лэди Эмма съ жаромъ перечисляла гостямъ всѣхъ высокопоставленныхъ людей, которые восхищались ея позами и пѣніемъ. Гамильтонъ поднялъ шторы, гости съ облегченіемъ стали тушить свѣчи и переставлять мебель на ея обычное мѣсто. Никто не уходилъ, всѣ надѣялись получить приглашеніе пообѣдать съ Его Величествомъ. Сэръ Вильямъ усѣлся поудобнѣе въ кресло и снова, какъ ключомъ часы, завелъ механизмъ общаго разговора.

— C'est une de ces formules dont vous avez le secret, mon cher comte, — любезно говорилъ Гамильтонъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ дипломату. — On ne saurait mieux définir l'indéfinissable: cette politique du cabinet de Berlin qui fait le désespoir de nos chancelleries. Pourtant, sans pouvoir me vanter d'en avoir pénétré le mystère, je crois pouvoir affirmer...

Въ салонъ вдругъ безъ стука быстро вошелъ капитанъ корабля. Онъ остановился на порогѣ. Видъ у него былъ такой, что сэръ Вильямъ поспѣшно поднялся съ кресла и подошелъ къ двери. Капитанъ сказалъ ему что-то шопотомъ. На лицѣ посланника изобразилось удивленіе. Онъ открылъ ротъ, хотѣлъ что-то спросить, оглянулся на гостей и непривычно быстрой походкой вышелъ изъ салона.

На палубѣ, у борта корабля, который какъ разъ готовился къ отходу на прогулку въ море, толпилось человѣкъ двадцать. По ихъ блѣднымъ нахмуреннымъ лицамъ, по тому, какъ офицеры и матросы сбились въ одну кучку, ясно было, что случилось что-то необыкновенное. Сэръ Вильямъ поспѣшно, переваливаясь, маленькими шажками подошелъ къ

бортѣ, перегнулъ черезъ него брюшко, взглянулъ туда, куда смотрѣли всѣ, — и попятился назадъ съ негромкимъ восклицаніемъ.

Тѣло казеннаго мятежника поднялось со дна залива. Въ водѣ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ корабля медленно пошатывался герцогъ Караччіоло.*) Распухшій трупъ въ почти вертикальномъ положеніи, лишь чуть наклонившись на бокъ, высывался изъ воды по шею, странно выдвинувъ впередъ связанные руки. Въ волосахъ его повисло что-то зеленое. Между оскаленными зубами торчаль громадный языкъ. На голой шеѣ болтался размокшій тонкій обрубокъ веревки.

Несмотря на ужасный видъ трупа, Гамильтонъ, хорошо знавшій герцога, не могъ его не узнать. Сэръ Вильямъ растерянно смотрѣлъ на пошатывавшееся тѣло, еще ничего не соображая... Вдругъ сзади него послышались голоса и быстрые шаги. Кучка людей молча разступилась. Къ борту подходилъ король Обѣихъ Сицилій, безъ кафтана, съ бритвой въ рукѣ, съ намыленными трясущимися щеками. Рядомъ съ нимъ шелъ смертельно блѣдный лордъ Нельсонъ.

— Caracciolo! Ma che vuole?**) — вскрикнулъ король.

Никто не отвѣчалъ. Сэръ Вильямъ опомнился, быстро подошелъ къ королю и заговорилъ съ нимъ

*) Эпизодъ появленія у борта Foudroyant'a тѣла казеннаго адмирала, разумѣется, мною не выдуманъ. Историческая достовѣрность его засвидѣтельствована рассказомъ очевидца, капитана Томаса Гарди. Эпизодъ этотъ оживленно обсуждался въ перепискѣ людей того времени, какъ Т. Гарди, коммодоръ Футь, І. Кларкъ и др. Тѣло Караччіоло послѣ казни было сброшено въ море съ подвязаннымъ къ ногамъ грузомъ, который повидимому оказался недостаточно тяжелымъ для того, чтобы удержать на днѣ залива распухшій трупъ. Останки адмирала были, послѣ его появленія у Foudroyant'a, извлечены изъ воды и погребены, по приказу короля, въ церкви Santa Maria la Catena.

Авторъ.

**) Караччіоло! Но чего же онъ хочетъ?

по итальянски. Первая его слова были не совсѣмъ связны. Но Гамильтонъ всегда успокаивался по мѣрѣ того, какъ говорилъ. Онъ еще не зналъ, что скажетъ, когда подходилъ къ Фердинанду. Но какъ только онъ открылъ ротъ, ему сразу представилось объясненіе происшествія. Фрегатъ Минерва стоялъ очень близко отъ Foudroyant'a. Въ появленіи тѣла нѣтъ ничего сверхъестественнаго. Грузъ, къ нему привязанный, либо оторвался въ водѣ, либо былъ слишкомъ малъ для распухшаго трупъ. Кто же не знаетъ, что тѣла утопленниковъ всплываютъ, — очень часто море прибываетъ ихъ къ берегу. Надо, значитъ, привязать къ нему что-либо потяжелѣе, — только и всего... Или, еще лучше, пусть его похоронятъ гдѣ-нибудь на берегу. Съ покойниками воевать незачѣмъ — и бояться ихъ нечего... Последнія слова Гамильтонъ произнесъ уже совершенно обычнымъ тономъ, безъ слѣдовъ волненія, и даже съ подобіемъ улыбки. Король тоже понемногу успокаивался. Матросы и офицеры расходились. Только Нельсонъ, по прежнему смертельно блѣдный, неподвижно стоялъ у борта...

Намыленные щеки и глупое лицо короля дали вдругъ другой тонъ мыслямъ Гамильтона. Сцена показалась ему чуть-чуть комической, какъ неудавшійся театральнй эффектъ. Онъ оглянулся на море. Распухшій трупъ теперь стоялъ къ нему бокомъ и былъ гораздо менѣе страшенъ, чѣмъ въ первую секунду.

«Le coup est raté, mon vieux!» — подумалъ сэръ Вильямъ, почему то вспомнивъ сеансъ attitudes лэди Эммы.

Онъ склонилъ голову на бокъ и почтительно спросилъ, не угодно ли будетъ Его Величеству еще до обѣда начать партію виста.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Наканунъ битвы при Нови французскій главнокомандующій все утро объѣзжалъ полки въ сопровожденіи блестящей свиты, на великолѣпномъ конѣ, сверкая золотомъ мундира и дорогимъ бархатомъ чепрака (какъ Бонапартъ, передъ которымъ онъ преклонялся, Жуберъ считалъ пышность необходимой для престижа и въ мѣру возможности старался придать нарядный видъ своимъ полуголоднымъ войскамъ). Въ разныхъ частяхъ фронта онъ останавливался, собиралъ солдатъ и говорилъ рѣчь: начинать съ тяжелаго положенія родины, объяснять значеніе предстоявшаго боя и призывалъ армію исполнить свой долгъ. Рѣчи эти волновали Жубера: въ томъ особенномъ приподнятомъ настроеніи, въ какомъ онъ находился послѣднія недѣли, онъ говоритъ очень сильно — и волненіе его передавалось войскамъ, хотя не всѣ солдаты могли его слышать и не всѣ слышавшіе понимали то, что онъ говорилъ. Но даже лица его свиты, слушая во второй и въ третій разъ одно и то-же, не усмѣхались, а съ блѣдными взволнованными лицами, не отрываясь, въ упоръ смотрѣли на главнокомандующаго.

Съ приѣздомъ генерала Жубера, во французской арміи исчезло уныніе, которое вызвали неудачи послѣднихъ мѣсяцевъ: побѣда Суворова надъ Македонцами подъ Требіей и занятіе австро-русскими войсками Милана и Турина.

Жубера армія хорошо знала и по 1796-му, и по 1798-му году. Въ пору первой итальянской кампаніи онъ былъ правой рукой и любимцемъ Бонапарта, который, какъ передавали, уѣзжая въ Африку, рекомендовалъ его въ свои замѣстители. Еще больше прославила двадцатидевятилѣтняго генерала тирольская война и дальнѣйшія его дѣйствія въ качествѣ самостоятельнаго полководца. О военныхъ дарованіяхъ, храбрости и благородномъ характерѣ Жубера ходили самые лестные рассказы. Плохо о немъ не говорили почти никто. Безкорыстіе же его стало почти легендарнымъ: этимъ въ пору революціонныхъ войнъ было гораздо труднѣе удивить, чѣмъ храбростью или военнымъ искусствомъ. Храбры были всѣ революціонные генералы, честные же люди среди нихъ считались по пальцамъ. Солдаты говорили, что въ трудные дни Жуберъ отдавалъ свое жалованье на покупку продовольствія для войскъ; а въ правящихъ парижскихъ кругахъ рассказывали съ изумленіемъ, что молодой полководецъ отказался принять подарокъ, предложенный ему въ Италіи, — картину, оцѣненную въ сто тысячъ ливровъ. Баррасъ, узнавъ объ этомъ отказѣ, только разводилъ руками, — онъ впрочемъ давно про себя рѣшилъ, что генералъ Жуберъ глупъ.

Подъемъ духа во французской арміи еще усилился, когда распространились слухи о томъ, что самъ Суворовъ высоко ставитъ военные дарованія Жубера. Слухи эти были основательны. А съ мнѣніемъ Суворова считались чрезвычайно. Въ республиканскихъ войскахъ не было никакой ненависти къ противнику, какъ ни старались ее раздуть

газеты и Директорія. Ненависть къ противнику была въ первые дни войны — и прошла, какъ всегда проходить на фронтѣ въ пору затянувшихся войнъ (что нисколько не мѣшаетъ учиненію всяческихъ звѣрствъ). Марсельезу войска пѣли и она даже возбуждала солдатъ, какъ возбуждали ихъ вино и грохотъ барабановъ. Словъ Марсельезы почти никто не зналъ дальше двухъ строчекъ; а тѣ немногіе, которые знали весь первый куплетъ, произносили его механически. Слова „*qu'un sang impur abreuve nos sillons*“ не могли производить никакого впечатлѣнія на солдатъ, — кроваваѣя метафоры не были во вкусъ людей, ежеминутно рисковавшихъ жизнью: и кровь они собственными глазами видѣли, какъ свою, такъ и непріятельскую, и нивы были не французскія, а чужія.

Члены Директоріи, любившіе поднимать своимъ краснорѣчіемъ духъ арміи и возбуждать въ ней ненависть къ наемникамъ Питта, были у тѣхъ солдатъ, которые о нихъ вообще слышали, посмѣищемъ и предметомъ злобнаго презрѣнія, — какъ штатскіе люди не подвергавшіеся въ Парижѣ ни малѣйшей опасности, да еще получавшіе въ тылу большое жалованье за неопасныя и, должно быть, скверныя дѣла. Напротивъ того, Суваровъ (его и Директорія, и газеты, и генералы, и солдаты почему-то называли Souwaroff) не только не возбуждалъ ненависти во французской арміи, но былъ въ ней своеобразно популяренъ — за храбрость, за удачу и за то, что съ его пріѣздомъ въ Италію опасность смерти для каждаго солдата увеличилась во много разъ: съ уваженіемъ въ тонѣ втихомолку передавали (начальство это скрывало), что въ битвѣ у Требии изъ тридцати пяти тысячъ человѣкъ осталось въ живыхъ лишь немногимъ болѣе половины. Съ удивленіемъ рассказывали о русскомъ генералѣ разные анекдоты; лицо его по портретамъ было всѣмъ хорошо извѣстно. Для

возбужденія ненависти къ Суворову изъ Парижа въ армію сообщали слухи о свирѣпости русскаго главнокомандующаго, о томъ, будто въ Измаилѣ онъ вырѣзалъ двадцать тысячъ турокъ, а при штурмѣ Праги — девять тысячъ поляковъ. Но и это не вызывало ни особой ненависти, ни жажды мщенія: солдаты революціонной арміи не разъ видали и устраивали при штурмахъ рѣзню — и плохо представляли себѣ грань между сотней, тысячей или десяткомъ тысячъ вырѣзанныхъ людей, тѣмъ болѣе чужихъ: турокъ и поляковъ. Это даже увеличивало престижъ Суворова, такъ какъ размѣръ рѣзни невольно принимался умами солдатъ пропорціональнымъ значенію побѣды.

Планъ сраженія былъ уже почти составленъ Жуберомъ. Армія его расположилась на скатахъ Аппенинскихъ горъ, полукругомъ вокругъ городка Нови, раскинувшагося у подножія Монте-Ротондо. Эта крѣпкая позиція до нѣкоторой степени уравнивала численное и артиллерійское превосходство противника. Жуберъ рассчитывалъ на лѣвомъ флангѣ выдержать и отбить натискъ союзниковъ, сосредоточивая тѣмъ временемъ на правомъ, для атаки на деревню Поццоло-Формигаро, отборныя ударныя колонны подъ начальствомъ генерала Моро. Ходили зловѣщіе слухи о паденіи Мантуи, — это означало усиленіе непріятельскихъ войскъ 20-ти тысячнымъ осаднымъ корпусомъ генерала Края. Жуберъ убѣждалъ себя и другихъ въ томъ, что неприступная Мантуя, взятіе которой стоило три года назадъ огромныхъ усилій генерату Бонапарту, не могла пасть такъ быстро. Но увѣренности у него не было, особенно послѣ того, какъ о капитуляціи сообщили флорентійскія и ливорнскія газеты. Мысль о паденіи Мантуи составляла большое мѣсто Жубера: еслибъ женитьба передъ самымъ походомъ не

задержала его во Франціи, онъ могъ бы дать генеральное сраженіе раньше. Всякій разъ, какъ это соображеніе приходило ему въ голову, главнокомандующій вздрагивалъ и увѣренно говорилъ, что Мантуя, конечно, еще держится.

Но когда онъ выѣхалъ на передовыя позиціи и остановился со своей свитой на одной изъ высотъ вблизи города Нови, передъ нимъ на обширной равнинѣ, засѣянной кукурузой, между бѣлѣвшими вдали строеніями крѣпостей Александрии и Тортоны, отъ рѣки Бормиды до рѣки Скривіи и еще за нею, по ея правому берегу, открылась вся непріятельская армія. И сразу привычнымъ глазомъ онъ увидѣлъ, что численность ея много больше той, о которой ему сообщали развѣдчики. Сомнѣній быть не могло: Мантуя пала и осадный корпусъ присоединился къ войскамъ Суворова. Жуберъ ничего не сказалъ и долго неподвижно стоялъ на горѣ, не отводя глазъ отъ зрительной трубы, то подсчитывая силы противника, то бросая подсчетъ.

Имѣя дѣло съ этимъ страшнымъ русскимъ старикомъ, онъ не могъ больше разсчитывать, что снова, какъ часто прежде, его спасетъ перѣшительность противника. Суворовъ, конечно, не упуститъ случая дать рѣшительное сраженіе. Отступать было такъ же опасно, какъ оставаться на позиціяхъ.

Рядомъ съ нимъ на высотѣ находилось человѣкъ десять офицеровъ его штаба. Они шепотомъ обмѣнивались впечатлѣніями. Сень-Сиръ, перегнувшись красивой своей фигурой къ сѣдлу генерала Моро и похлопывая лѣвой рукой его лошадь между ушами, вполголоса доказывалъ, что о побѣдѣ не можетъ быть рѣчи: нужно отступить въ горы. Нервно оглядываясь на лѣвую руку Сень-Сира, Моро съ неудовольствіемъ его слушалъ. Не получая отвѣта, генераль Сень-Сиръ замолчалъ и, прикрывъ глаза рукой отъ солнца, сталъ смотрѣть вдаль: бывшій ху-

дожникъ, страстно привязанный къ Италиі, онъ за-
любовался пейзажемъ.

Другіе офицеры — въ большинствѣ люди очень
молодые — думали о томъ, какую эффектную исто-
рическую картину представляет собою ихъ блестя-
щая конная группа, остановившаяся на чудесномъ
холмѣ надъ вѣковымъ итальянскимъ городкомъ.
Такъ долженъ былъ бы увѣковѣчить ихъ художникъ.

— *Tiens, mais c'est Souwarow!* — вдругъ сказали
чей-то удивленный голосъ.

— *Comment Souwarow? Oй?* — спросилъ, вздрог-
нувъ отъ неожиданности, Жуберъ. Нѣсколько чело-
вѣкъ задаю одновременно тотъ же вопросъ — и де-
сятко зрительныхъ трубъ тотчасъ устремился въ
одну сторону: въ полѣ, почти посрединѣ между
французскими и союзными передовыми линіями,
лишь немногимъ ближе къ союзникамъ, далеко впе-
реди передовой цѣпи русскихъ егерей, которые за-
легли въ хлѣбахъ у Поццоло-Формигаро, стояло два
всадника. Первый изъ нихъ дѣйствительно былъ
Суворовъ. Въ зрительную трубу легко было при-
знать его своеобразную фигуру. Въ рубахѣ и хол-
щевомъ исподнемъ платьѣ, какъ почти всегда лѣ-
томъ, безъ мундира, онъ сидѣлъ на дрянной клячен-
кѣ, скрючившись на казацкомъ сѣдлѣ, бросивъ по-
водья и опершись на его передній горбъ локтемъ лѣ-
вой руки, въ которой держалъ записную книжку.
Правой рукою онъ то поспѣшными движеніями при-
ставлялъ къ глазамъ подвѣшенную на длинномъ
шнуркѣ къ шеѣ зрительную трубу, то, бросая ее, за-
писывалъ что-то въ книжку. Второй всадникъ былъ
простой казакъ.

— *Souwarow? Lequel?... Celui en chemise?... Quelle
idée!... Pourtant c'est bien lui!... Il est toujours en
chemise... Mais non, ce n'est pas Souwarow!... Mais
si, vous n'avez qu'à regarder son portrait!... Bien sûr*

que c'est Souwarow! — раздались взволнованные голоса.

Одновременно одна и та же мысль вспыхнула у всей группы людей французскаго штаба. Генераль Сень-Сиръ, не дожидаясь распоряженія Жубера, во всю прыть, рискуя свалиться вмѣстѣ съ конемъ, понесся внизъ съ крутой горы къ передовымъ французскимъ постамъ. Всѣ молчали, затаивъ дыханье, глядя то на эту безумную скачку, то на старика въ рубахѣ, который продолжалъ что-то писать, скрючившись на своей клячѣ.

Сень-Сиръ благополучно домчался до равнины и скрылся за откосомъ сосѣдняго холма. Черезъ нѣсколько минутъ раздался выстрѣлъ, послышался быстрый, страшный нарастаніемъ, свистъ летящаго снаряда, потомъ разрывъ; за первой пушкой передовой батареи грохнула вторая; къ пушечнымъ выстрѣламъ примѣшалась частая беспорядочная ружейная стрѣльба, шедшая неизвѣстно откуда (это французскіе ведеты, лежавшіе въ хлѣбахъ далеко впереди позицій, по своей инициативѣ, тоже узнавъ Суворова, открыли по немъ огонь).

Жуберъ и его генералы, не отрывая глазъ отъ трубъ, смотрѣли на старика въ рубахѣ, который не обращалъ никакого вниманія на стрѣльбу, точно онъ ея и не слышалъ. Но въ союзныхъ войскахъ вдругъ началось быстрое движеніе. Тамъ очевидно замѣтили опасность грозившую главнокомандующему.

Изъ-за высокой каменной стѣны съ бойницами и башнями, окружавшей городокъ Нови, быстро выѣхалъ генераль Сень-Сиръ съ небольшимъ отрядомъ кавалеріи. Одновременно, минута въ минуту, два взвода австрійскихъ драгунъ вынеслись изъ союзныхъ передовыхъ линій. Оба отряда остановились какъ бы по соглашенію: французы, очевидно, не могли доскочить раньше австрійцевъ до того мѣста,

гдѣ находился Суворовъ, а драгунамъ Карачая не-
зачѣмъ было безъ пользы идти подъ огонь, стано-
вившійся все болѣе жаркимъ.

Вдругъ Суворовъ бросилъ трубу, спряталъ книж-
ку, подозвалъ казака, взялъ у него флягу и долго
пить, откинувшись на задній горбъ сѣдла, запроки-
нувъ назадъ голову. Снарядъ разорвался шагахъ
въ двадцати отъ него. Лошадь казака рванулась въ
сторону и даже кляченка Суворова зашевелилась.
Онъ, очевидно, стукнулся зубами о фляжку, съ до-
садой вытеръ губы рукой, схватился за поводья, от-
далъ фляжку казаку, тотчасъ справившемуся съ
лошадью, и медленно поѣхалъ назадъ къ своимъ ли-
ніямъ, гдѣ впереди драгунъ поспѣшно собиралась
кучка русскихъ офицеровъ. Ружейная стрѣльба
вдогонку еще усилилась, потомъ понемногу стала
затихать.

Французскій главнокомандующій тронулъ по-
водья и медленно поѣхалъ съ высоты по направленію
къ городу Нови. За нимъ молча слѣдовали другіе
генералы.

Военный совѣтъ кончился вечеромъ. Коман-
диры обоихъ фланговъ и центра, Перильонъ, Моро и
Сень-Сиръ, простились съ Жуберомъ, молча крѣпко
пожавъ ему руку. Было почти рѣшено отступить
въ горы, но всѣ генералы понимали, что рѣшеніе
это только полупринято, а можетъ быть, и неиспол-
нимо. Начальникъ штаба Сюше и два адъютанта,
оставшіеся для ночлега въ томъ же домикѣ, гдѣ оста-
новился Жуберъ, пошли спать, не получивъ оконча-
тельныхъ распоряженій. Главнокомандующій сѣлъ
за столъ и сталъ писать приказъ объ отступленіи въ
горы.

Въ десять часовъ ему показалось, будто въ не-
пріятельскомъ лагерѣ начался шумъ. Его вдругъ
осѣнила надежда, что, быть можетъ, Суворовъ самъ

рѣшился отступить. Жуберъ быстро поднялся и на цыпочкахъ, чтобы не разбудить офицеровъ, вышелъ на балконъ.

Ночь была очень теплая. При свѣтѣ луны съ балкона его домика, расположеннаго на холмѣ, онъ видѣлъ все поле предстоявшаго боя. Въ непріятельскомъ лагерѣ огни уже погасли, какъ и во французскомъ. Только въ двухъ-трехъ мѣстахъ въ деревнѣ Поццоло-Формигаро, гдѣ, по предположеніямъ Жубера, должна была находиться ставка союзнаго командованія, мерцали горящія точки. Тамъ очевидно люди размышляли, какъ его погубить. Шума не было слышно. — «Ужъ не боленъ ли я?» — спросилъ себя Жуберъ. Нервы его разстроились совершенно, особенно оттого, что ото всѣхъ нужно было скрывать тревогу. Жуберъ мысленно провѣрилъ свои распоряженія. Кромѣ понятной лерѣшительности, проявленной имъ въ военномъ совѣтѣ по вопросу объ отступленіи, онъ ни въ чемъ не могъ себя обвинить. Бонапартъ поступилъ бы точно такъ же. «Гдѣ теперь Бонапартъ? Что дѣлаетъ сейчасъ?» — устало подумалъ онъ, стараясь представить себѣ Египетъ, Палестину — и ничего не могъ представить, — развѣ пирамиды, да и то плохо. Воображеніе работало вяло. Это былъ дурной признакъ: онъ считалъ воображеніе однимъ изъ самыхъ важныхъ свойствъ полководца. «Неужели завтра я буду не на высотѣ — въ самый рѣшительный день моей жизни, быть можетъ, въ ея послѣдній день?» — подумалъ онъ. Жуберъ не вѣрилъ въ предчувствія, хотя часто слышалъ рассказы о нихъ, столь обычные у военныхъ, какъ у всѣхъ часто рискующихъ жизнью людей. Онъ не вѣрилъ собственно не въ то, что предчувствія сбываются; онъ не вѣрилъ, что они могутъ быть: у него у самого никогда не было ни дурныхъ, ни хорошихъ предчувствій.

Двѣ недѣли тому назадъ въ Pont-de-Vaux, во

время обѣда, устроеннаго по случаю свадьбы Жубера, вдругъ раздалась пальба: городскія власти велѣли стрѣлять изъ пушекъ въ честь молодого полководца, славы и гордости нхъ города. Гости принялись считать выстрѣлы — и, когда счетъ закончился вмѣстѣ съ салютомъ, Жуберъ шутливо замѣтилъ, что какъ разъ то же число выстрѣловъ даютъ войска въ память генераловъ, павшихъ на полѣ битвы. Онъ самъ не увидѣлъ здѣсь никакой дурной примѣты, но гости вдругъ замолчали, и отецъ его поспѣшно сказалъ, что, кажется, произошла ошибка въ счетѣ выстрѣловъ.

Жуберъ подумалъ о женѣ. За весь день не было времени о ней подумать. Онъ вынулъ изъ подъ мундира медальонъ съ ея портретомъ, хотѣлъ поцѣловать, но не поцѣловалъ. Онъ заставилъ себя думать о женѣ и вдругъ черезъ нѣсколько минутъ, блѣднѣя, замѣтилъ, что думаетъ не о ней, а о томъ, какъ и кто ей скажетъ объ его кончинѣ. «Вѣрно Сюше напишетъ прямо отцу... Или министръ пошлетъ нарочнаго въ Pont-de-Vaux». О томъ, какъ его жена приметъ извѣстie, о томъ, что она почувствуетъ, — Жуберъ не думалъ, не могъ думать, хоть и сюда пытался направить ходъ своихъ мыслей. «Вѣроятно, она снова выйдетъ замужъ черезъ нѣкоторое время», — подумалъ онъ почти равнодушно, вспоминая, что жены извѣстныхъ ему офицеровъ неизмѣнно выходили замужъ черезъ два-три года, а то и раньше, послѣ смерти любимыхъ мужей. Эта мысль, которая наканунѣ показалась бы ему чудовищной, теперь оставляла его холоднымъ. «Директорія мнѣ устроить пышныя поминки. Но въ глубинѣ души всеѣ они будутъ рады моей смерти. Съ тѣхъ поръ, какъ Бонапартъ отрѣзанъ англійскимъ флотомъ въ пустыняхъ Африки, они больше всего боятся меня, моей популярности въ войскахъ... Кто знаетъ, ужъ не на-

точно ли Директорія поставила меня въ такое положеніе? Почему Массена со своей семидесятитысячной арміей не дѣлаетъ диверсій въ Швейцаріи, чтобы на себя отвлечь часть непріятельскихъ силъ? Почему восьмая дивизія была въ такомъ безобразномъ состояніи?... Почему 120 тысячъ солдатъ разбросаны по разнымъ мѣстамъ?.. Почему еще не прибыли резервы Серрюръ?..»

Мысли эти и прежде приходили ему въ голову, но онъ тотчасъ ихъ въ себѣ подавлялъ. Теперь вдругъ онѣ его ужаснули своимъ безпредѣльнымъ значеніемъ. Прежде онъ никогда не сомнѣвался въ правотѣ дѣла, которому служилъ. Французскую республику, свободу французскаго народа хотѣли задушить иностранцы, наемники Питта и ихъ сообщники, измѣнники-эмигранты... «Пусть это избитая мысль, банальное ходячее выраженіе, но вѣдь это правда!» Однако, наряду съ этой привычной правдой теперь была и другая, непривычная. Теперь онъ ясно видѣлъ, что во главѣ французской республики стоятъ люди, которымъ нѣтъ до свободы никакого дѣла, которые за власть и деньги готовы служить кому и чему угодно, которые не предають родины (если они ея не предають) лишь изъ боязни гильотины. Теперь онъ допускалъ, что и эмигранты — многихъ изъ нихъ онъ зналъ лично — быть можетъ, не всѣ отъявленные подлецы и предатели. «Они живутъ въ нищетѣ, тогда какъ Баррасъ нажилъ на революціи милліоны. А наемники Питта?... Суваровъ, какъ я, прирожденный воинъ, — развѣ Суваровымъ движетъ жажда англійскихъ денегъ? Или тѣ казаки, которыхъ онъ привелъ съ собой, тѣ венгры, кроаты, тирольцы, изъ которыхъ завтра въ мукахъ умретъ много тысячъ, развѣ имъ Питтъ платитъ деньги, развѣ они слышали имя Питта?».

— «Да, конечно, имъ не платятъ, но ихъ погнали сюда насиліе и произволъ ихъ деспотовъ», — отвѣ-

тиль онъ себѣ. — «Хорошо, а у насъ?» — тутъ же задалъ онъ вопросъ, припоминая сцены вербовки рекрутовъ, разстрѣлы безчисленныхъ дезертировъ. «Лучше моей арміи нѣтъ въ цѣломъ мірѣ, но если завтра предоставитъ ей полную свободу, если ей объявить, что отнынѣ воевать будутъ только добровольцы, а остальные могутъ вернуться въ свои семьи и деревни, — можетъ быть, оставшіеся составятъ одну дивизію... Нѣтъ, дивизіи не составляютъ... А я самъ? Я началъ войну простымъ солдатомъ, но что бы я сказалъ, если бы мнѣ предложили воевать за родину всю жизнь рядовымъ, если бъ война не была для меня вмѣстѣ съ тѣмъ и самой ослѣпительной карьерой, о которой я не смѣлъ и мечтать до революціи? Безъ наемниковъ Питта, безъ ихъ нападенія на Францію, кто я былъ бы теперь? Я имъ обязанъ карьерой, я на крови, на несчастяхъ родины создалъ свою славу».

Справа отъ него, внизу, у самой подошвы горы, въ Нови еще горѣло нѣсколько огней на старой башнѣ замка, по бастіонамъ стѣны, которой быть обнесень городъ, да еще въ окнахъ нѣкоторыхъ домовъ: то ли это французскіе офицеры не легли спать, или не сбѣжавшіе жители города. Впервые Жуберу пришло въ голову, какой ужасъ, какія бѣдствія принесла армія жителямъ этого ни въ чемъ неповиннаго брая. Скаты горы и мѣстами поля были покрыты виноградниками. Тамъ, гдѣ растетъ виноградъ, народъ всегда добръ и радушенъ. Эта старая башня, эта чудесная городская стѣна свидѣтельствовали о древней, вѣковой, таинственной культурѣ. За предмѣстьями внизу и на холмахъ были разбросаны домики, окруженные садами, обнесенные стѣнами. Еще утромъ и наканунѣ оттуда уходили люди, унося и увозя добро на телѣжкахъ (онъ зналъ, что ихъ грабили въ тылу, несмотря на всѣ его грозныя мѣры). Что останется отъ всего этого завтра?

Душевная усталость все больше тяготила Жубера. Ему стало холодно; хотѣлось сѣсть въ горячую ванну. Онъ вернулся съ балкона въ комнату и засвѣтилъ двѣ свѣчи, вставленные вмѣсто подсвѣчниковъ въ бутылки. Для него была приготовлена постель на диванѣ. Онъ снялъ шпагу, разстегнулъ мундиръ, по привычкѣ завелъ часы и, не раздѣваясь, прилегъ на диванъ, поставивъ бутылки со свѣчами на мягкій стулъ рядомъ съ диваномъ. Свѣчи шатались на выпуклой поверхности стула. Жуберъ осмотрѣлся въ комнатѣ, которая ему была отведена: за долгіе годы онъ привыкъ ежедневно мѣнять ночлегъ и больше не обращалъ вниманія на безчисленные, всегда чужія, квартиры, гдѣ приходилось ему останавливаться. Какая-то коллекція на книжномъ шкапу, минералы, банки и инструменты показывали, что владѣлецъ дома былъ натуралистъ или врачъ, — вѣроятно скопившій средства и построившій себѣ за городомъ домъ.

На стулѣ рядомъ со свѣчами лежалъ недоконченный приказъ объ отступленіи. Жуберъ порвалъ его на клочки, взялъ книгу, которую всегда съ собой возилъ въ походѣ, — „*Vitae illustres*“, латинскій переводъ Плутарха, — перелисталъ ее и открылъ жизнь Брута.

... „*Recipiensque ad ostium, terribilem conspexit et monstruosam inusitatae staturae corporis atque metueandae imaginem, tacite sibi astantis. Ausus tamen percontari: Quisnam, ait, hominum deorumve, aut cuius rei causa ad nos venis. Respondit ei imago: Tuus sum, o Brute, malus genius, apud Phillippos me videbis*“...*)

*) ... „Онъ увидѣлъ, что молча подходитъ къ нему страшный призракъ необычнаго роста и ужаснаго вида. И Брутъ осмѣлился его спросить: „Кто ты? человѣкъ или богъ? и чего ты отъ меня хочешь?“ — Отвѣтилъ ему призракъ: „Я твой злой гений, Брутъ, ты увидишь меня у Филиппи...“

Онъ зналъ теперь, что его душевная усталость и была тѣмъ предчувствіемъ смерти, въ которое прежде онъ не вѣрилъ. Именно объ этомъ говорили стальныя латинскія слова.

„Respondit ei imago: Tuus sum, o Brute, malus genius, apud Phillippos me videbis“, — повторилъ онъ вдругъ громко — и остановился, прислушиваясь къ своему голосу, который звучалъ такъ странно. —

— Vous dites, mon général? — спросилъ спросонья кто-то изъ сосѣдней комнаты.

— Mais non, je ne dis rien, — отвѣтилъ Жуберъ, — и уже про себя прочелъ послѣднія слова, которыя всегда особенно его волновали:

„Tum ille nihil territus, videbo, inquit...“*)

II.

Поручикъ Александеръ, близкій товарищъ Штааля, снисходительно говорилъ о немъ, что онъ въ общемъ славный малый. Но когда это отрицали, Александеръ не спорилъ и признавалъ, что его пріятель въ послѣднее время вправду сталъ портиться. Другіе сверстники Штааля считали его пустымъ человѣкомъ, а нѣкоторые говорили, что онъ очень себѣ на умѣ, да еще вдобавокъ фанфаронъ и хвастунишка. Штааль дѣйствительно чаще, чѣмъ нужно, упоминалъ въ разговорѣ имена тѣхъ извѣстныхъ людей, которыхъ ему приходилось видѣть въ жизни. Но онъ, по особенностямъ своей судьбы, въ самомъ дѣлѣ встрѣчалъ много извѣстныхъ людей и не лгалъ, упоминая объ этихъ встрѣчахъ: развѣ только чуть преувеличивалъ степень своего знакомства съ высокопоставленными людьми, — ему случалось наиримѣръ говорить: «Питтъ сказалъ мнѣ»,

*) Тогда безъ страха сказалъ Брутъ: „Я тебя увижу“.

вмѣсто «Питтъ сказалъ въ моемъ присутствіи», или «я слышала отъ графа Палена», хотъ графъ Палень произносилъ приводимыя имъ слова вовсе къ нему не обращаясь. Но такъ какъ сверстники Штаалъ не знали ни Палена, ни Питта, то ихъ такія замѣчанія раздражали. Штаалъ былъ бы пораженъ, еслибъ ему стало извѣстно, что онъ представляется своимъ товарищамъ приблизительно такимъ, какимъ ему представлялся Иванчукъ. Онъ самъ часто съ насмѣшкой говорилъ объ окружающихъ именно то, что въ его отсутствіи говорили о немъ. Это въ разговорахъ проходило какъ бы незамѣченнымъ, но послѣ ухода Штаалъ оставшіеся со смѣхомъ вспоминали, какъ онъ другихъ ругалъ карьеристами или хвастунами. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, составлявшихъ общество Штаалъ, — болѣе умные и нервныя, — при этомъ изрѣдка тревожно себя спрашивали, не могли ли и они сами какъ нибудь себя поставить въ такое же смѣшное положеніе. Но почти всегда отвѣчали себѣ отрицательно: о нихъ, конечно, за спиной говорили что угодно, только не это. Оптическій обманъ, дѣлающій возможной жизнь въ обществѣ, въ кругу молодыхъ людей сказывался особенно сильно, такъ какъ они всѣ были похожи другъ на друга. Несмотря на большія различія въ характерѣ, то общее, что давала имъ молодость и одинаковыя условія жизни, преобладало надъ остальнымъ.

Кромѣ частаго упоминанія о высокопоставленныхъ людяхъ, сверстники Штаалъ ставили ему въ вину еще то, что онъ въ послѣднее время сталъ очень хорошо устроиваться. Штаалъ дѣйствительно за Неаполитанскій походъ былъ представленъ къ наградѣ: и Белле, и Мишеру, и Руффо благосклонно къ нему относились. Онъ ничего особеннаго не дѣлалъ для того, чтобы заслужить ихъ расположеніе, но старался ничѣмъ себѣ не повредить въ ихъ

глазахъ. Благодаря своей красивой наружности, Штааль всегда выигрывалъ при первомъ знакомствѣ. Впрочемъ, въ наградѣ, къ которой онъ былъ представленъ, не было ничего необыкновеннаго. Послѣ окончанія Неаполитанскаго похода онъ получилъ назначеніе въ армію Суворова, дѣйствовавшую въ Сѣверной Италіи, и занялъ хорошую должность въ штабѣ генерала Розенберга. Должность эту онъ получилъ главнымъ образомъ благодаря своему знанію иностранныхъ языковъ. Онъ не только превосходно говорилъ по французски, но владѣлъ и нѣмецкимъ, и англійскимъ языками, а въ послѣднее время, за нѣсколько мѣсяцевъ, научился изъясняться по итальянски. Штааль любилъ иностранные языки и обладалъ присущею дѣтямъ, женщинамъ и неграмъ способностью легкаго звукового ихъ усвоенія, бѣглой иностранной рѣчи. Быстрые успѣхи въ итальянскомъ языкѣ его радовали. Онъ купилъ въ Неаполѣ «Божественную Комедію» и заставлялъ себя читать ее съ наслажденіемъ. Нѣкоторыя мѣста ему въ самомъ дѣлѣ нравились, именно тѣ, которыя извѣстны и нравятся всѣмъ: онъ зналъ наизусть „*Nel mezzo del cammin di nostra vita*“ и „*Lasciate ogni speranza voi ch'entrate*“.

Должность, которую Штааль получилъ въ штабѣ генерала Розенберга, была сама по себѣ не такая ужъ пріятная. Штааль не былъ ни адъютантомъ, ни ординарцемъ: онъ выполнялъ преимущественно порученія по приему и перевозкѣ плѣнныхъ и раненыхъ, а также по провіантской части. Награды шли по этой должности, какъ по строевой, такъ что потому, въ Россіи, никто ничего не могъ сказать. Штааль не считалъ себя и не былъ трусомъ. Но послѣ перваго же посѣщенія лазаретовъ, которое ему пришлось сдѣлать по обязанностямъ службы, онъ не слишкомъ рвался въ бой: сталъ дорожить своей не блестящей должностью, тѣмъ болѣе,

что она была связана съ разбѣдами, которые онъ любилъ. Ему правилось всякій день ночевать на новомъ мѣстѣ и видѣть новыхъ людей, хотя бы и не высокопоставленныхъ и не знаменитыхъ.

Онъ сожалѣлъ однако, что состоялъ при Розенбергѣ, а не при самомъ фельдмаршалѣ. Въ ставкѣ Суворова и должностей такихъ не было. Штааль пробовалъ перевестись въ штабъ главнокомандующаго и даже являлся для этого къ Фуксу, къ которому получилъ рекомендательное письмо. Фуксъ занималъ въ арміи странную должность. Официально онъ вѣдалъ реляціями и исторіей войны. Но втихомолку офицеры говорили, что Фуксъ приставленъ секретной полиціей для негласнаго наблюденія за Суворовымъ, по особому на то распоряженію императора Павла. Штааль явился къ Фуксу отчасти и по любопытству. Онъ иногда, особенно выпивши, увѣрялъ товарищей, что видитъ людей насквозь, и ему хотѣлось разгадать, дѣйствительно ли Фуксъ полицейскій шпионъ или это досужая сплетня. Но какъ онъ ни смотрѣлъ, и искося, и внезапно въ упоръ, на благообразную, важную фигуру Фукса, на котораго эти взгляды не произвели никакого впечатлѣнія, Штааль ничего не разгадалъ: можетъ быть, Фуксъ былъ шпионъ, а, можетъ быть, и не шпионъ. Штааль, впрочемъ, какъ и большинство молодыхъ офицеровъ склонялся къ мысли, что Фуксъ шпионъ: секретное полицейское наблюденіе надъ полководцемъ, передъ которымъ съ каждымъ днемъ все болѣе благоговѣла армія, очень отвѣчало и чувству таинственнаго, и потребности негодованія, сильной въ молодыхъ людяхъ. Никакой пользы отъ посѣщенія Штааль не получилъ. Фуксъ отпустилъ его послѣ непродолжительнаго разговора, посовѣтовавъ служить хорошо и вести себя достойно. Не сказалъ даже, что будетъ имѣть его въ виду, хотя эта обычная формула не могла ничего ему стоить.

Въ союзной арміи, вскорѣ послѣ зачисленія Штаала въ штабъ генерала Розенберга, начались приготовленія къ рѣшительному сраженію съ французами. Штааль рассчитывалъ принять участіе въ этомъ сраженіи. Но наканунѣ того дня, въ какой Суворовъ предполагалъ дать битву, Штааль получилъ отъ генерала Розенберга предписаніе отправиться въ тылъ по дѣлу, касавшемуся доставки раненныхъ и плѣнныхъ: сраженіе должно было быть очень кровопролитнымъ. Хотя онъ и не рвался больше въ бой, предписаніе это его огорчило: нельзя было не участвовать въ самомъ важномъ изъ сраженій, въ которыхъ Суворовъ покрывалъ славою себя и союзную армію. Одного неаполитанскаго похода для пріобрѣтенія опыта и воинской славы казалось Штаалу недостаточнымъ. А онъ все еще хотѣлъ пріобрѣсти и опытъ, и славу: именно поэтому онъ и берегъ свою жизнь. «Глупо было бы рисковать жизнью въ чинѣ поручика. Убьютъ, никто и не замѣтитъ. Потомъ, на командномъ посту, разумѣется, будетъ другое дѣло. Тамъ и погибнуть не жалко. Или нѣтъ, жалко. — да все другое дѣло», — думалъ онъ. Товарищи Штаала иролически говорили, что онъ и на этотъ разъ устроилъ себѣ безопасное порученіе какъ разъ наканунѣ боя, гдѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна была погибнуть четверть или даже треть арміи. «Молодецъ мальчикъ, ловко карьеръ дѣлаетъ», — говорили недоброжелатели Штаала — и этимъ свидѣтельствовали, что не имѣютъ житейскаго опыта: настоящіе карьеристы устраивали свои дѣла гораздо лучше и при томъ такъ, что ихъ никто не ругалъ карьеристами.

Одно изъ ироническихъ замѣчаній товарищей дошло до Штаала и крайне его возмутило. Онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что у всякаго настоящаго человека, не слякоти и не мелкоты, есть и должны быть враги. Но существованіе враговъ не доставляло

ему удовольствія, а напротивъ было очень непріятно, — это свидѣтельствовало о томъ, что онъ былъ не настоящій человѣкъ. Штааль думалъ, какъ посрамить своихъ недоброжелателей, и остановился на первомъ побужденіи: отправился къ генералу Розенбергу съ тѣмъ, чтобы просить его поручить поѣздку въ тылъ кому либо другому. Объ этомъ своемъ намѣреніи онъ съ видомъ мрачнымъ и рѣшительнымъ объявилъ товарищамъ. Но они отнеслись къ его словамъ равнодушно: гораздо меньше интересовались и судьбой, и характеромъ Штааля, чѣмъ онъ предплагалъ. По дорогѣ Штааль угрюмо думалъ, что надо разъ навсегда плюнуть на то, что скажутъ люди.

Когда онъ подъѣхалъ къ помѣщенію штаба корпуса, генераль Розенбергъ какъ разъ собирался уѣзжать въ Фрессонару на совѣщаніе съ австрійскимъ генераломъ Краемъ. Штааль не успѣлъ высказать свою просьбу, — генераль самъ приказалъ ему отложить дѣло о раненыхъ и ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. По словамъ Розенберга, вопросъ о сраженіи еще не былъ окончательно рѣшенъ. Розенбергъ рассчитывалъ все узнать отъ Края и потому взялъ съ собой Штааля: въ случаѣ, если сраженіе должно было состояться, дѣло перевозки раненыхъ и плѣнныхъ становилось особенно спѣшнымъ. Генераль былъ настроенъ хмуро, и Штааль не считъ возможнымъ высказать свою просьбу. Ему было однако досадно, что онъ до отѣны данного ему порученія не успѣлъ сказать Розенбергу о своемъ непремѣнномъ желаніи участвовать въ рѣшительномъ сраженіи.

Восьмитысячный корпусъ генерала Розенберга стоялъ у Вигицоло въ глубокомъ тылу союзной арміи. Весь день 14-го августа Розенбергъ ждалъ распоряженій къ ожидавшемуся рѣшительному бою.

Часовъ около четырехъ дня онъ получилъ приказъ, по которому его корпусъ долженъ былъ оставаться на прежнемъ мѣстѣ для прикрытія крѣпости Тортонъ. Приказъ этотъ разстроилъ и оскорбилъ генерала Розенберга. Тортонскій замокъ былъ обложенъ осаднымъ австрійскимъ корпусомъ, никакая опасность оттуда не грозила и прорыва непріятеля къ Тортонѣ ждать было неоткуда. Приписавъ это распоряженіе, въ сущности устранявшее его отъ всякаго участія въ бою, интригамъ русской партіи, Розенбергъ хотѣлъ было съѣздить въ Поццоло-Формигаро къ самому Суворову. Но затѣмъ, подумавъ о личномъ нерасположеніи къ нему фельдмаршала, онъ рѣшилъ повидать австрійцевъ и въ первую очередь генерала Края, на долю котораго завтра должна была выпасть самая значительная роль. Въ сопровожденіи Штаала и казака онъ въ самый разгаръ жары отправился верхомъ въ Фрессонару, гдѣ, по его свѣдѣніямъ, находилась квартира генерала Края.

Тѣхъ было далеко и только подъ вечеръ, перебравшись вбродъ черезъ Скривію, Розенбергъ прибылъ въ Фрессонару. Войска генерала Края, закончивъ притотовленіе къ ночному переходу и къ предстоящей на утро атакѣ, послѣ обѣда легли спать, расположившись вповалку на нескошенныхъ поляхъ. Казакъ, сопровождавшій Розенберга, съ жалостью смотрѣлъ на погибающій хлѣбъ. Такое же чувство испытывалъ и помѣщикъ-генераль. Только безземельный городской житель Штааль почти не обратилъ на это вниманія.

Розенбергъ разбудилъ одного изъ солдатъ, спавшаго у самой дороги, и спросилъ по нѣмецки, гдѣ остановился штабъ. Но солдатъ, повидимому венгерецъ или чехъ, спросонья не понялъ вопроса и изумленно-растерянно смотрѣлъ на подъѣхавшее чужое начальство. Генераль сердито его выругалъ,

оглядываясь на Штааля, который почему-то принялъ виноватый видъ. Штааль, всегда чувствовавший себя неловко въ обществѣ неразговорчиваго Розенберга, тотчасъ воспользовался случаемъ: прищипоривъ коня, онъ выѣхалъ впередъ узнать дорогу. Минуты черезъ двѣ ему попался пожилой мрачнаго вида австрійскій лейтенантъ, сидѣвшій безъ дѣла на пнѣ у края дороги. Штааль небрежно отдалъ честь и спросилъ, гдѣ находится Край.

— Его превосходительство, генераль-фельдцейхмейстеръ баронъ Край фонъ Крайова находится у себя въ палаткѣ, — отвѣтилъ мрачно австріецъ, съ достоинствомъ подчеркивая полный титулъ своего начальника: его, повидимому, раздражила молодость Штааля. Однако, увидѣвъ подѣзжавшаго стараго русскаго генерала, австріецъ сталъ любезнѣе, самъ вызвался проводить гостей и пошелъ рядомъ съ лошадью Розенберга, невольно стараясь идти съ ней въ ногу и шагая ускоренно-неловко, какъ ходятъ пѣшіе рядомъ со всадникомъ. Всѣ молчали, видимо тяготясь молчаніемъ. Австрійскій лейтенантъ не считъ возможнымъ навязывать разговоръ генералу; а угрюмый Розенбергъ не зналъ, о чемъ заговорить. Стало совсѣмъ темно.

— Почему же баронъ Край остановился въ палаткѣ, когда здѣсь столько домовъ? — выдумалъ, наконецъ, Штааль совершенно не интересовавшій его вопросъ.

Онъ сказалъ «баронъ Край», чтобы загладить свою начальную неучтивость, но не сказалъ «Его Превосходительство баронъ Край фонъ Крайова», чтобы не дать полнаго удовлетворенія австрійцу.

— Его Превосходительство не довѣряетъ итальянской чистотѣ, предпочитаетъ палатку и свою походную постель, — отвѣтилъ лейтенантъ, угрюмо улыбаясь не Штаалю, а генералу.

За поворотомъ дороги онъ указаль вдали квартиру генерала фельдцейхмейстера, отдалъ честь Розенбергу и скрылся въ темнотѣ, не посмотрѣвъ на Штааля.

Огромная палатка Края, удлиненная *tente-marquise*, была расположена на опушкѣ маленькой рощи. Изъ палатки лился уютный свѣтъ; слышались громкіе оживленные голоса. Сойдя съ коня и отдавъ поводья казаку, Розенбергъ подошелъ къ палаткѣ, по привычкѣ постучалъ въ деревянную раму отдернутого полога, кашлянулъ (хотя ни стука, ни кашля очевидно никто не могъ услышать) и разсердившись на себя за нерѣшительность, шагнулъ въ полосу свѣта. Гулъ голосовъ почти мгновенно замолкъ и на встрѣчу гостямъ стали подниматься австрійскіе офицеры.

Убранство невысокой узкой палатки было странное. Во всю ея длину стояли плотно прижатые другъ къ другу табуреты, ящики, боченки не совсѣмъ одинаковой вышины, накрытые дорогами, залитыми виномъ, скатертями. Вдоль этого обѣденнаго стола были разставлены скамейки, тоже самаго разнаго вида, длины и формы. Середину стола составлялъ боченокъ повыше другихъ; передъ нимъ стояла самая лучшая скамейка, зеленая, изъ параллельныхъ брусевъ съ изогнутой спинкой, вродѣ тѣхъ, какія бывають въ городскихъ паркахъ. Эту скамейку занималъ хозяинъ, генераль Край, и наиболѣе почетные гости. На другихъ скамейкахъ, со спинками и безъ спинокъ, сидѣли офицеры всѣхъ чиновъ и возрастовъ. Ужины уже кончались. Штааль невольнo повеселѣлъ, окидывая взоромъ столъ, и еще разъ подивился тому, какъ умѣють жить австрійцы (это во все время похода было предметомъ удивленія русскихъ офицеровъ, хоть и изъ нихъ многіе устраивались удобно: нѣкоторые офицеры привезли съ собою — изъ Россіи въ Италію

— своры борзыхъ собакъ). Боченки, табуреты и ящики были уставлены всѣмъ тѣмъ, что можно было бы найти въ лучшихъ ресторанахъ Вѣны или Петербурга.

Генераль-фельдцейхмейстеръ Край, раскраснѣвшійся, благодушнаго вида старикъ съ командорскимъ крестомъ Маріи-Терезіи на груди, поспѣшно подошелъ, вытирая усы, къ Розенбергу и долго, съ особымъ чувствомъ, пожималъ ему руку. Розенберга не очень любили и въ австрійской арміи, но цѣнили и уважали преимущественно, какъ главу нѣмецкой партіи въ русскомъ штабѣ. Онъ самъ, однако, ссорился съ австрійцами (особенно съ Меласомъ) и въ разговорѣ съ ними часто подчеркивалъ, что онъ не нѣмецъ, а русскій, и притомъ столбовой дворянинъ шестой книги (австрійцы этого, впрочемъ, не понимали и предполагали, что шестая книга, вѣроятно, много хуже первыхъ пяти). Тѣмъ не менѣе учтивость и привѣтливость генерала Край были пріятны Розенбергу послѣ тѣхъ обидъ, которымъ онъ подвергался со стороны своихъ.

Австрійцы тотчасъ обступили гостей, поздравляя съ предстоящимъ рѣшительнымъ сраженіемъ. Въ первую минуту Штааль почувствовалъ, что они какъ будто помѣшали и что безъ нихъ было бы веселѣе. Но это ощущеніе тотчасъ у него исчезло, — такъ любезны были австрійцы.

Генераль Край подвелъ Розенберга къ зеленой скамейкѣ и усадилъ его между собой и очень изящнымъ генераломъ въ драгунскомъ мундирѣ. Это былъ извѣстный графъ Бельгардъ, восходящее или даже возшедшее свѣтило австрійской арміи. Одну минуту Край колебался, — сразу ли предложить гостю поужинать или сначала заняться дѣлами. Голодный Розенбергъ, невольно бросая быстрые взгляды на столъ, принялся излагать вполголоса свои соображенія относительно завтрашняго дня и

Суворовскаго плана. Край съ озабоченнымъ видомъ сочувственно кивалъ головой, но по его красному отъ вина лицу и весело блестящимъ глазамъ было видно, что слѣдилъ онъ за соображеніями русскаго генерала плохо. Зато Бельгардъ, хоть выпилъ очень много, слушалъ внимательно, не спуская съ гостя умныхъ проницательныхъ глазъ. По немногимъ краткимъ вопросамъ, которые онъ вѣжливо задалъ, Розенбергъ сразу почувствовалъ, что Бельгардъ угадалъ скрытую цѣль его визита и что онъ ей радъ. Остальные офицеры, замѣчая, что на зеленой скамейкѣ происходитъ какъ бы подобіе военного совѣта, сдѣлали видъ, будто отодвигаются и не слушаютъ. На самомъ дѣлѣ при тѣснотѣ въ палаткѣ это было невозможно, даже еслибъ они дѣйствительно хотѣли не слушать того, отъ чего зависѣла судьба каждаго изъ нихъ. Генералы говорили такъ вполголоса минутъ пять, все больше чувствуя, что это только предварительный разговоръ и что вопросы, поднятые Розенбергомъ, надо обсудить подробнѣе и рѣшительнѣе. Бесѣду ихъ прервалъ австрійскій офицеръ огромнаго роста, появившійся за ихъ спинами. Онъ ничего не говорилъ и, улыбаясь, спокойно стоялъ у нихъ за плечами. Розенбергъ оглянулся. Офицеръ, отъ котораго пахло не виннымъ перегаромъ, а душистымъ виномъ съ усовъ, протянулъ гостю бокалъ; въ правой рукѣ онъ держалъ запыленную бутылку.

— Полковникъ князь Бретценштейнъ, — представилъ Край, укоризненно глядя на офицера.

Бретценштейнъ опустилъ подбородокъ къ самой груди, звякнулъ шпорами и, еще ближе пододвинувъ бокалъ къ Розенбергу, сказалъ совершенно тѣмъ-же тономъ, что Край:

— *Mezés-Malé 1768.*

Онъ назвалъ знаменитую марку токайскаго вина такъ, какъ въ обществѣ называютъ при представле-

нии всѣмъ извѣстнаго человѣка, знакомство съ которымъ составляетъ очевидную честь и удовольствіе. Это было его собственное вино. Розенбергъ, знавшій въ винѣ толкъ, озабоченно глотнулъ, допилъ до дна, и, ничего не говоря, протянулъ снова бокалъ подъ горло бутылки. Князь Бретценштейнъ оцѣнилъ отвѣтъ и, улыбувшись еще радостнѣе, налилъ вина гостю.

— Вы, можетъ быть, сначала поужинаете, дорогой генераль? — любезно спросилъ Край Розенберга, легко накрывая рукой рукавъ его мундира (этотъ жестъ означалъ, что онъ только на мгновеніе отвлекается вниманіе генерала отъ его важнаго дѣла).

— Благодарю... Я собственно еще почти ничего сегодня не ѣлъ, — сказалъ какъ бы оправдываясь Розенбергъ.

Послышались возгласы изумленія и протеста. Всѣ австрійцы почувствовали себя хозяевами — и съ разныхъ сторонъ къ Розенбергу стали двигаться всевозможныя блюда, то соскакивая съ боченка на табуретъ, то поднимаясь съ табурета на патронный ящикъ. Розенбергъ жадно ѣлъ закуски, холодный супъ, пирогъ, рыбу подъ соусомъ maionnaise (который тогда еще не назывался maionnaise), индѣйку, запивалъ токайскимъ и шампанскимъ, и думалъ, что съ вѣнскихъ обѣдовъ у императора не видалъ такого стола. Гостепріимство и благодушное веселье подѣйствовали и на него. Рядомъ съ нимъ ужиналъ посаженный безъ чиновъ Штааль. Почти одновременно нѣсколько офицеровъ вспомнили о голодномъ казакѣ, который за пологомъ палатки водилъ ржавшихъ лошадей. Князь Бретценштейнъ положилъ на тарелку огромный кусокъ пирога, чуть не половину индѣйки, взялъ со стола бутылку и, сгибая свою огромную фигуру, вышелъ изъ палатки. Онъ подозвалъ казака по нѣмецки, добавляя паудачу для ясности всѣ извѣстныя ему польскія и русскія

скія слова. Для князя Бретценштейна нѣмецкій языкъ былъ свой семейный, французскій — языкъ порядочныхъ людей вообще, а польская, русинская, чешская рѣчь безразлично — языкъ черни. Казакъ, впрочемъ, понялъ нѣмца и жадно опорожнилъ бутылку. Бретценштейнъ смотрѣлъ на него съ жалостью, смѣшанной съ уваженіемъ къ человѣку, который не знаетъ, правда, какъ нужно пить вино, но можетъ однимъ духомъ, не пошатнувшись, выпить бутылку Mezés-Male 1768.

Вдали показался факель и послышался топотъ лошадей. Изъ палатки выглянули еще офицеры. Черезъ минуту подѣхалъ экипажъ и нѣсколько верховыхъ. Это прибылъ для совѣщанія съ Краемъ генералъ Меласъ, старшій изъ австрійскихъ генераловъ, второе лицо въ арміи послѣ Суворова. Съ нимъ былъ русскій генералъ Дерфельденъ и нѣсколько офицеровъ связи. Край, оцѣнившій любезность Меласа, который прибылъ къ нему на совѣщаніе, несмотря на старшинство въ чинѣ и должности, быстро вышелъ изъ палатки и рапортовалъ пріѣхавшему гостю. Меласъ, дряхлый старикъ, усталю улыбаясь, прервалъ жестомъ ненужный рапортъ и старческой походкой вошелъ въ палатку. Всѣ офицеры стояли у стола на вытяжку. Ихъ оффиціальная поза такъ явно шла въ разрѣзъ съ общей картиной палатки, что Меласъ, чуть усмѣхнувшись, поспѣшилъ въ самой благодушной формѣ пригласить ихъ продолжать ужинъ. Это было немедленно съ готовностью исполнено. Хотя палатка была полна, для всѣхъ вошедшихъ нашлось мѣсто у стола. Дерфельденъ холодно поздоровался съ Розенбергомъ. Бретценштейнъ, очевидно выполнявшій при Краѣ обязанности хозяина, на мгновеніе вышелъ изъ палатки и кого-то кликнулъ, послѣ чего вина и закуски появились на столѣ въ новыхъ количествахъ; запасъ ихъ былъ здѣсь очевидно неистощимъ. Вновь

прибывшіе гости не заставляли себя просить. Только Меласъ, улыбаясь, отстранилъ мягкимъ жестомъ Бретценштейна, вновь подошедшаго съ бутылкой къ зеленой скамьѣ. Бретценштейнъ съ сожалѣніемъ поглядѣлъ на старика и совершенно такъ же радушно сталъ потчевать прибывшихъ съ нимъ молодыхъ офицеровъ.

У Штаала съ первой минуты разбѣжались глаза. При входѣ въ палатку онъ невольно отнесъ къ себѣ часть почета, оказаннаго Розенбергу. Этотъ почетъ и общее расположеніе, блестящая своеобразная картина палатки съ ея страннымъ столомъ, заставленнымъ бутылками, настроеніе пира передъ боемъ, присутствіе важнѣйшихъ (послѣ фельдмаршала) лицъ команднаго состава (нѣкоторыхъ онъ зналъ въ лицо, кое-кого угадалъ, другихъ ему назвали), все это вмѣстѣ составило одно изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній его жизни. Онъ залпомъ осушилъ бокалъ, который ему, сейчасъ вслѣдъ за Розенбергомъ и совершенно такъ же, какъ Розенбергу, подалъ блестящій австрійскій офицеръ, при этомъ представившійся и назвавшій столь звучное имя, что даже неловко было отвѣтить, пожимая руку, просто von Stahl (о томъ, чтобы сказать Stahl, разумѣется, не могло быть и рѣчи). Отъ необыкновеннаго вина и ужина ему стало чрезвычайно весело. Онъ сразу отвергъ и призналъ несправедливыми жалобы и нареканія на австрійцевъ, начавшіяся съ начала похода. Австрійцы были очень милые люди и прекрасные солдаты. Штааль не думалъ, что воевать такъ весело. Мрачный неаполитанскій походъ не былъ настоящей войною — и тамъ ничего такого не было. Поэзія войны захватила Штаала. Для полноты его счастья не хватало только присутствія Суворова. Да еще онъ боялся, что если начнется настоящій военный совѣтъ, его попросятъ уйти: надобности въ немъ, какъ въ переводчикѣ, очевидно быть

не могло, — всѣ генералы говорили по французски. «Отчего же все таки меня гнать?» — спрашивалъ онъ себя, — «что-жъ, я французамъ пойду выдавать ихъ планы? Или я не могу, какъ другой, держать языкъ за зубами? Во всякомъ случаѣ, если попросить уйти, то не одного же меня. Вотъ и этого попросить, блондина, онъ чиномъ меня не старше, и тѣхъ, что въ углу. Стыднаго никакъ ничего не будетъ, не генералъ же я въ самомъ дѣлѣ и не могу требовать», — утѣшалъ онъ себя заранѣе. — «Хорошо ужъ — и еще какъ хорошо! — что до засѣданія здѣсь побывалъ».

Но удалять его никто не собирался. Настоящаго военнаго совѣта въ отсутствіи Суворова, естественно, быть не могло. Тѣмъ не менѣе Меласъ предполагалъ имѣть серьезный разговоръ. Не желая тревожить молодежь (въ это понятіе у него входили люди сорока и даже пятидесяти лѣтъ), онъ нѣкоторое время добродушно участвовалъ въ общей застольной бесѣдѣ. Затѣмъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ Краемъ, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ, Розенбергомъ, Бельгардомъ и Дерфельденомъ, стараясь, чтобы уходя ихъ остался незамѣченнымъ. Это, разумѣется, не удалось. Всѣ переглянулись. Настала тишина: люди, державшіе въ рукахъ общую судьбу, уходили. Только черезъ нѣсколько минутъ оживленіе въ палаткѣ стало такое же, какъ прежде.

Выйдя изъ палатки, генералы медленно стали ходить взадъ и впередъ по рощѣ, принаравливаясь къ старческой усталой походкѣ Меласа, который неторопливо и негромко излагалъ свои соображенія. Онъ былъ такъ же, какъ Розенбергъ, недоволенъ планомъ завтрашняго сраженія. Вѣрнѣе, онъ находилъ, что настоящаго плана вовсе не было. Фельдмаршалъ далъ только нѣсколько распоряженій общаго характера. Многое оставалось неяснымъ. Почти все должно было сдѣлать Суворовъ и Край. Пятнадцатитысяч-

ный корпусъ, которымъ командовалъ Меласъ, оставленъ безъ причины въ резервъ, верстахъ въ семи отъ Поццоло-Формигаро. Непонятна была и роль, отведенная испытаннымъ дарованіямъ генерала (Меласъ учтиво наклонилъ голову въ сторону Розенберга). Вообще вызываетъ сомнѣнія основная идея сраженія: разновременная атака сводитъ почти къ нулю преимущества численнаго превосходства союзниковъ.

Розенбергъ, скрывая торжество, слушалъ критическія замѣчанія Меласа. Онъ былъ съ ними совершенно согласенъ; но передъ австрійцами, да еще въ присутствіи Дерфельдена, одного изъ главарей русской партіи, не хотѣлъ осуждать распоряженія фельдмаршала. Бельгардъ съ легкой усмѣшкой переводилъ глаза отъ одного генерала къ другому и быстро опредѣлялъ тайныя мысли и пожеланія каждаго: Розенбергъ мѣтитъ на должность Суворова. Дерфельденъ стремится занять мѣсто Розенберга. Край хотѣлъ бы, чтобъ его оставили въ покоѣ и дали ему возможность вернуться въ палатку и тамъ въ обществѣ молодежи пить токайское вино и разговаривать о женщинахъ. Меласъ больше ничего въ жизни не желаетъ, но уменьшаетъ свою личную отвѣтственность на случай потери сраженія.

Дерфельденъ, разсердившись, остановился, какъ бы показывая, что онъ не обязанъ гулять по рошѣ только потому, что это угодно австрійцамъ, и принялся горячо возражать Меласу. Фельдмаршалъ не любитъ посвящать другихъ въ свои планы, однако, онъ, конечно, знаетъ, что дѣлаетъ. На первый взглядъ, правда, какъ будто трудно понять назначеніе силъ Меласа и Розенберга, но, вѣроятно, фельдмаршалъ намѣренъ ввести ихъ въ дѣло нѣсколько позже, въ разгаръ сраженія. Дерфельденъ собственно не приводилъ никакихъ доводовъ. Сущность его возраженій сводилась къ тому, что, если Суворовъ

что-либо дѣлаетъ, значить такъ и нужно. Розенбергъ и Край молчали. Бельгардъ старательно раздиралъ по швамъ сорванный съ дерева листъ. Меласъ слушалъ съ учивой улыбкой на своемъ безкровномъ лицѣ. При видѣ этой улыбки, горячность Дерфельдена слабѣла.

— Во всякомъ случаѣ передъ Жуберомъ открываются значительные шансы. — сказалъ, пожавъ плечами, Меласъ, когда Дерфельденъ замолчалъ.

Дерфельденъ изумленно посмотрѣлъ на австрійскаго генерала: онъ не понималъ, какія могли быть сомнѣнія въ побѣдѣ, если войсками командуетъ Суворовъ. Эту давно ему знакомую увѣренность громаднаго большинства русскихъ въ непобѣдимость Суворова Меласъ тотчасъ прочелъ на лицѣ Дерфельдена и съ насмѣшкой развелъ руками. Въ сущности, цѣль его была достигнута, по крайней мѣрѣ, отчасти: въ присутствіи четырехъ свидѣтелей онъ высказалъ сомнѣнія и сложилъ съ себя отвѣтственность за исходъ битвы. Честолюбіе болѣе не мучило барона Меласа. Онъ уже давно относился почти равнодушно къ спорамъ, интригамъ, волненіямъ молодыхъ генераловъ и даже къ самой войнѣ. По существу онъ хотѣлъ лишь одного — закончить карьеру, не осрамивъ своего имени. Но, какъ честный солдатъ, Меласъ все-таки не удовлетворился уменьшеніемъ своей личной отвѣтственности и потребовалъ, чтобы кто-либо изъ генераловъ съѣздилъ немедленно къ Суворову и передалъ ему доводы противъ плана сраженія.

Дерфельденъ развелъ руками.

— Лучше всего вамъ же и съѣздить, баронъ, — горячо сказалъ Розенбергъ. Не выступая открыто противъ Суворова, онъ хотѣлъ искупить свое молчаніе и косвенно подчеркивалъ согласіе съ доводами Меласа, рѣшительно отстаивая необходимость его поѣздки къ главнокомандующему.

Меласъ отказался: его войска стояли въ семи верстахъ отсюда; онъ долженъ вернуться къ нимъ немедленно.

— Тогда, можетъ быть, съѣздите вы? — холодно спросилъ Розенберга Дерфельденъ, подчеркивая, что считаетъ его, несмотря на его молчаніе, сторонникомъ австрійскихъ взглядовъ и не прощаетъ ему этого.

— Покорнѣйше благодарю, Вилимъ Христофоровичъ, — иронически отвѣтилъ Розенбергъ по русски, для того чтобы назвать не русское имя-отчество Дерфельдена.

Поѣздка Розенберга не улыбалась не только ему самому, но и Меласу, который хотѣлъ, чтобы критика плана сраженія исходила всецѣло отъ австрійскаго командованія. На мгновеніе его взглядъ встрѣтился съ безпокойнымъ взглядомъ Края. Баронъ Меласъ чуть улыбнулся, сжимая безкровныя губы.

— Вамъ, генераль, — сказалъ онъ, обращаясь къ Краю, — очевидно будетъ неудобно высказывать доводы противъ диспозиціи, которая отводитъ вамъ столь же почетную, сколь отвѣтственную и опасную роль... По моему, лучше всего было бы поѣхать графу?

Всѣ облегченно вздохнули.

— Ну что-жъ, я не отказываюсь, если таково общее желаніе, — произнесъ съ усмѣшкой графъ Бельгардъ.

— Общее желаніе, — произнесъ Меласъ, подтверждая отвѣтной усмѣшкой скрытыя мысли Бельгарда.

На этомъ совѣщаніе генераловъ кончилось. Любезно разговаривая другъ съ другомъ о здоровьи, о томъ, какъ каждый намѣренъ провести остающіеся часы ночи, они пошли обратно въ палатку.

Розенбергъ разыскалъ Штааля и велѣлъ ему ѣхать съ графомъ Бельгардомъ въ ставку фельд-

маршала. Тамъ, послѣ своего разговора съ Суворовымъ, австрійскій генераль долженъ былъ сказать Штаалу, остается ли въ силѣ данное ему порученіе.

III.

Суворовъ почти не спалъ въ эту ночь.

Весь день онъ, какъ и Жуберъ, не сходилъ съ коня, объѣзжая полки. Но въ отличіе отъ французскаго главнокомандующаго, старый фельдмаршалъ нигдѣ не произносилъ рѣчей, хотя тоже оставался передъ каждымъ полкомъ, созывалъ солдатъ и разговаривалъ съ ними. Говорилъ онъ большей частью о предметахъ, не имѣвшихъ отношенія къ войнѣ, и почти всякій разъ выкидывалъ какую-нибудь странную штуку или бормоталъ непонятныя слова. Суворовъ зналъ, что войска считаютъ его колдуномъ, и поддерживалъ эту свою репутацію. Солдаты были убѣждены, что его не беретъ пуля, — едва ли не для укрѣпленія въ нихъ этой вѣры онъ, безъ крайней необходимости подвергая опасности свою жизнь, выѣхалъ на виду у обѣихъ армій далеко за передовые посты въ поле. По тому, какъ льнулъ къ нему подъ огнемъ сопровождавшій его казакъ, по тому, какъ на него смотрѣли потомъ молодые новобранцы. Суворовъ видѣлъ, что его цѣль достигнута.

Десять часовъ, проведенные на сѣдлѣ, утомили старика. Лицо его стало еще блѣднѣе обычнаго. выходящая прядь волосъ прилипла къ срединѣ високаго лба, жилы на вискахъ слились съ складками кожи, и тяжело обозначились морщины у носа, на губахъ и у подбородка. Последняя остановка фельдмаршала была уже почти у самой деревни Поццоло-Формигаро, гдѣ снѣ собирался провести ночь. Здѣсь

стоялъ одинъ изъ его любимыхъ полковъ. Онъ зналъ въ немъ въ лицо многихъ старыхъ солдатъ и, щеголяя своей памятью, вызывалъ ихъ по именамъ, дружелюбно разговаривалъ со стариками, вспоминая прошлое каждаго, — почти у всѣхъ у нихъ было впрочемъ одинаковое прошлое. Спрашивалъ, изъ какой кто деревни, — нѣкоторые послѣ двадцати пяти лѣтъ съ трудомъ вспоминали. У болѣе молодыхъ освѣдомлялся, есть ли баба, — онъ зналъ, что стариковъ лучше объ этомъ не спрашивать. Кое-кому давалъ по кронталеру, другихъ потчевалъ водкой изъ своей фляжки. Сопровождавшій Суворова подполковникъ Кушниковъ тоже иногда вступалъ въ бесѣду, но съ нимъ солдаты говорили безъ интереса и неохотно. У одного изъ стариковъ Кушниковъ, подражая фельдмаршалу, отрывисто спросилъ: «Вотъ что, братецъ, скажи-ка ты намъ, старина, за что мы воюемъ?» Суворовъ сдѣлалъ гримасу: этотъ вопросъ, по его мнѣнію, совершенно не касался ни солдатъ, ни даже самого Кушникова. Услышавъ отвѣтъ, что воюемъ за вѣру, царя и отечество, фельдмаршалъ одобрительно кивнулъ головой солдату и еще разъ сердито посмотрѣлъ на подполковника, который больше не вмѣшивался въ разговоръ.

Около пяти часовъ, объѣхавъ всѣ полки, Суворовъ соскочилъ съ коня (это движеніе, къ которому онъ готовился подѣвжая, стоило ему едва ли не большаго усилія, чѣмъ часы, проведенные на сѣдлѣ) и затѣмъ еще часа три принималъ донесенія изъ разныхъ частей, отдавалъ устные приказанія и диктовалъ письменныя. У него въ избѣ перебивало человекъ двадцать высшихъ офицеровъ. Никто не оставался больше десяти минутъ, — въ быстрой переменѣ лицъ и предметовъ разговора старый фельдмаршалъ видѣлъ единственное спасеніе отъ усталости, которую онъ тщательно ото всѣхъ скрывалъ. Онъ былъ доволенъ собою, — чувствовалъ, что удалось

главное: въ арміи создалось напряженіе кипучей дѣятельности и готовность къ величайшему усилію. Въ самомъ дѣлѣ русскіе офицеры, выходя изъ его избы, искренно восторгались дивнымъ (такъ называли Суворова), а австрійцы, пожимая плечами, говорили другъ другу: „Der Mann ist doch merkwürdig“.

Безъ почтенія относился къ фельдмаршалу только его престарѣлый денщикъ. Швыряя сердито тарелками (онъ не одобрялъ всю эту войну и желалъ ей скорѣйшаго конца), Прохоръ Дубасовъ быстро подаль ужинъ, тутъ же, стоя, самъ поужиналъ съ бариномъ, ругая послѣдними словами кривого повара Мишку, далъ фельдмаршалу стаканъ водки, самъ выпилъ два, опуская въ нихъ куски хлѣба, потомъ гнѣвно замѣтилъ, что пора спать, хотя еще было довольно свѣтло. Въ углу избы лежала куча свѣжаго сѣна. Суворовъ утомленно раздѣлся (передъ Прохоромъ онъ не скрывалъ усталости, какъ вообще не имѣлъ отъ него секретовъ) и легъ накрывшись одѣяломъ съ головою. Денщикъ вышелъ погулять немного навеселѣ. Какой-то австрійскій генералъ хотѣлъ было войти къ главнокомандующему, но Прохоръ загородилъ ему дорогу и сердито его спровадилъ, повторяя: «Чего лѣзете? Сказано, спать»... Генералъ не настаивалъ. Засыпая, фельдмаршалъ еще слышалъ этотъ разговоръ за дверьми избы, но австріецъ, очевидно, не имѣлъ важнаго дѣла, и физическая усталость старика была такъ велика, что онъ не вмѣшался въ распоряженія Прохора. Денщикъ скоро вернулся въ избу, легъ и тотчасъ захрапѣлъ на лавкѣ около входа.

Суворовъ спалъ всего часа два. Около одиннадцати онъ внезапно проснулся съ лицомъ, перекосившимся отъ ужаса. Дрожащими руками засвѣтилъ свѣчу и взглянулъ на часы. Онъ видѣлъ ясно циферблатъ и стрѣлки, но не могъ понять, который

часъ. Только минуты черезъ двѣ онъ успокоился, сердце перестало стучать. Еще оставалось много времени до начала сраженія.

Онъ зналъ, что больше не заснетъ, но и не чувствовалъ потребности во снѣ: запаса его душевной бодрости должно было хватить на тѣ ужасные двадцать съ лишнимъ часовъ, которые ему предстояли. Противъ своего обыкновенія онъ еще полежалъ, давая отдыхъ разбитому израненному тѣлу. Соображалъ, не упущено ли что-либо важное. Общія распоряженія всѣ были отданы, а другія можно было отдавать только въ процессѣ боя.

Пролежавъ съ полчаса при свѣчѣ, онъ забылъ, который часъ, снова взглянуть на часы и поднялся съ сѣна. Требовалось заполнить еще часа четыре до разсвѣта, не растерявъ скопленнаго страшнаго волевого заряда, и заполнить ихъ Суворову было не такъ легко, несмотря на его почти шестидесятилѣтнюю привычку къ войнѣ.

Фельдмаршалъ зналъ, что ничего не дѣлать больше нельзя: на него нашла бы та нестерпимая тоска, которую онъ нерѣдко испытывалъ и которой больше всего боялся въ день сраженія. Въ одной рубашкѣ, босой, онъ выбѣжалъ изъ избы. Часовой вытянулся смирно, съ ужасомъ глядя на старика. Вдали горѣли рѣдкіе огни Нови. Со стороны непріятельскаго лагеря ничего не было слышно. Убѣдившись, что французы оставались на своихъ позиціяхъ, Суворовъ вернулся въ избу и повеселѣлъ, сядя за узкій, шатающійся на лѣвой ножкѣ, столъ. Жуберъ принималъ рѣшительное сраженіе. Смѣлость молодого противника нравилась старику и онъ думалъ, что изъ Жубера выйдетъ со временемъ хорошій генералъ. Думалъ онъ это съ симпатіей, какъ еслибъ дѣло шло объ одномъ изъ его любимцевъ, напримѣръ о князѣ Багратіонѣ (онъ очень любилъ Багратіона, съ легкой долей той благодушной

насмѣшки, съ какой русскіе люди неизмѣнно относятся къ кавказцамъ; его вдобавокъ забавляло, что грузинъ Багратіонъ, нѣмецъ Дерфельденъ и сербъ Милорадовичъ были главарями русской партіи штаба). Теперь же Жуберъ, какъ и Бонапартъ, какъ они всѣ, былъ, разумѣется, мальчишка, который тоже, очевидно, полагалъ, что имѣетъ дѣло съ Меласомъ или еще съ кѣмъ-нибудь изъ *Besimmtsager*’овъ (Суворовъ называлъ нѣмцевъ то *Bestimmtsager*’ами, то *Nichtbestimmtsager*’ами — и никто, кромѣ него самого, не могъ точно понять, что именно онъ имѣлъ при этомъ въ виду).

Въ своей побѣдѣ фельдмаршалъ почти не сомнѣвался. Однако, при мысли о возможномъ все-таки пораженіи онъ невольно вздрагивалъ, и тотчасъ гналъ отъ себя эту мысль. Жуберъ въ свои тридцать лѣтъ или австрійцы, издавна привыкшіе къ неудачамъ, могли позволить себѣ пораженіе. Но для семидесятилѣтняго Суворова его непобѣдимость составляла не только основу военнаго престижа: она составляла смыслъ, единственное оправданіе всей его жизни. У Суворова ничего не было, кромѣ сознанія своей непобѣдимости и какъ-то странно сливавшейся съ этимъ сознаніемъ вѣры въ Бога (онъ потерялъ бы одно, если бы потерялъ другое).

Перебравъ въ послѣдній разъ все то, что нужно было сдѣлать, и опять убѣдившись, что ничто важное упущено не было, фельдмаршалъ сталъ придумывать себѣ занятіе на остающіеся нѣсколько часовъ. Взялъ листъ бумаги, старательно очинилъ гусиное перо (въ походѣ Прохоръ не успѣвалъ чинить ему перья) и принялся писать. Столъ покачнулся на лѣвую ножку. Обрадовавшись, что нашлось еще дѣло, Суворовъ сложилъ въ комокъ листъ бумаги, быстро нагнулся, скрывая отъ самого себя боль въ спинѣ, подложилъ комокъ подъ ножку стола и снова сѣлъ, тяжело дыша.

Онъ писалъ письмо дочери. Къ своему единственному сыну, который находился при арміи, Суворовъ былъ почти равнодушенъ; плохо вѣрилъ, что этотъ красивый, недалекій мальчикъ, бездѣльникъ и шалунъ, игравшій въ карты со страстью, дѣйствительно его сынъ. Но дочь свою фельдмаршалъ очень любилъ, особенно до того, какъ она вышла замужъ за графа Николая Зубова. Съ зятемъ отношенія были холодныя.

Не зная, о чемъ писать дочери, Суворовъ рѣшилъ составить письмо въ стихахъ, какъ онъ часто дѣлалъ, когда сказать было нечего: для стиховъ не требовалось ни содержанія, ни смысла. У него давно выработалась и механическая привычка стихосложенія, и память на рифмы — спасеніе плохихъ поэтовъ и несчастье хорошихъ. Фельдмаршалъ быстро набросалъ нѣсколько строкъ, кое-что поправилъ, перечелъ и закончилъ двустистиємъ, которое уже было извѣстно дочери по старымъ письмамъ:

Но, впрочемъ, никакихъ не слушай, другъ мой, вздоромъ.
Отецъ твой Александръ графъ Римникскій Суворовъ.

Стихи, красиво отчерченные его твердымъ четкимъ почеркомъ съ далеко закинутыми влѣво хвостиками буквы р, не очень понравились фельдмаршалу. Онъ, однако, подумалъ, что Зубовъ, несмотря на дурныя съ нимъ отношенія, будетъ всѣмъ въ Петербургѣ показывать письмо. Подумалъ и о томъ, что пора-бы переменить когда-то дославившій долгое наслажденіе, но уже успѣвшій надоесть титулъ графа Римникскаго на что-либо получше (послѣ паденія Мантуи ему было пожаловано княжеское достоинство съ титуломъ Италійскаго, но извѣстіе это еще до него не дошло). Подумалъ, что о княжескомъ титулѣ надо было-бы какъ-нибудь поудивительнѣе намекнуть обоимъ императорамъ: обычно онъ дѣлалъ такіе намеки, искусно пользуясь своей репутаціей чудака, къ которой привыкли и съ которой

примирились (такъ. въ Асти въ разговорѣ съ лордомъ Бентингомъ онъ все время подтягивалъ свои будто-бы падавшіе съ ногъ чулки, и англичанинъ долго не могъ понять, въ чемъ дѣло, пока ему не объяснили, что это означаетъ желаніе Суворова получить британскій орденъ Подвязки). Но соображенія о наградахъ, ожидающихъ его за побѣду, не вполне развлекли фельдмаршала. Зашевелились было давно знакомыя тоскливыя, убивающія энергію мысли о томъ, что въ семьдесятъ лѣтъ не нужны ни орденъ Подвязки, ни княжескій титулъ, ни все то, что ему могли пожаловать европейскіе монархи, дѣлу которыхъ онъ оказывалъ неоцѣнимыя услуги. Эти мысли часто его посѣщали въ мирное время. Онъ зналъ, что отъ нихъ отдѣлаться можно только работой и сейчасъ же ухватился за работу: вынулъ изъ бумажки новенькую палочку сургуча, растопилъ конецъ на свѣчѣ и съ удовольствіемъ сталъ лить пахучія капли на углы конверта съ письмомъ дочери, торопливо накрывая печатью еще горѣвшія на бумагѣ красныя пятна. На одномъ изъ угловъ его инициалы съ графской короной отпечатались неясно. Онъ разогрѣлъ на свѣчѣ кончикъ мѣднаго разрѣзного ножа, расплавилъ сургучъ и снова положилъ печать, которая на этотъ разъ удалась хорошо. Затѣмъ быстро размялъ сморщенными пальцами изуродованный побурѣвшій конецъ красивой палочки — пока онъ не затвердѣлъ и не исчезъ запахъ, — оборвалъ красныя волоски, аккуратно уложилъ сургучъ въ бумажку и оправилъ ея концы, — дѣло помогло: тоскливыя мысли были выключены твердо. Удовлетворенный результатомъ, онъ взялъ другой листъ бумаги и сталъ писать новые стихи, уже по нѣмецки, въ честь подчиненныхъ ему австрійскихъ генераловъ. Онъ и самъ въ первую минуту не могъ бы сказать, для чего это было нужно. Выдумка пришла ему въ голову инстинктивно, — ея полусозна-

тельной цѣлью было развеселить генераловъ и вселить въ нихъ увѣренность въ томъ, что ему, Суворову, весело и что онъ не сомнѣвается въ побѣдѣ (у русскихъ офицеровъ такой увѣренности по его наблюденіямъ было достаточно). Писать стихи по нѣмецки было гораздо труднѣе, чѣмъ по русски. Суворовъ писалъ довольно долго, правилъ написанное, заглянулъ даже разъ въ словарь. Стихи все таки выходили неважные:

Es lebe Säbel und Bajonnett,
Keine gärrstige Retraite;
Erste Linie durchgestochen,
Andere umgeworfen,
Reserve nicht hält,
Weil da Bellegarde und Kray der Held.
Der letzte hat Suworow
Den Weg zu denen Siegen
Gebannet . . .

Рифмы Bajonnet и Retraite, hält и Held ему понравились, но третій и четвертый стихи не вышли и къ слову Suworow онъ вовсе не могъ придумать нѣмецкой рифмы. Кромѣ того, въ пузырькѣ было мало чернилъ, приходилось часто опускать въ него перо, и это раздражало фельдмаршала.

Онъ еще писалъ, когда въ тишинѣ ночи послышался приближавшійся конскій топотъ. Суворовъ поднялъ голову: кто-то ѣхалъ, очевидно, къ нему. Черезъ нѣсколько минутъ всадникъ остановился у палатки Розена, кто-то громко задалъ по нѣмецки вопросъ, послышалась возня и у открытой двери избы появился графъ Бельгардъ. За нимъ виднѣлся заспанный, сконфуженный Розень, свидѣтельствовавшій своимъ видомъ, что онъ тутъ ни при чемъ. Оба они остановились въ нерѣшительности. Суворовъ сидѣлъ не поворачиваясь, спиной къ входу. Бельгардъ громко кашлянулъ.

— Durchlaucht gestatten? — не то спросилъ, не то просто сказалъ онъ, покрывая храпъ Прохора.

Тонъ австрійскаго генерала показывалъ, что онъ прибылъ по важному дѣлу. Наканунѣ рѣшительнаго сраженія, въ самомъ дѣлѣ, было позволительно поздней ночью явиться къ главнокомандующему и даже разбудить его. Придаться было не къ чему, но Суворовъ сразу пришелъ въ дурное настроеніе. Онъ не любилъ Бельгарда.

Фельдмаршалъ повернулся къ гостю, выразивъ на лицѣ непріятное изумленіе. Розенъ сразу понималъ, что разговоръ будетъ не изъ легкихъ. Но смутить графа Бельгарда было не такъ просто. Онъ подошелъ къ столу, за которымъ сидѣлъ главнокомандующій, почтительно его привѣтствовалъ въ официальныхъ выраженіяхъ, подождать съ минутой, затѣмъ сѣлъ по другую сторону стола, еще почтительнѣе поблагодаривъ Суворова за предложеніе сѣсть, котораго тотъ не дѣлалъ. Бельгардъ, несмотря на разницу въ чинѣ и должности, ревниво оберегалъ свое достоинство природнаго, а не пожалованнаго, графа и приближеннаго Римскаго императора, — единственнаго настоящаго императора въ мірѣ и главы старѣйшей изъ всѣхъ династій.

— Прошу покорно садиться, — изумленно сказать по русски Суворовъ уже сидѣвшему австрійскому генералу. — Прошу покорно садиться. — еще разъ повторилъ онъ.

Бельгардъ, не понимавшій ни слова по русски, вопросительно посмотрѣлъ на Розена. Розенъ только тяжело вздохнулъ, узнавъ, что Суворовъ сегодня по нѣмецки не понимаетъ.

— Его сіятельство проситъ васъ сѣсть, — сердито сказалъ онъ Бельгарду.

— Vielen Dank, Durchlaucht, — учтиво произнесъ австрійскій генералъ. Какъ ни въ чемъ ни бывало, не обращая вниманія на выраженіе лица Суворова, становившееся все болѣе изумленнымъ, онъ взялъ со стола мѣдный ножъ и принялся излагать свои со-

ображенія, чуть слышно отбивая ихъ ходъ по сукну стола. Говорилъ онъ очень гладко, дѣловито и ясно съ твердыми простыми интонаціями, какъ говорятъ умные офицеры генеральнаго штаба (дающіе нерѣдко превосходныхъ ораторовъ). Подъ легкіе не частые удары о сукно ножа плашмя, онъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отдалъ должное необыкновеннымъ достоинствамъ составленнаго главнокомандующимъ плана сраженія, затѣмъ стукнулъ ребромъ ножика по деревянному краю стола, такъ что застывшая пуговка сургуча отскочила, помолчалъ секунду и, переведя глаза съ лица фельдмаршала на его шею и грудь, отъ имени командующихъ отдѣльными частями союзной арміи сталъ отмѣчать не совсѣмъ понятные пункты плана. Лицо его, сохраняя крайнюю почтительность, стало чрезвычайно печальнымъ.

Суворовъ съ изумленнымъ видомъ слушалъ рѣчь Бельгарда и только изрѣдка что-то про себя бормоталъ. Розену слышались отдѣльные слова, большей частью мало понятныя или неупотребительныя: «Пространный элоквентъ»... «Геніумъ»... «Унтеркунфтеръ»... «Вотъ такъ юдиціумъ»... Лишь въ одномъ мѣстѣ рѣчи австрійца фельдмаршалъ сокрушенно сказалъ: «Чего глупѣе!»... Да еще когда графъ Бельгардъ произнесъ имя генераль-квартирмейстера Цаха, Суворовъ не упустилъ случая и радостно воскликнулъ: «Не Цах-Гафтъ, а только Цахъ!» Бельгардъ, уже много разъ слышавшій эту шутку Zaghaff — Zach, пріостановился и выдавилъ на лицѣ печальную улыбку, которую затѣмъ сохранялъ до самаго конца доклада. Суворовъ больше его не перебивалъ. Низко наклонившись къ столу и подвинувъ къ себѣ свѣчу, онъ старательно сталъ чертить на листѣ бумаги разныя части тѣла. Изрѣдка онъ быстро отрывался отъ этого занятія и злыми глазками исподлобья вглядывался въ графа

Бельгарда. Онъ мысленно расцѣпывалъ его военныя способности и расцѣпилъ ихъ очень низко, хотя нѣкоторые изъ доводовъ австрійскаго генерала были признаны имъ вполне основательными. Суворовъ не любилъ вмѣшательства въ его дѣла; особенно же его раздражала печальная улыбка Бельгарда.

Прохоръ Дубасовъ проснулся и сѣлъ на лавкѣ, злобно глядя на посѣтителей.

Закончивъ изложеніе своихъ мыслей, графъ Бельгардъ опустилъ мѣдный ножъ на то самое мѣсто, откуда его взялъ, приложилъ къ концу отбившуюся пуговку сургуча и, сведя пальцы обѣихъ рукъ, чуть склонивъ голову къ лѣвому плечу, почтительно уставился на шею главнокомандующаго. Молчаніе продолжалось не менѣе минуты.

— Что онъ говоритъ? — вдругъ съ изумленіемъ спросилъ Розена Суворовъ, поднимая голову.

Баронъ Розенъ, укоризненно взглянувъ на главнокомандующаго, сталъ переводить ему содержаніе рѣчи Бельгарда, который сначала поднялъ брови, а затѣмъ изобразилъ на лицѣ совершенное равнодушіе передъ новымъ фокусомъ старика. Розенъ переводилъ, временами изъ вѣжливости оглядываясь на австрійскаго генерала (хотя тотъ, очевидно, не могъ его поправить), но очень мало заботясь о полнотѣ и точности перевода: онъ зналъ, что главнокомандующій прекрасно понялъ нѣмецкую рѣчь Бельгарда, внимательно ее слушалъ и навѣрно ничего въ ней не упустилъ. Это была очевидная комедія, и Розенъ, хорошо знавшій Суворова, спрашивалъ себя, какая могла быть ея цѣль, такъ какъ, по его наблюденіямъ, въ большинствѣ случаевъ старикъ зналъ что дѣлалъ, когда игралъ комедію. Но передъ постороннимъ человѣкомъ надо было соблюдать приличіе, и Розенъ позаботился о томъ, чтобы его переводъ продолжался не менѣе пяти минутъ, — рѣчь Бельгарда длилась минутъ десять. Суворовъ со-

вершенно не слушалъ Розена и даже не дѣлалъ вида будто слушаетъ. Онъ по прежнему старательно рисовалъ на бумагѣ части тѣла.

— Ваше сіятельство, что прикажете ему сказать? — съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ Розень, кончивъ и подождавъ немного.

— Скажи ему:... — радостно, ласковымъ тономъ, отвѣтилъ фельдмаршалъ.

Прохоръ Дубасовъ фыркнулъ отъ удовольствія. Баронъ Розень вздохнулъ и, повернувшись къ Бельгарду, сказалъ, что главнокомандующій, отдавая должное цѣнности его соображеній, намѣренъ сохранить за собою инициативу и всѣ дальнѣйшія распоряженія будетъ отдавать во время боя. Суворовъ одобрительно кивнулъ головой, какъ бы свидѣтельствуя, что Розень совершенно вѣрно перевелъ его отвѣтъ. Графъ Бельгардъ вспыхнулъ и заговорилъ было по французски, нѣсколько повысивъ голосъ. Но увидѣвъ по изумленному лицу Суворова и по безнадежному выраженію Розена, что фельдмаршалъ не понимаетъ и французскаго языка, онъ тотчасъ себя сдержалъ, вѣжливо-презрительно улыбнулся и поднялся съ мѣста, звякнувъ шпорами.

— Вотъ, вотъ, я написалъ... Прочтете... — радостно заговорилъ Суворовъ, всовывая въ руки Розена листокъ съ нѣмецкими стихами.

Розень съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на бумажку и передать ее Бельгарду. Австрійскій генералъ, наклонившись къ свѣчѣ, прочелъ стихи. Увидѣвъ свое имя, онъ, внутренне польщенный (хотя и считалъ, что фельдмаршалъ давно выжилъ изъ ума), изобразилъ на лицѣ самую придворную улыбку. Въ эту минуту свѣча опалила ему волосы, которые затрепали. Бельгардъ съ досадой провелъ рукой по обожженной шершавой пряди, поправилъ проборъ и, не дочитавъ, сложилъ и спряталъ листокъ, соображая, что потомъ, въ Вѣнѣ, не худо будетъ пока-

зывать эти стихи, хотя и жаль, что „Held“ написано о Краѣ, а не о немъ.

— Glänzend! — сказали онъ и еще разъ звякнулъ шпорами. Пожелавъ фельдмаршалу въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ успѣха (Суворовъ больше не дѣлалъ изумленнаго лица), Бельгардъ вышелъ въ сопровожденіи Розена.

Штааль, который все время со скукой и тревогой гулялъ недалеко отъ избы главнокомандующаго, поспѣшно подошелъ къ Бельгарду. Услышавъ, что сраженіе не отмѣняется и что его порученіе остается въ силѣ, онъ отдалъ честь и, какъ человѣкъ, не имѣющій возможности терять время, быстро направился къ своей лошади. Уже въ сѣдлѣ, онъ зачѣмъ-то посмотрѣлъ на часы, хотя было темно, оглянулся на Бельгарда, приложилъ руку къ фуражкѣ и сразу перевелъ лошадь въ галопъ.

Бельгардъ еще постоялъ съ Розеномъ, затѣмъ простился, крѣпко пожавъ ему руку съ нѣсколько обидѣвшимся майора грустнымъ выраженіемъ сочувствія на лицѣ.

Розень посмотрѣлъ вслѣдъ австрійскому генералу, позѣвалъ (ему очень хотѣлось спать), подумалъ, надо ли еще являться къ Суворову, рѣшилъ, что надо, и вернулся въ палатку. Но увидѣвъ съ порога, что Суворовъ молится въ углу на колѣняхъ (нѣсколько поодаль отъ него на колѣняхъ стоялъ Прохоръ Дубасовъ), майоръ не вошелъ въ палатку и разсѣянно сталъ бродить взадъ и впередъ, съ наслажденіемъ вдыхая пьянящій ароматъ скошеннаго сѣна. Онъ думалъ о самыхъ разныхъ предметахъ: о томъ, какой странный человѣкъ дивный; о томъ, можно ли купить за три тысячи такую лошадь, какъ у Бельгарда, — и гдѣ ихъ взять; о томъ, убьютъ ли его завтра или нѣтъ. Затѣмъ пересталъ думать и рѣшилъ, что надо бы еще поспать часа два. Но итти

въ душную, пахнущую парусиной и ѣдой палатку ему не хотѣлось. Онъ прилежъ у одного изъ стоговъ рядомъ съ избой главнокомандующаго и тотчасъ задремалъ.

Розень проснулся отъ первыхъ лучей солнца и поспѣшно поднялся съ земли. Рядомъ съ нимъ слышалось ржанье лошадей. Ему бросились въ глаза блѣдныя сосредоточенныя лица офицеровъ, вытянувшихся у входа въ избу. Часовые стояли смирно. Дверь избы вдругъ распахнулась настежь и изъ нея выбѣжалъ, волоча раненую ногу, Суворовъ, съ лицомъ сіяющимъ и преображеннымъ, какое раза три или четыре въ жизни видѣлъ у него баронъ Розень. Фельдмаршалъ подбѣжалъ къ своей лошаденкѣ и легко вскочилъ на казацкое сѣдло. Прохоръ Дубасовъ, знавшій, чего стоила старику эта легкость, незамѣтно ему помогъ, цѣлуя барина въ руку и въ коѣтно и съ трудомъ удерживаясь отъ рыданья.

IV.

Въ деревнѣ Таверне главной темой разговоровъ служили мулы. По словамъ свѣдущихъ офицеровъ, изъ за муловъ могла пойти къ чорту вся кампанія: задержка въ нѣсколько дней давала французамъ возможность подготовиться къ защитѣ Альповъ. Съ фельдмаршаломъ, по рассказамъ, случился припадокъ бѣшенства, когда онъ узналъ, что, несмотря на всѣ обѣщанія австрійцевъ, мулы для перехода черезъ Альпы ими не были въ Таверне заготовлены.

Штааль уже почти цѣлую недѣлю находился въ этой скучной деревушкѣ, служившей станціей на большой почтовой дорогѣ. Изъ Таверне русская ар-

мія должна была начать свой походъ, который въ послѣдній мѣсяцъ былъ предметомъ дипломатической переписки, газетныхъ статей и оживленныхъ споровъ.

Послѣ побѣды Суворова при Нови многимъ, не только въ союзныхъ странахъ, но и въ самой Франціи, казатось, что революціи пришелъ конецъ. Французы были вытѣснены изъ Италіи, лучшія ихъ арміи потерпѣли рѣшительное пораженіе, неприступныя крѣпости находились въ рукахъ союзниковъ и впервые послѣ семи лѣтъ война приближалась къ французской территоріи. Всѣ предполагали, что въ самомъ близкомъ будущемъ Суворовъ вторгнется во Францію. Богатые англичане заключали даже между собой пари о томъ, черезъ какое время русскій фельдмаршалъ возьметъ Парижъ и возстановитъ династію Бурбоновъ.

Самъ Суворовъ считалъ однако вторженіе во Францію очень труднымъ дѣломъ. Онъ высоко ставилъ революціонную армію и думалъ, что противъ нея воли возстановить старый строй невозможно (воля французскаго народа заботила его очень мало, — онъ интересовался только арміей). Союзныя правительства не раздѣляли этого мнѣнія, однако побаивались старика.

Суворовъ послѣ сраженія при Нови достигъ высшаго предѣла славы, при которомъ именемъ человека начинаютъ называть шляпы, пироги, прически, улицы. Все это и дѣлалось въ ту пору въ Европѣ, особенно въ Англіи, гдѣ на обѣдахъ тостъ въ честь Суворова провозглашался немедленно вслѣдъ за здоровьемъ короля. Говорили о непобѣдимомъ русскомъ фельдмаршалѣ больше, чѣмъ о какомъ бы то ни было другомъ человѣкѣ на землѣ. Союзныя правительства осыпали его наградами. Одновременно съ ростомъ славы, достигли предѣла безчисленныя причуды и странности фельдмаршала,

Австрійское правительство послѣ завоеванія итальянскихъ земель, которыя оно намѣрено было присоединять къ своей имперіи, чрезвычайно хотѣло сплавить оттуда Суворова. Не очень нравилось пребываніе русской арміи въ Италіи и Питту: въ связи съ мальтійской исторіей, онъ побаивался закрѣпленія Россіи на Средиземномъ морѣ. Поэтому съ первыхъ же дней послѣ побѣды при Нови, изъ Вѣны и Лондона стали горячо просить Суворова заняться завоеваніемъ Швейцаріи. Князь Италійскій не торопился исполнить это желаніе и въ отвѣтъ на просьбы австрійцевъ бормоталъ по своему обычаю странныя слова, вродѣ того, что не желаетъ зрѣть развалины храма Темиры; или говорилъ, что, боясь дождя, хочетъ тоже посидѣть въ унтеркунфтѣ; или обѣщалъ уйти въ Швейцарію черезъ два мѣсяца, — между тѣмъ, какъ черезъ два мѣсяца, съ наступленіемъ поздней осени, ни о какой кампаніи въ Альпахъ не могло быть и рѣчи.

Напротивъ въ Петербургѣ планъ завоеванія Швейцаріи силами русской арміи встрѣтилъ большое сочувствіе. Императоръ Павелъ тоже изъявилъ желаніе, чтобы Суворовъ изгналъ изъ Швейцаріи французовъ и послѣ соединенія со свѣжими войсками Римскаго Корсакова, вторгся во Францію черезъ Франшъ-Конте. Планъ былъ безсмысленный. Но общее желаніе союзниковъ, подкрѣпленное предписаніемъ царя, нужно было исполнить. Впрочемъ, въ трудности этого предпріятія было что-то нравившееся и самому фельдмаршалу. Ганибаль перешелъ черезъ Аппы, не имѣя передъ собой врага. Суворовъ хотѣлъ перейти ихъ съ боемъ.

Поджидая муловъ, которыхъ обѣщали доставить и не доставили во время австрійскія власти, русская армія расположилась въ палаткахъ у деревни Таверне. Офицеры очень скучали. Дѣлать было

нечего. Женщинъ въ Таверне не было. въ сосѣдній городъ Лугано отпускали неохотно. Занимались главнымъ образомъ тѣмъ, что проклинали австрійцевъ. Но и это надоѣло. О походѣ говорили мало. Въ успѣхѣ его никто не сомнѣвался. Старые люди говорили, что походъ будетъ трудный. Представляли себѣ однако трудности похода очень неясно.

Штааль такъ и не участвовалъ въ сраженіи при Нови. О побѣдѣ союзныхъ армій, о чудесахъ, показанныхъ въ этотъ день Суворовымъ, о гибели генерала Жубера, убитаго въ самомъ началѣ боя, Штааль узналъ въ глубокомъ тылу. Это очень его огорчало. Но тому его товарищу, который иронически говорилъ объ устроенной Штаалемъ для себя поѣздкѣ въ тылъ, въ сраженіи ядро оторвало ногу. И такъ какъ это прошло совершенно незамѣченнымъ (нѣсколько человекъ упомянуло съ сожалѣніемъ въ разговорѣ, а на слѣдующій день забыли и они), то Штааль еще болѣе укрѣпился въ мысли, что надо разъ навсегда пикнуть на то, что скажутъ люди. «У меня хоть ноги будутъ цѣлы», — размышлялъ онъ. — «Вотъ я и не думалъ беречь шкуру, а милые друзья взвели на меня эту гадость. Такъ стоило бы ужъ, коли на то пошло, вправду ее беречь... Вѣдь хуже не скажутъ»...

Послѣ сраженія онъ вмѣстѣ со всей арміей находился нѣкоторое время на стоянкѣ въ Асти и тутъ увидѣлъ, наконецъ, вблизи князя Италійскаго въ расцвѣтѣ славы, въ ореолѣ всеобщаго передъ нимъ преклоненія. Штааль, какъ всѣ, восторгался Суворовымъ, но болѣе не ставилъ его себѣ въ образецъ. Какъ ни обольстительна была слава побѣдоноснаго полководца, Штааль думалъ, что достигъ онъ ее цѣной шестидесятилѣтнихъ непримѣрныхъ трудовъ. Самъ онъ не хотѣлъ ждать такъ долго и все болѣе приходилъ къ мысли, что его собственное возвышеніе создастся не на войнѣ. Въ походѣ, не имѣя

особенныхъ связей, онъ въ самомъ лучшемъ, почти невозможномъ случаѣ, могъ получить два чина и Анну, какъ капитанъ-лейтенантъ Белле. Конечно, ему очень хотѣлось получить эти награды (учрежденный Екатериной Георгіевскій крестъ, о которомъ онъ долго мечталъ, не жаловался въ царствованіе императора Павла) и Штааль былъ твердо намѣренъ сдѣлать для этого все возможное и показать при случаѣ чудеса храбрости. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ, что полученіе наградъ, послѣ окончанія войны, почти ничего не измѣнитъ въ его жизни. «Ну, разумѣется, пріятно будетъ рассказывать, и Иванчукъ лопнетъ отъ злости... И то нѣтъ. Иванчукъ не лопнетъ. Вотъ, какъ бы я разбогатѣлъ, онъ точно лопнулъ бы... Ну, еще отношеніе будетъ ко мнѣ другое по службѣ... Ну, въ комтуры выйду, не то мнѣ нужно... Нѣтъ, карьеръ надо дѣлать не здѣсь, а тамъ». — думалъ онъ. Мысли его все чаще возвращались къ Петербургу и особенно къ Лопухиной. Выходъ (онъ говорилъ даже: спасеніе) былъ для него въ тѣхъ мысляхъ, которыя и раньше приходили ему въ голову, но съ полной ясностью впервые представлялись въ ложѣ на балу у князя Безбородко.

Чрезвычайно огорчило Штаалья полученное въ Италіи извѣстіе о кончинѣ Александра Андреевича. Онъ искренно любилъ князя и теперь съ тоскою вспоминалъ и свои разговоры съ нимъ, и особенно то, о чемъ онъ не успѣлъ поговорить съ канцлеромъ. — старикъ такъ много зналъ и видѣлъ. Все это онъ навѣки унесъ съ собой. Кромѣ того смерть князя Безбородко рвала связь, которая соединяла Штаалья съ высшимъ обществомъ и съ вліятельными людьми Петербурга. Теперь у него въ столицѣ больше никого не было. Онъ былъ всецѣло предоставленъ себѣ и жалостно, чуть не со слезами, думалъ, что если онъ скоропостижно умретъ, то не на что будетъ

похоронить его. «А какъ прогонять со службы и Семень Гавриловичъ не пошлетъ подачки, то черезъ мѣсяцъ съ голоду помру», — думалъ онъ, нарочно въ самыхъ унижительныхъ для себя выраженіяхъ, какъ будто кто-то съ нимъ спорилъ и онъ вынужденъ былъ въ отвѣтъ употреблять самыя настоящія слова, полныя неприкрытой жизненной правды. «И вѣдь не то что какимъ нибудь фигуральнымъ манеромъ, а такъ, по настоящему, помру съ голоду». Штааль перебиралъ друзей и знакомыхъ, которые могли бы его поддержать, еслибъ онъ впалъ въ крайнюю нужду. Ближайшій другъ былъ Иванчукъ. «Этотъ гроша мѣднаго не дастъ и даже не сконфузится, подлець, просто скажетъ: «ну, нѣтъ, братъ», или даже: «ну, братъ, ты меня видно за дурака считаешь!». — думалъ онъ, совершенно ясно представляя себѣ, какъ это скажетъ, со своимъ легкимъ неполнымъ смѣхомъ, Иванчукъ и какъ онъ, заторопившись, посмотритъ на лѣвую пару часовъ (правой вѣдь нѣтъ) и немедленно простится съ обиженнымъ, недовольнымъ видомъ. А другіе? Рибопьеръ дастъ, мальчишка, если будутъ лишнія, да и то больше для того, чтобы меня унижить. Еще кое-кто дастъ въ первый разъ какую нибудь мелочь, а потомъ пойдутъ чистые отказы — отъ тѣхъ, кто поблагороднѣе съ видомъ сожалѣнія: «Какъ жаль, я самъ какъ разъ сижу безъ гроша» («ложь, конечно»), а кто поглубже, безъ всякаго сожалѣнія. Всѣ будутъ избѣгать какъ огня, звать стрѣлкомъ. — „Stahl vient de m'extraire dix roubles“. — „Comment, encore?“ — „C'est pour ne pas en perdre l'habitude“... — такъ и слышалъ онъ разговоры своихъ друзей. «И вовсе не говорятъ extraire dix roubles», — со злобой поправлялъ онъ ошибки въ воображаемыхъ словахъ, которыя произносили воображаемые недоброжелатели. Мысли эти причиняли ему мучительную боль, точно онъ вправду потерялъ службу, впалъ въ

крайнюю нужду и получать отъ товарищей отказы въ деньгахъ. Изъ унижительныхъ мыслей онъ сдѣлалъ привычку и незамѣтно полюбилъ ее. Въ такія минуты онъ ненавидѣлъ всѣхъ и жизнь представлялась ему борьбой міра съ нимъ, Штаалемъ, находившимся въ полномъ одиночествѣ. Потомъ, въ обществѣ товарищей, настроенія эти слабѣли или даже вовсе разсѣивались, особенно за бутылкой вина. Онъ въ походѣ, какъ почти всѣ, много пилъ, гораздо больше, чѣмъ прежде. Вкусъ вина не былъ ему пріятенъ, но онъ любилъ и чувствовалъ потребность въ томъ настроеніи благодущія и бодрости, которое давалось виномъ и которое онъ (впрочемъ не отъ одного вина) съ такою силой испытать въ палаткѣ генерала Края. Воспоминаніе объ этомъ вечерѣ уже стало однимъ изъ лучшихъ въ его жизни, хотъ оно было совсѣмъ недавнее. Обычно пріятными воспоминаніями Штаала были либо на слѣдующій день (тогда они очень скоро изглаживались изъ памяти или переставали быть пріятными), либо становился пріятны черезъ нѣсколько лѣтъ: такъ, напримеръ, почти все связанное со Шкловскимъ училищемъ было чрезвычайно ему дорого. Но вечеръ въ палаткѣ Края, хотъ былъ онъ всего мѣсяцъ тому назадъ, уже сталъ дорогимъ воспоминаніемъ и мирилъ Штаала со всею тою скучной прозою войны, въ которой проходила его жизнь. День, проведенный въ каютъ-компаніи Foudroyant'a, былъ тоже пріятнымъ воспоминаніемъ, но его портило зрѣлище казни Караччиоло, и особенно слышанный Штаалемъ вскорѣ послѣ того въ Неаполѣ рассказъ о появленіи у борта адмиральскаго судна тѣла казненнаго герцога.

Оттого ли, что были такъ пріятны воспоминанія, связанныя съ обществомъ иностранцевъ, или оттого, что онъ сталъ подозрительно относиться къ своимъ товарищамъ, сильно преувеличивая ихъ враждеб-

ное отношеніе, или еще потому, что знаніе иностранныхъ языковъ составляло его безспорное преимущество, которое онъ радъ былъ выдвигать при всякомъ случаѣ, Штааль не только не проклиналъ австрійцевъ, какъ другіе, но старался держаться ихъ общества. Въ Таверне, гдѣ вся армія расположилась въ палаткахъ (немногочисленные избы деревни были отведены высшимъ лицамъ команднаго состава), онъ поселился съ двумя молодыми австрійскими офицерами отряда генерала Ауффенберга (отрядъ этотъ, послѣ раздѣленія союзной арміи, былъ присоединенъ къ русскимъ войскамъ для связи и для того, чтобы засвидѣтельствовать міру полную солидарность союзниковъ). Австрійскіе офицеры были милые молодые люди и съ ними, какъ съ чужими людьми, ему казалось легче поддерживать добрыя отношенія. Общій тонъ у австрійцевъ былъ такой, что, хотя Суворовъ очень хороший и, главное, очень счастливый полководецъ, но съ его арміей дѣло имѣть трудно, — ужъ очень невѣжественны русскіе офицеры. Какъ люди вѣжливые, австрійцы не говорили этого въ обществѣ Штааля. Но онъ угадывалъ это по ихъ разговорамъ между собой. Впрочемъ, когда рѣчь заходила о мулахъ, у австрійцевъ появлялось нѣсколько виноватое выраженіе. Но предположеніе, что изъ за этого запозданія можетъ пропасть вся кампанія, они называли Unsinn. По ихъ словамъ, французы не ожидали нападенія въ Швейцаріи. Въ самомъ дѣлѣ, по приказу Суворова, изъ Таверне были отправлены эмиссары для распространенія слуха о томъ, что русскій фельдмаршалъ твердо рѣшилъ не начинать до весны похода. Слухъ этотъ черезъ шпіоновъ долженъ былъ дойти до Массены. Австрійцы, такъ же какъ и русскіе, не сомнѣвались въ удачѣ похода. Массена, конечно, отступить при первомъ появленіи русской арміи въ Альпахъ.

Штааль съ улыбкой вспоминалъ что въ дѣтствѣ встрѣчая въ школьных книжкахъ слово отступленіе, онъ представлялъ себѣ людей, пятащихся назадъ лицомъ къ наступающему врагу. Въ Италіи, не видавъ никогда горъ, думая о предстоящемъ походѣ, онъ представлялъ себѣ довольно широкую поднимающуюся вверхъ дорогу, вродѣ тѣхъ, по которымъ онъ въ деревнѣ ѣздитъ верхомъ: по нимъ особенно пріятно было пускать лошадь вскачь, хотя это ее утомляло. Только въ Альпахъ подъемъ долженъ быть быть круче, этакъ градусовъ въ 35. О высотѣ Альповъ Штааль спрашивалъ товарищей, но получалъ разные отвѣты: одни считали ее въ версту, другіе въ десять верстъ. Во всякомъ случаѣ и десять верстъ можно было проскакать въ полчаса, ну, въ крайности, въ часъ. Въ концѣ подъема должна была очевидно находиться маленькая полукруглая площадка,—а за ней начнется спускъ: тутъ ужъ галопомъ не поскачешь, можно слетѣть черезъ голову коня.

Впервые Штааль увидѣлъ горы въ Таверне, но такъ и не могъ разобрать, Альпы ли это или еще не Альпы. Жители въ отвѣтъ на его разпросы съ изумленіемъ называли горы просто Монті, а по картѣ ничего нельзя было понять. Въ этихъ горахъ, доверху покрытыхъ каштановыми деревьями, ровно ничего не было страшнаго. Никакого снѣга на нихъ не было, — въ снѣгъ на горахъ Штааль плохо вѣрилъ (въ Таверне первые дни было очень жарко). Штааль мысленно вращалъ горы, какъ треугольники въ геометріи, съ тѣмъ, чтобы по ровной землѣ измѣрить на глазъ ихъ высоту, — выходило очень немного. Между тѣмъ, когда онъ старался представить себѣ версту вверхъ по отвѣсу, ему становилось страшно. За этими Монті издали (тѣмъ кто отъѣзжалъ назадъ отъ деревни) рисовались какъ будто еще какія-то горы, но онѣ были неясныя и

неплотныя, точно облака или декорации въ театрѣ.

Дивизіи въ Таверне были перепутшированы. Въмѣсто прежней своей, упраздненной теперь должности въ штабѣ Розенберга, Штааль занялъ строевую должность въ одной изъ воинскихъ частей, которая въ швейцарскомъ походѣ должны были слѣдовать съ самимъ фельдмаршаломъ.

Черезъ нѣсколько дней австрійцы наконецъ доставили муловъ, однако въ недостаточномъ числѣ. Было рѣшено везти провіантъ и патроны на казачьихъ лошадяхъ. Говорили, что мысль эту подалъ фельдмаршалу великій князь Константинъ Павловичъ, съ которымъ будто бы во всемъ совѣтуется дивный. Но рассказывавшіе это офицеры, при всей почтительности къ царскому сыну, усмѣхались: такъ было трудно предположить, что князь Италійскій, не для смѣха и не для своей обычной комедіи, а всерьезъ спрашиваетъ совѣта у двадцатилѣтняго великаго князя. Константинъ Павловичъ былъ, впрочемъ, популяренъ въ арміи. Всѣ сообщали съ одобреніемъ, что онъ отправилъ въ Миланъ экипажи и для своего багажа велѣлъ отвести только нѣсколько лошадей и муловъ. Но князь Суворовъ, — добавляли тутъ же, — ничего себѣ не оставилъ: фельдмаршалъ говорилъ, что у него никакого багажа нѣтъ — и слава Богу, — а онъ самъ ужъ какъ нибудь перевалится.

V.

«О фельдмаршалѣ одно лишь тебѣ скажу: онъ одинъ изъ людей, кои въ долгихъ вѣкахъ счетны. Чуды, имъ въ сіемъ безсмертномъ для нашего оружія походѣ показанныя, тебѣ изъ вѣдомостей и ре-

ляцій довольно извѣстны. Но какъ ты оныхъ не читаешь, то пишу что Богъ на душу положить. Въ прочемъ, кто не видѣлъ глазами отверзтыхъ гробовъ смерти, тому постичь сіе трудно. Еще многое ужасное есть шпреди на всякомъ шагѣ, а всего, сказываютъ, ужаснѣе протянутый надъ безднами въ земляхъ швейцарскихъ Чортовъ Мостъ или по ихнему Тейфельс-брике. Передо мною въ поднебесномъ воздухѣ высятся надъ плавающими тучами неодолимыя высоты Альповъ, но какъ я сказалъ, что мы, подъ водительство сего непобѣдимаго вожда, взлетимъ на оныя превысокіе хребты какъ бы орлы. Вѣрному слову и всѣ въ одинъ голосъ въ арміи такъ же полагаютъ, что въ недалекомъ времени, преодоливъ стихіи, возьмемъ мы французскія цитадели, арміи ихъ изничтожимъ, простремъ дѣйствіе на Парижъ, и скоро Людовикъ Осмнадцатый, опровергнутый безумными одноземцами съ древняго французскаго престола, на сей престолъ, къ вѣчному удивленію свѣта, будетъ вновь возведенъ безсмертнымъ мечемъ Италійскаго»..

Штааль перечелъ конецъ своего письма къ Иванчуку и остался доволенъ. Пожалѣлъ правда что написалъ: «древняго французскаго престола», — лучше было бы сказать: «древняго престола французскаго». Кромѣ того Людовикъ XVIII собственно не былъ королемъ. Штааль старательно замазалъ слово «вновь», передѣлавъ его въ толстую черточку. «Опровергнутый» нельзя было исправить, да и не нужно. Въ началѣ письма Штааль сообщалъ о своихъ успѣхахъ по службѣ и описывалъ ужасы войны. Въ разговорѣ онъ никакъ не могъ бы выражаться такимъ слогомъ, но писать иначе ему показалось бы странно. Такія письма были для него, собственно, главной наградой за всѣ трудности, опасности и лишения, которымъ онъ подвергался въ походѣ. Здѣсь этимъ онъ никого не могъ удивить. Но на штатскихъ

людей въ Петербургѣ описаніе ужасовъ войны, очевидно, должно было произвести сильное впечатлѣніе. Штааль догадывался, что Иванчукъ признаетъ его картину приукрашенной. Но такъ какъ онъ призналъ бы ее приукрашенной все равно, даже еслибы въ письмѣ была одна чистая правда, то Штааль добавилъ отъ себя ужасовъ, съ расчетомъ на скидку, которую сдѣлають петербургскіе друзья. Онъ приписалъ еще нѣсколько строкъ и запечаталъ письмо, соображая, черезъ сколько времени оно прибудетъ въ Петербургъ. Путешественникъ, остановившійся проѣздомъ въ Таверне и согласившійся, какъ сказали австрійцы, взять съ собою письма, ѣхалъ вѣроятно въ Вѣну. Оттуда сообщеніе съ Россіей было правильное и частое. Письма могли дойти почти такъ же скоро, какъ при отправкѣ съ курьеромъ. Штааль заботливо и любовно заперъ письменныя принадлежности въ походную шкатулку, идѣ для нихъ было предназначено особое углубленіе, надѣлъ фуражку и вышелъ изъ палатки. Шелъ пятый часъ. Слѣдовало бы прямо пройти въ лежащую верстахъ въ двухъ деревушку Сиджирино, — тамъ было велѣно всѣмъ собраться для ознакомленія съ изданными фельдмаршаломъ правилами горной войны. Но путешественникъ, по словамъ австрійцевъ, остановился въ розовой избѣ, сейчасъ за рѣкой. Еще можно было поспѣть, если идти быстро. Штааль спустился съ холма, на которомъ, недалеко отъ стоянки муловъ, была расположена его палатка и, минуя единственную улицу Таверне, узенькую крутую и пыльную Strada Regina, направился кратчайшей дорогой, пробираясь по фруктовымъ садамъ, къ рѣчкѣ Ведежію. День былъ свѣтлый, не жаркій. Утромъ накрапывалъ дождь, но земля уже высохла и пыль вилась даже въ садахъ. Штааль остановился у мостика, отыскивая розовую избу, — ему нетрудно было узнать ее: за рѣкой домовъ было очень

немного. Нѣсколько мальчишекъ обступило иностранца со шпатай. Увидѣвъ, что въ немъ нѣтъ ничего опаснаго, они немедленно направились за нимъ. Какъ только Штааль ступилъ на мостикъ, мальчишки, точно ждали повода для своего любимаго развлеченія, сбѣжали въ воду, съ отчаяннымъ видомъ размахивая руками, и по камнямъ съ криками перешли на другой берегъ: рѣка была довольно широкая, но глубиной не болѣе фута. Офицеръ не дѣлалъ ничего необыкновеннаго и быстро шелъ дальше, не оглядываясь и не вступая въ разговоръ. Мальчишки разочарованно перебѣжали назадъ. Штааль свернулъ къ избѣ. Она въ самомъ дѣлѣ была страннаго розоваго цвѣта. Изъ трехъ ея оконъ одно было глухо закрыто доской, другія два, съ отодвинутыми зелеными ставнями, задернуты бѣлыми занавѣсками. Наверху надъ ними въ стѣнѣ было еще одно крошечное оконце, закрытое какой-то сѣткой. Передъ нимъ на полочкѣ стоялъ горшочекъ съ цвѣтами. На каменной скамейкѣ, подъ веревкой съ сушившимся бѣльемъ, сидѣла старуха хозяйка. Штааль заговорилъ съ ней по итальянски. Но она, повидимому, знала, что ему нужно (съ утра въ избу безпрестанно приходили съ письмами офицеры) и, перебивъ его, ворчливо сказала, что русскаго синьора нѣтъ дома, а письмо можно отдать синьорѣ: надо постучать въ окно.

«Такъ это русскій?» — подумалъ Штааль. Безъ причины сердце его вдругъ застучало. Заторопившись, онъ вынулъ изъ кармана письмо и отдалъ старухѣ съ просьбой передать синьору, когда тотъ вернется. Старуха ворча встала, вытерла руки о фартукъ, недовѣрчиво взяла письмо за уголъ двумя пальцами и постучала въ ставень самого большого изъ оконъ, придерживая ставень рукою съ письмомъ. При этомъ лицо ея стало ласковымъ и заискивающимъ: очевидно, она была довольна по-

стояльцами. Въ избѣ слышался шорохъ. Штааль установился въ окно съ волненіемъ, которое потомъ очень его удивляло. Что-то мелькнуло, занавѣску отдернули. Онъ чуть не вскрикнулъ: передъ нимъ была Настенька.

Штааль тотчасъ узналъ ее, хотя измѣнилась она чрезвычайно. Она протянула руку за письмомъ, жмурясь бѣгло взглянула на Штааля, сказала ласково: «Будьте покойны, ежели доѣдемъ, отдадимъ непремѣнно...» — и вдругъ стала бѣлѣе занавѣски. Старуха глядѣла на нихъ съ недоумѣніемъ. Штааль сорвался съ мѣста, быстро открылъ дверь и вошелъ въ избу. Рыжая кошка бросилась въ сторону. На него пахнуло сырой прохладой. Настенька окamenѣло стояла у стѣны, съ письмомъ въ рукѣ. Онъ съ порога смотрѣлъ на нее и видѣлъ съ ужасомъ, какъ она измѣнилась... «Эти отяжелѣвшія губы!»... Штааль не находилъ въ себѣ слѣдовъ прежней любви. Передъ нимъ былъ чужой человѣкъ, съ которымъ нужно было вести тяжелый разговоръ. Но онъ чувствовалъ, что было что-то красивое и поэтическое въ этой его остановкѣ на порогѣ комнаты. «Эхъ, сапоги запылены»...

Онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за руку... «Поцѣловать? Нѣтъ, еще не надо»...

— Какъ вы сюда попали? — деревяннымъ голосомъ спросилъ онъ.

Настенька долго не могла отвѣтить.

— Мы изъ Неаполя. — прошептала она наконецъ, удерживая рыданья.

— И онъ здѣсь?

Она кивнула головой. Штааль не зналъ ни что дѣлать, ни что говорить.

— Я тоже изъ Неаполя. Гдѣ же вы тамъ были?

— Не знаю... Въ крѣ... Вы на войну ѣдете?

— Съ войны и на войну. Завтра утромъ уходимъ въ горы.

Они молчали.

— Такъ что же вы? Какъ вамъ... — началъ онъ и остановился. Настенька отвернулася и зарыдала, выронивъ письмо и закрывъ лицо руками. Штааль поднялъ письмо, подулъ на него («жалко, запачкалось»...) и положилъ въ кучку писемъ, лежавшую на столѣ. На верхнемъ конвертѣ было написано: «Гедвигъ Альбертовнѣ, баронессѣ Каульбарсъ»... — «Какая это баронесса Каульбарсъ?... Смѣнное имя Гедвига Альбертовна», — подумалъ онъ. — «Надо однако подойти къ ней». Онъ приблизился къ Настенькѣ и легко потянулъ ея руки отъ лица.

— Не надо плакать, — сказалъ онъ шопотомъ.

Настенька, вздрагивая, закусивъ распухшія губы, вытерла глаза платкомъ.

— Вы... не перемѣнились. Такой же, какъ былъ... А я?

— И вы мало перемѣнились.

— Неправда... Я знаю...

Она опять заплакала. Онъ думалъ, какъ ужасно она измѣнилась, — «что же теперь будетъ»? Думалъ, что старуха за окномъ все слышитъ, что могутъ прийти другіе офицеры съ письмами, что онъ теперь навѣрное опоздаетъ на службу. Настенька рыдала все сильнѣе. Онъ оглянулся, нѣтъ ли воды. Съ интересомъ все разсмотрѣлъ: закопченный потолокъ на черныхъ тяжелыхъ бревнахъ, огромный очагъ, надъ нимъ раму съ развѣшенной мѣдной посудой («вѣрно, это у нихъ считается главнымъ украшеніемъ»), двѣ косы въ углу, какую-то рухлядь на стѣнѣ, сундуки, перевязанные толстыми веревками. «Этихъ сундуковъ у него прежде не было». На столѣ стояли зеленый графинъ и кружка. Штааль вспомнилъ, что именно это и было ему нужно. Онъ взялъ графинъ, — въ кружку полилось молоко. Штаалю стало смѣшно. Онъ вышелъ на порогъ и спросилъ воды у хозяйки. Старуха зачерп-

нула кружкой въ бочкѣ и подала ему, неодобрительно и вмѣстѣ радостно на него глядя. Штааль вернулся и нѣжно подаль Настенькѣ кружку. «Что же теперь? Эхъ, досадно, опоздаю... Достанется...»

Онъ оторвалъ ея руки отъ лица и поцѣловалъ ее, сначала въ руку, затѣмъ въ щеку. Вдругъ запахъ «Вздоховъ Амура» ударилъ его. Онъ увидѣлъ Петергофскую дорогу, Большой каналъ... Штааль точно теперь лишь узналъ Настеньку. Рыданье внезапно подступило у него къ горлу. Онъ сѣлъ, посадилъ ее къ себѣ на колѣни, чувствуя приливъ любви и нѣжности. Настенька схватила его за голову и стала покрывать поцѣлуями.

— Смотри, чтобъ тебя не убили...

— Буду стараться, — отвѣтилъ онъ безъ улыбки.

— Когда вы уходите?

— Завтра въ шесть. Война скоро кончится... Мы увидимся въ Питерѣ...

Штааль никогда не говорилъ «Питеръ» вмѣсто «Петербургъ» и не могъ понять, какимъ образомъ у него сорвалось въ такую минуту развязное слово. Объ этомъ Питерѣ онъ потомъ долго вспоминалъ бо-
лѣзненно морщась.

Настенька высвободилась и встала.

— Какъ вы могли тогда меня бросить?

Она всплеснула руками.

— Да развѣ я... Ну, да что объ этомъ говорить!..

— А онъ гдѣ же? — спросилъ съ вспыхнувшей вновь злобой Штааль.

— Скоро придетъ... Не знаю...

Въ стекло постучали. Настенька вздрогнула. Старуха закивала головою, радостно бѣгая глазками по комнатѣ мимо нихъ. Къ ея неодобрительному выраженію примѣшивалась теперь готовность участвовать въ заговорѣ противъ стараго синьора. Понизивъ таинственно голосъ, она сообщила, что пришли еще офицеры. Настенька снова вытерла слезы

и подойди къ окну сказала ласково, чуть отвернувшись:

— У васъ тоже письма? Будьте покойны, ежели дождемъ, отдадимъ...

— Ахъ, премного обяжете, сударыня, — галантно сказалъ за окномъ голосъ. Одинъ изъ офицеровъ шагнулъ впередъ, другой помоложе остался поодаль. Штааль былъ знакомъ съ обоими. Ему было пріятно, что они его застали съ Настенькой. По лицу офицера проскользнуло удивленіе. Онъ весело подмигнулъ Штаалю и сказалъ тихо:

— А вчера, кто опоздалъ, тѣмъ попало на орѣхи...

Настенька услышала его слова.

— Да вѣдь у васъ вѣрно служба? Такъ вы съ ними пойдите. Да и мнѣ недосужно, — произнесла она неестественнымъ голосомъ.

Офицеръ подмигнулъ еще веселѣе. Штааль покраснѣлъ и нахмурился. Ему было досадно, что она сказала «съ ними».

— Я подожду... Я сейчасъ, — сказалъ онъ офицерамъ, точно они настаивали на его немедленномъ уходѣ. Офицеръ улыбнулся весело, отдалъ честь и отступилъ отъ окна.

— Нѣтъ, нѣтъ, идите и вы, сударь, — сказала прямо Настенькѣ, тѣмъ тономъ, которымъ она когда-то говорила на сценѣ. — Въ походѣ опаздывать не годится.

Подчиняясь ея тону, Штааль поцѣловалъ ей руку и быстро взглянулъ въ окно: офицеры со смѣхомъ шли къ рѣкѣ. Штааль быстро отошелъ отъ окна, крѣпко обнялъ Настеньку и выбѣжалъ изъ избы. Несмотря на то, что онъ былъ тронутъ и взволнованъ, онъ слѣдилъ за собой: не вышелъ, а выбѣжалъ и на порогѣ оглянулся въ послѣдній разъ на Настеньку. Но старухѣ онъ не догадался дать на чай и услышалъ вдогонку ея злобное бормотанье. «Вернуться. дать ей?...

Богъ съ ней, не надо возвращаться», — подумалъ онъ, нагоняя у рѣчки офицеровъ. Они что-то весело говорили, о чемъ-то его спрашивали. Но онъ плохо понималъ и улыбался неопредѣленно, чувствуя, что случилось событіе очень важное и неясное, о которомъ еще говорить не надо.

— Шагу, дѣти, шагу, — сказали бойкій офицеръ, сворачивая вправо на Strada Regina. Имъ навстрѣчу въ сопровожденіи свиты мальчишекъ, испуганно слѣдовавшей поодаль, шелъ высокій штатскій чловѣкъ въ плащѣ. Онъ оживленно жестикулировалъ и говорилъ самъ съ собою вслухъ. Офицеры смотрѣли на него съ недоумѣніемъ. Штааль узналъ Баратаева. — на ходу перемѣнилъ ногу и не успѣлъ сообразить, что нужно дѣлать, какъ тотъ уже оказался далеко. Мальчишки разбились: часть пошла за страннымъ старикомъ, часть за молодыми въ мундирахъ.

— Полоумный какой-то, — сказалъ одинъ изъ офицеровъ, не понижая голоса.

— Ну, ты потише, — весело прошепталъ другой. — Смотри, письма не передастъ папашѣ, вотъ ты и денегъ не получишь.

— У тебя возьму взаймы.

— И не отдашь.

— Отдамъ на томъ свѣтѣ угольками.

VI.

Къ вечеру погода испортилась. Небо густо заволокло тучами, стало холодно и пошелъ осенній дождь, который видимо зарядилъ надолго. Офицеры разошлись по палаткамъ раньше обыкновеннаго. Встать надо было въ четыре утра и еще требовалось уложить вещи. Велѣно было весь багажъ, въ изо-

билін привезенный изъ Россіи богатыми людьми, отправить на склады въ Лугано, а съ собой взять только самыя необходимыя вещи, продовольствіе и теплое платье. Между офицерами шель долгій споръ, какія вещи считать самыми необходимыми и какое взять продовольствіе. Одинъ изъ австрійцевъ, жившихъ съ Штаалемъ, въ этотъ день съѣздивъ въ Лугано и привезъ оттуда то, что ему представлялось необходимымъ: здѣсь были и окорокъ, и колбасы, и бисквиты, и шоколадъ, и банки съ разными консервами, и немалое число бутылокъ. Была даже какая-то громадная птица въ желе. Австріецъ объяснялъ, что въ горахъ, гдѣ, всѣ говорятъ, холодно, птица навѣрное не испортится въ нѣсколько дней и очень можетъ пригодиться. Напитки тоже имѣли каждый свое назначеніе; одни согрѣвали, другіе освежали: если въ горахъ было холодно, то за горами въ долинахъ могло быть и жарко, а въ Швейцаріи вино отвратительное. Когда запасы были сложены и завязаны, оказалось, что везти ихъ съ собой невозможно. Пришлось снова все развязать, а такъ какъ бросать не хотѣли, то съ семи часовъ началось уничтоженіе запасовъ, въ которомъ приняли участіе офицеры изъ сосѣднихъ шалатокъ. Къ концу вечера изъ того, что было рѣшено взять съ собой, оставалось не болѣе половины и гостепріимный хозяинъ, бывший немного навеселѣ, объяснялъ, что на верховой лошади все равно ничего не увезешь, а докупить можно будетъ и въ дорогѣ.

Штааль, опоздавшій къ сбору и получившій выговоръ, вернулся домой поздно. Въ палаткѣ уже горѣлъ фонарь, было грязно и мокро. Хозяева и нѣсколько человѣкъ гостей играли въ тарокъ передъ боченкомъ, на которомъ стоялъ фонарь. Играли весело, съ прибаутками и съ остротами. Веселье и безпорядокъ въ палаткѣ, брошенные пустыя бутылки и банки, запахъ ѣды и гари, непріятно подѣй-

ствовали на Штааля. Гостепріимный австріецъ, на минуту оторвавшись отъ картъ, любезно спросилъ его, отчего онъ въ плохомъ настроеніи. Какъ всегда бываетъ, вопросъ этотъ немедленно твердо установилъ и усилилъ дурное настроеніе вошедшаго, которое безъ того, быть можетъ, скоро разсѣялось бы. Штааль кратко отвѣтилъ, что, напротивъ, онъ, какъ всегда передъ походомъ, въ самомъ лучшемъ настроеніи, въ изысканныхъ выраженіяхъ отказался отъ вина (хотя ему хотѣлось выпить) и, отойдя къ своей койкѣ, сталъ демонстративно хмуро укладывать въ одѣяло вещи. Укладывалъ онъ ихъ плохо, и криво завязанный ремнями узелъ имѣлъ некрасивый раздражающій видъ. Одинъ изъ ремней сползалъ на узкій край одѣяла: было ясно, что все тотчасъ развяжется. Но Штааль удовлетворился понесеннымъ трудомъ, положилъ узелъ на койку и легъ наискось, такъ что ноги висѣли надъ краемъ койки. Ему хотѣлось снять мокрые сапоги, но это было слишкомъ утомительно, да и невовко при гостяхъ. Онъ собирался подумать о томъ, что съ нимъ случилось, но отложилъ это до наступленія ночи. Штааль все больше сердился на гостей и на своихъ сожителей. Слушалъ, какъ они переговаривались играя, и думалъ, что прибаутки ихъ не остроумны: вѣроятно, такъ же шутили за тарокомъ ихъ дѣды и прадѣды. Гости почувствовали недоброежелательство одного изъ хозяевъ, да и часъ былъ поздній: игра скоро кончилась, офицеры стали расходиться. Передъ пологомъ палатки они плотно закутывались въ плащи и какъ по командѣ говорили „Allewetter!...“ Это восклицаніе казалось Штаалю очень глупымъ.

Австрійцы-хозяева, переговариваясь вполголоса изъ уваженія къ дурному настроенію Штааля, раздѣлись и легли. Затѣмъ одинъ приподнялся и что-то пробормотавъ, задулъ фонарь. Штааль ра-

возлился, что австріецъ это сдѣлалъ не спросивъ его, — хоть и было ясно, что свѣтъ не нуженъ человѣку, лежащему на койкѣ съ закрытыми глазами и съ измученнымъ видомъ. Штааль хотѣлъ было вновь зажечь фонарь, но раздумалъ, сѣлъ на постель, снялъ мундиръ и, приготовившись къ большому усилюю, стащилъ съ себя узкіе мокрые сапоги, не прикасаясь къ нимъ руками. Морщась отъ боли надъ пятками онъ снова легъ. Ногамъ было холодно. Штааль подсунулъ ихъ подъ край узла. Такъ ему показалось лучше. Онъ устало вытянулся назадъ головою и облегченно подумалъ, что передъ нимъ еще нѣсколько часовъ отдыха. Теперь можно было обсудить то, что случилось. Онъ собралъ мысли, колеблясь, съ чего начать обсужденіе. Но вниманіе его тотчасъ отвлекъ узелъ, давившій на лѣвую ногу. «Надо бы поправить... А то развязать и вытащить одѣяло?» — спросилъ онъ себя. — «Нѣтъ не стоитъ... Да, да, надо теперь же все обдумать, какъ слѣдуетъ. Потомъ будетъ некогда... Завтра ночуемъ въ Мурильо... Нѣтъ, чортъ, въ Айроло. Мурильо это живописецъ... Еще я какую-то его божественную картину видѣлъ у Александра Андреевича, — жалъ старика... Что же Иванчукъ теперь будетъ дѣлать? Ну, онъ не пропадетъ — и деньжонокъ вѣрно перебралъ у покойнаго не мало. Кралъ онъ или не кралъ? Вѣрно кралъ... Ну, и пусть, мнѣ то что? Зато онъ теперь вольный человѣкъ, не то что я... А я вотъ и не кралъ, а, быть можетъ, и обо мнѣ такъ говорятъ... Ну, нѣтъ, этого не говорить.. Такъ какъ же Настенька? Надо обдумать»...

Его разбудилъ грохотъ барабановъ. Одинъ изъ австрійцевъ всталъ, разразился проклятьями, пріоткрылъ пологъ палатки и принялся поспѣшно одѣваться. Едва разсвѣтало. Было очень холодно. За пологомъ слышалось паденье рѣдкихъ капель дождя. Слева отъ палатки шумъ былъ другой, — тамъ оче-

видно стояла большая лужа. Когда австрійцы вышли, Штааль одѣлся, стуча зубами отъ холода. Умыться было невозможно. Онъ провелъ по сухимъ волосамъ сухимъ гребнемъ, вырвалъ нѣсколько волосъ, подошелъ къ боченку, на которомъ стояли остатки ужина. Ни ѣсть, ни пить ему не хотѣлось. Голова была тяжелая. Барабанъ все мучительно гремѣлъ. Штааль зѣвнуль, сунуль зачѣмъ-то въ карманъ лежавшую на боченкѣ колючу картъ въ футлярѣ и взявъ съ постели свой узелъ. Ремень тотчасъ сползъ. Штааль ожесточенно его поправилъ какъ умѣлъ, надѣлъ плащъ и вышелъ изъ палатки. Земля совершенно размокла: дождь шелъ всю ночь. По холму внизъ пробѣгали офицеры, на ходу оправляя подъ плащами мундиры и шпаги.

Барабанъ замолкъ. Становилось свѣтлѣе. Съ холма были видны на дорогѣ небольшіе отряды казаковъ, уже выѣзжавшіе впередъ по направленію къ горамъ. Какой-то офицеръ кричалъ что-то страшнымъ горловымъ голосомъ, какъ во всемъ мірѣ умѣютъ кричать одни нѣмцы: оказалось, что одинъ изъ казаковъ, будто бы больной, не явился къ сбору, — его пришлось оставить въ Таверне до выздоровленія.*)

Штааль занять мѣсто у своей роты. Передъ ней незнакомый полковникъ штаба, видно въ десятый разъ, пропускалъ одну за другой колонны, читалъ приказъ, съ сильнымъ кавказскимъ акцентомъ, вызывавшимъ улыбки офицеровъ. Большинство солдатъ смотрѣло на читавшаго, не понимая ни слова ити понимая все по своему. Раздалась команда.

*) Казакъ этотъ навсегда остался въ деревнѣ, женился на мѣстной уроженкѣ и положилъ начало доброй швейцарской семьѣ, принявшей фамилію Лерюссъ. Въ бытность свою въ Таверне пишущій это, заинтересованный рѣдкимъ случаемъ „эмиграціи“, тщетно пытался, спрашивая стариковъ, дѣды которыхъ помнили Суворова, разыскать потомство тавернскаго казака.

Авторъ.

Колонна двинулась. Порядокъ соблюдался не строго. Офицеры ѣхали гдѣ кто хотѣлъ. У поворота дороги стояла кучка тавернскихъ жителей. Они радостно прощались съ войсками и выкрикивали непонятныя слова привѣтствія. Штааль проѣхалъ дальше и оглянулся назадъ, прощаясь съ деревней. Ему стало жалко, что онъ никогда больше ея не увидитъ. Приподнявшись въ стременахъ, онъ смотрѣлъ въ направленіи розовой избы, и вдругъ увидѣлъ Настеньку шагахъ въ двадцати отъ себя, въ кучкѣ людей, стоявшихъ у поворота дороги. Она смотрѣла ему вслѣдъ. Въ ту же минуту ее заслонили мулы, выѣзжавшіе впередъ съ легкими горными орудіями. Штааль успѣлъ только увидѣть, какъ она отшатнулась со всей кучкой, чтобы не быть забрызганной грязью. Мулы скакали смѣшнымъ галопомъ, переступая обѣими задними ногами сразу за стѣды переднихъ. Солдаты удивленно смѣялись. Впереди заиграла веселая музыка. Суворовская армія начинала походъ.

VII.

Пастухъ, приносившій изъ Айроло разные продукты въ страннопріимный домъ, расположенный на вершинѣ Сень-Готардскаго перевала, съ рискомъ для жизни гналъ вверхъ своего мула. Онъ хотѣлъ первымъ сообщить настоятелю, что въ горы, по направленію къ убѣжищу, поднимается огромная московская армія, подъ начальствомъ царскаго сына и престарѣлаго князя Сульвара. Но пастухъ напрасно такъ торопился. Капуцины, содержавшіе страннопріимный домъ, уже знали новость и растерянно о ней говорили.

Они очень смутно понимали то, что дѣлалось вблизи. Извѣстія не скоро и не часто доходили въ

убѣжище, расположенное на высотѣ семи тысячъ футовъ надъ землею. Монахи, жившіе десятилѣтія на вершинѣ страшнаго перевала, почти никого не видали, кромѣ путниковъ, которыхъ ночь заставляла въ горахъ. О войнѣ, причинившей имъ много бѣдъ, они узнали безъ всякаго интереса: французы были безбожники, а русскіе еретики.

Въ этотъ день все утро въ монастырь доносился снизу отдаленный гулъ выстрѣловъ, повторяемый горнымъ эхомъ. Къ полудню въ страннопріимномъ домѣ появился небольшой французскій отрядъ. Офицеръ предупредилъ монаховъ, что русская армія собирается перейти черезъ Сенъ-Готардъ, и приказалъ немедленно уничтожить всѣ запасы. Старикъ-настоятель безпомощно улыбался, слушая этотъ приказъ: какіе запасы могли быть для арміи въ страннопріимномъ домѣ? Начальникъ отряда самъ это понялъ. Военный долгъ собственно предписывалъ ему сжечь до тла монастырь. Офицеръ былъ свободомыслящій и не любилъ монаховъ. Но на него подѣйствовала мрачная поэзія убѣжища. Онъ представилъ себѣ людей, застигнутыхъ зимней ночью въ горахъ, и приказалъ своимъ солдатамъ не трогать страннопріимнаго дома.

Самъ онъ занялся непонятнымъ дѣломъ. На горѣ втащили какой-то треножникъ съ высокими шестами, офицеръ поднялся на лѣсенку и долго передвигалъ на шестахъ деревянную ручку. Солдаты объяснили капуцину, который принесъ лѣсенку, что это новое французское изобрѣтеніе, — телеграфъ, — что офицеръ передаетъ сигналы главнокомандующему и что къ вечеру его донесеніе будетъ извѣстно въ Парижѣ. Но разсказывали они это безъ большой увѣренности въ тонѣ. Капуцинъ не повѣрилъ ни одному слову. Кончивъ свое дѣло, офицеръ строго приказалъ монахамъ не давать русскому генералу никакихъ свѣдѣній и поспѣшно удалился со своимъ отрядомъ

по направленію къ Госпенталю. Гуль выстрѣловъ стихъ къ срединѣ дня. Въ это время и прибылъ пастухъ. По его словамъ, московитскую армію можно было ждать къ вечеру. Монахи поспѣшно загнали въ хлѣвъ коровъ и посадили на цѣпь собакъ.

Уже наступала темнота, когда вдали послышался глухой гуль. Настоятель приказалъ звонить въ колоколь и, надѣвъ на голову кашюшонъ, вышелъ съ братіей изъ убѣжища. Гуль все усиливался. Лаяли собаки. Съ радостнымъ карканьемъ пронеслась огромная стая воронъ. Черезъ нѣсколько минутъ, слѣва, на тропинкѣ показались люди съ ружьями въ рукахъ, ѣхавшіе гуськомъ на маленькихъ лошадяхъ. Они постояли съ минуту, всматриваясь въ убѣжище, затѣмъ повернули назадъ и скрылись. А еще черезъ минутъ пять изъ-за огромныхъ каменныхъ скалъ, лежавшихъ у поворота спускавшейся въ Айроло дороги, медленно стала вытягиваться длинная безконечная лента конныхъ и пѣшихъ людей. Измученно они шли одинъ за другимъ: по Сенъ-Готардской тропинкѣ трудно было идти рядомъ двумъ человѣкамъ. День какъ разъ кончился. Видный днемъ на этихъ высотахъ блѣдносѣрый, ватный, полукругъ луны быстро наливался золотомъ.

Монахи зажгли фонари и, опираясь на высокія палки, пошли внизъ по дорогѣ навстрѣчу наступающей арміи. Пройдя шаговъ двѣсти, они остановились. Къ нимъ шагомъ подъѣзжалъ сѣдой старикъ въ плащѣ поверхъ бѣлой рубахи. Несмотря на его странный костюмъ, настоятель тотчасъ увидѣлъ, что это главный начальникъ арміи. По возрасту онъ не могъ быть царскимъ сыномъ. Монахъ понялъ, что это и есть князь Сульвара. Приблизившись и разсмотрѣвъ съ видимымъ любопытствомъ процессію, русскій князь слѣзъ съ лошади, отдалъ поводья угрюмому старику, который по этой дорогѣ умудрялся идти пѣшкомъ рядомъ съ нимъ, и по-

чтительно подошелъ подъ благословеніе къ настоятелю. Лента людей на мгновенъе стала неподвижной.

Войска стягивались болѣе часа. Человѣкъ десять генераловъ могли найти пріютъ въ убѣжищѣ. Армія расположилась въ котловинѣ, на берегахъ крошечныхъ озеръ, окружавшихъ страннопріимный домъ, и дальше по склону горъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ не рѣшались подойти ближе къ убѣжищу, — ихъ напугалъ видъ этихъ шедшихъ съ фонарями, подъ колокольный звонъ, мрачныхъ бородастыхъ людей съ высокими палками, въ коричневыхъ рясахъ подпоясанныхъ веревками, въ остроконечныхъ капюшонахъ, въ сандаліяхъ на босую ногу. Развести огни было трудно, деревья не растутъ на Сень-Готардскомъ перевалѣ. Казаки снесли деревянный хлѣвъ и зажгли костры на камняхъ на берегу озеръ. Кто могъ, устроился у огня.

Штааль, пришедшій въ котловину однимъ изъ послѣднихъ, не нашелъ мѣста у костровъ. Еле передвигая ноги, онъ бродилъ, отыскивая уголокъ, гдѣ можно было бы лечь. Штааль дошелъ до того послѣдняго предѣла усталости, когда уже не хочется ни ѣсть, ни пить, ни спать. Онъ весь промокъ, ноги мучительно болѣли, въ сапоги проникла вода: между камнями Сень-Готардской дороги была покрытая мхомъ болотистая земля, въ которой нога увязала по щиколку. Побродивъ съ четверть часа и не найдя мѣста для ночлега, онъ измученно опустился на первый камень, бросилъ на мокрую землю то, что еще оставалось отъ узла, и долго сидѣлъ неподвижно, болѣзненно вспоминая ужасы перехода.

Ровно какъ ножомъ срѣзанный полукругъ луны горѣлъ ослѣпительнымъ синеватымъ свѣтомъ. Въ бездонномъ сѣромъ прорѣзѣ между двухъ камен-

ныхъ волнъ блѣдно сіяли звѣзды. Горы, сливаясь съ тѣнями, возвышались по сторонамъ надъ переваломъ. — казалось, что огромныя чудовища прилегли, выпятивъ горбатую спину, прижавшись къ землѣ хвостомъ и головою. Вокругъ одного изъ чудовищъ какъ змѣя вилось кольцами черное облако. На склонѣ, внизу, оверкнула и исчезла блестящая золотая нитка: мимо узкой горной струи кто-то прошелъ съ фонаремъ. Камни, тысячелѣтіями неподвижно лежавшіе въ котловинѣ, придавали ей видъ огромнаго магометанскаго кладбища. Вода озера быстро дрожала въ черной каменной чашкѣ. Становилось все холоднѣе. Гулъ затихъ, костры догорѣли. Всѣ уже спали. Пепельныя пятна снѣга посинѣли и растворились. Змѣя оторвалась отъ горы и поползла отвѣсно вверхъ. Крутой горбъ чудовища обнажился, точно отчерченный чернымъ карандашемъ. Штааль представилъ себѣ человека на вершинѣ горба — и ему стало страшно. Зубчатое темное облако вдругъ повернуло, валомъ надвинулось на луну, концы его на мгновенье вспыхнули. Затѣмъ все потухло. Фіолетовая ночь стала черной.

«Скорѣй бы внизъ! Ничего вправду нѣтъ красиваго въ этомъ кладбищѣ», — тоскливо подумалъ Штааль, вспоминая, что солдаты съ отвращеніемъ и ужасомъ говорили о горныхъ видахъ, которыми еще восхищались (хоть все меньше) офицеры. Онъ съ усиленіемъ поднялся съ камня. Слева, рядомъ съ пятиугольной стѣной убѣжища мерцалъ странный, непонятный, повисшій въ воздухѣ, огонекъ. «Не пойти ли туда, къ капуцинамъ?» — спросилъ себя Штааль, стуча зубами отъ холода. «Можетъ, пустятъ?...» Идти было неловко и просить непріятно. Вдругъ гдѣ-то закаркала ворона и сразу мысль о ночи на камнѣ разрѣшила сомнѣнія Штааля. Онъ поднялъ узелъ и пошелъ пошатываясь къ убѣжищу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него тихо-вкрад-

чиво зазвонить колокольчикъ. Штааль попятился назадъ: на него медленно двигалось что-то странное, рогатое. «Совсѣмъ измоталась душа», — подумалъ онъ: корова, — единственная оставленная въ живыхъ провіантмейстеромъ арміи, — растерянно моталась по котловинѣ, брэнча подвѣшеннымъ къ ней на кожаномъ хомутѣ колокольчикомъ. Штааль изъ послѣднихъ силъ ускорилъ шаги и приблизился къ страннопріимному дому. Повисшій въ воздухѣ огонекъ оказался фонаремъ на длинныхъ стержняхъ. Въ окнахъ было темно. Штааль остановился передъ тяжелой дубовой дверью, и нерѣшительно потянулъ висѣвшій сбоку на веревкѣ деревянный крестъ. Раздался слабый звонокъ, затѣмъ послышались торопливые шаги. Монахъ, со свѣчей въ рукѣ, открылъ дверь, испуганно взглянулъ въ поздняго гостя, и, придерживая дверь рукой, выслушалъ его сбивчивую просьбу.

— Гдѣ же васъ помѣстить? — сказалъ онъ на швейцарскомъ нарѣчій. — Мы были бы рады, но, вы сами понимаете, все занято.

Въ ермолкѣ, съ зеленымъ передникомъ, со спущеннымъ на спину капюшономъ, съ уютной восковой свѣчей монахъ нисколько не былъ страшенъ. Видъ у него былъ добродушный и испуганный. Вѣтеръ вдругъ ворвался въ убѣжище и задулъ свѣчу. Капюцинъ, тяжело вздохнувъ, отступилъ на шагъ и выпустилъ дверь изъ рукъ. Штааль счелъ это приглашеніемъ. Онъ переступилъ порогъ, сбросилъ узелъ на каменный полъ и въ изнеможеніи прислонился спиною къ стѣнѣ. Монахъ, поднявшись по небольшой лѣстницѣ, засвѣтилъ свѣчу о ночникъ. За лѣстницей шелъ узкій каменный корридоръ съ рядомъ невысокихъ тяжелыхъ дощатыхъ дверей. Надъ каждой висѣла еловая вѣтка. Внизу въ дверяхъ были продѣланы узкія отверстія. Пахло сыростью погреба и — едва слышно — ладаномъ.

— Нѣтъ мѣста. все занято, — сказалъ рѣшительно капуцинъ.

— Можетъ быть, здѣсь въ корридорѣ?... — спросилъ дрогнувшимъ голосомъ Штааль.

— Нѣтъ, здѣсь нельзя, — испуганно отвѣтилъ монахъ.

— Тогда простите, что васъ потревожилъ, — проговорилъ отрывисто Штааль, стуча зубами.

Капуцинъ взглянулъ въ его измученное, сонливое лицо.

— Какъ же быть, если вы больны? — сказалъ онъ, хотя Штааль ни слова не сказалъ о болѣзни. Монахъ очевидно искалъ законной причины для того, чтобы исполнить его желаніе. — Въ самомъ дѣлѣ, очень холодная ночь.

Онъ подумалъ и подошелъ къ полкѣ подъ второй лѣстницей. На ней стояли лампы, подсвѣчники, что-то еще. Отыскавъ ключъ, капуцинъ отперъ маленькую дверь противъ лѣстницы, протянулъ въ чуланъ руку со свѣчей и повернулся къ Штаалю.

— Развѣ здѣсь помѣститъ васъ? — сказалъ онъ неувѣренно.

Чуланъ былъ крошечный съ покатымъ потолкомъ, съ котораго спускалась толстая веревка. Воскъ полился со свѣчи, пламя потянулось къ двери, внизъ: вѣтеръ сильно дулъ сверху. Штааль увидѣлъ, что веревка проходила черезъ сдѣланное въ потолкѣ отверстіе. Въ чуланѣ было крошечное окно. Это Штааль замѣтилъ позже, — теперь онъ видѣлъ лишь одно: въ каморкѣ можно было лечь. Онъ горячо поблагодарилъ монаха.

— Что-жъ, я думаю, вы можете здѣсь провести ночь? — сказалъ капуцинъ. — Мы отсюда звонимъ. Веревка идетъ къ колоколу, что надъ крышей дома.

Онъ вернулся къ полкѣ, зажегъ другой фонарь и поставилъ его на полъ чулана.

— Въ самомъ дѣлѣ, очень холодно, — повтори́лъ онъ, все еще убѣждая себя въ томъ, что иначе поступить было невозможно.

Штааль продолжалъ благодарить. Капуцинъ очевидно тронутый, куда-то поспѣшно вышелъ. Черезъ минуту онъ принесъ толстое коричневое одѣяло, благодушно взглянулъ на гостя, видимо ожидая новыхъ изъясненій восторга, затѣмъ пожелалъ доброй ночи и удалился. Штааль внесъ въ чуланъ свой узелъ, заперъ дверь и съ наслажденіемъ припаялся устраиваться на ночь. Повернуться въ каморкѣ было очень трудно. Но крошечные размѣры и дѣлали ее уютной. Онъ разостлалъ на полу одѣяло, осторожно поставилъ фонарь такъ, чтобы не надѣлать пожара, затѣмъ снялъ сапоги, изъ которыхъ полилась вода, вытеръ ноги, легъ и накрылся плащомъ, подоткнувъ подъ себя края. Было все таки очень холодно; видно было дыханье. Штааль всталъ, развязалъ узелъ и попробовалъ заткнуть платкомъ отверстіе въ потолокъ, осторожно придерживая рукой веревку у края дыры. Какъ только онъ легъ, платокъ вывалился, пламя свѣчи метнулось внизъ. Штааль съ проклятьемъ закутался снова въ плащъ.

VIII.

Онъ лежалъ съ полчаса, не закрывая глазъ, подложивъ подъ голову руки, чтобы согрѣть ихъ. Вдругъ онъ растерянно приподнялся на локтѣ, — вспомнилъ, что не завелъ часовъ. Почему-то это чрезвычайно его испугало. Штааль поспѣшно наклонился къ фонарю, такъ что на лбу почувствовалъ пріятный жаръ свѣчи, разыскалъ ключъ и завелъ часы, убѣдившись, что они не промокли въ карманѣ. Грѣя руки надъ свѣчей, онъ сталъ собирать, какія

еще вещи остались цѣлы, — и внезапно, съ невыносимымъ ужасомъ, увидѣлъ передъ собой ту часть сенъ-готардской тропинки, гдѣ впервые на его глазахъ, шагахъ въ двадцати разстоянія, лошадь оборвалась въ бездну. Онъ не слышалъ паденія ея тѣла, слышалъ только глухой стонъ, пронесшійся по цѣпи солдатъ. Тропинка въ этомъ мѣстѣ имѣла не болѣе шага въ ширину. Штааль самъ не понималъ, какъ онъ могъ здѣсь пройти, — у него въ Петербургѣ кружилась голова на высокихъ балконахъ. Помнить, что впереди него передъ этимъ мѣстомъ казакъ сползъ съ коня назадъ черезъ хвостъ, такъ какъ на бокъ слѣзть было невозможно: слѣва была отвѣсная стѣна, а справа — бездна. Помнилъ, что онъ самъ проползъ по этому страшному мѣсту, прижавшись къ скалѣ и судорожно вцѣпившись въ руку шедшаго впереди солдата. Свою лошадь, съ привязанной къ сѣдлу шкатулкой, онъ отдалъ знакомому артиллеристу еще въ самомъ началѣ перехода, какъ только увидѣлъ, что такое Альпы. Потомъ на глазахъ Штаалья падали въ бездонныя пропасти не только лошади, но и люди. На это въ концѣ перехода уже почти не обращали вниманія.

Суворовъ всю дорогу ѣхалъ верхомъ впереди, въ старомъ плащѣ, который въ арміи именовался родительскимъ. Въ самыхъ ужасныхъ мѣстахъ фельдмаршалъ проѣзжалъ надъ пропастями такъ же хладнокровно, какъ проходили надъ ними тавернскіе мулы. Онъ и теперь не остался на ночь въ убѣжищѣ, а, пообедавъ съ монахами, въ сопровожденіи проводника Гаммы и конвоя зачѣмъ-то вернулся въ Айроло, — говорили, по дѣлу, но скорѣе всего для того, чтобы ободрить своимъ примѣромъ солдатъ, которыхъ сильно напугали Альпы, или чтобъ крѣпче закалить самого себя (ему еще казалось мало). Объ этомъ возвращеніи семидесятилѣтняго старика по такой дорогѣ темной ночью Штааль не могъ поду-

мать безъ смѣшаннаго чувства ужаса, удивленія и гордости. «Нѣтъ предѣла человѣческой храбрости... Да, все безпредѣльно въ людяхъ», — думалъ Штааль, съ содроганіемъ вспоминая, какъ на его глазахъ казаки перестрѣляли плѣнныхъ французовъ: дѣлать съ ними было нечего, — припасовъ не хватало и для своихъ. «Чудеса храбрости, чудеса стойкости, звѣрства, самоотверженія, жестокости, безумія,—это и есть война... Такова и жизнь, только въ ней все мельче. Война—ускоренная, удесятеренная жизнь... Поэтому мы и любимъ ее такъ. Да, и я люблю ее... Люблю войну со всѣми ея ужасами, — лишь бы только пройти черезъ это и остаться въ живыхъ и потомъ знать это за собою»...

Въ развязанномъ узелкѣ еще были съѣстные припасы. Ему не хотѣлось ѣсть, но одинокій ужинъ въ холодной каморкѣ имѣлъ въ себѣ печальный уютъ, которымъ онъ утѣшался. Оставались въ сверткѣ бисквиты, ослиная колбаса, немного рома въ фляжкѣ и нѣсколько огарковъ. Штааль приложилъ фляжку къ губамъ и отпилъ большой глотокъ, — пить такъ безъ стакана было тоже пріятно. Затѣмъ онъ откусилъ кусокъ колбасы — и вдругъ почувствовалъ волчій голодъ. Штаалю стали приходить на умъ необыкновенныя блюда съ необыкновенными названіями. — горбъ бизона, посыпанный порошкомъ вмѣсто соли, еще что-то такое. Въ узелкѣ очень скоро остались одни огарки. Тепло медленно лилось отъ обожженнаго горла къ ногамъ, которыя теперь только отошли. Штааль былъ все еще измученъ, но уже другой усталостью. «Въ шкатулкѣ есть еще фляжка... Жаль, что нѣтъ шкатулки. Ну, да тотъ завтра отдастъ», — подумалъ онъ. — «Послѣ Чортова Моста отдастъ, если не убьютъ ни меня, ни его».

Чортовъ Мостъ считался самымъ опаснымъ мѣстомъ похода. Здѣсь французы должны были ока-

затѣ отчаянное сопротивленіе. За мостомъ, по сообщенію австрійскаго штаба, противникъ уже нигдѣ не могъ закрѣпиться. А у Альтдорфа, на люцернскомъ озерѣ, союзники заготовили флотилію, которая въ полной безопасности должна была перевезти куда-то армію на соединеніе со свѣжими войсками Римскаго-Корсакова. Главное было уцѣлѣть на Чортовомъ Мосту. До него теперь было совсемъ близко. Офицеры знали отъ проводниковъ общее устройство этого мѣста. Сначала шла длинная узкая дыра, пробитая въ горѣ: *Ungerloch*. Она вела въ Чортову долину. Тамъ надъ водопадомъ былъ переброшенъ мостъ. «Да, скорѣе всего завтра въ этой дырѣ и убьютъ», — думалъ Штааль. Мысль эта теперь не была ему непріятна. «Ну, и убьютъ, однимъ будетъ меньше», — презрительно сказалъ онъ вслухъ. Въ душѣ онъ не вѣрилъ, что будетъ убитъ, и думалъ о предстоявшемъ днѣ не какъ о концѣ жизни, а, напротивъ, какъ о началѣ чего-то новаго. Самое названіе Чортовъ Мостъ ему нравилось и волновало его, будто мостъ этотъ былъ какой-то аллегорическій, вродѣ тѣхъ, что бываютъ въ старыхъ умныхъ книгахъ. «Да, мостъ въ новую жизнь... Развѣ я зналъ прежде, что такое жизнь? Развѣ они въ Петербургѣ знаютъ?...»

Онъ внезапно почувствовалъ безпокойство, — въ его сознаніи проскочилъ вчерашній Питеръ. Штааль вспомнилъ, что еще не подумалъ какъ слѣдуетъ о своей встрѣчѣ съ Настенькой. Но здѣсь, въ чуланѣ убѣжища капуциновъ, послѣ перехода по Сень-Готардской тропинкѣ, онъ ясно чувствовалъ, что все это, и неожиданная встрѣча, и сама Настенька, имѣютъ очень мало значенія, — это было уже далекое прошлое.

«Старикъ Ламоръ говорилъ мнѣ когда-то: не бойтесь вы женщинъ, которыя ревнуютъ, дѣлаютъ сцены, угрожаютъ, мстятъ. Бойтесь женщинъ, которыя

тихо и кротко любить... Эти — чума....» Вотъ и Настенька такая. она не виновата, конечно. Но и я тоже не виноватъ... Какъ однако я могъ тогда такъ огорчаться въ Миланѣ?» — спрашивалъ онъ себя и, къ удивленію своему, не чувствовалъ прежней ненависти къ Баратаеву. Это было и пріятно, и немного обидно. «Да, вѣдь, если говорить откровенно, старикъ былъ правъ или почти правъ. Какъ же ему было поступить съ мальчишкой, отбившимъ у него содержанку?...» Штааль нечаянно употребилъ въ мысляхъ слово «содержанка» — и тотчасъ почувствовалъ, что теперь, съ этимъ словомъ, все было кончено. Никакой любви къ Настенькѣ больше не могло быть. «Какъ она измѣнилась! Что онъ съ ней сдѣлалъ! Она и говоритъ теперь по иному.... «Мнѣ недосужно», — это вѣдь его слово, я помню». — «Сколько ей теперь лѣтъ?» — думалъ онъ. — «Тридцать? Не болѣ». Съ цифрами женскаго возраста у Штааля почему-то связывались странныя, довольно опредѣленные представленія: шестнадцать лѣтъ означали задорную шаловливость, семнадцать — мечтательную ласковую грусть, девятнадцать — порывистую задумчивость; восемнадцать лѣтъ почти ничего не означали, — или что-то очень тонкое, стройное, уходящее вверхъ. Въ двадцати пяти годахъ была непріятная развязность (гораздо лучше было имѣть двадцать шесть лѣтъ). Съ цифрой тридцать лѣтъ ничего не связывалось. «Да, ей тридцать, не болѣ. Вѣдь всего два года прошло... Случай насъ съ ней столкнулъ, случай и развелъ. Всегда такъ... Гдѣ Коля Петровъ, гдѣ Дюкро, гдѣ Зоричъ, гдѣ Воронцовъ? Вѣдь и они, тогда казалось, были тѣсно связаны съ моей жизнью. Были и нѣтъ ихъ... Все, все случай. Такъ и завтра въ Чортовой дырѣ убьетъ меня случайная пуля. Настенька поплачетъ, потомъ полюбитъ другого... Ну и пусть»... Штааль ясно себѣ представилъ, какъ

придѣтъ въ Петербургъ извѣстіе объ его смерти. Никто не могъ особенно огорчаться. Но пріятную печаль Штаалъ усиливало сочетаніе словъ, которыя должны были появиться въ вѣдомостяхъ противъ его имени и чина: «паль въ сентябрьскомъ на Чортовомъ Мосту сраженіи».

«Ну, а какъ не убьютъ? Да, это будетъ началомъ моей новой жизни... Мостъ въ новую жизнь, Чортовъ Мостъ въ новую жизнь... Теперь я знаю, что все можно», — думалъ онъ, еще разъ вспоминая, уже безъ всякаго содраганія, какъ казаки приканчивали отбивавшагося на землѣ, кричавшаго страшнымъ голосомъ француза. Снова, непонятно связаный съ этимъ воспоминаніемъ, передъ нимъ появился проѣзжавшій надъ бездной Суворовъ. «Да, я устроюсь по иному, теперь я буду знать, что надо дѣлать», — тревожно и радостно говорилъ себѣ Штаалъ. — «Теперь мнѣ все равно, что они будутъ говорить... Никому до меня нѣтъ дѣла, и мнѣ не будетъ дѣла до другихъ. Главное жить такъ, чтобы ни въ комъ не нуждаться, чтобы во мнѣ нуждались другіе, чтобы меня боялись, чтобы мнѣ завидовали. Теперь пойдетъ по иному. И война только для того была нужна, чтобы мнѣ понять все это... Не бой интересенъ, интересенъ человѣкъ въ бою...»

Огарокъ въ фонарѣ затрещалъ, тѣнь пробѣжала по чулану. Штаалъ повернулся на бокъ, высвободилъ руку изъ подъ шинели, зажегъ другую свѣчу, задулъ выходившій изъ подсвѣчника, купавшійся въ растопленномъ салтѣ, фитилекъ, морщась вытащилъ его за остывшій кончикъ и укрѣпилъ новую свѣчу въ фонарѣ. Усиліе это его утомило, а еще надо было вытереть пальцы: «О шинель или объ его одѣяло? Объ одѣяло конечно, монаху все равно...» Повернуться опять на спину требовало слишкомъ большого труда. Но что-то въ карманѣ мѣшало лежать на боку. Опустить руку въ карманъ было почти не-

мыслимо. «Что бы это могло быть?» — соображать озабоченно Штааль. Онъ сдѣлать отчаянное усилие — и разочарованно вытащилъ изъ кармана картонный футляръ съ колодой картъ; и смотрѣть при свѣчѣ не требовалось, уже въ карманѣ наощупь онъ понималъ, что это тарокъ, захваченный въ Таверне. «Вотъ взялъ необходимую вещь»... Штааль лѣниво сталъ стронуть домикъ лѣвой рукой, которая все равно была выпростана изъ подъ шинели. Двѣ свѣденныя башенки удержались на одѣялѣ; онъ положилъ на нихъ перекладиной еще карту, домикъ тотчасъ обвалился. — «Ну, такъ теперь конецъ, слѣдуетъ выпастись передъ боемъ», — сдѣлать Штааль выводъ, чувствуя, что сейчасъ заснетъ. — «Надо бы потушить свѣчу, еще сторишь живьемъ со всѣмъ этимъ убѣжищемъ»...

Въ странномъ снѣ онъ сознавалъ, что спитъ. Но иногда Штаалю казалось, будто онъ проснулся и ужъ теперь все пошло на яву. На яву происходили вещи очень мучительныя, но вполне понятныя и естественныя. Онъ часто обрывался съ тропинки и летѣлъ внизъ, но не быстро. — подъ звукъ страннаго, чудеснаго музыкальнаго инструмента. Летѣть было очень холодно, особенно рукамъ. Штааль не долеталъ до дна пропасти. На десятой верстѣ его подхватывали люди и медленно поднимали назадъ. Этого не могъ понять казачій офицеръ и спорилъ, и странно было, отчего онъ такъ упрямо спорить. По тропинкѣ, надъ бездною, черезъ тѣло бьющагося француза, проѣзжалъ старикъ-фельдмаршалъ. Штааль пытался пройти за нимъ по тропинкѣ и снова падалъ. Музыка играла Моцарта или скорѣе Палестрину, но то, что очень нравилось когда-то Настенькѣ, въ Венеціи. Настенька тоже тутъ была. Она давно оборвалась въ бездну, еще въ Таверне, тамъ гдѣ были Monti, а не Альпы. И теперь съ ней все было прекрасно. Штааль говорилъ съ ко-

ригчевыми людьми, но они пѣли — и это было очень страшно. Вдругъ сильный толчокъ поразилъ его, сердце рванулось внизъ, Штааль опять безсильно упалъ, — дно пропасти было шершавое, суконное.

Онъ проснулся весь въ поту, растерянно поднялся на локтѣ и замирая отъ страха прислушался. Кто-то игралъ на виржиналѣ мрачную мелодію. «Что такое? Вѣрно, я схожу съ ума», — готовой фразой подумалъ Штааль, прекрасно сознавая, что онъ не сходитъ съ ума и что, въ самомъ дѣлѣ, близко, со-всѣмъ близко отъ него, звучитъ торжественная музыка. Къ виржиналю присоединился негромкій хоръ мужскихъ голосовъ. «Да это капуцины!... Значить, рядомъ ихъ капелла. Идетъ ночная служба»... — подумалъ Штааль, съ ужасомъ прислушиваясь къ пѣнію, тщетно стараясь разобрать слова... Что это? Точно сказка... Хоръ въ монастырѣ надъ облаками... Никто не повѣритъ въ Петербургѣ... Какая страшная мелодія, надо ее запомнить...» Вдругъ пѣніе оборвалось, черезъ секунду замолчало и инструментъ. Штааль жадно ждалъ нѣсколько минутъ. Служба кончилась, мелодія ускользнула. Онъ отчаянно пытался ее возстановить. «Ахъ, какая досада! Такъ и упустилъ навѣки...»

Усталость его прошла, онъ чувствовалъ необычное нервное возбужденіе. Уже разсвѣтало. Вздрагивая отъ холода, Штааль поднялся и задулъ огарокъ. Окно просвѣтлѣло. Штааль прислонился къ нему лицомъ. На высотѣ убѣжища, надъ блеснувшимъ вдали озеромъ, проходило бѣлое облако. Чортовъ Мостъ былъ въ томъ направленіи. Штааль отодвинулся отъ окна. «Развѣ полежать еще подъ шинелью? Нѣтъ, надо понемногу собираться». Онъ разсѣянно сталъ складывать карты. «Не оставлять же въ монастырѣ колоду, это было бы неприлично.» Карты были итальянскія, замысловатыя, по старофранцузскимъ образцамъ, съ

изображеніями рыцарей, музъ, планетъ, чудовищъ, химеръ, чертенятъ. Штааль разглядывалъ ихъ, поднося близко къ глазамъ и къ окну. «Загадать, что ли? Убьютъ меня нынче на Чортовомъ Мосту или нѣтъ?...» Но онъ не зналъ правилъ гранъ-пасіанса. «Если одинацатой сверху выпадетъ фигура, значитъ убьютъ», — рѣшилъ Штааль, оставляя себѣ лишній шансъ: фигуръ въ игрѣ было меньше половины. Волнуясь немного и усмѣхаясь своему волненію, и отмѣчая въ сознаніи, что онъ внутренне усмѣхается. Штааль перетасовалъ колоду, хрустнулъ и провель бортомъ по одѣялу, какъ по сукну ломбернаго стола. Карты зацѣпились о складку и рассыпались. Онъ сложилъ ихъ съ досадой и сталъ отсчитывать. Но въ серединѣ, вглядываясь въ незнакомую фигуру, сбился въ счетѣ, — не могъ вспомнить, семь ли уже вышло картъ или восемь. Однако довелъ дѣло до конца, — одинацатымъ выпалъ разноцвѣтный валетъ Ланцелотъ, съ отвернутой назадъ головой, съ надписью «J'è me l'atout». «Значить, убьютъ. Ну, мы еще посмотримъ, да и въ счетѣ я, кажется, ошибся. Но развѣ тогда такъ писали atout?...» Штааль опять стасовалъ колоду и сталъ отсчитывать наново. Вышла фигура съ девизомъ на ободкѣ „Vive le roy“. Что-то въ изображеніи было знакомо Штаалю, — гдѣ-то давно онъ видѣлъ эту фигуру съ высунутымъ языкомъ и съ рогами. Она ему показалась немного похожей на астролога, который въ Венеціи составилъ его гороскопъ. «Нѣтъ, не то, кажется... Надо будетъ потомъ вспомнить на досугѣ. Хотя какой же досугъ, если нынче убьютъ?» Штааль отложилъ карту и спряталъ ее въ бумажникъ.

IX.

Колонна, къ которой принадлежалъ Штааль, шла одной изъ послѣднихъ и не участвовала ни въ бо-

яхъ при подъемѣ на Сень-Готардъ, ни въ стычкахъ, при спускѣ, у Госпенталя и Андерматта. Когда она спустились на луга между Андерматтомъ и Гешененомъ, французовъ уже не было видно. Чортова долина, по слухамъ, находилась совсѣмъ близко отсюда. Но въ мѣстности не было рѣшительно ничего страшнаго. Повеселѣвшія войска въ ожиданіи фельдмаршала вольно остановились за Андерматтомъ слѣва отъ дороги, на скошенномъ лугу. Все шло хорошо, французы поспѣшно отступали. Особенно пріятно было то, что Сень-Готардскій переваль остался позади. Спускаться было и легче, и веселѣе, чѣмъ подниматься. Стало тепло, хоть небо не совсѣмъ прояснилось. Вокругъ луга, тянулись горы, но и онѣ отсюда казались веселыми. На склонахъ, выстланныхъ темно-зеленымъ ковромъ, росли деревья, снизу казавшіяся приземистыми какъ сны. Далеко наверху виднѣлся кое-гдѣ снѣгъ: точно кто-то нарочно наложилъ въ углубленія и плотно утопталъ эти блестящія ярко-бѣлыя грядки; непонятно было, отчего онѣ не таютъ.

Радостный гулъ пронесся по арміи: слѣва на небѣ паутина разорвалась, брызнуло безъ тепла свѣтомъ осеннее солнце. Все мгновенно преобразилось. Зеленый коверъ сверкнулъ, скалы окрасились въ золотой цвѣтъ, грядки снѣга зажглись на краяхъ порозовѣли. «Нѣтъ, все таки это очень красиво», — подумалъ Штааль, какъ бы оправдываясь, и самъ улынулся: горы направились ему изъ долины. «Ну, да, такъ всегда бываетъ, *c'est très humain*», — сказалъ онъ себѣ наставительно.

Знакомый пѣхотный офицеръ подошелъ къ Штаалю и радостно поздоровался. У офицера этого на лицѣ было необыкновенно энергичное выраженіе, показывавшее, что ему все нипочемъ: онъ нытья трепѣть не можетъ и сейчасъ сдѣлаетъ все, что нужно, и даже гораздо больше. Офицеровъ съ такимъ выра-

женіемъ было довольно много въ арміи Суворова: всѣ знали, что фельдмаршалъ не любитъ немогузнаекъ. Этихъ однако опытный старикъ тоже недолюбливалъ и считалъ опасными людьми. Офицеръ подѣлился своими впечатлѣніями. Конечно, подъемъ былъ труденъ, зато теперь, скоро конецъ. Французы бьются не худо, по штыкового удара не выдерживаютъ. Офицеръ былъ въ той передовой части, которая утромъ очистила Госпенталь и Андерматтъ, и говорилъ объ этомъ боѣ съ пренебрежительной улыбкой. Штааль тревожно спросилъ о Чортовомъ Мостѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ будетъ. Вотъ пріѣдетъ дивный, велитъ двинуться впередъ, мигомъ возьмемъ и Чортовъ Мостъ.

— Да гдѣ же онъ? — спросилъ Штааль, подчиняясь увѣренному тону офицера.

— Сказываютъ, отсюда не болѣе версты.

— Не можетъ быть! Да вѣдь здѣсь ничего нѣтъ страшнаго: ни пропастей, ни водопадовъ, и дыры никакой нѣтъ. Просто веселенькій лутъ на солнышкѣ, — съ недоумѣніемъ сказалъ Штааль.

— Разумѣется, ничего страшнаго... Мастера, я вамъ доложу, наши нытики расписывать враки.

— Ну, я прямо скажу, на Сень-Готардѣ мнѣ было жутко, — произнесъ Штааль, показывая, что ужъ онъ, никакъ не нытикъ, имѣетъ право въ этомъ соизнаваться: такимъ тономъ Суворовъ совѣтовалъ новичкамъ держаться въ бою поближе къ нему и поясняя: «я вѣдь самъ трусь».

— Помилуйте, ничего жуткаго! — сказалъ, слегка улыбаясь, офицеръ. — Пріятное воспоминаніе, больше ничего. Мнѣ одинъ капуцинъ и сувениръ подарилъ. — Онъ вынулъ изъ кармана дощечку съ латинской надписью. — Я его спросилъ, есть ли у нихъ монашенки. Онъ такъ и обмеръ. Потомъ, ничего, разговорились, славный старичокъ...

— *Mulier pulchra est janua diaboli, via iniquitatis, scorpionis percussio*, — бойко прочелъ Штааль.

— А что бы это значило? Вы по латински смыслите? — недовѣрчиво спросилъ офицеръ. — Я ничего не смыслю... Слышали, фельдмаршалъ имѣть за обѣдомъ съ настоятелемъ божественную дискусію, разбилъ его въ прахъ. Такъ и жарилъ изъ отцовъ церкви и все на иностранныхъ языкахъ... Ученая голова старикъ, гдѣ онъ только время беретъ? Что-жъ, или вправду разбираете?

— Какъ же, это очень просто: «хорошенькая женщина — жало скорпіона и чортова отродье», — вольно, но увѣренно перевелъ Штааль изреченіе святого Иеронима.

Офицеръ покатился со смѣху.

— Ну, и забавники-же!.. Надо будетъ въ Альтдорфѣ выпить за его здоровье. Хотите, вмѣстѣ тамъ поужинаемъ? Въ Альтдорфѣ вѣрно есть шампанское.... Идетъ?

— Идетъ, если не убьютъ сейчасъ на Чортовомъ Мосту, — равнодушнымъ тономъ отвѣтилъ Штааль.

— Да полноте....

Команда прервала слова офицера. Всѣ бросились по мѣстамъ, еще не разбирая въ чемъ дѣло. Послѣ минутнаго смятенія колонны выравнялись и замерли. По дорогѣ изъ Андерматта, въ сопровожденіи свиты, медленно ѣхалъ, не здороваясь съ войсками, въ родительскомъ плащѣ и въ круглой широкополой шляпѣ князь Суворовъ. Серьезное, озабоченное выраженіе лица фельдмаршала отразилось усиленной заботой на другихъ лицахъ. Суворовъ остановился на дорогѣ и заговорилъ съ сопровождавшимъ его, верхомъ на мулѣ, старымъ проводникомъ и съ казацкимъ сотникомъ, ѣздившимъ впереди на развѣдку. Затѣмъ фельдмаршалъ свернулъ налѣво и перескочилъ черезъ небольшую капаву съ дороги на дугъ. Мулъ странно прыгнулъ за ло-

падью. Проводникъ показывалъ рукой въ направленіи дороги, шедшей внизъ, съ небольшимъ уклономъ, между лугомъ и откосами зеленыхъ горъ. Вся армія невольно слѣдила за этимъ жестомъ руки проводника. Но впереди ничего не было видно. Суворовъ кивнулъ головой, еще подумалъ и сказалъ что-то ординарцу, который тотчасъ поскакалъ по лугу. Черезъ минуту колонны тронулись. Было велѣно соблюдать совершенную тишину. Часть войскъ вытянулась по дорогѣ, другая слѣдовала лугомъ. Впереди шли орловскіе мушкетеры Мансурова, считавшіеся одной изъ самыхъ лучшихъ частей Суворовской арміи. Солнце снова скрылось. Въ мѣстности, по прежнему, ничего страшнаго не было. Жутко дѣйствовала лишь та необычайная тишина, съ которой двигались полки. Вдругъ послышался легкій гулъ, какъ-будто гдѣ-то, очень далеко впереди, ѣхала по мостовой тяжело нагруженная телега. Что-то пробѣжало по цѣпи войскъ.

«Неужели это Чортовъ водопадъ?» — подумалъ Штааль и оглянулся. Лица у всѣхъ были внимательныя и блѣдныя. — «Ну, да, конечно, водопадъ»... Онъ увидѣлъ, что ихъ часть шла по дорогѣ второю, и со стыдомъ подавилъ въ себѣ непріятное чувство. Но по лугу кавалерійскіе отряды, казаки и піонеры, нѣсколько опередили пѣхоту. Штааль шелъ вдоль откоса, съ края дороги, которая стала ровной. Не замедляя шага, онъ повернулъ голову назадъ и не могъ найти Суворова. Весь лугъ былъ залитъ войсками. «Ну, всѣхъ насъ не перебьютъ», — беззаботно сказалъ Штааль вслухъ. Грохотъ впереди нарасталъ. «Интересно, въ ногу ли идутъ солдаты или нѣтъ?» — спросилъ себя Штааль и тотчасъ подумалъ, что въ этомъ нѣтъ ничего интереснаго. — «Да развѣ въ атаку идутъ въ ногу? Но кого же мы атакуемъ? Можетъ, сейчасъ они появятся? А очень непріятенъ этотъ гулъ»... Онъ

наклонился на ходу и сорвалъ съ откоса два цвѣтка — фіолетовый и желтый. Немедленно еще нѣсколько человѣкъ сдѣлали то же самое, — это почему-то доставило удовольствіе Штаалю. Желтый цвѣтокъ не пахнулъ; у фіолетоваго былъ пріятный терпкій запахъ. «Какіе это цвѣты? Стыдно не знать цвѣтовъ... Надо будетъ подучиться, если не убьютъ...» Оговорка «если не убьютъ» все больше ему нравилась. — «Да, кто же убьетъ? Гдѣ наконецъ французы?» — спрашивалъ онъ себя съ недоумѣніемъ. — «Но рѣшительно ничего нѣтъ страшнаго, вотъ только гуль...» Теперь уже было ясно, что не телѣга это ѣхала по мостовой: все непріятнѣе нарастала грохотъ падающей воды. Впереди ничего не было видно. Батальонъ прошелъ мимо бѣжавшей по откосу узенькой, вершка въ два, горной струи. Вблизи она совсѣмъ не была похожа на серебряныя ленты, которыми издали казались изборозженными горы. Штааль бросилъ цвѣтокъ и, быстро наклонившись, подставилъ руку подъ струю, — вода была очень холодная, такъ что пальцы потомъ ломило нѣсколько секундъ. «Какими я однако пустяками занимаюсь, а что, ежели сейчасъ смерть?» — думалъ онъ, приподнимаясь на цыпочки и внимательно глядя впередъ. Ему показалось, что немного впереди Мансуровскихъ мушкетеровъ, дорога не круто загибается вдоль холмовъ направо. «Да, конечно, сейчасъ будетъ поворотъ», — подумалъ онъ. Сердце у него застучало сильнѣе. Опять что-то пробѣжало по цѣпи. Войска остановились такъ внезапно, что шедшіе сзади наткнулись на переднихъ. Штааль отдѣлился отъ своей роты, нарочно-медленно, съ лѣнливымъ видомъ, подошелъ къ повороту — и замеръ. Передъ нимъ было Урнское подземелье.

Покатая зеленая горы, вдоль которыхъ шла Ан-дерматская дорога, смѣнились страшной цѣпью го-

лыхъ отвѣсныхъ непроходимыхъ скалъ. Шагахъ въ трехстахъ отъ Штааля высилась гигантская стѣна. «Такъ вотъ что!» — чуть не вскрикнулъ онъ. Внизу стѣны, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ нее упиралась дорога, чернѣло отверстіе. «Дыра смерти!» — блѣднѣя сказалъ офицеръ рядомъ съ Штаалемъ. Впереди ревѣлъ водопадъ. Но его не было видно. Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ, у поворота дороги, слѣва, пересѣкая лугъ, неожиданно, непонятно откуда, появлялась за минуту до того незамѣтная, неглубокая рѣка. Она круто поворачивала вдоль дороги и, сверкая пѣной, торопливо пробиралась по камнямъ по направленію къ отвѣсной стѣнѣ. «Вотъ она, Русса», — сказалъ кто-то. Но Штааль и не замѣтилъ сначала рѣки. Онъ не отрывалъ глазъ отъ подземелья, открывавшаго доступъ въ Чортову долину. По тому крошечному мѣсту, которое дыра занимала въ стѣнѣ, можно было судить объ огромной высотѣ отвѣсныхъ скалъ. Уже съ поворота дороги было видно, что Урнское подземелье уходитъ вглубь, подъ угломъ къ Андерматской дорогѣ. «Значить, здѣсь пока нѣтъ опасности», — облегченно подумалъ Штааль: было ясно, что по ту сторону дыры должны находиться французы.

— Что-жъ, какой она можетъ быть длины, эта дыра? — спокойнымъ тономъ спросилъ онъ, ни къ кому въ отдѣльности не обращаясь. Никто не отвѣтилъ. «Если больше минуты бѣжать, конечно вѣрная смерть, не могутъ не убить», — подумалъ онъ. — «Развѣ только ихъ сомнуть мушкетеры...» Офицеръ рядомъ сказалъ, что фельдмаршалъ велѣлъ сдѣлать попытку обойти дыру, да едва ли можно вскарабкаться на эти скалы: придется бить въ лобъ.

Въ эту минуту по лугу сзади, недалеко отъ того мѣста, гдѣ находился Штааль, медленно выѣхалъ мелкой рысью казачій отрядъ. Сигнала не было, но всѣ сразу почувствовали, что это атака. Обогнувъ

мушкетеровъ Мансурова, отрядъ съѣхалъ съ луга на дорогу. Штааль, никогда не выдавшій, какъ идутъ въ атаку казаки, жадно переводилъ взоръ съ отряда на черную дыру подземелья. «Да вѣдь это безуміе! Нельзя туда ворваться верхомъ, они головы разобьютъ о скалы!» — сказалъ онъ, быстро переводя глаза съ дыры на растягивающійся отрядъ и обратно. Рысь все ускорялась и перешла въ галопъ. Средне-вѣковые люди, стоя въ стременихъ, согнувшись, слились съ конями. Вдругъ у первыхъ трехъ казаковъ пики точно сами вырвались изъ бушметовъ, за ними шапки сверкнули въ воздухъ, галопъ перешелъ въ дикій карьеръ и въ ту же секунду раздался ужасный нечеловѣческій визгъ. «Печенѣги!» — промелькнуло въ головѣ у Штаалья. Центавры съ воємъ неслись къ Урнскому подземелью. Штааль еще видѣлъ какъ передъ черной дырой первый казакъ наклонился ниже и, выронивъ пику, исчезъ. И тотчасъ, покрывая ревъ водопада, вой казаковъ, несшееся сзади ура, — что-то съ страшнымъ трескомъ прокатилось по ущелью. Эхо подхватило и понесло между горъ звукъ картечи и быструю трескотню ружейной пальбы.

Штааль позже съ трудомъ могъ связать и объяснить свои воспоминанія. Онъ плохо представлялъ себѣ, какъ была отбита первая пѣхотная атака, въ которой погибла половина батальона мушкетеровъ. Потомъ офицеры говорили, что борьба за Урнское подземелье была лютая и что безъ обхода по горамъ оно не было бы взято. Ясно всю жизнь Штааль помнилъ, какъ недалеко отъ него рожокъ заигралъ сигналъ и генераль Мансуровъ, съ выраженіемъ отчаянья на лицѣ, обернувшись къ солдатамъ, вытаскилъ изъ ноженъ шпагу. Затѣмъ все рванулось впередъ. Люди бѣжали изо всѣхъ силъ, точно бодря себя быстротой бѣга. Ревъ водопада, грохотъ выстрѣловъ, надрывающееся «ура!» смѣшались. Штааль ус-

пѣлъ подумать, что его, быть можетъ, не убьютъ, а только ранять. «Ну, да все равно, тогда растопчутъ свои...» Черная дыра неслась на него съ необыкновенной быстротой. «Да вѣдь мушкетеры не бѣгутъ назадъ, значить смяли, слава Богу!», — еще подумалъ Штааль, подбѣгая къ стѣнѣ съ поднятой шпагой. Онъ въ послѣдній разъ оглянулся на небо («зачѣмъ на небо?»), на землю, что-то заоралъ и исчезъ въ темнотѣ. Его охватила сырость, холодъ, запахъ пороховой гари. Первое мгновенье еще мерцалъ свѣтъ сзади. Затѣмъ впереди блеснуло нѣсколько красныхъ огоньковъ и все потонуло въ темнотѣ и въ дикомъ ревѣ. Штаалья окатило ледяной водой. Онъ вскрикнулъ, метнулся въ сторону, ударился о стѣну и отскочивъ наткнулся на что-то огромное. При мелькнувшемъ снова свѣтѣ красныхъ огоньковъ онъ увидѣлъ струю воды, какъ изъ подъ крана лившуюся сверху со скалистого потолка подземелья, а подъ собой — бившуюся въ судорогахъ лошадь. Штааль сдѣлалъ усиліе, чтобы ступить между ея ногами и брюхомъ, перескочилъ и бросился дальше. Спереди и сзади отъ него по вязкой землѣ, по трупамъ, бѣжали люди. Кто-то сильно его толкнулъ, рядомъ съ нимъ сверкнулъ огонекъ. Обезумѣвшій солдатъ бѣжалъ, приложивъ ружье къ плечу. «Да вѣдь онъ по своимъ бѣть», — подумалъ Штааль, закричалъ дикимъ голосомъ и изъ послѣднихъ силъ бросился дальше вдоль стѣны. Подъ его ногой рванулось что-то живое, на мгновенье онъ повисъ на немъ всей тяжестью, затѣмъ оттолкнулся отъ живого тѣла, почти какъ отъ трамплина когда-то на гимнастикѣ. Впереди блѣдно блеснулъ дневной свѣтъ. Подземелье кончилось.

«Надо будетъ тотчасъ броситься въ сторону, чтобы не быть на линіи выстрѣловъ», — подумалъ Штааль, подбѣгая къ выходу. Это спасло ему жизнь. За Урнскимъ подземельемъ была пропасть. Съ раз-

бѣга онъ не удержался бы на небольшой площадкѣ, отъ которой, круто вправо и внизъ, отходила карнизомъ тропинка. Штааль бросился направо, прижался къ скалѣ и, задыхаясь, обвелъ взоромъ страшную картину. Слева подъ вьющимся столбомъ водяной пыли съ оглушительнымъ ревомъ рвался Чортовъ водопадъ. На днѣ пропасти клокотала по камнямъ бѣлая рѣка. Рейсса, сдавленная со всѣхъ сторонъ отвѣсными горами, бѣшено неслась внизъ по крутому наклону ущелья. По торной стѣлѣ, какъ кривая узкая полотанная палка, тропинка вилась надъ пропастью и изгибаясь спускалась къ каменному мосту. Надъ нимъ, по другую сторону шгнящагося потока отвѣсно возвышался Чортовъ Камень. По голой громадной черной скалѣ туманъ ползъ вверхъ въ узкій просвѣтъ неба. Въ ущельѣ было полутемно и холодно, какъ на разсвѣтѣ осенняго дня. Бой подходилъ къ концу. Французы, оставшіеся на правомъ берегу, между мостомъ и Урнскимъ подземельемъ, были переколоты. Только въ самомъ концѣ тропинки, на площадкѣ недалеко отъ моста, молодой офицеръ въ синемъ мундирѣ, упершись ногами въ огромный камень, почти растянувшись на землѣ, изо всѣхъ силъ грудью и руками толкалъ въ пропасть пушку, которая наполовину повисла надъ водопадомъ. Взбѣсившаяся лошадь безъ сѣдока пронеслась мимо. Къ офицеру бѣжали по полкѣ съ ружьями наперевѣсъ русскіе солдаты. Въ нихъ, на тропинку въ черную дыру подземелья, не переставая, съ моста, съ лѣваго берега и съ высоты Чортова Камня, стрѣляли люди въ синихъ мундирахъ. Штааль вдругъ вспомнилъ, что у него есть пистолетъ. Онъ шагнулъ впередъ и, перебросивъ шпагу въ лѣвую руку, выстрѣлилъ въ офицера, хоть было ясно, что пуля никакъ не можетъ долетѣть до площадки. Пушка тяжело пошатнулась, сорвалась съ края площадки и рухнула внизъ. За

ней полетѣлъ въ пропасть французскій офицеръ. Штааль ахнулъ. Съ того мѣста, гдѣ онъ находился, онъ не видѣлъ паденія тѣла, но за ревомъ водопада, за трескотней выстрѣловъ услышалъ грохотъ пушки, падающей на камни. У моста отчаянно-быстро работали французскіе саперы. Они успѣли уничтожить второй пролетъ. Но первая, главная арка осталась цѣлой. Къ мосту уже подбѣгали русскіе солдаты. Лошади на тропинкѣ больше не было.

Страшное ущелье вдругъ освѣтилось. Отвѣсныя скалы вспыхнули золотомъ. Лучи скрытаго за горами солнца прорѣзались сквозь столбъ водяной пыли. Штааль смотрѣлъ то въ пропасть внизъ, то налѣво на водопадъ, то вверхъ на Чортовъ Камень. Бой былъ конченъ. Непріятель отступилъ къ Альтдорфу. Ущелье между мостомъ и Урнской дырою все больше наполнялось людьми. Русскія войска теперь свободно проходили по подземелью.

Вторая разрушенная арка Чортова Моста шла отъ высокой скалы къ лѣвому берегу. Солдаты перебросили черезъ зіяющій провалъ два откуда-то раздобытыхъ длинныхъ бревна. Ихъ конецъ связали офицерскими шарфами. Подъ мостомъ, перекинувшись съ одного берега на другой, радуга блѣдно засвѣтилась по камнямъ и подъ пѣной. Съ отвѣсной высоты Чортова Камня оставленные тамъ немногочисленные французскіе солдаты еще стрѣляли изрѣдка по мосту. Штааль, невольно искрививъ плечи и шею, смотрѣлъ на нихъ съ тропинки праваго берега. Кто-то вдругъ его окликнулъ. Къ нему подходилъ австрійскій офицеръ, его сожитель по палаткѣ въ Таверне. Оба, здороваясь, одновременно подумали, что объ этой встрѣчѣ на Чортовомъ Мосту, съ обнаженными шпагами, пріятно будетъ вспоминать всю жизнь.

— Ist schön? — прокричалъ австріецъ, показывая шпагой на ущелье.

— Теперь конецъ, — сказалъ хрипло Штааль.

Съ высоты противъ нихъ раздалось одинъ за другимъ нѣсколько выстрѣловъ. Австріецъ началъ головой, что-то сказать, но не докончилъ, показывая жестомъ, что трудно тутъ разговаривать, — и вдругъ нервно отшатнулся къ скалѣ, уставившись глазами на Чортовъ Мостъ. На самомъ концѣ уцѣлѣвшей арки, передъ двумя связанными узенькими бревнами стоялъ, поставивъ на нихъ лѣвую ногу, наклонивъ впередъ голову и плечи, странно раздвинувъ руки, мертвенно блѣдный русскій офицеръ. Штааль узналъ майора князя Мещерскаго. Сзади другой высокій человѣкъ что-то кричалъ, протянувъ руку къ майору. Мещерскій вдругъ шагнулъ впередъ. Высокій офицеръ замеръ съ разинутымъ ртомъ и протянутой впередъ рукою. На высотѣ, на краю обрыва, французы прекратили стрѣльбу. Солдаты въ синемъ мундирѣ, быстро опустивъ ружье, наклонили голову на бокъ. Бревна дрогнули и, приподнявшись, чуть разошлись концами на лѣвомъ берегу. Князь Мещерскій пошатнулся, быстро нагнулся налѣво и, какъ акробатъ на веревкѣ, взмахнулъ разставленными руками, стараясь удержать равновѣсіе надъ пропастью. Австріецъ рядомъ съ Штаалемъ закричалъ что-то непонятное и, уткнувъ шпагу въ землю, искривился такъ же, какъ Мещерскій, но въ правую сторону. Майоръ устоялъ, медленно выпрямился, сдѣлалъ шагъ, другой, затѣмъ быстрымъ движеніемъ, точно угадавъ секретъ, какъ это нужно сдѣлать, перебѣжалъ по бревнамъ на правый берегъ и тамъ послѣ нѣсколькихъ шатающихся шаговъ упалъ на четвереньки. Казакъ по уцѣлѣвшей аркѣ моста, крестясь на ходу, подбѣжалъ къ бревнамъ, бросился впередъ и съ короткимъ отчаяннымъ крикомъ повалился въ пропасть.

Гуль пронесся по тысячной толпѣ людей. Штааль, бѣлый, шагнулъ впередъ и заглянулъ внизъ. На мгновеніе пѣна надъ радугой окрасилась кровью. Рейсса подхватила тѣло и понесла внизъ, бѣшено бросая съ камня на камень. Князь Менцерскій, стоя на колѣняхъ въ двухъ шагахъ отъ обрыва, схватилъ разошедшіеся концы бревенъ и свелъ ихъ, прижимая къ землѣ, пригласная движеньемъ головы оставшихся на первой аркѣ перейти на лѣвый берегъ. Французскіе стрѣлки на вершинѣ Чортова Камня одновременно приложили ружья къ плечу. Раздался залпъ. Менцерскій рванулся съ колѣнъ на ноги, взмахнулъ руками, зашатался и упалъ.

Пристопившись южиной къ скалѣ, тяжело опустивъ руки, Штааль безмысленнымъ взглядомъ смотрѣлъ передъ собой, плохо понимая то, что ему говорилъ австрійскій офицеръ.

— Да, это ущелье одно изъ самыхъ страшныхъ мѣстъ на свѣтѣ, — сказалъ австріецъ. — По швейцарскому повѣрію, его выстроилъ сатана...

— Сатана, — безмысленно, какъ эхо, повторилъ Штааль.

Австрійскій офицеръ поглядѣлъ на него и продолжалъ немного понизивъ голосъ, насколько позволялъ гуль водопада.

— А знаете, я очень боюсь, что мы попали въ ловушку...

Штааль поднялъ голову.

— Говорятъ, Сенъ-Готардская дорога кончается у Альтдорфа.

— Какъ?... Такъ что же? На озерѣ насъ ждетъ флотилія.

— Почему вы знаете? Я сильно сомнѣваюсь... Дай Богъ, конечно. Но если флотиліи нѣтъ, мы окажемся въ мѣшкѣ...

— Этого только не хватало! — глухо сказал Штааль.

— Все равно, останется слава, — сказал офицеръ.

— Останется слава, — повторилъ Штааль, поднимая голову.

Сверху, слѣва «ура» понеслось по ущелью. На тропинкѣ показался фельдмаршалъ. Онъ оглядѣлъ все медленнымъ сумрачнымъ взглядомъ и хмуро пошелъ по направленію къ мосту. Офицеры и солдаты, прижавшись спинами къ скаламъ, надрывались отъ восторженнаго крика. Рядомъ съ Суворовымъ, со стороны пропасти, видимо не совсѣмъ трезвый, шелъ Прохоръ Дубасовъ и ругался самыми ужасными словами.

Фельдмаршалъ не бѣжалъ вприпрыжку какъ обычно и ничего не бормоталъ про себя. Молча, не отвѣчая на привѣтствія, не глядя по сторонамъ, не обращая вниманія на выстрѣлы, Суворовъ шелъ нервной походкой, съ лицомъ измученнымъ и искаженнымъ. Онъ походилъ на человѣка, который только что, послѣ долгихъ часовъ, сбросилъ тяжелую давящую маску... Штааль не сводилъ съ него воспаленныхъ глазъ. За фельдмаршаломъ слѣдовало нѣсколько генераловъ. Розенбергъ, нагибаясь впередъ, что-то говорилъ старику. Суворовъ вдругъ остановился и вскрикнулъ:

— Гдѣ проходитъ олень, тамъ пройдемъ и мы...

Онъ ускорилъ шаги, наклонивъ голову и схватившись рукой за круглую шляпу. Ледяной вѣтеръ вылъ въ Чортовой долині.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ стр. 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.	стр. 5
II.	11
III.	16
IV.	22
V.	31
VI.	41
VII.	51
VIII.	53
IX.	56
X.	61
XI.	70
XII.	75
XIII.	80
XIV.	84

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.	стр. 90
II.	94
III.	103
IV.	108
V.	119
VI.	127
VII.	131
VIII.	136
IX.	140
X.	145
XI.	151
XII.	161
XIII.	165

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.	стр. 170
II.	174
III.	181
IV.	193
V.	202
VI.	209
VII.	215
VIII.	218
IX.	222
X.	225
XI.	229
XII.	237
XIII.	253
XIV.	267
XV.	278
XVI.	288
XVII.	295
XVIII.	299

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.	стр. 315
II.	328
III.	346
IV.	359
V.	368
VI.	376
VII.	381
VIII.	388
IX.	396

КАТАЛОГЪ

Кн-ва

«Слово»

РУССКІЕ КЛАССИКИ

Ам. долл.

А. С. Пушкинъ. Полное собраніе сочиненій, въ 6 томахъ. Цѣна каждого тома	0.30
Всѣ 6 том., въ полухолщ. пер.	4.—
Въ 6 полукожаныхъ перепл.	6.—
Н. В. Гоголь. Полное собраніе сочиненій, въ 10 томахъ. Цѣна каждого тома	0.20
Всѣ 10 том., въ 5 полухолщ. пер.	2.50
Въ 5 полукожаныхъ перепл.	5.—
Н. В. Гоголь. Мертвыя души, въ полухолщ. перепл.	0.50
М. Ю. Лермонтовъ. Полное собраніе сочиненій, въ 4 томахъ. Цѣна каждого тома	0.25
Въ 4 полухолщ. перепл.	2.—
Въ 4 полукожаныхъ перепл.	4.—
И. С. Тургеневъ. Полное собраніе сочиненій, въ 10 томахъ. Цѣна каждого тома	0.30
Въ полухолщ. перепл.	0.40
А. И. Герценъ. Былое и Думы. Въ 5 томахъ	1.50
Въ полухолщ. перепл.	2.50
Въ полукожан. перепл.	5.—
Л. Н. Толстой. Собраніе сочиненій, съ рядомъ портретовъ Л. Н. Толстого. Т.т. I—XI. Цѣна каждого тома	0.30
Въ полухолщ. перепл.	0.40
Л. Н. Толстой. Кругъ чтенія. Въ 2 томахъ. Цѣна за оба тома	0.80
Въ полухолщ. перепл.	1.20
Въ холщ. перепл.	2.—
А. П. Чеховъ. Полное собраніе сочиненій, въ 14 томахъ. Цѣна каждого тома	0.20
Въ полухолщ. перепл.	0.30
Въ 7 полухолщ. перепл.	3.50
Въ 14 полукожаныхъ перепл.	7.—

	Ам. долл.
А. П. Чеховъ. Три сестры	0.05
А. П. Чеховъ. Дядя Ваня	0.05
А. П. Чеховъ. Вишневый садъ	0.05
А. П. Чеховъ. Письма къ О. Л. Книпперъ	1.25
Ө. И. Тютчевъ. Полное собраніе стихотвореній	0.30
Въ полухолщ. перепл.	0.40
Въ полукожан. перепл.	0.60
Байронъ. Мистеріи	0.20

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Александръ Блокъ. Стихотворенія 3 тома. Цѣна за томъ	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Александръ Блокъ. Театръ. (Балаганчикъ. Король на площади. Незнакомка. Дѣйство о Теофилѣ. Роза и Крестъ)	0.50
Бальмонтъ. Изъ міровой поэзіи :	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Бальмонтъ. Зовы древности	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Бальмонтъ. Подъ новымъ серпомъ	0.50
Въ полухолщ. перепл.	0.60
Бунинъ. Крикъ и другіе рассказы	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Бунинъ. Роза Іерихона	1.25
Зинаида Гиппиусъ. Дневникъ	0.30
М. Алдановъ. Девятое термидора	1.50
Борисъ Зайцевъ. Дальній край	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Борисъ Зайцевъ. Улица Св. Николая	0.40
Сологубъ. Заклинательница змѣй	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Валентиновъ. Послѣдніе студенты	0.35
Л. Бакстъ. Сѣровъ и я въ Греціи	0.15
Замятинъ. Огни Св. Доминика	0.25
Собачья доля. Сборникъ рассказовъ А. Ремизова, Е. За- матина, Соколова - Микитова, В. Ирецкаго, В. Шиш- кова	0.25
Андрей Бѣлый. Первое свиданіе	0.25
Кузминъ. Нездѣшніе вечера	0.30
Юлій Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Томъ II и III. Цѣна за каждый томъ	1.—
Степунъ. Основныя проблемы театра	0.35
Въ переплетѣ	0.45

СОВРЕМЕННАЯ ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

	Ам. долл.
Анато́ль Франс . Петруша	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Ромэ́н Ролла́н . Николка Персикъ	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Келлерманъ . Девятое ноября	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Скоттъ . Начало	0.25
Папини . Конченый человѣкъ	0.30

ИСТОРИКО-МЕМУАРНАЯ БИБЛИОТЕКА

Луи Мадля́н . Исторія французской революціи. Въ двухъ томахъ. Цѣна за оба тома	1.—
Въ переплетѣ	1.30
И. О. Левинъ . Эмиграція французской революціи	0.50
Гр. С. Ю. Витте . Воспоминанія. Дѣтство. Царствованіе Александра II и Александра III. (Въ одномъ томѣ).	
— Царствованіе Николая II. (Въ двухъ томахъ).	
Цѣна за каждый томъ	1.25
Въ переплетѣ	1.50
Письма Императрицы Александры Феодоровны къ Императору Николаю II . Въ двухъ томахъ. Цѣна за каждый томъ	0.75
Въ переплетѣ	1.—
Императоръ Николай II . Дневникъ	1.—
Въ переплетѣ	1.25
Генераль А. И. Деникинъ . Очерки Русской Смуты. Томъ третій	2.50
Ген. Ю. Н. Даниловъ . Россія въ мировой войнѣ	2.—
Баронъ Н. Врангель . Воспоминанія. Отъ крѣпостного права до большевиковъ	1.—
М. Палеологъ . Романъ Императора. Александръ II и княгиня Юрьевская	0.50
Императоръ Вильгельмъ II . Событія и образы	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Кронпринцъ Вильгельмъ . Воспоминанія	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Архивъ русской революціи .	
Т.т. I—XVI. Цѣна каждого тома	1.25

Книга о современной Европѣ

Григорій Ландау . Сумерки Европы	0.75
---	------

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА «СЛОВА»

	Дм. долл
Эйнштейнъ. Теорія относительности	0.35
Эйнштейнъ. О физической природѣ пространства	0.25
Эйнштейнъ. Математическія основы теоріи относительности	0.35
Фаянсъ. Радиоактивность	0.35
С. Метальниковъ. Проблема безсмертія и омоложенія въ современной біологій	1.—
П. И. Новгородцевъ. Объ общественномъ идеалѣ	0.75
І. В. Гессенъ. Исканія общественнаго идеала	0.25
Е. Н. Трубецкой. Смыслъ жизни	0.50
А. И. Чупровъ. Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. Съ предисловіемъ А. А. Чупрова	0.30
Туганъ - Барановскій. Соціальныя основы коопераціи	0.75
С. Тотоміанцъ. Основы коопераціи	0.60
С. Тотоміанцъ. Примиреніе труда съ капиталомъ	0.60
М. И. Ростовцевъ. Очеркъ исторіи древняго міра	2.—
С. І. Гессенъ. Основы педагогики	1.25
Въ переплетѣ	1.75
Труды Русскихъ Ученыхъ Заграницей, подъ редакціей проф. А. Каминки.	
Томъ І: Сборникъ статей	0.40
Томъ ІІ: Сборникъ статей	0.60
Томъ ІІІ: А. Н. Закъ. Разверстка государствен-ныхъ долговъ	0.40
Томъ ІV: Проф. Ѳ. В. Тарановскій. Энциклопедія права, изд. ІІ	1.—

ДѢТСКАЯ БИБЛИОТЕКА «СЛОВА»

Афанасьевъ. Русскія дѣтскія сказки. Рисунки П. А. Хен-товой	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Л. Толстой. Избранныя произведенія	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Жуновскій. Избранныя произведенія	0.50
Въ переплетѣ	0.60
И. С. Тургеневъ. Избранныя произведенія	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Ѳ. М. Достоевскій. Избранныя произведенія	0.50
Въ переплетѣ	0.60
А. П. Чеховъ. Избранныя произведенія	0.50
Въ переплетѣ	0.60
М. Первухинъ. Дьяволетто. Разказы для маленькихъ	0.50
Въ переплетѣ	0.60

Ам. долл.

Саха Черный. Дѣтскій островъ. Съ иллюстраціями Бор. Григорьева, въ переплетѣ	1.50
Радуга. Русскіе поэты для дѣтей. Составилъ Саха Чер- ный. Обложка и рисунки К. Л. Богуславской	0.50
Въ переплетѣ	0.60

НОВЫЯ КНИГИ

В. Альбановъ. Между жизнью и смертью. (Дневникъ участника экспедиціи лейтенанта Врусилова)	1.—
Уставъ Гражданскаго Судопроизводства и Положеніе о Нотаріальной Части	1.50
Въ мягкомъ холщевомъ перепл.	2.—
Уставъ Уголовнаго Судопроизводства	1.—
Въ мягкомъ холщевомъ перепл.	1.50
Н. Соколовъ. Убійство царской семьи	2.—
Ген. А. И. Деникинъ. Очерки Русской Смуты. Томъ четвертый	2.50

Въ Германію, Данію, Финляндію, Италію, Латвію, Литву, Голландію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Чехословакію, Люксембургъ и Данцигъ книги по желанію заказчика. высылаются наложеннымъ платежомъ. Въ другія страны — по полученіи стоимости заказа. Деньги могутъ быть посылаемы въ любой котируемой на Берлинской биржѣ валютѣ.

Въ предѣлахъ Германіи книги высылаются бандеролями, а внѣ предѣловъ Германіи — заказными бандеролями. Болѣе крупныя партіи могутъ быть, по желанію заказчика, высылаемы почтовыми посылками.

Пересылка считается по себѣстоимости.

Пересылка производится за страхъ и рискъ покупателя.

Розничная продажа въ книжномъ магазинѣ „СЛОВО“ Berlin W, Wittenbergplatz 3a, Tel. Steinplatz 11240.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ:

LOCOS
BUCHERVERTRIEB-A.G.

BERLIN SW 68, Markgrafenstr. 87

Telephon: Dönhoff 5563, 5564.

Postscheckkonto: Berlin 137729.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

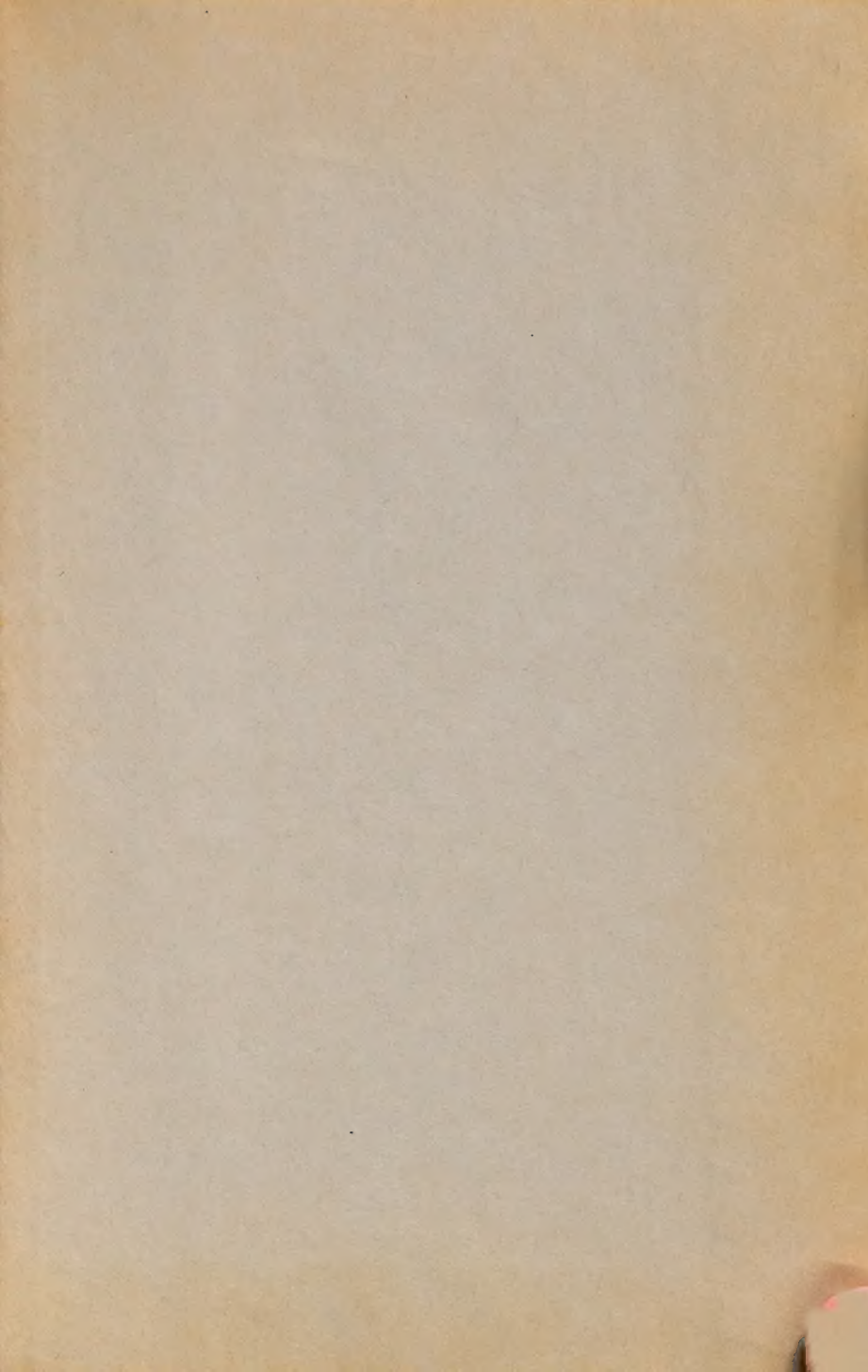
ТОЛСТОЙ И РОЛЛАНЪ. С. Петербургъ. 1914 г.
АРМАГЕДДОНЪ. С. Петербургъ. 1918 г.
ОГОНЬ И ДЫМЪ. Парижъ. 1922 г.
LÉNINE. Paris. 1919.
DEUX RÉVOLUTIONS. Paris 1920.

Серія Мыслитель:

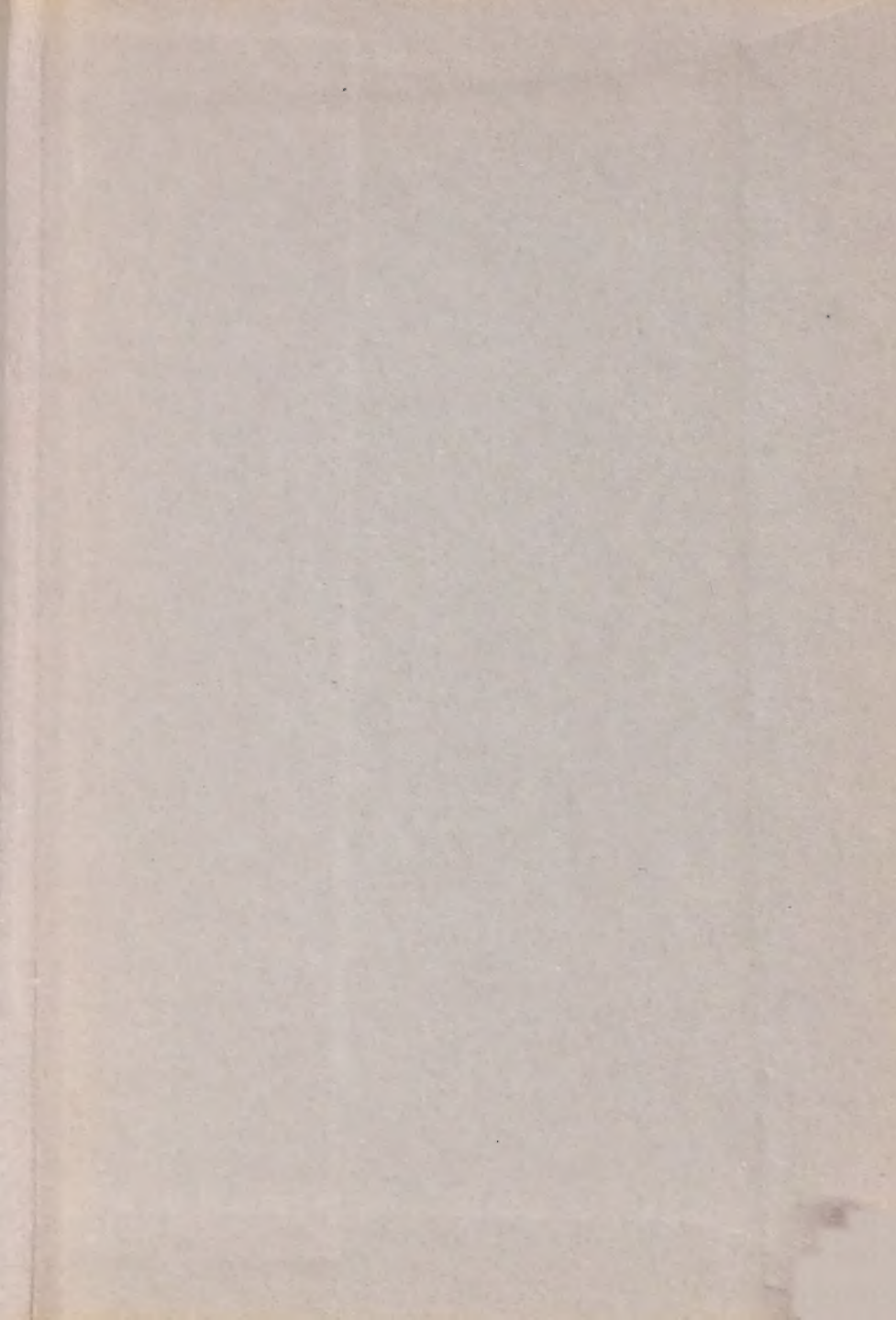
I ДЕВЯТОЕ ТЕРМИДОРА. Изд. Слово. Берл. 1923 г.
II ЧОРТОВЪ МОСТЪ. Изд. Слово. Берл. 1925 г.
IV СВЯТАЯ ЕЛЕНА, МАЛЕНЬКІЙ ОСТРОВЪ (съ иллюстраціями художника Н. В. Пинегина),
изд. Нева. Берлинъ. 1923 г.

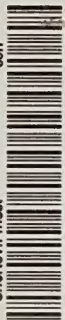

PG 3476.A327C5

Chortovfi most

cen

3 0081 001 041 130